

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАКА В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1970-2010 ГГ.)**

Специальность: 5502.01 – Всеобщая история

Отрасль науки: – История

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора наук

Соискатель: доктор философии по истории, доцент

_____ **Аида Рагим гызы Багирова**

Баку – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I ГЛАВА. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАКА В 70-е гг. XX в.	35
1.1. Политическая обстановка в Ираке накануне прихода партии Баас к власти	35
1.2. Основные векторы «арабской политики» Ирака.....	42
1.3. Отношения Ирака с неарабскими государствами региона.....	65
1.4. Ирак и супердержавы: сотрудничество и противостояние	75
II ГЛАВА. ЗОНА ЗАЛИВА – ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАКА	86
2.1. Осложнение ситуации в зоне Залива и ирако-иранская война ...	86
2.2. Влияние итогов войны на внешнюю политику Ирака	101
2.3. Кувейтский кризис: обострение отношений Ирака с между- народным сообществом	115
III ГЛАВА. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАКА В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА..	141
3.1. Ирак в условиях международных санкций	141
3.2. Сдвиги в региональной политике Ирака	163
IV ГЛАВА. ИРАКСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	193
4.1. Углубление иракского кризиса и война 2003 года.....	193
4.2. Основные векторы внешней политики Ирака в первые послевоенные годы	210
4.3. Ирак в системе региональных отношений в послевоенный период	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	286

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы и степень изученности. Современная история Ирака отличается большими социально-политическими потрясениями. Становление национальной государственности и завоевание политической независимости сопровождались сложными процессами и прошли тяжелый и тернистый путь. В течение почти 40 лет Ирак был оплотом политики Запада на Ближнем Востоке, и столько же понадобилось национальным силам страны, чтобы обрести политическую и экономическую независимость. Положившая начало республиканскому периоду в истории Ирака революция 14 июля 1958 года создала благоприятную перспективу для решения основных задач социально-экономического и политического развития страны, неотложных проблем внутренней и внешней политики. Но основные тенденции развития страны были заложены после прихода к власти партии Баас* в результате переворота 17-30 июля 1968 года. Они ознаменовались выдвижением радикальной националистической партии в качестве руководящей силы общества, которой предстояло решить сложные внутри- и внешнеполитические задачи. Их успешная реализация виделась в создании централизованной партийно-политической системы, способной укрепить руководящую роль этой партии в обществе и создать широкую социальную базу режима.

Баасистское правление, которое продолжалось почти 35 лет, явилось средоточием важных процессов во всех сферах иракского общества; оно также в сжатой форме содержало большую часть тех противоречий, которые определяли неравномерное, подчас зигзагообразное развитие страны. Определяющей тенденцией общественно-политического развития Ирака в период правления партии Баас стало постепенное превращение ее в руководящую силу общества путем создания и развития централизованной системы идеологического, политического и административного управления – системы однопартийной дикта-

* Баас – по-арабски означает «возрождение». Полное название партии – Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ)

туры. Этот процесс сопровождался усилением «баасизации» иракской политической системы, главная суть которой состояла в превращении иракского баасизма в общенациональную идеологию. Этот курс осуществлялся под непосредственным руководством Саддама Хусейна, который впервые в истории страны создал однопартийную систему управления обществом, трансформировавшуюся в его личную диктатуру.

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что на протяжении более 30 лет Ирак и события вокруг него находились в эпицентре мировой политики и международных отношений. На рубеже тысячелетия и первое десятилетие XXI века иракская тематика переживала настоящий «бум»; вокруг нее вертелся маховик мировой политики, привлекая к себе всех без исключения ведущих мировых и региональных акторов. В этом смысле диссертация, посвященная комплексному анализу основных этапов, направлений и векторов внешней политики одного из ключевых государств Ближнего Востока – Ирака в годы правления партии Баас и первые годы после свержения баасистского режима, позволяет проследить не только собственно внешнеполитический курс официального Багдада, но и международные отношения в арабском мире в целом, а также политические процессы на Ближнем Востоке, в особенности в зоне Залива*. Изучение места и роли Ирака в региональной системе и динамике межгосударственных отношений, мировой политике, особенно на рубеже 90-х годов – начале XXI века, когда его интересы перекрестнулись с интересами Запада, в первую очередь США, на глобальном уровне, а также некоторых региональных «центров сил», представляет исключительную актуальность. Поставив во главу угла исследования динамику взаимоотношений Ирака с арабскими и другими странами ближневосточного региона, ведущими государствами Запада и возглавляемым СССР Восточным блоком, эволюцию его внешнеполитического курса, автор сочла целесообразным уделить внимание главным образом политическим аспектам и тем факторам, которые непосредственно влияли на фор-

* В научной и политической литературе этот регион обозначается как зона Персидского, реже – Арабского залива. Во избежание разночтений в дальнейшем мы будем именовать его под общим названием – Залив

мирование внешней политики этой страны. Особое внимание при исследовании данной темы было сосредоточено на анализе борьбы правящей партии Баас за превращение Ирака в государство-лидера арабского мира и «центр силы» на Ближнем Востоке с одновременным претворением в жизнь некоторых идеологических принципов баасизма. Обеспечение стабильного политического руководства способствовало созданию прочной основы для принятия долговременных стратегических установок, имевших целью усилить идейно-политическое влияние Ирака в регионе и осуществить его «особую миссию» в арабском мире. Исследование основных направлений внешней политики Ирака, факторов, сформировавших его внешнеполитический курс на начальном этапе баасистского правления, в годы ирано-иракской войны, кувейтского кризиса и посткризисный период, а также на этапе обострения отношений Ирака с международным сообществом накануне войны 2003 г. и первые послевоенные годы, когда новые власти начали выстраивать отношения с внешним миром, представляет, как научный, так и политологический и прикладной интерес. Отличительной чертой диссертационной работы является рассмотрение вышеуказанных проблем в широком контексте международных отношений на фоне глобальных и региональных тенденций и вызовов.

Исследуемая проблема до настоящего времени не нашла своего комплексного изучения в азербайджанской историографии. Нет специальных научных трудов, призванных дать критический анализ основных направлений и этапов внешней политики Ирака с момента прихода к власти партии Баас и до падения баасистского режима в апреле 2003 года, а также в первые послевоенные годы, показать участие Ирака в решении региональных проблем на основе идейно-политической платформы и принципов баасизма, раскрыть социальную природу эволюции ее внешнеполитических концепций, проследить борьбу правящей партии за превращение Ирака в государство-лидера арабского мира, региональный «центр силы» на фоне геополитических и региональных процессов. Между тем проводимый Ираком внешнеполитический курс был чрезвычайно противоречив и не всегда отвечал национально-государственным интересам

страны, в нем переплетались здоровый прагматизм и авантюризм, сбалансированный подход и чрезмерный радикализм. Поэтому отсутствие специальных научных разработок и обобщающих работ, позволяющих без идеологизации и одностороннего подхода, объективно и непредвзято проследить внешнеполитические шаги официального Багдада на различных этапах, значительно затрудняло анализ ряда узловых проблем политического развития современного Ирака, осложняло ориентировку в сложнейших процессах, происходивших в иракском обществе. Проведение подобного исследования преследует цель восполнить существующий пробел – диссертация является первой попыткой комплексного рассмотрения круга вопросов, связанных с основополагающими принципами внешней политики Ирака и их практическим воплощением в жизнь за время нахождения партии Баас у власти, а также в первые годы после ее свержения в общем контексте международных и региональных отношений.

В процессе работы над диссертацией автор изучил, проанализировал и критически переосмыслил значительное число первоисточников, обобщающих исследований, специальных монографий, мемуарной литературы, а также научных и аналитических статей по исследуемой теме на азербайджанском, русском, английском, турецком и арабском языках. Принимая во внимание специфику исследуемой проблемы, в научный оборот было введено значительное число важных первоисточников.

В ходе работы над диссертацией были тщательно проанализированы многочисленные материалы правящей партии Баас – программы, отчеты и декларации, принятые ее общепарабскими и региональными съездами; внутрипартийные бюллетени, инструкции и аналитические обзоры, распространявшиеся руководящими органами партии по различным вопросам внешней политики; программные заявления и обращения; статьи и официальные выступления лидеров Баас на внутрииракских и международных встречах, съездах и форумах.

Среди публикаций документальных материалов партии следует выделить одиннадцатитомный сборник «Борьба Баас» [425], в котором были представлены многочисленные партийные документы со времени ее создания. Ценность

сборника для исследования, однако, существенно снижалась из-за неполноты опубликованных материалов. Так, в нем отсутствовали резолюции некоторых региональных съездов иракской Баас, внутрипартийных меморандумов периода нахождения этой партии у власти в Ираке в 1963 г. и ряд других документов, что объяснялось явной тенденциозностью составителей сборника, стремившихся затушевать «теневые» стороны деятельности партии.

При написании диссертации были широко использованы материалы общерабских и региональных съездов партии Баас по вопросам внутренней и внешней политики, общественно-политического и социально-экономического развития страны, которые дали возможность на основе анализа официальных документов партии проследить ее основополагающие принципы, стратегическую линию и тактику, эволюцию взглядов по международным и региональным проблемам, проблемам арабского мира в целом и самого Ирака, в частности [61, 136, 227, 342, 347-350, 373, 376, 386, 388, 394]. Кроме того, были критически проанализированы материалы и документы иракской Баас по вопросам внешней политики [376-379, 387, 393, 405-407, 428-429], на основе которых прослеживалась идейно-политическая эволюция правящей партии, а также программа ее деятельности в области региональных и международных отношений. Ценность этих источников заключалась и в том, что в них были отражены основные аспекты «арабской политики» Ирака, они же содержали данные о характере его взаимоотношений с отдельными арабскими странами и другими государствами региона.

При разработке темы были использованы сборники политических речей и статей идеологов баасизма – М.Афляка и И.Фараха [396-397, 414-415], а также сочинения и выступления лидеров иракской Баас – А.Х. аль-Бакра [366], С.Хусейна [88, 135, 137-138, 263, 317, 409-413], Т.Азиза [369], в которых наряду с изложением основных положений баасистской идеологии, анализом эволюции ее идейно-теоретической базы под воздействием происходивших в арабском мире политических процессов и реалий, раскрывалась позиция Ирака по актуальным проблемам региона – арабо-израильского конфликта и палестинской

проблеме, проблеме обеспечения безопасности Залива, а также позиции и подходы иракских лидеров о путях, методах и средствах урегулирования последствий ирако-иранской войны, кувейтского кризиса и т.д. В их трудах и выступлениях, носивших, главным образом, пропагандистский характер, прослеживались идейно-политическая эволюция правящей партии в отношении региональных и международных проблем, стремление превратить Ирак в ведущее государство региона и осуществить его «особую миссию» в арабском мире.

Большой фактический материал был извлечен из изданий, содержащих тексты законов Иракской республики, заявлений, постановлений, решений и указов СРК и правительства [373, 376-377, 389, 393, 404-405, 422, 428], различных министерств [134, 136, 420, 430], а также официальных статистических справочников, планов национального развития [374, 377].

Среди первоисточников, оказавших значительную помощь в ходе работы над исследованием, хотелось бы выделить «Арабские документы» [400] – серийный выпуск сборников, издаваемый Американским университетом в Бейруте. Они содержали также материалы, касающиеся политики Ирака в отношении арабских стран: различные декларации, совместные коммюнике, сообщения о двусторонних переговорах, обмене различными делегациями, визитах государственных и политических деятелей и другие. Значительная часть этих документов относится к различным арабским конференциям, совещаниям и другим коллективным мероприятиям, в которых Ирак принимал участие.

К числу важных источников по исследуемой теме можно отнести официальные материалы международных и региональных организаций – ООН, ЛАГ, ОИС, ССАГЗ, а также неправительственных организаций [99-100, 157, 169-170, 261, 322, 326, 334-335, 346, 355, 357-360, 405-406], заявления и отчеты Совещаний глав государств и правительств арабских стран [301-303, 347, 387, 428], администрации и Конгресса США [81, 145, 147, 158, 191, 241-242, 308-310], мемуары политических и государственных деятелей [161, 162], а также справочную литературу и тексты экономических соглашений [45, 144, 250]. Эти документы способствовали верному анализу позиций и подходов вышеуказанных

структур и официальных лиц относительно обстановки на Ближнем Востоке в целом, и Ираке, в частности. Особенно основательно были изучены вышеуказанные материалы, относящиеся к периоду ирако-иранской войны, кувейтского кризиса и посткризисный период.

Принимая во внимание особенности исследуемой темы, в значительных объемах использовались новейшие материалы – размещенные в интернет-сайтах аналитические обзоры, документы международных организаций, информационных агентств и т.д. Объективный анализ и критическая переработка этих материалов позволили составить целостное представление об актуальных проблемах геополитики, политике ведущих мировых держав и различных региональных «центров силы» по иракской тематике, а также проследить некоторые наиболее характерные особенности внешней политики иракского режима на рубеже XXI в. Среди этой группы документов наибольший интерес представляли резолюции СБ ООН, особенно для анализа ситуации периода кувейтского кризиса, событий в Ираке и вокруг него в посткризисный период и в период обострения иракского кризиса в начале нового тысячелетия, а также решения Саммитов ЛАГ, ОИС, ССАГЗ, Совещаний глав внешнеполитических ведомств арабских стран, Отчеты Спецкомиссии ООН и т.д. [87, 99, 132, 152, 189, 427-429]. Они проливали свет на позиции и подходы государств-членов этих организаций по различным проблемам международных отношений и раскрывали причины их разногласий по ключевым аспектам иракской проблемы.

Что касается используемой литературы, то ее условно можно сгруппировать следующим образом: обобщающие исследования и коллективные монографии по общим закономерностям развития Востока, проблемам международных отношений в регионе; труды, рассматривающие политику ведущих мировых держав на Ближнем Востоке, в целом и Ираке, в частности; исследования по общественно-политическому и социально-экономическому развитию Ирака в изучаемый период; монографии и статьи, посвященные различным аспектам внешнеполитической деятельности иракского руководства, а также двусторонним и многосторонним отношениям Ирака со странами региона и ведущими

мировыми акторами в исследуемые годы.

К сожалению, вынуждены отметить, что работы азербайджанских авторов по исследуемой тематике немногочисленны. Среди них можно выделить несколько работ по актуальным проблемам международных отношений, геополитике, проблемам терроризма и т.д., где в той или иной форме затрагивались позиции ведущих мировых держав по иракской проблематике. В этом смысле определенный интерес представляла монография Э.Насирова [5], в которой автор анализировал позиции США и их союзников по урегулированию иракского кризиса в контексте антитеррористической доктрины Вашингтона.

В совместной монографии Н.Ахундовой и А.Багировой [71], посвященной общественно-политическому развитию Сирии и Ирака в 50-е – 90-е годы XX века, нашли отражение отдельные аспекты внешней политики Ирака в годы правления партии Баас. Авторы рассмотрели также историю становления баасистского движения в обеих странах, процесс трансформации движения в собственно политическую партию, идеологические принципы, политическую платформу и организационную структуру Баас. Для диссертации наибольший интерес представлял раздел, посвященный анализу политических процессов в Ираке, в том числе социально-экономическим преобразованиям в 70-е годы, началу процесса «баасизации» общественно-политической жизни и формирования режима однопартийной диктатуры Баас, эволюции подходов баасистских лидеров по основополагающим вопросам внешней политики в области региональных отношений, причин и характера ирако-иранской войны и, наконец, кувейтской авантюры, приведшей к тяжелым политическим, социально-экономическим и финансовым последствиям для страны.

Среди работ азербайджанских авторов хотелось бы выделить монографии и цикл статей исследователя А.Багировой [1-4, 13-14, 72-73], посвященные отдельным аспектам общественно-политического развития Ирака, а также внешнеполитической деятельности иракских властей в различные периоды их деятельности. Анализируя основные принципы, цели, задачи, приоритеты и векторы внешней политики Ирака, автор уделил также внимание рассмотрению

общественно-политических процессов в базисе и надстройке иракского общества, динамике его отношений с арабскими и неарабскими государствами Ближнего Востока, ведущими мировыми акторами на различных этапах.

В последние годы в республике наметился определенный интерес к изучению внешней политики сопредельных с Азербайджаном государств Ближнего Востока, в том числе и арабских стран. Основателем этого направления в азербайджанской историографии является Г.Алибейли, посвятивший свою монографию [53] исследованию отношений Ирана с сопредельными странами Востока. Для автора диссертации определенным интересом представляла глава монографии, охватывающая ирано-иракские отношения в 50-е – 70-е годы XX века.

В процессе работы над диссертацией автор обращалась к исследованиям советских (российских) авторов. Среди них можно выделить как обобщающие труды и коллективные монографии, так и исследования по социально-экономическому и политическому развитию Ирака, а также отдельным аспектам внешней политики этой страны.

Среди обобщающих работ хотелось бы выделить коллективные труды «Арабский мир. Три десятилетия независимого развития» [63], «Восток / Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений» [86], а также монографию В.П.Лукина [123], в которых рассматривались общие закономерности и особенности современного развития Востока, показывались противоречивые черты его облика в постколониальный период, неоднозначность и сложность происходивших здесь процессов, раскрывалось место стран этого региона в системе международных отношений, мировой политике и экономике. Несмотря на глубину анализа и научно подкрепленные обобщения, присущая советской (русской) исторической науке определенная идеологизированность потребовала от автора диссертации критического переосмысления выводов в свете нового, более объективного подхода к происходившим в регионе Ближнего Востока историческим процессам.

Монография В.П.Лукина была посвящена анализу концепций «биполярного» и «многополярного» мира, теории «центров сил» в различных регионах,

что является одним из важных направлений современной политологии. Согласно Лукину, имелась определенная типологическая общность у многих стран, подпадающих под данную категорию, особенно в плане амбициозных внешне-политических устремлений и относительно последовательных попыток правящими элитами их реализации на практике. Автор справедливо отмечал *«постепенное нарастание элементов самостоятельности, автономности региональных «центров силы», их стремление настойчивее отстаивать собственные национальные интересы, представляющие собой интересы крепнущих в экономическом и политическом отношении местных правящих кругов»* [123, с. 20]. Для автора диссертации наибольшую ценность представлял анализ основных параметров и показателей, которые, по мнению Лукина, позволяли Ираку претендовать на роль регионального «центра силы», но явно были недостаточны и малообоснованны для удовлетворения претензий его правящих кругов занять место главного и единоличного лидера арабского мира, поскольку *«эта страна ни в силовом, ни в политико-идеологическом плане не обладала возможностями для реализации на более длительный период подобного проекта»* [123, с.171].

Среди обобщающих работ своей объективностью выделялась изданная Институтом Востоковедения АН СССР коллективная монография «Арабский мир. Три десятилетия независимого развития», которая представляла собой комплексное исследование основных тенденций политического, социально-экономического развития арабских стран во второй половине XX в. В ней были проанализированы этапы становления государственности и укрепления политической независимости, влиявшие на их развитие внутренние и внешние факторы, а также рассмотрены внутрорегиональные взаимоотношения и динамика соотношения сил на региональном и страновом уровнях.

В коллективном исследовании «Восток / Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений», посвященном международным отношениям в обширном Евразийском пространстве, рассматривались политические и интеграционные процессы на Ближнем Востоке после завершения эпохи «холодной войны». В работе также проанализированы при-

чины обострения политических и социально-экономических противоречий в арабском мире, различные подходы и позиции арабских стран по ключевым проблемам региона, формирование их внешней политики, участие в разработке различных концепций по обеспечению региональной безопасности в рамках интеграционных процессов. Авторы отмечали, что *«тормозом, создающим огромные препятствия на пути углубления межарабского сотрудничества, трансформации его в прочноинтегрированное политико-экономическое сообщество, является глубоко укоренившаяся конфликтность ближневосточного региона, неурегулированность ряда конфликтов»* [86, с. 341].

Определенным подспорьем для исследуемой темы в плане анализа концептуальных подходов к региональным проблемам в целом и позиций мировых держав в отношении Ирака оказали монографии и статьи И.В.Гогитидзе [90], А.И.Уткина [195-197], А.Борисова [78], И.Д.Звягельской и Т.Носенко [101], А.Конопляника [113]. Несмотря на богатый фактический материал, эти работы в целом отличались тенденциозностью освещения политики Запада в регионе, которая рассматривалась под углом зрения ее *«агрессивного характера»*, *«экспансионизма»*, *«стремления поставить региональные процессы в зависимость от своих геополитических, экономических и национально-государственных интересов»* [195, с. 59]. При этом авторы, как правило, *«империалистическому Западу»* противопоставляли советскую (российскую) политику, которую расценивали как *«направленную на справедливое решение региональных проблем»* [там же, с. 85], а не в контексте глобального противостояния двух мировых держав за сферы влияния в странах «третьего мира»

В монографиях А.И.Уткина рассматривались вопросы военного сотрудничества Запада со странами региона, в том числе и Ираком, а также их стратегия в отношении Ирака накануне, ходе и после войны 2003 г. Монография И.В.Гогитидзе, освещавшая политику Великобритании на Ближнем Востоке в 70-е – первой половине 80-х годов, посвящена анализу стратегии и тактики ее внешнеполитического курса, механизма его формирования и практического осуществления. Особый интерес для нас представлял анализ британской поли-

тики в период ирако-иранской войны и отношение к субъектам конфликта. Значительный фактический материал содержался в статье А.Борисова, посвященной политике США в зоне Залива после кувейтского кризиса и в посткризисный период в период президентства Б.Клинтона, администрация которого по отношению к иракскому режиму руководствовалась принципом «удержания С.Хусейна запертым в его клетке» [78, с.24]. В ней также была проанализирована позиция России в свете произошедших в 90-е годы в регионе геополитических сдвигов. Статья И.Д.Звягельской и Т.Носенко представляла интерес с точки зрения рассмотрения политики США и стран НАТО в Заливе в ходе ирако-иранской войны, их отношения к воюющим странам, роли транснациональных корпораций в ее разжигании и пролонгировании. Анализу экономических предпосылок и последствий кризиса в Заливе была посвящена статья А.Конопляника, в которой автор рассматривал также его влияние на советскую экономику. Он, в частности, отмечал, что после распада СССР его правопреемница – Россия столкнулась с серьезными политическими и экономическими вызовами, приведшими к значительному ослаблению ее влияния в регионе.

На рубеже тысячелетия российские авторы в коллективных трудах, монографиях и статьях стали более объективно исследовать различные аспекты политики ведущих мировых держав на международной арене. В монографиях Г.И.Мирского [133], У.З.Шарипова [207], А.Ю.Олимпиева [148], а также его совместном труде с А.М.Хазановым [159], рассматривавших роль и место Ближнего Востока в политической и экономической геостратегии, особое внимание уделялось анализу причин возникновения и развития внутригосударственных, межрегиональных и международных конфликтов в указанном регионе, а также рассмотрению позиций ведущих мировых держав в определении политической ситуации и конфликтности.

Коллективное исследование «Политика США в меняющемся мире» [156], монографии А.И.Вавилов [82], В.Кузнецова [118], а также статьи У.З.Шарипова [205], Р.Пайоса [151], П.А.Синовец и В.В.Гребцова [184], С.Шохина [212] были посвящены анализу внешнеполитической стратегии США, оценке ее воз-

действия на становление нового миропорядка в конце XX – начале XXI веков. Значительное место в них отводилось рассмотрению эволюции политики администраций Б.Клинтона и Дж.Буша-мл. на Ближнем Востоке, в целом и Ираке, в частности – от «дистанцирования к активному вмешательству» [118, с. 227].

Особую группу исследований составляли труды, посвященные анализу важных проблем общественно-политического и социально-экономического развития Ирака в новейшее время, откуда был почерпнут ценный исторический материал и много глубоких суждений принципиального порядка о его внутренней и внешней политике.

Наиболее исчерпывающий анализ политического развития Ирака со дня его образования после I мировой войны вплоть до 70-х годов XX века содержался в монографии А.Ф.Федченко [199]. В ней были изложены основные этапы борьбы народов Ирака за независимость в годы монархии и ее упрочения в годы республики, показаны особенности этой борьбы, а также рассмотрены основные аспекты внешней политики страны в указанные годы. Отмечая значение работы А.Ф.Федченко для исследования новейшей истории Ирака, хотелось бы указать, что для нас она представляла интерес с точки зрения комплексного анализа закономерностей развития иракского общества на протяжении более чем 50-летнего отрезка истории. Для всестороннего осмысления сущности осуществляемых в Иракской республике социально-экономических преобразований определенным подспорьем стала монография Ф.Зеварова [102], посвященная мерам, направленным на упрочение политической и экономической независимости страны. Интерес представлял подход автора к содержанию политических преобразований в иракском обществе и анализ сущности противоречий между основными политическими силами, которые стали причиной многих негативных явлений и процессов в последующие годы.

Определенный интерес для нашего исследования представляла коллективная монография «Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы XX в.– начало XXI в.)» [172], в которой анализировалась роль Ирака в международных отношениях на глобальном и региональном уровнях, его от-

ношения с соседними странами и внерегиональными державами. Автор диссертации также обращалась к статьям Л.И.Данилова [94], В.В.Львова [125], А.А.Ткаченко [193], З.Хамидова [201], У.З.Шарипова [206], посвященным общественно-политическим процессам в иракском обществе, различным аспектам политического и экономического развития страны в исследуемые годы.

Особую группу составляли работы, в которых затрагивались различные аспекты внешнеполитической деятельности иракского руководства, а также рассматривались двусторонние и многосторонние связи Ирака со странами региона и ведущими мировыми державами в исследуемые годы. Среди этих работ следует назвать монографии И.А.Александрова [51], А.Алиева [54], Ш.А.Ниязматова [143], М.М.Слинкина [186], В.Я.Шестопалова [209], а также статьи М.В.Бордунова [79], М.М.Зейналова [103], И.Ивановой [104], В.Сажина [178], А.В.Смирнова [187], А.А.Смоленского [188], Т.А.Шмелевой [211], в которых раскрывались особенности и ведущие направления внешней политики иракского режима на различных этапах, анализировались двусторонние и многосторонние связи Ирака со странами региона, ведущими мировыми акторами в ходе ирако-иранской войны, кувейтского кризиса и посткризисный период.

Монография И.А.Александрова представляла интерес с точки зрения рассмотрения проблемы обеспечения безопасности зоны Залива, ставшей особенно актуальной в свете ирако-иранской и ирако-кувейтской войны. Автор, сумевший подойти к освещению данного вопроса в комплексной форме, отмечал, что *«создание в этом стратегически важном субрегионе всеобъемлющей системы безопасности, поддержание и усовершенствование эффективности ее механизмов сложно, поскольку она усугублялась разбалансированностью официальных подходов к путям ее достижения и сохранения в Заливе и во всем арабском мире противоречий между отдельными группами арабских государств»* [51, с. 315]. В книге также были рассмотрены некоторые аспекты взаимоотношения Ирака с Ираном и монархиями Залива в 90-е гг. XX в. Эта же проблема, но несколько в ином аспекте нашла свое отражение в книге В.Я.Шестопалова, который рассмотрел территориальные споры и разногласия вокруг вопроса конти-

нентального шельфа Залива и попытки его решения на принципах международного права и на базе соответствующих международных конвенций, договоров, соглашений и протоколов. Для нашего исследования определенный интерес представляло освещение позиции Ирака по разрешению территориальных конфликтов и споров в зоне Залива.

Разобраться в истоках ирано-иракских пограничных споров и разногласий, в исторических корнях противоречий между двумя соседними странами, переросших в 1980 г. в восьмилетнюю кровопролитную и разрушительную войну, помогла монография Ш.А.Ниязматова «Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк». Автор исследовал ход военных действий, влияние войны на внутривнутриполитическое и экономическое положение воюющих стран, ее воздействие на ситуацию в зоне Залива, а также проанализировал политику ряда ведущих держав в регионе. С этой работой в определенной степени созвучна монография М.М.Слинкина «Ирано-иракская война 1980-1988 годов. Борьба на море», посвященная военным аспектам войны, в ней подробно проанализированы ход и итоги морских сражений, в том числе и так называемой «танкерной войны», выявлена степень боеготовности армий и ВМФ воюющих стран.

Монография А.Алиева «Иран vs Ирак: история и современность» представляла собой широкое полотно ирано-иракских отношений на длительном историческом отрезке времени – от взаимосвязей персов и арабов в древности до современного состояния двусторонних отношений, что позволило проследить, где и как затягивались тугие узлы проблем, обнаружить истоки и корни противоречий между этими странами. Наибольшую ценность для данного исследования имел раздел, связанный с ирако-иранской войной, которую автор рассматривал как стремление двух стран к политическому господству в регионе, борьбу за контроль над месторождениями нефти, ее транспортировкой и рынками сбыта, а также как несовместимость господствовавшей в Ираке националистической идеологии Баас и исламского фундаментализма в Иране.

Статьи М.А.Бордунова, И.Ивановой, А.В.Смирнова, В.В.Сажина и Т.А.Шмелевой содержали целый ряд новых фактов и сведений по различным

направлениям внешнеполитической деятельности иракского режима в 80-е – 90-е годы XX в. Так, М.А.Бордунов посвятил свою статью рассмотрению политики Ирака в зоне Залива как особого вектора его региональной политики, проанализировал его двусторонние отношения со странами ССАГЗ и Ираном в свете новой расстановки сил в этом субрегионе. Определенный интерес для исследования представляла статья А.В.Смирнова, в которой автор проанализировал международно-правовые вопросы осуществления СБ ООН экономических санкций против Ирака в 90-е годы XX в. Статьи И.Ивановой, В.Сажина и Т.А.Шмелевой были посвящены отношениям Ирака с Турцией, монархиями Залива и Египтом в 70-е – 90-е годы XX в.

В процессе работы над диссертацией автор обращался к исследованиям по изучаемой проблематике на английском языке. Эта – весьма обширная и многоплановая литература включала в себя как труды, анализирующие политику Запада и Советского Союза (России) на Ближнем Востоке в целом и Ираке, в частности, с точки зрения их геополитических, геоэкономических и национально-государственных интересов, так и монографии, посвященные различным аспектам и направлениям социально-экономического и политического развития Ирака, а также внешней политике этой страны. Среди этих работ, часть которых представляла собой серьезные академические исследования, часть – носившая политологический и аналитико-прикладной характер, для нас наибольший интерес имели книги и статьи, охватывавшие годы ирако-иранской войны, кувейтского кризиса и посткризисный период. В этом ряду отметим исследования А.Ачария [222], П.С.Бредли [239], Б.Кунихолма [288], Дж.К.Кэмпбелла [245], И.Б.Келли [275], Х.Моула и О.Риска [296], Л.Фридмана [254, 255], Б.Л.Грейсона [258], К.Давиша [248], Дж.Найа и К.Смита [312], Б.Поузена и А.Росса [325], Д.Баймэна [243, 244], Ф. аль-Мазиди [224], Дж.Симпсона [341].

В работах А.Ачария, П.С.Бредли, Б.Кунихолма, Ф. аль-Мазиди раскрывалась сущность американской политики в зоне Залива, направленной на сохранение своих политических и экономических интересов. Определяя роль и место зоны Залива в системе мирового нефтяного рынка, эти авторы предсказывали

сохранение ею своего значения и в XXI в. Они, в частности, отмечали, что в условиях существования противоречий между странами Залива им не удастся достичь согласованности действий для обеспечения своих жизненно важных интересов, в результате чего *«их экономика окажется на положении «заложника судьбы»* [288, с. 126]. В работах также проанализированы главные причины неудач стратегического курса США в субрегионе.

В монографиях и статьях Б.Л.Грейсона, К.Давишы, Л.Фридмана и Дж.С.Кемпбелла были рассмотрены сущность политики СССР на Ближнем Востоке, его геостратегические, политические и экономические цели, попытки расширить зону своего влияния за счет «стран-саттелитов» и поддержки радикальных движений. Особое внимание авторы уделили американо-советскому противостоянию на глобальном уровне, которое в опосредованной форме влияло на политические процессы в арабском мире. Так, Дж.С.Кемпбелл, абсолютизируя роль великих держав в мировой политике, указывал на их ответственность за все конфликты в регионе, а их заинтересованность в сохранении напряженности предопределяла масштабность столкновений. По его словам, *«Ирак – по собственному желанию, или вопреки ему – оказался пойманным в паутину глобальной конфронтации сверхдержав, которые непосредственно влияли на его внутреннюю и региональную политику»* [245, с. 243].

Исследование американских политологов Дж.Ная и К.Смита содержало характеристику американской глобальной политики после кувейтского кризиса и соотношение сил на международной арене в эпоху глобализации. Для нашей работы интерес представляли взгляды этих авторов относительно формирования политики США в государствах «третьего мира» на рубеже XXI века. По их мнению, если США стремятся и в будущем сохранить статус супердержавы, то они должны увеличить свою помощь государствам «третьего мира», которая в течение последних 30-ти лет снизилась с 0,93% до 0,08%. Авторы отмечали, что в администрации президента Дж.Буша-мл. имелась группа влиятельных лиц, так называемые *«жесткие гегемонисты»*, которые выступали за то, чтобы США *«выяснили отношения»* со своими *«врагами»* на Ближнем Востоке и в

зоне Залива. Среди них назывались режимы в Ираке, Иране и Ливии, *«ликвидация которых находилась в повестке дня»* [312, с.235].

Англоязычная литература, исследующая социально-экономические и политические процессы в Ираке, была представлена работами К.С.Абу Джабера [221], М.Хаддури [282-284] Х.Батату [234], Э. и Э.Ф.Пенроуз [316], Ф.Марра [293], К.Макия [292], Дж.Н.Вили [364], А. аль-Насрави [226], из которых автор почерпнул много ценного фактического материала и суждений.

Работа К.С.Абу Джабера «Партия Баас. История, идеология и организация» представляла собой одну из первых попыток монографического исследования истории и идеологии баасистского движения и практической политической деятельности партии Баас на ее начальных этапах. С ней созвучно исследование Х.Батату «Старые социальные классы и революционное движение в Ираке», в котором автор проанализировал вопросы, связанные с начальными стадиями формирования и эволюции идеологии и организационной структуры основных политических партий Ирака. Среди этой группы исследований особое место занимала трилогия М.Хаддури «Республиканский Ирак. Исследование иракской политики после революции 1958 года», «Социалистический Ирак. Исследование иракской политики после 1968 года» и «Война в Заливе: причины и последствия ирако-иранского конфликта», в которой автор рассматривал общественно-политическое развитие Ирака за более чем 40-летнюю историю. Наибольшую ценность для исследуемой темы представляли две последние части трилогии, написанные с использованием хорошо подобранных официальных документов и публикаций и содержавшие обширный фактический материал. Несмотря на определенный субъективизм автора в освещении некоторых событий и процессов, его выводы логичны и хорошо аргументированы.

Известный интерес для нас представляло исследование английских ученых Э. и Э.Ф.Пенроузов «Ирак: международные связи и национальное развитие», освещавшее вопросы внешней и социально-экономической политики правящей партии, перспективы национального развития. Авторы, внесшие в научный оборот много ценной информации об истории баасизма в Ираке, взаимоот-

ношениях политических партий, весьма скептически расценивали выбор иракским руководством в первой половине 70-х годов курса на социалистическую ориентацию как «*несостоятельный*» и, исходя из анализа внутри- и внешнеполитических процессов, обосновывали «*неизбежность установления Ираком многосторонних связей с Западом*» [316, с. 238]. Экономике Ирака, перспективам ее развития, трудностям на этом пути, в особенности после установления СБ ООН в 90-х годах торгово-экономических санкций, была посвящена монография А. аль-Насрави «*Экономика Ирака*», изобиловавшая статистическими данными об уровне и состоянии ее различных отраслей.

Определенным подспорьем в ходе работы над диссертацией стали книги Ф.Марра и К.Макия, которые на ценном фактическом материале исследовали основные этапы общественно-политического и социально-экономического развития Ирака в годы правления Баас. Значительное место в их работах было отведено анализу политических процессов после прихода к власти С.Хусейна в июле 1979 г., а также рассмотрению эволюции идеологических концепций баасизма в практической деятельности официального Багдада в рамках иракской политической культуры. Полезная информация по шиитскому движению в Ираке и деятельности шиитской оппозиции была почерпнута из монографии английского автора Дж.Н.Вили «*Исламское движение иракских шиитов*».

При написании диссертации были также использованы исследования на английском языке по отдельным аспектам внешней политики Ирака. Среди них выделялись монографии и статьи Е.Кинли [286], А.Барама [230, 231], М.Муфтилер [305], М.Аппеля [251], Х.Исси [274], Т.Исмаила [275], А.Тернера [353], Ч.Триппа [352], Н.Физли [252], Е.Карша [278], Е.О'Балланса [313], М.Навиаса [311], Д.Хиро [260], В.А.Террилла [345], О.Бенджио [235, 236].

Большая часть указанных работ – Х.Исси, Т.Исмаила, Ч.Триппа, Н.Физли, Р.Коттома, Е.О'Балланса, М.Навиаса, Д.Хиро была посвящена анализу основных причин и характера ирако-иранской войны и ее последствий для стран региона и внерегиональных держав. В интересной и богатой фактическим материалом аналитической работе Ч.Триппа «*Иран и Ирак в войне*» был сделан ак-

цент на основных внешнеполитических шагах иракского руководства после начала ирако-иранской войны, при этом автор отмечал, что оно осуществляло более сбалансированную политику, которая принесла стране значительные политические дивиденды. Кроме этого он подробно проанализировал особенности двусторонних отношений Ирака со странами Залива в ходе войны. В работе М.Навиаса «Танкерная война. Нападение на торговые суда в период ирако-иранской войны» описывалась стратегия и тактика воюющих стран, а также подробности так называемой «танкерной войны».

Часть работ была посвящена анализу двусторонних и многосторонних отношений Ирака с арабскими и неарабскими государствами Ближнего Востока в исследуемые годы. В этих книгах и статьях авторы рассматривали особенности, специфику и отличительные черты внешнеполитической стратегии и тактики правящего режима Баас на различных этапах, а также степень эволюции подходов официального Багдада в отношении различных региональных проблем. Особую группу составляли монографии и аналитические статьи, рассматривавшие политику Ирака в ходе кувейтского кризиса и посткризисный период, а также в период обострения его отношений с международным сообществом на рубеже XXI века.

В процессе работы над диссертацией были исследованы работы арабских авторов, в которых содержался ценный фактический материал по отдельным аспектам общественно-политического и социально-экономического развития Ирака. Среди них отметим книги С.Абдель-Керима [367], Х.Мухаммеда [417], Х.Саида [419], Х. аль-Алави [370], Х. ас-Салихи [383], которые, однако, не отличались серьезным научным анализом и обобщениями.

Работы первых трех авторов были посвящены различным аспектам общественно-политической жизни Ирака; они носили в основном пропагандистский характер и были направлены на идеализацию деятельности партии Баас на всех этапах национального движения, умаление роли и дискредитацию деятельности других политических сил страны. Близкие к правящей партии или являвшиеся ее членами авторы этих сочинений, довольно широко пользовались труднодо-

ступными для других исследователей материалами, но апологетический характер в подходе к деятельности правящей партии приводил к необъективности оценок и выводов. Работа Х. ас-Салихи, написанная после кувейтского кризиса и военного поражения Ирака, напротив выдержана в самых резких и критических тонах в отношении правящего режима. Автор указывал, что в результате проводимой им политики в стране была создана обстановка страха и недоверия, в отношении недовольных и оппозиционных сил применялся террор и самые изощренные репрессии, а иракский народ превратился в «заложника предательской деятельности «рауса» (С.Хусейна – авт.) [382, с. 146]. Труд Х. аль-Алави, посвященный проблеме национальных и конфессиональных групп в Ираке, в том числе шиитскому вопросу, содержал значительный фактический материал по данной проблематике. Автор исследовал историю шиитского движения в контексте внутривластных процессов, показал ущемленное положение шиитского населения в иракском обществе. Для исследуемой темы особый интерес представлял анализ деятельности различных групп шиитской оппозиции накануне и в период ирако-иранской войны.

Использованная в диссертации арабская литература по основным направлениям и аспектам внешней политики Ирака оказала помощь автору в плане анализа его позиций и подходов в отношении различных региональных и международных проблем. Среди них можно выделить монографии и статьи Х.И.Мурада [416], Ф.Баррака [402, 403], Ш.С. ад-Дабита [374], Дж.А. аль-Бадри [371], Н. аль-Касими [381], Х.Я. аль-Асвада [370], М.А.-К. ан-Нуджара [391], М. аль-Ясри [401], Х. Рубейи [418].

Работа Х.И.Мурада «Война в Заливе и ее влияние на общеарабскую национальную безопасность» довольно крупное исследование проблем общеарабской и иракской безопасности в свете ирако-иранской войны. Автор подчеркивал, что арабские страны располагают достаточными возможностями и потенциалом, используя которые они могли самостоятельно определять свою судьбу, превратиться во влиятельного члена мирового сообщества, в «один из главных центров глобальной политики». Анализируя ирако-иранскую войну с точки

зрения региональной безопасности, он расценивал ее как *«серьезную угрозу не только для Ирака, но и для всего Арабского залива»* [416, с. 216].

Сочинение Ф.Баррака исследовало различные аспекты и цели иракской дипломатии, связанные с обеспечением безопасности в зоне Залива в 70-80-е годы XX века. Кроме того, оно представляло интерес с точки зрения рассмотрения замыслов тегеранского руководства по «экспорту исламской революции» в страны Залива и Ирак, а также идеологических аспектов борьбы Ирака против иранской гегемонии в Заливе. Книги аль-Бадри и аль-Касими носили пропагандистский характер и были направлены на возвеличивание роли Ирака в обеспечении безопасности Залива. Авторы также сделали попытку рассмотреть влияние ирако-иранской войны на общую ситуацию в данном субрегионе на основе анализа некоторых характерных особенностей двусторонних отношений Ирака со странами ССГАЗ. Исследования ад-Дабита и аль-Асвада представляли интерес с точки зрения рассмотрения территориальных и пограничных проблемах между Ираком и Ираном, в том числе относительно р. Шатт эль-Араб. В статье Х.Рубейи рассматривалась позиция Ирака по проблеме обеспечения системы безопасности Залива в свете ирако-иранской войны. Автор указывал на необходимость построения безопасности на принципах консенсуса, исходя из реальных возможностей всех арабских государств и отмечал, что любые военно-политические и экономические меры по этой проблеме будут неэффективны без *«общеарабского характера ее формы и содержания»* [418, с. 26]. Он выступал против попыток Запада расчленить арабский мир, для чего предлагал обеспечить *«региональную безопасность и установить арабский суверенитет от Средиземного моря до Залива, от Залива до Красного моря»* [там же, с. 20]. Особо хотелось бы отметить работу М. аль-Ясри, в которой автор на основе богатой литературы и источников стремился к более объективному освещению процессов в Ираке и вокруг него, а также рассмотрел некоторые аспекты его отношений с ведущими мировыми и региональными силами в указанные годы.

Исследования на турецком языке включали в себя обобщающие труды, а также монографии и статьи, посвященные как различным аспектам политиче-

ского и экономического развития Ирака, так и его внешней политике. Среди обобщающих работ отметим, прежде всего, книги Ф.Армаоглу [6], Т.Ары [7-11], М.Каяра [32], В.Орана [36], К.Г.Овера [38], а также статьи Р.Кылынджа [33], А.Озмана [41], Дж.Менгу [35], А.Шена [43], в которых в общем контексте международных отношений были рассмотрены некоторые наиболее характерные черты социально-экономического и политического развития арабских стран, в целом и Ирака, в частности.

Начиная с 90-х годов XX века число подобных работ значительно возросло, что было связано с общими геополитическими сдвигами на международной арене и в регионе после завершения эпохи «холодной войны». Этот период также ознаменовался попытками официальной Анкары обозначить свое место в формирувавшемся новом мировом порядке. В целом, в 90-е годы XX – начале XXI века в Турции наблюдался бум, связанный с изучением различных аспектов иракской тематики. Однако, несмотря на многочисленность этих сочинений, они имели, как правило, политологический и прикладной характер. Ценность этих монографий и статей заключалась в их чрезвычайной насыщенности труднодоступными фактами, многие из которых впервые были введены в научный оборот. В этом ряду для нас значительный интерес с точки зрения анализа региональной ситуации на основе ранее малоизвестных фактов представляли монографии Т.Ары «Баланс силы в Заливе на рубеже 2000 годов», «Залив и баланс сил на Среднем Востоке. 1978-1996», «Залив и политика США», «Ближний Восток: политика, войны и дипломатия», в которых были исследованы проблемы «центров сил» на Ближнем Востоке, в особенности в зоне Залива, рассмотрена политика ведущих мировых держав в указанном субрегионе в контексте биполярной конструкции международных отношений и после разрушения этой системы в результате развала СССР.

Особый блок литературы на турецком языке представляли аналитические статьи, посвященные различным аспектам внешней политики Ирака и отдельным направлениям ирако-турецких двусторонних отношений. По мнению ряда турецких исследователей, из трех стран, с которыми граничит Турция в реги-

оне, наибольшим потенциалом с точки зрения сбалансированности обладали именно ирако-турецкие отношения [25, с. 126]. В ходе ознакомления с этими исследованиями было выявлено, что наиболее часто встречающимися темами у турецких авторов по данной тематике были – проблема Северного Ирака и курдское движение, к которой тесно примыкала проблема туркманского населения (Н.Озджан [39], А.Кулоглу и Б.Демирташ-Джошгун [34], С.Эркмен и Н.Йылмаз [23, 25-27], С.Саатчи [42]), вопрос использования водных ресурсов рек Тигра и Евфрата (О.Билен [18], М.Тикенчи [44]). В целом турецкие авторы придерживались мнения о том, что ирако-турецкие двусторонние отношения с точки зрения их сбалансированности обладали большим потенциалом, поэтому высказывались за необходимость корректировки Анкарой своей «иракской политики» с учетом динамики международных и региональных процессов, а также целесообразность участия и активного влияния на эти процессы.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертации является: анализ внешнеполитических концепций, трансформации стратегии и тактики официального Багдада в сфере внешней политики в годы правления партии Баас и первые годы после свержения баасистского режима; рассмотрение основных этапов, направлений и векторов его внешнеполитического курса на фоне региональных и глобальных вызовов.

В качестве предмета исследования выбраны вопросы: изучения основных характерных особенностей внешнеполитической деятельности Ирака на различных этапах; факторов, повлиявших на формирование его внешней политики; исследования процесса трансформации основных направлений, этапов и векторов внешнеполитического курса в контексте международных отношений, динамики двусторонних и многосторонних связей Ирака в изучаемый период.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является рассмотрение внешнеполитической стратегии и тактики Ирака в контексте международных отношений на базе объективного анализа источников и литературы. Для ее реализации необходимо было решить следующие задачи:

–проанализировать общественно-политическое развитие Ирака в конце

60-х годов XX века и показать условия, при которых партии Баас удалось завоевать политическую власть в стране;

– обозначить основные векторы внешней политики Ирака после прихода к власти партии Баас;

– проследить приоритетные направления «арабской политики» Ирака на основе анализа его двусторонних и многосторонних отношений с ведущими арабскими государствами региона;

– исследовать взаимоотношения Ирака с неарабскими государствами Ближнего Востока;

– рассмотреть эволюцию политики Ирака в отношении Запада и стран Восточного блока;

– проследить основные этапы борьбы Ирака за лидерство в арабском мире и центр силы на Ближнем Востоке;

– рассмотреть основные направления и этапы внешнеполитического курса Ирака накануне и в годы ирако-иранской войны;

– выявить границы сотрудничества Ирака с ведущими мировыми и региональными акторами в ходе ирако-иранской войны;

– проанализировать причины и характер кувейтского кризиса в контексте геополитических и региональных интересов Ирака;

– показать последствия кувейтского кризиса для внутренней и внешней политики Ирака;

– раскрыть характер взаимоотношений Ирака с ведущими мировыми державами, международными организациями и государствами региона в ходе кувейтского кризиса и посткризисный период;

– проанализировать воздействие международных санкций на политическую и экономическую жизнь иракского общества;

– рассмотреть основные направления и векторы внешней политики Ирака в 90-е годы XX века;

– обозначить факторы, приведшие к обострению отношений Ирака с международным сообществом в начале XXI века;

- выявить объективные и субъективные причины войны 2003 года и падения баасистского режима в Ираке;
- проанализировать ведущие направления внешней политики Ирака в первые послевоенные годы;
- раскрыть роль и место Ирака в системе международных и региональных отношений в начале XXI в.

Методы исследования. Методологическую основу диссертации составляет объективный метод исследования, опирающийся на комплексный, критический и сравнительный анализ всех источников и литературы. Прежде всего, необходимо указать на междисциплинарный характер данного исследования, представляющего собой синтез исторического и политологического подхода. Фундаментальную роль в процессе исследования сыграли такие общенаучные принципы, как принцип историзма, позволяющий подходить к каждому социальному явлению с учетом его объективного места и роли в динамике исторического развития. Метод сравнительно-сопоставительного анализа основных концепций внешней политики Ирака способствовал их выявлению в видоизменяющемся историческом контексте, объяснению причин трансформации этих концепций, оценке их эффективности и действенности перед лицом глобальных и региональных вызовов.

Теоретико-методологическая база исследования построена по проблемно-хронологическому принципу, которая дает возможность проследить эволюцию и специфику исследуемых проблем на разных этапах исторического развития. Методы сравнительного и системного анализа позволили выявить внутреннюю логику взаимосвязи иракской внешней политики, ее основных элементов, направлений и формата проявления в меняющемся контексте, а также дать хронологически последовательное изложение событий и фактов. Изучение внешней политики Ирака как многовекторной системы, имеющей ярко выраженное региональное и глобальное измерение, определило значимость комплексного анализа, что позволило более четко представить внешне и внутренне обусловленные особенности, характерные черты внешней политики этой страны в

условиях меняющегося мира на фоне глобальных и региональных процессов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Формирование внешней политики Ирака в исследуемый период происходило под влиянием трех основных факторов: национализма, геополитики и глобализации. При этом если два первых фактора были ведущими в период, когда Ирак возглавлялся партией Баас, то после смены власти актуализировался симбиоз геополитики и глобализации.

2. Опыт 35-летнего нахождения Баас у власти в Ираке можно рассматривать как внешнеполитическую модель радикальной националистической партии, позиционировавшей себя в качестве руководящей и направляющей силы общества в условиях режима однопартийной системы управления.

3. Внешнеполитическая стратегия Ирака в исследуемый период охарактеризована как совокупность концепций и конкретных внешнеполитических действий и акций, нацеленных на достижение основной методологической установки – обеспечения лидерства Ирака в арабском мире, превращения его в центр силы на Ближнем Востоке, опираясь на идейно-теоретическую платформу баасизма – разновидности арабского национализма.

4. На формирование внешней политики Ирака влияли как внутренние, так и внешние факторы: нахождение в центре Ближнего Востока делали исключительно широкой и активной сферу его интересов и политической вовлеченности; крупные нефтедолларовые доходы создавали материальную базу для проведения энергичной межарабской, региональной и международной политики; наличие современной и хорошо оснащенной армии подкрепляли внешнеполитические амбиции страны; создание надежной политической и экономической базы способствовало реализации программных установок и целей партии Баас; существование стабильного режима позволяло ведению целенаправленной политики по усилению политического влияния страны.

5. Зона Залива была рассмотрена как особое направление внешнеполитической деятельности официального Багдада, которое сформировалось в условиях обострившегося соперничества и усилившихся противоречий между

различными региональными и глобальными центрами силы в этом субрегионе. Попытки Ирака утвердиться здесь в качестве государства-лидера вылились в многолетнее противостояние с ведущими субъектами влияния, одним из которых был Иран, политические амбиции и устремления которого были направлены на установления собственной гегемонии в этом стратегически важном регионе. Перехлестывание интересов и традиционное соперничество на фоне широкого круга дестабилизирующих факторов, многие из которых имели глубокие исторические корни, привели к восьмилетней войне между этими странами.

6. По завершении ирако-иранской войны военно-политическая обстановка в зоне Залива развивалась на базе трех ведущих тенденций – рост региональных амбиций Ирака, взявшего курс на решение спорных проблем с соседними государствами силой или угрозой ее применения; ускорение гонки вооружений и милитаризации стран региона; усиление военного присутствия ведущих центров влияния в субрегионе. Захват Кувейта в августе 1990 года, позволявший Ираку решить стратегические, военно-политические и финансово-экономические проблемы, укладывался в вышеуказанную схему.

7. Поражение Ирака в операции «Буря в пустыне» (январь-февраль 1991 года), резкое снижение и консервация его военно-технического и экономического потенциала привели к утрате им статуса одного из региональных центров силы. Наложённые на Ирак санкции создавали серьезные препятствия для восстановления его армии и военно-промышленного комплекса. Попытки официального Багдада уклониться от их выполнения приводили к резкому обострению военно-политической ситуации вокруг Ирака.

8. События 11 сентября 2001 года и развернутая США глобальная анти-террористическая кампания напрямую коснулись Ирака, который утвердился как центр острого военно-политического кризиса, принявшего широкие международные масштабы. В 2003 году возглавляемая США коалиция приступила к силовой ликвидации иракского режима, в результате чего партия Баас, в течение 35 лет монопольно определявшая внутреннюю и внешнюю политику страны, покинула политическую арену.

9. Крушение и слом баасистской политической системы и окончательное уничтожение военной машины Ирака привели не только к изменению конфигурации политических сил, полной трансформации его общественно-политического базиса и надстройки, но основательно нарушили баланс сил в борьбе за лидерство не только в зоне Залива, но в целом на Ближнем Востоке.

10. Трансформация иракского общества и создание его новой общественно-политической модели происходили в условиях противоборства региональных и глобальных центров влияния, в общем контексте международных отношений. Деятельность США и их союзников по формированию послевоенной власти в Ираке и нового миропорядка в регионе породила серьезные вызовы для региональной и международной безопасности. Исчез Ирак как региональная угроза в лице режима С.Хусейна, но возник новый комплекс угроз, связанный с последствиями войны. Вопреки серьезной деформации статуса страны, Ирак продолжал оставаться одним из потенциальных центров силы на Ближнем Востоке.

Научная новизна исследования проистекает из актуальности избранной темы, ее политической и практической значимости и определяется рядом нижеследующих положений:

- диссертация является первым исследованием в азербайджанской историографии, которое в комплексной форме изучает внешнюю политику Ирака в годы правления партии Баас, а также в первые годы после ее свержения в контексте международных и региональных отношений;

- на основе всестороннего, критического и объективного анализа источников и литературы исследованы внешнеполитические концепции, стратегия и тактика правящей в Ираке партии Баас на различных этапах ее деятельности, выявлены наиболее характерные особенности, закономерности, динамика развития и эволюции ее двусторонних и многосторонних отношений;

- на примере 35-летней деятельности партии Баас в Ираке при существовании однопартийной системы управления рассмотрены составные элементы и особенности данной внешнеполитической модели;

- показано участие Ирака в решении региональных проблем на основе идейно-политической платформы и принципов баасизма;

- раскрыта социальная природа эволюции внешнеполитических концепций правящей партии, прослежена ее борьба за превращение Ирака в государство-лидера арабского мира, региональный центр силы на фоне геополитических и региональных процессов;

- на примере правящей в Ираке партии Баас прослежен внешнеполитический курс арабских режимов с националистической идеологией;

- рассмотрено влияние внутренних факторов на формирование внешней политики Ирака;

- раскрыты сущность и приоритетные цели «арабской политики» Ирака на примере отношений с ведущими арабскими государствами Ближнего Востока, его стремления осуществить «особую миссию» в арабском мире;

- рассмотрен и обобщен внешнеполитический курс Ирака с ведущими мировыми и региональными акторами в контексте международных отношений в ходе ирано-иракской войны, кувейтского кризиса, посткризисный период и накануне войны 2003 года;

- изучен процесс формирования внешнеполитического курса Ирака в первые послевоенные годы с учетом изменившегося статуса страны, исследованы попытки выработки нового формата взаимоотношений с внешним миром в условиях глобальных и региональных вызовов;

- обозначены основные направления и аспекты внешней политики Ирака с ведущими региональными и глобальными центрами влияния в первые послевоенные годы;

- проанализировано реальное состояние и перспективы обеспечения региональной стабильности и безопасности, гарантирующих мирное сосуществование государств региона со своими соседями вне зависимости от их национально-государственных интересов и идейно-политических целей;

- были сделаны выводы о необходимости снижения уровня конфликтного потенциала Ближнего Востока, сокращения вооружений и военных расходов до

норм оборонной достаточности и выработки концепции всеобщей безопасности с учетом баланса сил и интересов всех стран региона, а также активного воздействия на региональные процессы ведущих мировых центров влияния.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что ее выводы и заключения могут стать не только частью обобщающих исследований по современной истории и внешней политике Ирака, но и заложить основу для подготовки комплексных работ по типологии внешнеполитического курса арабских режимов с националистической идеологией и научных разработок по проблемам внешней политики и международных отношений на Ближнем Востоке.

Положения и выводы диссертации могут представлять интерес для исследователей и научных сотрудников академических центров, занимающихся проблемами политического развития арабских и других стран ближневосточного региона на современном этапе, а также историков и политологов, изучающих актуальные проблемы международных отношений. Они могут быть полезными для работников МИД и других структур, связанных с выработкой внешнеполитического курса Азербайджана, а также некоторых неправительственных организаций в их практической деятельности.

Материалы исследования могут быть использованы для подготовки общих и специальных курсов, учебников, учебных и методических пособий и программ по современной истории Ближнего Востока, арабских стран и Ирака для бакалаврской и магистерской ступеней обучения в высших учебных заведениях соответствующего профиля.

Апробация и применение. Основные положения и выводы диссертационной работы нашли отражение в трех монографиях, а также в многочисленных статьях и тезисах, опубликованных как в стране, так и за рубежом. Они также были озвучены на международных и республиканских научных и научно-практических симпозиумах и конференциях.

Место выполнения диссертационной работы. Диссертация выполнена на кафедре Истории стран Азии и Африки Исторического факультета Бакин-

ского Государственного Университета.

Структура и общий объем исследования. Структура диссертационной работы обусловлена спецификой предмета и методологией исследования, а также поставленными целями и задачами. Она состоит из введения (объем 56993 знаков без пробелов и 32 страниц), четырех глав с 12-ю параграфами. I глава состоит из 4-х параграфов. Объем I главы – 91535 знаков без пробелов и 51 страниц. 1.1. Объем – 12982 знаков без пробелов и 8 страниц; 1.2. Объем – 43694 знаков без пробелов и 23 страниц; 1.3. Объем – 18430 знаков без пробелов и 10 страниц; 1.4. Объем – 16369 знаков без пробелов и 10 страниц; II глава состоит из 3-х параграфов. Объем II главы – 98903 знаков без пробелов и 55 страниц. 2.1. Объем – 29016 знаков без пробелов и 16 страниц; 2.2. Объем – 26120 знаков без пробелов и 15 страниц; 2.3. Объем – 43712 знаков без пробелов и 24 страниц. III глава состоит из 2-х параграфов. Объем III главы – 95056 знаков без пробелов и 53 страниц. 3.1. Объем – 40634 знаков без пробелов и 22 страниц; 3.2. Объем – 54379 знаков без пробелов и 31 страниц. IV глава состоит из 3-х параграфов. Объем IV главы – 145251 знаков без пробелов и 81 страниц. 4.1. Объем – 34608 знаков без пробелов и 20 страниц; 4.2. Объем – 50262 знаков без пробелов и 28 страниц; 4.3. Объем – 60312 знаков без пробелов и 33 страниц, заключения – объем 17833 знаков без пробелов и 9 страниц и списка использованной литературы – объем 45755 знаков без пробелов и 30 страниц. Общее число страниц – 314, объем диссертации без списка использованной литературы 506796. Общий объем диссертации вместе со списком использованной литературы 552551 знаков без пробелов.

І ГЛАВА

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАКА В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

1.1. Политическая обстановка в Ираке накануне прихода партии Баас к власти.

Конец 60-х годов XX века ознаменовал важную веху в общественно-политическом развитии Ирака. Десятилетнее после революции 14 июля 1958 г. развитие страны прошло под знаком острого противоборства различных группировок за власть и претворения ими в жизнь своих политических и экономических целей [199, с. 215]. В то же время, особые исторические условия развития Ирака, специфические особенности иракской политической культуры, отсутствие традиционных демократических институтов власти, политическая и экономическая слабость и непоследовательность находившейся у власти национальной буржуазии и выражавшего ее интересы высшего офицерства предопределили во многом негативные тенденции и просчеты во внутреннем и внешнеполитическом курсе правивших в тот период режимов.

Первые десять лет существования республики, сменявшие друг друга у власти различные военные и гражданские группировки не располагали ни идейно-политической стратегией, ни массовой политической организацией, способной мобилизовать и сплотить вокруг них широкую социальную базу и, как следствие, не смогли решить стоявшие перед страной сложные политические и экономические задачи [102, с. 35]. Отказ от демократических форм правления и установление личной диктатуры, подавление демократических свобод, беспринципная борьба за власть, экономическая стагнация, коррупция и резкое падение уровня жизни населения, расточительство национальных ресурсов, нерешенность курдского вопроса, раскол в армейской среде, приведший к образованию различных «центров силы» на фоне поражения арабов в июньской войне 1967 года – вот неполный перечень внутренних и внешних факторов,

предопределивших кризис власти в Ираке к концу 60-х гг. XX века. В этих условиях усилилось втягивание различных социальных слоев в оппозиционную политическую деятельность и происходила радикализация иракского общества. Решающее значение для обострения кризиса власти в стране приобрел разрыв между правящей элитой и армией и отказ всех военных фракций от ее поддержки в «решающий момент», поскольку стала очевидной ее полная политическая несостоятельность и бесперспективность [282, с. 253].

Ввиду ослабления, а затем и самоликвидации традиционных буржуазных партий – «Истиклаль» и Национально-демократической партии, левые и радикальные националистические партии значительно укрепили свое влияние среди различных слоев населения и выдвинулись на руководящие позиции в борьбе против режима. Наиболее влиятельными среди них были Иракская коммунистическая партия (ИКП) и партия Баас.

Несмотря на определенный вес и влияние в обществе, Иракская компартия во второй половине 60-х годов переживала серьезный идейно-политический и организационный кризис, поэтому не сумел выработать эффективную тактическую линию в борьбе против существующего режима. Выдвинутый ею в тот период лозунг *«Осуществление народного вооруженного восстания при решающей роли армии для свержения режима»* при отсутствии прочной базы в вооруженных силах был далек от реальности [425, т. 4, с. 246].

На этом историческом, во многом переломном моменте ее истории партия Баас стала единственной силой, которая, объединив вокруг своей националистической платформы мелкобуржуазные слои общества, сумела сделать решающие шаги к завоеванию политической власти в стране.

Баасизм как идеология и политическое движение, впоследствии идейно и организационно оформившаяся как одна из наиболее влиятельных политических партий арабского мира – Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) или Баас (от арабского «баас» – «возрождение»), появился в начале 40-х годов XX века в Сирии. Возникновение баасистского движения явилось одним из симптомов начавшегося в арабских странах сложного социально-

политического процесса, основное содержание которого состояло в постепенном выдвижении на авансцену политической борьбы мелкой буржуазии, традиционно занимавшей сильные позиции во многих секторах экономики арабских стран [119, с. 64]. Основы идеологии Баас и ее организационной структуры были заложены еще в 40-е годы XX в. и нашли свое оформление в I программе партии (апрель 1947 г.). Универсальной базой и главным принципом идеологии партии являлся арабский национализм, который был призван, по мнению идеологов баасизма, объединить все компоненты их доктрины в стройное целое. Национализм характеризовался в программе как *«живая и вечная действительность»*, *«стремление арабских народов к освобождению и объединению арабской нации в единое государство»* [425, т. 4, с. 26]. Основная цель партии воплощалась в лозунге *«Арабская нация едина, ее миссия бессмертна»*, под которым подразумевалось достижение арабского единства путем ликвидации *«искусственно созданных колонизаторами границ между арабскими странами и объединения арабов в единую национально-государственную общность»*. Она рассматривалась теоретиками партии как единственная основа, на которой могло произойти *«возрождение великой арабской нации»* [414, с. 152], возврат ее к величию и могуществу так называемого золотого века арабов. Важнейшим политическим средством достижения этой цели основатели партии считали осуществление на практике ее «триединого» девиза – *«Единство, свобода, социализм»* [386, с. 32].

В первом компоненте триады – «единство» содержалось указание на панарабизм Баас, стремление партии не ограничивать свою деятельность национальными рамками одной арабской страны, утвердить ее в форме региональных отделений во всех арабских странах, организационно подчиненных общеарабскому (национальному) руководству партии, прийти к власти в каждой из них, чтобы затем приступить к созданию единого арабского государства. Под «свободой» подразумевалась как свобода индивидуальная, достигаемая через создание «общества равных возможностей», так и свобода самого общества, понимаемая в антиимпериалистическом и антиколониальном смысле. «Социализм»

Баас представлял собой одну из разновидностей мелкобуржуазных теорий социализма, возникших во многих странах «третьего мира». В иерархии ее идеологических приоритетов социализм занимал последнее место и служил средством достижения двух главных целей и в этом смысле можно согласиться с мнением видного арабского исследователя К.Абу-Джабера, что баасистская идеология, особенно на начальных этапах, *«полностью ставила националистические цели над социалистическими»* [221, с.101].

Иракское региональное отделение Баас было создано в начале 50-х годов XX в. Однако было бы ошибкой считать процесс возникновения баасистского движения в Ираке и его трансформацию в политическую партию результатом механического «экспорта» ее идей из Сирии на чужеродную почву. Он был обусловлен спецификой социально-политического развития Ирака, которое характеризовалось ростом социальной мобильности мелкой буржуазии и повышением ее политической активности. Политическая платформа иракской Баас до революции 1958 г. была ориентирована на реализацию главной задачи – ликвидацию монархического режима и установление республиканской формы правления. Именно этот курс обеспечил партии в 50-е годы рост популярности и увеличение числа сторонников, однако гипертрофировать вслед за официальной баасистской историографией ее *«выдающуюся роль в массовых движениях того периода»* [425, т. 5, с. 9], разумеется, не стоит.

Эта партия впервые получила возможность управлять страной после переворота 8 февраля 1963 г. Однако ее девятимесячное правление обнаружило несовершенство баасистских концепций общественно-политического и экономического развития и резкое противоречие между провозглашенными теоретическими установками и целями, с одной стороны, и их практической реализацией, с другой. В региональном руководстве партии началась острейшая фракционная борьба, которая привела к ее расколу на несколько враждующих группировок [234, с. 1046]. Вмешательство национального руководства для преодоления идеологического и политического кризиса в иракской Баас лишь усилило напряженность и разброд среди ее рядовых членов. Вскоре деятельность этой

партии в Ираке была запрещена [12, с.135].

Отметим, что опыт ее правления в Ираке с февраля по ноябрь 1963 г. получил критическую оценку в специальных документах общеарабских и региональных съездов партии. Они в целом давали верную оценку деятельности Баас в тот период и отмечали отрицательную роль, которую сыграло ее руководство в судьбе партии, *«исказив суть ее борьбы, уронив авторитет в глазах арабской и мировой общественности»* [388, с. 78]. Этот этап в истории партии квалифицировался ее официальной историографией как *«этап поражений»* [414, с. 129]. Избранное под давлением общеарабской Баас, новое руководство иракского региона во главе с умеренным Ахмед Хасаном аль-Бакром, сделало попытку серьезно осмыслить и проанализировать причины поражения. Однако ряд объективных и субъективных факторов препятствовали преодолению возникшего кризиса в партии [234, с.1016]. В 1966 г. в партии произошел еще один серьезный кризис, связанный с расколом в общеарабском руководстве. Основоположник и генеральный секретарь партии М.Афляк и его ближайшие соратники, в результате острейшей внутрипартийной борьбы отстраненные от общеарабского руководства, вынуждены были покинуть Сирию и перебрались в Ливан, где создали новые партийные органы. Прерогативы высшего органа – общеарабского руководства взяло на себя сирийское региональное руководство партии [407, с. 110]. В Ираке Баас оказалась расколота между этими враждующими группировками, двумя общеарабскими руководствами. Подобное положение сохранялось до созыва чрезвычайного регионального съезда иракской Баас в сентябре 1966 г., на котором было избрано проафляковское региональное руководство во главе с А.Х. аль-Бакром, заместителем стал его родственник из Тикрита – Саддам Хусейн [283, с. 47]. Первоочередной задачей данного этапа новое руководство считало расширение социальной базы партии и восстановление к ней доверия национальных сил страны [366, с. 59].

Состоявшейся в начале 1968 г. IX общеарабский съезд партии в качестве важнейшей задачи провозгласил *«обновление классового состава партии путем усиления деятельности среди рабочих и крестьян с тем, чтобы создать*

ядро партийной организации» [425, т. 4, с. 250]. Однако эти положения и рекомендации носили чаще всего декларативный характер и на практике не находили реализации. На это ориентировал партию и призыв М.Афляка *«опираться, прежде всего, на саму себя»* [396, с. 54]. Что касается одного из ключевых вопросов – вопроса о власти, то здесь позиция ее руководства отличалась реализмом. Хотя после раскола национального руководства в 1966 г. оно публично осудило практику военных переворотов, эти оценки носили явно демагогический характер. Известно, что Баас всегда придерживалась радикального пути осуществления своей *«бессмертной миссии»* и называла себя *«хизб аль-инкилаб»* (партия переворота) [397, с. 55]. Это положение было закреплено и в материалах VI общепарабского съезда: *«Замена одной общественной системы другой не должна осуществляться постепенно, а путем смелого удара, который приведет к разрушению отжившей политической, экономической, правовой, социальной и культурной структуры общества»* [342, с. 26].

Учитывая прохладное отношение баасистов к другим оппозиционным силам страны и нежелание делить власть с кем бы то ни было, можем смело утверждать, что на пути насильственного свержения существующего режима в качестве единственного союзника партия могла опираться только на армию. На это нацелил ее и IX общепарабский съезд (1968 г.), обязав иракское региональное руководство начать энергичную подготовку к вооруженной борьбе и усилить политическую и идеологическую пропаганду в армейской среде. Выбор армии в качестве ближайшего союзника в борьбе с режимом был отнюдь не случайным, если принять во внимание, что социальная база партии была узкой, а ее влияние в массах продолжало оставаться незначительным. Население с недоверием относилось к деятельности баасистов, а сектантская тактика руководства партии по отношению к другим оппозиционным силам лишала ее маневра в выборе союзников [199, с.197].

17 июля 1968 г. объединенными усилиями Баас и организации «Арабское революционное движение» в Ираке произошел военный переворот, в результате чего власть перешла в руки Совета революционного командования (СРК),

председателем которого был избран А.Х. аль-Бакр. Он же был назначен президентом Иракской Республики, пост премьер-министра занял лидер «Арабского революционного движения» А.Р. ан-Найеф. Однако двоевластие в стране продолжалось недолго – 30 июля 1968 г. был совершен второй, на этот раз чисто баасистский переворот. Президент аль-Бакр выступил с заявлением, в котором сообщалось об отстранении ан-Найефа и его ближайших сторонников от занимаемых постов, о роспуске сформированного 17 июля правительства и о назначении президента премьер-министром и главнокомандующим вооруженными силами страны [283, с. 31]. Таким образом, впервые в своей истории партия Баас оказалась в положении единоличного руководителя страны. Сформированное 31 июля 1968 г. аль-Баком новое правительство, целиком состоявшее из членов партии и близких ей военных, обнародовало программу, отражавшую позицию руководства по основным вопросам внутренней и внешней политики.

В области внутренней политики предусматривалось ослабить позиции иностранного капитала в стране и проводить самостоятельную экономическую политику, прежде всего в нефтяной сфере, укреплять государственный сектор в экономике, установить контроль над деятельностью частного сектора, завершить проведение аграрной реформы. Хотя главные внешнеполитические ориентиры нового руководства в тот период еще не были конкретизированы и носили общий характер, тем не менее они были направлены на создание необходимых условий для укрепления политической и экономической независимости страны, которые виделись в усилении *«борьбы против империализма и сионизма»* в регионе, укреплении *«единства арабских государств»*, развитии отношений с СССР и другими социалистическими странами и т.д. [366, с. 96].

Конкретные цели и задачи внешней политики Ирака стали предметом специального обсуждения на VII региональном съезде Баас (ноябрь 1968 г.), который обязал руководство *«работать в направлении улучшения отношений с арабскими странами»* в рамках так называемой «арабской политики», проводить активную региональную политику, расширять связи с СССР и другими социалистическими странами и разграничить политические отношения с разви-

тыми странами Запада по степени их «дружественности» и «враждебности арабской нации» [350, с. 10]. Съезд также ориентировал правящую партию сосредоточить внимание на решении региональных проблем, в первую очередь ближневосточной проблемы.

Таковы теоретические компоненты внешней политики Ирака в первое десятилетие правления Баас, практическое воплощение их в жизнь рассмотрим на примере его двусторонних и многосторонних отношений с ведущими арабскими и неарабскими странами региона, а также основными мировыми акторами.

1.2. Основные векторы «арабской политики» Ирака.

В системе внешнеполитических связей Ирака отношения с арабскими странами занимали особое место и выделялись в самостоятельную область политики, именуемую «ас-сийяса аль-арабийя» – «арабская политика». Во всех официальных документах – решениях съездов правящей Баас, заявлениях СРК и правительства, выступлениях партийных и государственных деятелей отношения с арабскими странами рассматривались в качестве приоритетной задачи, стоявшей перед Иракской республикой и вытекавшей из баасистской идеологии и стратегии, разрабатываемой региональным и общеарабским съездами. Исходным пунктом «арабской политики» Ирака служил постулат об этнической, языковой, исторической и культурно-психологической принадлежности страны к арабскому миру. Данное положение было зафиксировано во временной конституции Иракской республики (1970 г.), в пятой статье которой говорилось: «*Ирак является неотъемлемой частью единой арабской родины, а иракский народ – частью единой арабской нации*» [422, с. 56].

Первоначально главные компоненты «арабской политики» Ирака носили общий характер и сводились к осуществлению единства арабских стран; освобождению всех оккупированных арабских территорий, в первую очередь Палестины; поддержке освободительных движений в арабских странах. В тот период Ирак выступал за укрепление связей в первую очередь между «*арабскими прогрессивными и революционными силами*», а себя считал «*надежной базой*

для их деятельности» [424, с. 48]. Эту же позицию подтвердил X общеарабский съезд партии Баас (март 1970 г.), в Отчетном докладе которого говорилось о необходимости *«превратить территорию Ирака в убежище революционных арабских сил и поставить потенциал страны на службу общеарабской стратегии»* [227, с. 14]. Как видим, правящая партия с самого начала своей деятельности обозначила претензии на ведущую роль и лидерство в арабском мире, именно она, по мнению ее лидеров, *«призвана была координировать и направлять действия отдельных арабских революционных отрядов»* [424, с. 49].

По мере изменения региональной обстановки и возникновения новых вызовов, содержание «арабской политики» Ирака подверглось определенной эволюции и обогатилось конкретными целями и задачами. Соответственно эти цели и задачи нашли свое детализированное выражение в теоретических документах – «Хартии национальных действий» Ирака (ноябрь 1971 г.), решениях VIII регионального съезда партии Баас (январь 1974 г.), выступлениях партийных и государственных деятелей страны.

В особенности это касалось одного из основополагающих принципов Баас, положенных в основу лозунга партии «Единство, свобода, социализм» – идеи «арабского единства». Еще на принятой в 1947 г. первой партийной программе важнейшей ее целью провозглашалось *«объединение на националистической основе всех арабских стран в единый государственный организм»*. В качестве объективных предпосылок для ее реализации назывались общность языка, территории, культуры и *«священной миссии арабов»* [425, т.4, с. 27]. Важное место, отводимое баасистскими идеологами в их теоретических построениях проблеме арабского единства, было не случайно, если принять во внимание исключительную популярность идеи объединения в арабских странах. Единство считалось главным лозунгом и высшим требованием всех политических сил арабского мира, возведенным в ранг государственной политики. Однако лидеры Баас неизменно подчеркивали, что только они являются *«единственными последовательными выразителями идеи единства арабов»* [425, т.4, с. 31], претендуя на роль руководителей объединенного арабского государства, которое плани-

ровалось создать под эгидой этой партии и опираясь на ее лозунги. В триаде – «единство, свобода, социализм» очередность слов не случайна, как это может показаться на первый взгляд: поскольку Баас ставила общенациональные задачи, сконцентрированные в понятии «единство», в основу своей внутренней и внешней политики, то только через достижение «единства» возможен был путь к «свободе», в условиях которой можно было построить «социализм» в обществе. Отличие баасистской концепции «арабского единства» от других, по мнению баасистских теоретиков, было связано с тем, что она вывела эту проблему из *«плена общих идей и туманных фраз, придала ей плоть и кровь, открыла перед ней путь осуществления, связав с общей борьбой арабских народов за освобождение»* [415, с.50]. Важной чертой их концепции являлась ее антиимпериалистическая направленность, обусловленная историческими условиями возникновения баасистского движения и его выхода на политическую арену. Лидеры партии считали осуществление арабского единства одной из самых эффективных форм борьбы арабов за национальную независимость.

После неудачного опыта первого объединительного проекта арабских стран – создания ОАР в составе Египта и Сирии (1958-1961 гг.) и ФАР (1958, 1972-1977 гг.), баасистские лидеры стали проявлять осторожность в своих ранее радикальных призывах к арабскому единству. Определенную роль здесь сыграло критическое осмысление неудачных уроков, «экспериментов прошлых объединений», нашедшее подтверждение в документах IX, X и XI общеарабских (национальных) съездов партии и решениях некоторых региональных съездов иракской Баас. Анализ этих документов подтверждает курс на более взвешенный и прагматичный подход к идее арабского единства, который выражался в *«необходимость вести работу в направлении политического, экономического и военного единства арабской родины»* [227, с. 21].

На VIII региональном съезде (январь 1974 г.) было принято окончательное решение о практических методах и путях объединения арабов в единое государство, основные положения которого состояли в следующем: во-первых, Баас исходила из реального факта существования самостоятельных арабских госу-

дарств и считала, что раскол *«арабской нации носит политический, экономический и психологический характер»*; во-вторых, следовало установить контроль сначала в одной стране, а затем и в других – до тех пор, пока не осуществится принцип арабского единства и не будет создано единое арабское государство [61, с. 177]. Предполагалось, что этим процессом будет руководить партия Баас, чьи идейные принципы и организационные формы составят ядро будущего единого арабского государства и которой в этом объединении будет принадлежать ведущая роль. В документах съезда отмечалось: *«Развитие регионального государства будет поставлено на службу построения общенационального государства, через организационное и идейное единство партии Баас и на базе ее политической программы»* [61, с.167].

Общественно-политическое развитие арабских стран после достижения ими политической независимости и глобальные вызовы внесли значительные коррективы в идейную платформу баасизма, подверглось изменению содержание его основных идеологических доктрин, в том числе и идея арабского единства. В указанный период внутри арабского мира преобладала тенденция не к сплочению, а к углублявшемуся размежеванию, которая подтверждалась и самой историей Баас, с середины 60-х годов пребывавшей в состоянии идейно-организационного раскола [273, с. 108]. Позднее в одном из своих интервью лидер иракских баасистов С.Хусейн так охарактеризовал изменения, произошедшие в позиции правящей партии в вопросе арабского единства: *«Двадцать лет назад мы думали, что можно осуществить единство конституционными, политическими и директивными мерами. А сейчас видим, что единство или приближение к нему не может быть осуществлено только политическими и конституционными актами. И мы стали искать возможность для действия в направлении единства также и в других областях»* [263, с.82].

Помимо попыток претворения в жизнь идеи «арабского единства» для правящей Баас одной из приоритетных направлений ее деятельности было сосредоточение усилий на решении ближневосточной проблемы. Хотя Ирак не граничил с Израилем и принадлежал к тем арабским странам, которые условно

составляли «вторую линию» арабо-израильской конфронтации, тем не менее, существование нерешенной ближневосточной проблемы, негативно влиявшей на общую политическую ситуацию в регионе, невозможно было игнорировать. Однако в отличие от «прифронтовых» арабских стран – Сирии, Египта, Иордании и Ливана – иракское руководство имело определенную свободу действий и значительно больше возможностей для маневрирования в осуществлении своей региональной политики и при принятии практических решений. Кроме того, в системе политических приоритетов страны фактор палестинских беженцев, который являлся ключевым в арабо-израильском конфликте, не занимал ведущее место. Незначительное присутствие палестинцев в Ираке и жесткая регламентация их деятельности со стороны властей позволяли не опасаться дестабилизирующего влияния этого фактора на внутривнутриполитическую обстановку [178, с.141]. Тем не менее, партийные съезды ориентировали руководство правящей Баас вести энергичную работу в «*направлении решения проблем арабской нации*» [350, с.10]. Так, в заключительном документе VII регионального съезда партии (ноябрь 1968 г.) был определен «особый» подход иракских баасистов к ближневосточному урегулированию, в целом, и палестинской проблеме, в частности, который отвергал все политические методы урегулирования, как «*капитулянтские*» и «*предательские*». Единственным средством решения данной проблемы признавалась война с «*сионистским образованием*» (Израиль – авт.) и поддерживавшими его «*империалистическими государствами*» до полного разгрома «*врагов арабской нации*» [136, с. 18]. В качестве «политического оружия» предлагалось использование нефтяного фактора, который в 70-е годы превратился в «*решающий элемент глобальной политики*» [30, с. 105]. В целом, провозглашенная и проводимая иракскими лидерами радикальная и бескомпромиссная политика по ближневосточному урегулированию должна была создать им имидж единственных до конца последовательных проводников «*целей арабской нации по освобождению Палестины*» [417, с. 88].

Однако к началу 80-х годов под воздействием ряда международных и региональных факторов, а также более прагматического подхода к проблемам

арабского мира позиция Ирака в вопросах ближневосточного урегулирования претерпела определенную трансформацию. Иракские лидеры признали возможность всестороннего урегулирования арабо-израильского конфликта мирными средствами и поддержали идею созыва международной конференции по Ближнему Востоку. Подтверждая *«принципиальную верность»* своей позиции по ближневосточному урегулированию – *«отказ от пораженческих решений в любых формах, осуждение арабских режимов, несущих ответственность за поражение...»*, они вынуждены были признать, что *«очень большая дистанция отделяла в реальности эти лозунги, программы с их практическими потребностями»*. По их словам, *«собственные возможности партии играть руководящую, решающую роль ... для претворения этих лозунгов и программ в жизнь»* были недостаточны по причине ее *«ограниченных позиций в арабском мире»* [61, с.137]. Делая выводы из *«ошибок при осуществлении своих национальных задач в отношении палестинской проблемы»*, руководство партии смогло в целом трезво оценить собственные неудачи в данном вопросе как *«естественный результат комплекса ошибок и неправильных представлений»*. Оно вынуждено было также признать, что *«Баас включилась в общенациональную деятельность по проблемам Палестины в такой форме, которая значительно превосходила ее субъективные возможности на том этапе»* [61, с.139].

С этой, в целом правильной и критической оценкой деятельности правящей партии по проблеме ближневосточного урегулирования, нельзя не согласиться, поскольку даже поверхностный анализ ее политики в данном направлении обнаружил негибкую, довольно однообразную и прямолинейную, а главное – далекую от реальности позицию, которая не могла удовлетворить амбиции Ирака и обеспечить ему статус государства – лидера арабского мира.

Проанализировав вкратце основные теоретические компоненты «арабской политики» Ирака, рассмотрим их практическое воплощение в жизнь на примере его двусторонних отношений с ведущими арабскими странами.

В общей системе межарабских связей самым сложным участком в исследуемый период были отношения Ирака с Сирией, основную черту которых

можно охарактеризовать как перманентную напряженность и конфликтность.

Даже при поверхностном анализе причин, породивших ирако-сирийские противоречия, можно довольно легко обнаружить много общих интересов, точек соприкосновения как в двусторонних отношениях, так и по коренным проблемам арабского мира и всего ближневосточного региона. Фактором, способным сблизить два соседних государства, могла стать их партийно-идеологическая идентичность. Но именно разногласия в этой сфере, по мнению ряда исследователей современной истории Ирака и Сирии [68, с.122; 286, с. 192; 293, с. 171], явились первопричиной напряженности между двумя странами. Раскол в общеарабском руководстве в феврале 1966 г., когда ее основатели и неизменные лидеры в результате внутривнутрипартийной борьбы были отстранены от руководства, а власть перешла в руки представителей просирийского крыла Баас, привел к отказу иракского регионального отделения партии выполнять решения нового общеарабского руководства, как *«незаконные, антинациональные и раскольнические»*. Их позиция была зафиксирована в Политическом отчете VIII регионального съезда партии, в котором говорилось: *«С этого периода партией в Сирии руководили силы, вооруженные фальшивыми идеологическими, организационными и политическими принципами, пытавшиеся отделить иракскую Баас, имевшую новую, более прогрессивную идейно-политическую и организационную платформу, от сирийской»* [348, с. 25].

Перенос в Багдад штаб-квартиры старого общеарабского руководства во главе с отцом-основателем партии и ее Генеральным секретарем М.Афляком дал дополнительные преимущества иракским баасистам в их борьбе с сирийской Баас за лидерство на партийно-идеологическом уровне [230, с. 128]. Фактически с этого времени на политической арене действовали две самостоятельные партии со своим общеарабским и региональным руководством, новыми программными установками и целями, стратегией и тактикой. Идеологическое соперничество и борьба за влияние, преломляясь через сложную систему международных, региональных и национально-государственных интересов, превратились на долгие годы в фактор нестабильности и напряженности в двусторон-

них отношениях. Партийно-идеологическое противостояние с течением времени стало отягощаться грузом политических амбиций, обид и недоверия на личностном уровне. Борьба за лидерство в арабском мире объективно превращала эти страны в непримиримых соперников, что на фоне сложных региональных проблем ослабляло единый фронт борьбы и не отвечало ни их интересам, ни интересам арабского мира в целом.

Другим негативным аспектом ирако-сирийских отношений, по мнению ряда исследователей, являлся неодинаковый подход к путям и методам решения региональных проблем, в первую очередь ближневосточной проблемы [305, с.123; 251, с. 211]. Иракские лидеры считали свою позицию по тем или иным проблемам арабского мира единственно правильной и критиковали те государства, чьи позиции и принципы не совпадали с их подходами, причем борьба велась самая бескомпромиссная. Порой случалось так, что из-за своего крайнего радикализма и нежелания идти на разумные компромиссы Ирак оказывался в изоляции в арабском мире. Однако справедливости ради отметим, что в критические для арабского мира моменты, Ирак и Сирия, невзирая на разногласия, оказывали друг другу помощь, критика и резкие нападки уступали место сотрудничеству и взаимовыручке. Это политическая линия диктовалась не только и не столько арабской солидарностью, а тем фактом, что из-за узкокорыстных личных интересов и амбиций они не могли игнорировать выполнение основополагающих идейно-политических установок и программных целей партии. Сюда нужно добавить непростое внутривосточное положение в двух странах в начале 70-х годов, слабость социальной базы правящих режимов, а также политический и идеологический кризис, охвативший арабский мир после поражения в войне 1967 и 1973 гг. [350, с. 42].

Отметим, что в указанный период Ирак придавал большое значение нормализации отношений с теми арабскими странами, которые непосредственно противостояли Израилю, и обязательному участию иракской армии в войне за «освобождение Палестины». Именно этими соображениями было продиктовано выдвижение иракскими лидерами в конце 1968 г. идеи создания единого воен-

ного командования из прифронтовых арабских государств – Египта, Сирии, Иордании и Ирака. Поскольку Египет отказался от участия в этом проекте, в марте 1969 г. было создано объединенное «Восточное командование» в составе Сирии, Иордании и Ирака. На основе достигнутого соглашения, на территории Сирии и Иордании были размещены до 20 тыс. иракских военнослужащих, их ежегодное содержание в размере 60 млн. динаров полностью взяла на себя иракская сторона [72, с. 66]. Однако в результате противоречий сотрудничество в рамках «Восточного командования» вскоре распалось, а иракские войска были выведены с восточного фронта.

Долю ответственности за распад этого военного союза несло и сирийское руководство. Пришедший в результате так называемого «исправительного движения» в ноябре 1970 г. к власти Хафез Асад выступил за необходимость пересмотра ряда принципов внешней политики страны. В качестве основной цели было провозглашено достижение скорейшего и всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта. С этой целью планировалось установить тесные контакты не только с так называемыми *«прогрессивными и патриотическими арабскими режимами»* [395, с. 12], но и со всеми арабскими странами вне зависимости от характера их общественно-политического устройства. Сирия стремилась дистанцироваться от радикального курса Ирака в ближневосточном урегулировании и начала укрепить военно-политический союз с Египтом в рамках Федерации арабских государств (ФАГ), что, по словам известного исследователя Н. Гуллиама, позволяло характеризовать этот период как *«египетский этап»* [259, с. 120].

Хотя в обнародованном в начале марта 1971 г. пакете политических реформ Х. Асад указывал на необходимость налаживания более тесного сотрудничества с Ираком в разных областях, на практике этот период характеризовался дальнейшим охлаждением двусторонних отношений. Принимая во внимание натянутые отношения Ирака с Египтом и Иорданией, то становится ясно, что на этом этапе его попытки наладить тесные контакты и военное сотрудничество с прифронтовыми арабскими государствами не только потерпели фиаско, но он

оказался в фактической изоляции в арабском мире. Такая ситуация не могла удовлетворить иракских лидеров, поэтому 20 марта 1972 г. президент А.Х. аль-Бакр обратился к Сирии и Египту с предложением об установлении единства между этими странами. Для конкретизации деталей и механизма осуществления единства Ирак направил в Сирию специальную делегацию во главе с заместителем председателя СРК С.Хусейном. Однако в ходе переговоров выяснилось, что проект единства, предложенный Ираком, коренным образом отличался от сирийского плана по объединению арабских стран в федерацию. Сирийская сторона предложила Ираку присоединиться к ФАГ при условии согласия со всеми ее принципами, что фактически означало принятия лидерства Сирии [71, с. 192]. В ответ Ирак заявил, что не стремится к полному государственному объединению или вхождению в ФАГ, его планы включают объединение военных усилий прифронтовых арабских государств. Провал ирако-сирийских переговоров на этом этапе был в немалой степени связан с острым соперничеством за лидерство в арабском мире, которое после смерти в 1970 г. лидера арабского мира, египетского президента Г.А.Насера приобрело открытый характер.

Однако помимо политического соперничества между двумя странами имелись и другие проблемы, которые отрицательно влияли на характер их взаимоотношений. Среди них можно выделить нефтяную проблему и вопрос распределения водных ресурсов р. Евфрат, принявший хронический характер и неоднократно приводивший к кризисам между ними. Когда в июне 1972 г. Багдад приступил к национализации собственности Ирак Петролеум Компани (ИПК), со всей остротой стал вопрос транспортировки иракской нефти. В тот период единственной коммуникацией, обеспечивавшей ее доставку на внешние рынки, был нефтепровод Керкук – Банияс с выходом к Средиземному морю через территорию Сирии. Первоначально Х.Асад заявил о полной морально-политической поддержке этого стратегического шага Багдада и в знак солидарности объявил о национализации имущества ИПК на своей территории. Однако вскоре Сирия уведомила иракскую сторону о пересмотре размеров выплат, тарифов, таможенных пошлин и сборов за транспортировку ее нефти [251, с. 211].

Стало ясно, что, оказывая экономическое давление на Багдад, она стремится получить определенные политические уступки. Переговоры между ними по данному вопросу оказались безрезультатными, а в январе 1973 г. сирийский парламент принял законопроект о повышении вдвое тарифов за транспортировку иракской нефти по своей территории [44, с.218]. Для блокирования его негативных последствий указом СРК Ирака была создана специальная комиссия, которая должна была в кратчайшие сроки решить вопрос строительства альтернативного нефтепровода. С этой целью в январе 1973 г. министр энергетики Ирака побывал в Анкаре, где обсуждал вопрос транспортировки нефти через территорию Турции к Средиземному морю, а в мае был подписан протокол о строительстве нефтепровода по маршруту Керкук – Юмурталык, открытие которого состоялось в январе 1977 г. Одновременно был решен вопрос строительства стратегического нефтепровода, который соединял южноиракские месторождения с Заливом. Таким образом, строительство двух новых нефтепроводов способствовало значительному ослаблению зависимости экспорта иракской нефти от политических решений Сирии. С апреля 1976 г. Ирак приостановил транспортировку своей нефти к порту Банияс, после чего Сирия закрыла общую границу и заморозила торгово-экономические связи.

Что касается вопроса распределения и использования водных ресурсов реки Евфрат, проходящей по территории трех ближневосточных государств – Турции, Сирии и Ирака, то он возникал и раньше и был связан с многими причинами – состоянием уровня воды в реке, ее количеством, весенними паводками, засухой и т.д. Во избежание трений между ними были установлены твердые квоты, по которым распределялись водные ресурсы Тигра и Евфрата [37, с.192]. С начала 70-х годов в связи со строительством Кебанского гидротехнического сооружения в Турции и Евфратской плотины в Сирии распределение воды в рамках прежних квот претерпело некоторые изменения. Весной 1975 г. иракская сторона обвинила Сирию в преднамеренном уменьшении пропуска воды, а также в чрезмерном ее использовании. В ответ без предварительного уведомления было перекрыто поступление воды в Ирак, в результате чего произошли

сбои в заполнении водохранилища Хаббанийя, сельскому хозяйству был нанесен серьезный ущерб, а около 3,5 млн. крестьян в бассейне Евфрата оказались в тяжелом положении [43, с.91]. Сирия объясняла уменьшение пропуска воды тем, что Турция не выполнила своих обязательств по квоте, в результате чего не удалось заполнить Евфратское водохранилище до необходимого уровня. В июле 1975 г. взаимные обвинения и угрозы привели к разрыву дипломатических отношений [37, с.190]. Однако после парафирования второго соглашения по Синаю разногласия между Ираком и Сирией значительно ослабли и в октябре 1975 г. стороны достигли договоренности о новом разделе вод Евфрата и установлении ежегодных квот для каждой страны.

К 1977 г. ирако-сирийские межгосударственные отношения находились на самой низкой ступени за последние десятилетия. Неспособность двух ведущих государств арабского мира объединить свои усилия для решения коренных проблем региона, возвыситься над собственными амбициями, пожертвовать личными симпатиями и антипатиями во имя арабского единства и солидарности способствовали углублению негативных тенденций в регионе. Однако подписание египетско-израильского мирного договора стало очередным стимулом к их сближению и консолидации арабского мира в новых условиях, а политическая дискредитация Египта и его изоляция в регионе открыли возможности для осуществления этими странами своих амбициозных планов в регионе.

Во второй половине 70-х годов двусторонние отношения между Ираком и Сирией в рамках их региональной политики развивались в тесной взаимосвязи. Иракское руководство обратилось к главам Сирии, Алжира, Ливии, НДРЙ и Исполкому ООП с предложением создать так называемый «Арабский фронт борьбы» для противодействия политическому курсу египетского президента А. Садата. Оно также заявило о своей готовности урегулировать все спорные с Сирией вопросы в рамках двусторонней встречи в Багдаде в конце 1977 г. Однако эта инициатива не нашла поддержки лидеров указанных стран, так как уже имелась официальная договоренность о проведении в феврале 1978 г. в Алжире очередного арабского Совещания в верхах для выработки плана совместных

действий и применения политико-экономических санкций против участников Кэмп-Дэвида и поддержавших его государств. Ирак бойкотировал Алжирское Собрание, а также отказался от участия на встрече лидеров Сирии, Алжира, Ливии, НДРЙ и ООП, созванной по инициативе Х.Асада. Официальный Багдад воспринял создание по ее итогам Фронта Стойкости и Противодействия (ФСП) как попытку Сирии *«бросить тень на иракские политические инициативы, оттеснить от ведущей роли в ближневосточных делах»* [293, с.156].

Но вскоре трезвый расчет и прагматизм, а главное – опасения оказаться в изоляции в арабском мире подтолкнули иракских лидеров выступить с предложением о созыве очередного арабского Собрания в верхах в Багдаде и создать специальный фонд для финансирования борьбы против Израиля [419, с.86]. Одновременно для нормализации отношений с Сирией в конце сентября 1978 г. в Багдаде состоялись переговоры, завершившиеся подписанием Хартии совместных действий по созданию политического органа для регулирования и координации военно-политических, экономических и других отношений между двумя странами. В ходе переговоров была достигнута принципиальная договоренность об объединении Ирака и Сирии в единое государство, а в июне 1979 г. стороны подписали Политическую декларацию об объединении.

Однако ирако-сирийское сближение имело, к сожалению, кратковременный характер: обострившаяся в конце 70-х годов в Ираке внутрипартийная борьба за власть отрицательно повлияла на состояние двусторонних отношений, и вопрос о партийно-государственном объединении был снят с повестки дня. После прихода к власти группировки С. Хусейна и казни так называемых *«заговорщиков»*, которых новые власти изобличили как *«агентов сирийского режима, стремившихся усадить своих ставленников на важнейших государственно-партийных постах»* [37, с.191], конфронтация между двумя странами приняла открытый характер. Разрыв их отношений имел чрезвычайно важные последствия для дальнейшей эволюции *«арабской политики»* Ирака, когда тщетность попыток возглавить *«борьбу за освобождение Палестины»* привела к его обособлению от коалиции стран, возглавляемых Сирией и рассматриваемых

Багдадом в качестве соперников за лидерство в арабском мире.

Анализируя в общих чертах состояние ирако-египетских двусторонних отношений в первое десятилетие правления Баас, можно констатировать, что они имели неровный характер с элементами сближения и сотрудничества до напряженности в отдельные периоды. Поддержанию в них негативного фона в немалой степени были заинтересованы и внешние силы, которые, исходя из своих геополитических и геоэкономических интересов, поощряли дезинтеграционные процессы в арабском мире. В их планах двум ведущим арабским государствам – Ираку и Египту отводилась особая роль.

После прихода к власти в Ираке партии Баас западные СМИ начали писать о том, что переворот в этой стране имеет антиегипетскую направленность, поскольку свергнутый режим проводил курс на тесное сотрудничество с Египтом. При этом особый акцент делался на натянутых отношениях между ними в период кратковременного пребывания партии Баас у власти в 1963 г. Действительно, в указанный период имелся опыт неудачного союза баасистов с так называемыми «юнионистами» (сторонники государственного объединения с Египтом – авт.). Но именно тогда были сделаны шаги по интеграции двух стран (провозглашение ФАР в составе Египта, Ирака и Сирии), которые указывали на то, что противоречия между ними не носили непреодолимого характера и при наличии доброй воли и совпадения интересов их можно было легко преодолеть.

Для претворения в жизнь одного из приоритетных целей «арабской политики» об установлении тесных связей с арабскими странами, непосредственно противостоявшими Израилю, Ирак возлагал особые надежды на сотрудничество с Египтом и рассматривал его как потенциального союзника в регионе. Поэтому иракский президент А.Х. аль-Бакр выступил со специальным заявлением, в котором опроверг все домыслы западных СМИ об ухудшении двусторонних отношений и заявил о намерении правительства *«развиваться и укреплять сотрудничество с Египтом в различных сферах»* [373, с.193]. Что касается Египта, то приход баасистов к власти был прохладно встречен в Каире. Президент Г.А.Насер с недоверием и скептицизмом относился к их практической

деятельности [337, с.402]. Он прекрасно помнил события недавнего прошлого, когда популярные лозунги и словесный радикализм иракских баасистов оказались ничем иным как попыткой манипулирования национальными идеями во имя достижения своих узкокорыстных и узкопартийных интересов. Однако Насер, будучи прагматичным лидером, не мог не учитывать крайне сложную ситуацию, сложившуюся в арабском мире после поражения в войне 1967 г. На этом переломном историческом этапе общеарабские интересы требовали координации усилий всех без исключения арабских стран, их единства и сотрудничества в самых различных сферах. Поэтому, когда иракские лидеры в конце 1968 г. выдвинули идею создания единого военного командования с участием прифронтовых арабских государств и Ирака, то он посоветовал сирийскому президенту Н. аль-Атаси и королю Иордании Хусейну принять их предложение, хотя сам и воздержался от участия в этом военном союзе [72, с. 80].

К сожалению, сотрудничество и взаимодействие арабских стран в скором времени дало серьезную трещину, преодолеть которую некоторые из них так и не смогли. После принятия Египтом и Иорданией в июне 1970 г. американского «плана Роджерса» по политическому урегулированию ближневосточного конфликта на основе резолюции СБ ООН №242, отношения Ирака с этими странами резко ухудшились. Особенно высокого накала напряженность достигла между Ираком и Египтом – словесная война между ними вовлекла в свою орбиту даже высокопоставленных государственных деятелей, включая и президентов [293, с.181]. В августе 1970 г. Г.А.Насер обратился со специальным посланием к иракскому президенту А.Х. аль-Бакру, где изложил позицию своей страны, параллельно обвинив Ирак в пассивности на восточном фронте, которая *«ведется лишь лозунгами, без оказания военного содействия общеарабскому делу»* [423, с.183]. К счастью, стороны не пошли на эскалацию напряженности и им удалось избежать разрыва дипломатических отношений.

Пришедший к власти в сентябре 1970 г. А.Садат начал проводить стратегический курс по «частичному» и «поэтапному» урегулированию ближневосточного конфликта, что вызвало резкое осуждение Ирака [389, с.21]. Однако

вопреки ожиданиям, это не привело к эскалации напряженности в двусторонних отношениях, причем инициатором их сохранения на прежнем уровне выступила египетская сторона. В условиях осуждения большинством арабских стран политического курса А.Садата, который во внутренних и внешних делах полностью отошел от линии Г.А.Насера и фактически отказался от его политического наследия, словесная риторика иракских лидеров была менее опасной, чем возможные шаги традиционного союзника Египта в регионе – Сирии [20, с.194]. В сохранении нормальных отношений с Египтом в тот период был заинтересован и Ирак по причине своей фактической изоляции в регионе. Неслучайно, в ходе визитов министра промышленности Египта И.С.Мухаммадейна в августе 1974 г. и советника президента А.Марвана в сентябре того же года в Багдад были подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве, создании смешанных комиссий в нефтяной и металлургической промышленности. Стороны также договорились о том, что Ирак вложит до 1 млрд. долл. в египетскую экономику для осуществления совместных проектов [477, с.16], а также примет и обеспечит работой оговоренное число квалифицированных рабочих и специалистов различного профиля из Египта и предоставит им такие же права, какими пользовались местные рабочие. В конце 70-х годов товарооборот между двумя странами возрос с 15,4 млн. долл. до 65 млн. долл., причем торгово-экономические связи развивались как на двусторонней основе, так и в рамках арабского общего рынка.

При этом следует подчеркнуть, что, сотрудничая с Египтом в различных сферах, Ирак не собирался отступать от своих принципов в решении ближневосточной проблемы. Неслучайно, после поездки в ноябре 1977 г. А.Садата в Иерусалим и подписания Кэмп-Дэвидского соглашения, главным направлением региональной политики Ирака стало противодействие этому процессу, изоляция Египта в регионе и предоставление крупной финансовой помощи радикальным силам, противостоявшим Израилю – Сирии и ООП. В декабре 1977 г. Ирак разорвал дипломатические отношения с Египтом [211, с.59]. Он принял активное участие в подготовке и созыве встречи министров иностранных дел,

экономики и финансов арабских стран в Багдаде, на которой было принято решение о введении против Египта политических и экономических санкций. Его дискредитация как традиционного лидера арабского мира после Кэмп-Дэвида и политическая изоляция в регионе создали благоприятные перспективы для осуществления амбиций баасистского режима превратить Ирак в нового «центра силы» на Ближнем Востоке. Официальный Багдад твердо придерживался введенных против Египта политико-экономических санкций и продолжал проводить линию по его удержанию на периферии арабского мира.

В «арабской политике» Ирака связи с Иорданией занимали традиционно важное место, несмотря на то, что по многим показателям эта страна уступала Сирии и Египту. До конца 1970 г. в их отношениях доминирующее положение занимало военное сотрудничество. Известно, что еще со времен «шестидневной» войны 1967 г. на территории Иордании находился 12-тысячный иракский корпус. После смены власти в Ираке новое руководство решило не выводить его из соседней страны [345, с.109].

До весны 1969 г. между Ираком и Иорданией сохранялись нормальные отношения, при этом стороны высказывали готовность добиваться еще большего их укрепления и развития. В марте того же года в Багдаде побывала представительная делегация из Иордании, которая заключила ряд важных соглашений. Они предусматривали участие Ирака в осуществлении различных совместных проектов экономического развития страны, оказание финансовой помощи и содействия в расширении порта Акаба, игравшего важную роль для транзитной торговли Ирака, улучшении шоссейных дорог, соединявших две страны и т.д. [345, с.109]. К 1970 г. в иракском импорте и экспорте Иордания занимала третье место среди стран-членов Арабского общего рынка.

Однако в отличие от равномерно и плодотворно развивавшихся торгово-экономических отношений политические связи между двумя странами были подвержены частым перепадам и отличились нестабильностью. Это было в первую очередь связано с осуждением иракскими лидерами политического курса короля Хусейна по мирному решению ближневосточного конфликта на

региональном и международном уровнях. Особо сильной критике подвергся план иорданского монарха о создании Объединенного Арабского Королевства (март 1972 г.), по которому Западный и Восточный берег р. Иордан должны были объединиться под его эгидой в отдельное государство [400, с.181]. Для его обсуждения 15 марта в Багдаде состоялось совместное заседание общенационального и регионального руководства партии Баас и СРК Ирака. В принятом коммюнике он был объявлен *«капитулянтским, предающим интересы арабской нации в целом и палестинского народа в частности»* [425, т.5, с.266].

Во второй половине 70-х годов взвешенная политика Иордании в регионе и на международной арене способствовала выправлению ее отношений с соседними арабскими странами, в том числе и Ираком. Иордания приняла активное участие в арабском Совещании в верхах в ноябре 1978 г. в Багдаде, на котором были приняты важные политические решения в отношении участников Кэмп-Дэвидского процесса. В условиях усиливавшегося давления на Амман для привлечения к мирному процессу, большое значение имело решение Багдадского Совещания о выделении ему как прифронтовому государству ежегодной финансовой помощи в размере 1,26 млрд. долл. [345, с.110].

Во второй половине 70-х гг. продолжали плодотворно развиваться ирако-иорданские торгово-экономические отношения. Ирак активно участвовал в осуществлении различных совместных проектов, направленных на экономическое развитие Иордании. Неизменно росла его доля в импортно-экспортных операциях и уже к концу 70-х годов Иордания стала одним из крупных торговых партнеров в регионе.

В системе внешнеполитических ориентиров Ирака отношения с монархиями Залива занимали одно из ведущих мест. Среди них особо выделялись его взаимосвязи с Саудовской Аравией и Кувейтом.

Если попытаться выявить наиболее характерную черту ирако-саудовских отношений в изучаемый период, то доминирующей линией являлось их соперничество за лидерство в зоне Залива и в арабском мире в целом. Катализатором антагонизмов и противоречий служили коренные различия национально-

государственных интересов, политических ориентиров, а также диаметрально противоположные идеологические доктрины правящих режимов. Отметим, что столь однозначно негативная оценка ирако-саудовских отношений была характерна не для всего исследуемого периода: она более уместна для первой половины 70-х гг. XX века. Со второй половины 70-х гг. произошедшие позитивные изменения во взаимоотношениях способствовали сближению позиций и их сотрудничеству в самых различных областях [372, с.62].

Отметим, что ирако-саудовские отношения приобрели антагонистический характер после низложения монархии в Ираке в июле 1958 г. и были связаны с изменениями, произошедшими в его внутренней и внешней политике. Рассматривая Ирак в «качестве рассадника антимонархизма и социализма» [83, с.181], Саудовская Аравия стремилась мобилизовать монархии Залива для его региональной изоляции. Именно к этому периоду восходит сближение Саудовской Аравии с Ираном, которое в немалой степени было продиктовано их общими целями в нейтрализации иракского фактора. Эр-Рияд, не имея в силу своей малочисленности и слабой военной инфраструктуры возможности собственными силами противостоять Ираку, всячески поощрял к этому Иран, рассчитывая, что их конфронтация отвлечет от вмешательства в дела Залива. К тому же безответственные заявления и провокационные действия иракских властей в отношении соседей во многом облегчали его задачу по поддержанию в Заливе антииракских настроений [385, с.136].

Трезвая оценка собственных возможностей подвела иракских лидеров к пониманию того факта, что на рубеже 60-х – 70-х годов страна еще не обладала достаточными политическими и материальными ресурсами для открытой, а главное – эффективной конфронтации с ирано-саудовским тандемом. Однако это отнюдь не означало, что Ирак молча наблюдал за усилением влияния Ирана в Заливе, особенно в свете прекращения Великобританией в указанный период своих протекторатных обязательств в данном регионе. В условиях образовавшегося «вакуума» силы в зоне Залива наиболее эффективным способом противодействия иранским планам могла стать координация действий расположен-

ных здесь арабских монархий. Поэтому иракские лидеры стали активно проталкивать идею создания арабской оборонительной организации, либо военного альянса или союза, состоявшего только из арабских стран региона. Целью предполагаемых структур, с одной стороны, являлось противодействие ирано-саудовскому сближению и усилению иранского влияния, с другой – под лозунгом «*арабизации Залива*» [51, с.234] выдвижение собственных притязаний на лидерство в данном субрегионе.

В то же время Багдад стремился наладить конструктивное сотрудничество с Саудовской Аравией, несмотря на торпедирование ею всех исходивших от него инициатив и предложений. Трижды в течение 1968-1970 гг. иракское правительство обращалось к саудовскому руководству с предложением о сотрудничестве в вопросе обеспечения совместной безопасности Залива, а также нормализации двусторонних отношений, но оно было отклонено под разными предлогами. Целью саудовцев в тот период было создание коалиции арабских монархий Залива и Ирана в противовес Ираку, политический курс которого во внутренних делах и на международной арене вызывал их недовольство [79, с.144]. Они также умело использовали настороженное отношение к Ираку арабских монархий региона, которые воспринимали социально-экономические и политические перемены в этой стране как непосредственную угрозу стабильности своих режимов. Крайне негативно относились аравийские монархии и к «объединительным» лозунгам иракских лидеров, которые расценивались ими как «*стремление распространить идеи Баас и влияние Ирака на весь регион*» [391, с.187]. Их опасения были далеко не беспочвенными, поскольку в первой половине 70-х годов Ирак оказывал всестороннюю поддержку оппозиционным движениям и леворадикальным группировкам в странах Залива, предоставляя им финансовую, военную и другую помощь.

В то же время между Ираком и Саудовской Аравией существовала и сфера совпадающих интересов. Так, в мае 1967 г. между двумя странами было подписано соглашение о военном сотрудничестве в случае начала войны с Израилем [83, с.191]. В апреле 1971 г. заместитель председателя СРК Ирака

С.Хусейн посетил с официальным визитом Эр-Рияд, в ходе которого стороны договорились о сотрудничестве по ряду региональных проблем [402, с.136]. Новый импульс процессу нормализации двусторонних отношений был дан в ходе октябрьской войны 1973 г., когда единство позиций и совместные действия в переговорах с западными нефтяными монополиями в значительной степени способствовали успешному применению арабскими странами нефтяного эмбарго. В течение 1974-1975 гг. состоялись визиты наследного принца Фахда в Багдад и С.Хусейна в Эр-Рияд, в ходе которых были заключены соглашения об окончательной демаркации границы и разделе нейтральной зоны [209, с.193].

Со второй половины 70-х годов взаимоотношения по оси Багдад-Эр-Рияд претерпели значительную эволюцию и поднялись до высокого уровня сотрудничества и согласованного подхода ко многим субрегиональным, общеарабским и международным проблемам. Однако это не означало, что все проблемы между ними были полностью исчерпаны. Напротив, именно в этот период произошла значительная активизация их региональной политики, возросли претензии в зоне Залива и в арабском мире, что, безусловно, не могло не привести к столкновению интересов сторон. В то же время изменения во внутренней и внешней политике Ирака во второй половине 70-х годов создали благоприятную почву для «сглаживания» некоторых, наиболее резких углов в двусторонних отношениях.

Иранская исламская революция 1978-1979 гг. привела к еще большему сближению и совпадению интересов Ирака с Саудовской Аравией, главным из которых стало противодействие распространению ее дестабилизирующего влияния как на свои страны, так и на всю зону Залива. Этот курс способствовал активизации политических усилий Ирака по реализации давно вынашиваемой идеи «*арабизации Залива*», под лозунгом которой он стремился возглавить борьбу против «*гегемонистских устремлений Ирана*» [224, с.124]. На этом этапе Эр-Рияд поддержал его инициативу по созданию антииранской коалиции, но при этом не собирался добровольно уступить Ираку роль лидера Залива. Трезвая оценка сложившейся в тот период в зоне Залива ситуации подводила к по-

ниманию того факта, что иранский исламский режим, не скрывавший своего враждебного отношения к аравийским монархиям, представлял более реальную угрозу их политической стабильности, нежели баасистский Ирак. На фоне негативного влияния иранской революции на регион происходило еще большее сближение позиций Ирака и Саудовской Аравии, а двусторонние отношения стали приобретать новый качественный смысл. Это подтвердил визит С.Хусейна в Эр-Рияд в августе 1979 г., в ходе которого были подписаны Соглашения по сотрудничеству в области внутренней безопасности и обороны, а также координации усилий в нефтяной и внешнеполитической стратегии [385, с.132].

Таким образом, анализ уровня и состояния ирако-саудовских двусторонних отношений в изучаемый период позволял сделать вывод, что они прошли значительный путь от соперничества и конфронтации до сотрудничества и согласованного подхода ко многим региональным и международным проблемам.

Анализируя ирако-кувейтские двусторонние отношения, следует упомянуть, что Ирак всегда считал территорию эмирата Кувейт своей, а провозглашение в 1961 г. его независимости расценивал как *«попытку Англии создать на его исконных землях искусственное государственное образование с тем, чтобы лишить Ирак выхода к морю»* [418, с.13].

Как известно, в 1913 г. на основе Стамбульских протоколов впервые была определена граница между Ираком и Кувейтом, при этом спорные острова в устье Шатт эль-Араба – Варба и Бубиян, на которые претендовал Ирак, были переданы под юрисдикцию Кувейта [383, с.36]. После установления британского мандата над Ираком, сухопутная граница между Ираком и Кувейтом была определена по итогам Укайрской конференции (1922 г.), однако вопрос островов был вновь решен в пользу Кувейта. Несмотря на демаркацию их сухопутной границы, иракская сторона продолжала рассматривать Кувейт как часть своей территории и неоднократно пыталась аннексировать его [380, с.136]. Попытка захвата Кувейта была предпринята Ираком в 1961 г., когда Англия объявила о своем уходе из эмирата и признании его независимости [247, с.311].

Несмотря на подписание в октябре 1963 г. «Согласованного протокола о

восстановлении дружественных отношений», который официально утвердил существующие границы и принадлежность островов [284, с.145], с приходом к власти партии Баас территориальные претензии к Кувейту вновь возродились. После вывода английских войск из зоны Залива власти эмирата, предварительно объявив о денонсации Договора о безопасности с Англией, обратились к Ираку с предложением заключить союз между двумя странами. В конце 1969 г. были подписаны ряд соглашений, в том числе в сфере информации, компенсации за национализированную кувейтскую собственность в Ираке, о сотрудничестве в области добычи и транспортировки нефти и т.д. В феврале 1970 г. были возобновлены двусторонние переговоры о демаркации общей границы, а в феврале 1971 г. заключено новое таможенное соглашение [223, с.124]. Однако в тот период между ними сохранялось немало проблем, в первую очередь политических, которые ждали своего решения. Летом 1970 г. двусторонние отношения резко ухудшились после того, как Кувейт договорился с Ираном о демаркации территориальных вод, на которые претендовал и Ирак [274, с.173].

После оккупации Ираном в ноябре 1971 г. трех островов в Заливе – Абу Муса, Большой и Малый Томб Ирак и Кувейт вынуждены были пересмотреть свои отношения, поскольку усиление его военно-политического присутствия в регионе противоречило их национально-государственным интересам. В 1972 г. произошел обмен визитами министров иностранных дел и парламентских делегаций. В результате взаимных компромиссов сторонам удалось приблизить позиции и заключить взаимоприемлемое соглашение о статусе их общей границы, в том числе морской [295, с.97]. Урегулирование пограничной проблемы в тот период имело для Ирака большое значение из-за заинтересованности в расширении связей с внешним миром. Заливу, как важной международной водной артерии отводилась немалая роль, если учитывать, что споры и конфликты с соседними странами из-за сухопутных и морских границ тормозили экономическое развитие не только южных районов Ирака, но и всей экономики в целом, мешали нормальному судоходству и рыболовству в Заливе, препятствовали ведению разработки богатого нефтью континентального шельфа [209, с.136].

В связи с увеличением добычи нефти в 70-е годы Ирак стремился завладеть спорными островами Бубиян и Варба, которые контролировали вход в Залив и порт Умм-Каср и были чрезвычайно выгодны для строительства нефтяного терминала, а их прибрежные воды – богаты нефтью. Он неоднократно обращался к Кувейту о передаче этих островов под его юрисдикцию, мотивируя свои аргументы тем, что они полностью контролировали вход и выход к его единственному порту в Заливе – Умм-Касру. В начале 1973 г. Ирак предложил Кувейту заключить соответствующее соглашение, но, не добившись своих целей, стал угрожать военными действиями и стянул к границе значительные силы [268, с. 56]. Опасаясь иракского вторжения, Саудовская Аравия направила к нейтральной зоне свои войска, а ЛАГ взяла на себя миссию по дипломатическому разрешению кризиса. Ирак был вынужден отвести свои войска с границы, однако переговоры на уровне министров иностранных дел по урегулированию территориальных споров не увенчались успехом [406, с. 2]. Посредническая миссия Египта и Сирии позволила избежать нового кризиса и создала базу для проведения переговоров на более высоком уровне. В результате политических консультаций стороны договорились о встрече руководителей двух государств, на которой предусматривалось урегулировать территориальные споры, решить вопрос об установлении твердых границ и проведении демаркации государственной границы [307, с.128]. Однако, несмотря на достигнутые договоренности об окончательной демаркации сухопутной границы, вопрос об островах Варба и Бубиян оставался открытым. Во второй половине 70-х годов Ирак неоднократно обращался к Кувейту вернуть ему указанные острова, либо передать в долгосрочную аренду, и только значительная финансовая помощь Кувейта, его дипломатическая и моральная поддержка в ходе ирако-иранской войны, позволили на время отложить трения и споры [6, с. 879]. 21 июля 1982 г. премьер-министра Ирака направил письмо в адрес кувейтского правительства, в котором говорилось, что Багдад официально признает независимость и полный суверенитет эмирата Кувейт в пределах международно-признанных границ. В ответном послании эмир Кувейта подтвердил приверженность своей

страны установленным границам.

1.3. Отношения Ирака с соседними неарабскими государствами

В системе международных связей Ирака неарабские государства Ближнего Востока – Иран и Турция занимали важное место и в шкале его внешнеполитических приоритетов им отводилась значительная роль. В Политическом отчете VIII регионального съезда Баас отношения с этими странами оценивались следующим образом: *«Ирак связан с ними с точки зрения укоренившихся исторических связей и общих интересов»* [61, с.149].

Если вкратце охарактеризовать уровень и состояние ирако-иранских двусторонних отношений в исследуемый период, то их ведущей чертой являлась *«нестабильность и враждебность позиций»* [61, с.150]. В основе их конфронтации и соперничества лежал целый комплекс политических, экономических, этно-конфессиональных и территориальных факторов, многие из которых имели глубокие исторические корни и неоднократно приводили к войнам и конфликтам. Среди них самыми значительными были территориальные споры из-за р. Шатт эль-Араб, разграничения территориальных вод, континентального шельфа и островов в Заливе, курдская проблема, правовой статус шиитской общины Ирака, проблема арабов Хузестана, статус святых мест шиитов в Ираке и проблемы хаджа, вопросы эксплуатации пограничных нефтяных месторождений, использование пограничных рек и прибрежных земель и т.д.

На протяжении всей истории существования ирако-иранских территориальных споров неоднократно предпринимались попытки их международно-правового урегулирования, что было зафиксировано в ряде договоров – вначале между Ираном и Османской империей, а позже между Ираном и Ираком. Наиболее важными с точки зрения определения их правового статуса были I и II Эрзерумский договоры (1823 и 1847 гг.), Тегеранский протокол от 1911 г., Стамбульский протокол от 1913 г., ирано-иракский договор 1937 г. о границе, Алжирское соглашение 1975 г. и договор 1975 г. о государственных границах и добрососедских отношениях [143, с.5-6].

Как известно, после первой мировой войны Ирак перешел под мандат Англии, а в августе 1921 г. был провозглашен королевством во главе с хиджаским принцем Фейсалом. В апреле 1932 г. в ходе визита иракской делегации в Тегеран иранская сторона вновь подняла вопрос о границах и высказалась за прохождение линии границы по Шатт эль-Арабу по тальвегу [374, с.46]. 4 июля 1937 г. между ними был заключен пограничный договор, объявивший ее воды свободными для мореплавания торговых судов всех государств и для военных кораблей договаривавшихся сторон [368, с.133]. После июльской революции 1958 г., которая привела к ослаблению военно-политических и экономических позиций Запада в стране, ирако-иранские межгосударственные отношения вступили в новую фазу. Для оказания давления на Ирак западные страны стали использовать Иран, стремясь извлечь из их противостояния максимальные выгоды. Заручившись их поддержкой, в 1959 г. Иран возобновил свои территориальные притязания к Ираку, что привело к очередному кризису с концентрацией войск у общей границы [369, с.47].

После смены власти в Ираке в июле 1968 г. начался новый этап в двусторонних отношениях. Пришедшая к управлению страной партия Баас еще не обладала прочными позициями и широкой социальной базой и получила в наследство от прежних режимов целый комплекс серьезных внутри- и внешнеполитических проблем, поэтому вынуждена была проводить в тот период довольно осторожную линию. В число важных внешнеполитических шагов нового руководства входило улучшение отношений с соседними странами, в том числе безотлагательное урегулирование территориальных разногласий и смягчения напряженности в отношениях с Ираном. С этой целью в конце 1968 г. в Тегеран отправился вице-президент и министр обороны Ирака генерал Х. ат-Тикрити, который заявил о готовности своего правительства решить все спорные вопросы, включая вопрос Шатт эль-Араба, и пересмотреть ирако-иранский договор 1937 г. [274, с.70]. Однако его усилия в этом направлении не увенчались успехом. 19 апреля 1969 г. иранское правительство объявило в одностороннем порядке о денонсации пограничного договора 1937 г., однако Ирак в официальной

ноте отказывался признать этот факт [390, с.146]. Акция Ирана привела к острейшему кризису в двусторонних отношениях, сопровождаемому различного рода политическими и дипломатическими демаршами. На границе началась концентрация крупных подразделений сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил. Момент для денонсации договора 1937 г. иранской стороной был выбран не случайно. Во-первых, Ирак вел изнурительную войну с курдами, которая помимо огромных материальных затрат и людских потерь, ослабляла позицию правящего режима. Во-вторых, разногласия Ирака по ряду региональных проблем с ведущими арабскими странами лишали его союзников в противоборстве с Ираном, ставили в изоляцию в регионе и делали уязвимым при решении внешнеполитических вопросов. В-третьих, из-за войны на Севере была значительно сокращена нефтедобыча в промыслах Керкука и Мосула, что усугубило и без того тяжелое финансово-экономическое положение страны. Иран использовал неблагоприятную для Ирака внутреннюю и региональную конъюнктуру с тем, чтобы добиться от него уступок в вопросе Шатт эль-Араба [371, с.133]. В этом контексте не стоит сбрасывать со счетов закулисные интриги Запада, направленные на фактическое устранение Ирака от участия в решении вопроса демаркации границ шельфа Залива, хотя он имел все права в качестве суверенного прибрежного государства [275, с.129].

Ухудшение ирако-иранских отношений в тот период было связано не в последнюю очередь с возросшими претензиями Ирана на гегемонию и лидерство в Заливе, что, естественно, вызывало серьезную обеспокоенность официального Багдада. На пути обеспечения своего лидерства в Заливе 30 ноября 1971 г. Иран осуществил давно задуманную акцию – захватил три стратегически важных острова в Ормузском проливе – Абу-Муса, Большой и Малый Томб. В ответ Ирак заявил о немедленном разрыве дипломатических отношений с Ираном и поддержавшей его Англией [284, с.65], но, реально оценив собственные возможности, на прямую военную конфронтацию не пошел. Ирак пытался заручиться поддержкой других арабских стран и призывал их объединить усилия для противодействия планам Ирана в регионе. На сессии Совета ЛАГ в

декабре 1971 г. в Каире Ирак направить в район Залива межарабские силы, которые в случае провала дипломатических усилий должны были помешать Ирану осуществить свои замыслы в регионе. Однако в этот критический момент арабские страны не только не сумели преодолеть серьезные противоречия между собой, напротив они приобрели еще большую остроту. Шаги Багдада были далеко неадекватными его радикальным заявлениям – из страны были депортированы порядка 40 тыс. иранских подданных [313, с.176]. В январе 1972 г. на общей границе возобновились вооруженные столкновения, в связи с чем Ирак обратился в СБ ООН с жалобой на действия Ирана [54, с.465].

Начавшаяся в октябре 1973 г. арабо-израильская война привела к резкому ухудшению политического климата в регионе. В этих условиях еще один очаг региональной нестабильности, каковым являлось перманентное ирако-иранское противостояние усугубляло и без того сложную обстановку. Поэтому стороны вынуждены были временно объявить мораторий на пограничные стычки. По просьбе Ирака иранские власти обязались не возобновлять на границе вооруженные столкновения, пока иракские войска участвуют в военных операциях против Израиля. В качестве ответного шага Багдад заявил о восстановлении прерванных в конце 1971 г. дипломатических отношений между ними [53, с.76]. Однако из-за нерешенности целого комплекса проблем, а порой и неразрешимых противоречий, процесс нормализации двусторонних отношений протекал болезненно и затянулся на многие годы. С 1974 г. вооруженные столкновения на их общей границе возобновились и стали приобретать регулярный характер, поэтому Ирак в феврале 1974 г. обратился с жалобой в ООН на противоправные действия Ирана, который *«нарушал суверенитет и территориальную целостность страны»* [376, с. 34]. 28 февраля СБ ООН рекомендовал Генеральному секретарю ООН для урегулирования конфликта назначить своего личного представителя. В марте – апреле 1974 г. посол по особым поручениям В.Муньес совершил визиты в Багдад и Тегеран и на основании его отчета СБ ООН принял резолюцию №348 от 28 мая 1974 г., обязавшую стороны придерживаться прекращения огня; отвести войска от линии соприкосновения; воз-

держаться от любых враждебных действий в отношении друг друга, в том числе использования ВВС; найти возможность для возобновления контактов; определить место и уровень намечаемых переговоров по урегулированию имеющихся проблем [390, с.35].

В этот период помимо пограничных проблем в ирако-иранских отношениях важное место занимала курдская проблема. Ее нерешенность представляла серьезную угрозу для Ирака, оказывала чрезвычайно негативное воздействие на внутреннюю стабильность страны, создавала препятствия в осуществлении многих планов в регионе. Существовавший на тот период статус-кво представлял очевидную выгоду Тегерану, так как под предлогом «защиты прав курдских братьев» [53, с.149] направлял в район боевых действий оружие, технику и снаряжение, что было продиктовано не столько желанием оказать помощь курдам, сколько стремлением ослабить Ирак как своего потенциального соперника в регионе. Иранские власти использовали возобновившиеся весной 1974 г. вооруженные выступления курдов на Севере для оказания давления на Ирак, чтобы вынудить его занять более уступчивую позицию по вопросу Шатт эль-Араба. В то же время стороны пытались найти пути для выхода из кризиса – в августе 1974 г. представители двух стран провели в Стамбуле переговоры, где обсуждались вопросы подготовки встречи на высшем уровне [72, с.113].

6 марта 1975 г. в Алжире во время сессии ОПЕК при посредничестве ряда лидеров региона начались ирако-иранские политические консультации по пограничным проблемам. В результате между шахом Ирана М.Р.Пехлеви и заместителем председателя СРК Ирака С.Хусейном было подписано Алжирское соглашение, которое включало: проведение окончательной демаркации сухопутной границы между двумя странами на основании Стамбульского протокола 1913 г. и протоколов комиссии по делимитации границ 1914 г.; проведение делимитации речных границ между ними по линии тальвега; восстановление безопасности и взаимного доверия на всем протяжении их общей границы. Стороны обязались также осуществлять эффективный контроль на общей границе и положить конец любым попыткам ее пресечения [264, с.15].

13 июня 1975 г. в Багдаде на базе и в развитие Алжирского соглашения был подписан Договор о государственных границах и добрососедских отношениях, включавший вопросы демаркации сухопутных и делимитации речных границ, а также обеспечения безопасности на их общей границе. 26 декабря того же года были подписаны три протокола-приложения к нему по вопросам судоходства по Шатт эль-Арабу, использования пограничных рек и пастбищ, а также прав и полномочий пограничных комиссаров по соблюдению условий договора [378, с.146]. Алжирское соглашение урегулировало многие проблемы и открыло новые возможности для сторон в реализации собственных целей. Во-первых, согласившись с делимитацией речной границы по тальвегу, они получили одинаковые права на Шатт эль-Араб. Во-вторых, обязательства Ирана прекратить помощь курдским вооруженным формированиям облегчили задачу иракской армии в подавлении их выступлений, а связанные с ведением военных действий расходы Ирак мог направить на осуществление различных социально-экономических проектов. В свою очередь Ирак отказывался от поддержки арабов Хузестана и ведения антииранской пропаганды в СМИ [390, с.52].

Однако после иранской исламской революции 1978-1979 гг. и смены власти в Ираке в июле 1979 г. отношения между двумя странами вступили в полосу быстро прогрессирующего обострения, что при наличии комплекса дестабилизирующих факторов и нерешенных проблем вскоре привело к очередному витку противостояния.

Что касается ирако-турецких двусторонних отношений, то в исследуемый период они были подвержены воздействию множества факторов как регионального, как и внерегионального характера. Несмотря на традиционно тесные связи двух стран (участие в Саадабадском пакте, активное военно-политическое сотрудничество в рамках Багдадского пакта), между ними сохранялись политические и экономические проблемы, которые препятствовали превращению их отношений в реально добрососедские.

В рассматриваемый период ирако-турецкие отношения имели тенденцию к поступательному развитию, что было отражено в Отчетном докладе VIII ре-

гионального съезда правящей Баас. В разделе «Соседние и близкие с Ираком страны» было записано: *«Революция (партия Баас – авт.) заботилась об установлении отношений добрососедства и взаимного сотрудничества во всех областях с соседней Турцией»* [61 с.149]. Если учесть, что перечень «соседних и близких» Ираку государств в этом документе был крайне ограниченным, то выделение Турции свидетельствовало о ее значении. С конца 60-х годов XX в. Анкара также начала диверсификацию своих связей, не претендуя, однако, на вмешательство в сложившийся в регионе статус-кво, поскольку, как справедливо отмечали некоторые турецкие исследователи, *«политика Турции на Ближнем Востоке в тот период была пассивной и потому не могла добиться сколько-нибудь значительных и серьезных успехов»* [6, с.846; 22, с.129].

Несмотря на проблемы в политической сфере, иракские власти придавали большое значение развитию торгово-экономических отношений с соседней страной, которые напрямую были связаны с процессом увеличения экспортно-импортных операций между ними. Турция была заинтересована в расширении экспорта своей промышленной и сельскохозяйственной продукции в Ирак, для которого насыщение внутреннего рынка за счет относительно недорогих, но качественных турецких товаров было экономически выгодным. В 1969 г. в результате переговоров турецких деловых кругов с иракскими предпринимателями удалось заключить несколько взаимовыгодных соглашений не на основе клиринга, как это практиковалось ранее, а на основе свободно конвертируемой валюты [104, с. 140]. В конце 1969 г. в Багдаде было открыто турецкое торговое представительство, в начале 1970 г. аналогичное представительство Ирака было учреждено в Анкаре [26, с.42]. Необходимость укрепления и развития партнерских отношений диктовалась также крайней зависимостью Турции от поставок иракской нефти и нефтепродуктов.

В указанный период Ирак был заинтересован в нормализации отношений и в политической сфере, поскольку находился в региональной изоляции вследствие натянутых отношений с Сирией и другими арабскими странами, а также с Ираном. Начавшиеся в начале 70-е годы регулярные встречи делегаций и визи-

ты официальных лиц различного уровня способствовали улучшению общего климата в двусторонних отношениях. В сентябре 1972 г. состоялся официальный визит в Анкару президента А.Х. аль-Бакра, в ходе которого наметился прогресс в решении некоторых двусторонних проблем, а также была создана хорошая база под торгово-экономическое сотрудничество. Стороны достигли принципиального согласия по курдскому вопросу, обязались прекратить помощь курдским военным формированиям и не предпринимать никаких действий, способных «нанести ущерб национальной безопасности соседнего государства». Согласованная позиция в этом вопросе имела чрезвычайно важное значение, если учесть, что Сирия и Иран оказывали всестороннюю поддержку курдским сепаратистам в их борьбе против центральных властей [72, с.120].

Накануне октябрьской войны 1973 г. Ирак усилил турецкий вектор своей дипломатической деятельности, пытаясь привлечь Анкару к антиизраильской коалиции. Во время официального визита в декабре 1972 г. министра иностранных дел Х.Байюлькена в Багдад при обсуждении общей ситуации в регионе глава иракского МИДа М.С. Абдель-Баги высказался в том духе, что Турция должна занять принципиальную позицию. 12 октября посол Ирака в Анкаре встретился с Х.Байюлькеном и вручил ему специальное послание президента А.Х. аль-Бакра, в котором он призывал Турцию оказать воюющим арабским странам посильную политико-дипломатическую поддержку [26, с. 42].

«Нефтяная война» арабских стран – экспортеров нефти против Запада, приведшая к острейшему энергетическому кризису, резкое сокращение добычи и поставок нефти на внешние рынки, а также повышение справочных цен имели далеко идущие политические и экономические последствия. Турция, ввозившая из арабских стран до 80% потребляемой ею нефти, во избежание эмбарго на ее поставки, вынуждена была предпринять некоторые дипломатические шаги. Ирак подтвердил, что поставки нефти в Турцию не прекратятся, но будут продаваться по более высоким ценам [294, с.213]. В продолжение темы стало заключение в августе 1973 г. соглашения о совместном строительстве 600-мильного нефтепровода Керкук-Искендерун.

Хотя политическое и торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами развивалось успешно, некоторые проблемы оставались нерешенными. Среди них отметим проблему использования и распределения водных ресурсов Тигра и Евфрата, которая приобрела наибольшую остроту со второй половины 70-х годов XX в., когда Турция приступила к осуществлению грандиозного Юго-Восточного Анатолийского проекта [18, с.101; 43, с. 90], в рамках которого планировалось построить каскад гидротехнических сооружений. Претензии Ирака и Сирии – стран, наряду с Турцией пользовавшихся водами Тигра и Евфрата, заключались в том, что в результате реализации этого проекта количество поступающей воды резко уменьшилось, экономике был нанесен серьезный ущерб, а их гидротехнические сооружения и плотины, построенные с учетом ресурсов этих рек, не смогли функционировать в полную силу. Несмотря на очевидную экономическую подоплеку этих претензий, следует подчеркнуть, что проблему водных ресурсов государства региона всегда рассматривали под углом зрения своих политических интересов и целей [238, с.25]. В исследуемый период эта проблема оставалась источником постоянных трений и разногласий внутри треугольника Багдад-Анкара-Дамаск, а в качестве средства давления и шантажа зачастую использовался курдский фактор (например, поддержка Сирией РПК и т.д.). Когда весной 1975 г. в связи с этой проблемой обострились ирако-сирийские отношения, Анкара и Багдад решили в конструктивном русле урегулировать двусторонние проблемы. В феврале 1976 г. в Багдаде с официальным визитом побывал министр иностранных дел Турции И.С.Чаглаянгиль, в ходе которого стороны договорились о совместном использовании вод Тигра и Евфрата [44, с.189].

Отметим, что особое место в ирако-турецких двусторонних отношениях занимала курдская проблема или так называемая «проблема Северного Ирака». После подписания Алжирского соглашения 1975 г. и получения от Ирана гарантий невмешательства во внутренние дела в обмен на некоторые территориальные уступки, иракская армия смогла разгромить принадлежавшие ДПК вооруженные отряды «пешмарга». Уцелевшие бежали через горные перевалы в

юго-восточную Анатолию – районы компактного проживания турецких курдов. Массовое переселение иракских курдов создало для турецких властей не только экономические трудности, но могло привести к дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране. Эта ситуация актуализировала вопрос координации действий для ведения совместной борьбы против курдского сепаратизма. Данная проблема стала предметом обсуждения в ходе визита президента А.Х. аль-Бакра в Анкару в конце августа 1978 г. По его итогам было подписано двустороннее соглашение, 4-ая статья которого предусматривала осуществление совместных действий против «любых проявлений сепаратизма в регионе». В развитие этого соглашения 20 апреля 1979 г. начальник Генерального штаба турецкой армии генерал К.Эврена подписал в Багдаде Договор о безопасности, в рамках которого предусматривалось *«сотрудничество и взаимодействие против сепаратизма этнических групп в регионе»* [19, с.164].

Со второй половины 70-х годов Ирак превратился в одного из главных торговых партнеров Турции в арабском мире, резко возросла его доля во внешней торговле, что в первую очередь было связано с нефтяными поставками. Однако зависимость Турции от иракской нефти создавала немало проблем, особенно в кризисных ситуациях. В такие периоды ей труднее было проводить политику баланса и маневрирования между арабскими странами и своими западными партнерами и Израилем. Ярким подтверждением этого служила позиция Турции после подписания Кэмп-Дэвидского соглашения. С одной стороны, Анкара сделала ряд заявлений о «поддержке справедливого дела арабов» и ее желании «оставаться нейтральной в межарабских разногласиях», с другой – в конце ноября 1977 г. министр иностранных дел Чаглаянгиль в самый разгар антиегипетской кампании совершил официальный визит в Каир. Ее двойственная политическая линия поставила под удар отношения практически со всеми арабскими странами, а Ирак в знак протеста объявил о прекращении с конца 1977 г. нефтяных поставок в Турцию. Лишь к осени 1978 г. было подписано дополнительное соглашение о возобновлении поставок нефти в обмен на турецкие сельхозпродукты, в первую очередь, пшеницу [294, с.215].

Таким образом, в исследуемый период, несмотря на имевшиеся проблемы, ирако-турецкие межгосударственные связи в политической и торгово-экономической областях развивались достаточно успешно и обладали немалым потенциалом.

1.4. Ирак и супердержавы: сотрудничество и противостояние

В исследуемый период одними из приоритетных направлений внешней политики Ирака были его отношения со странами Запада и возглавляемым Советским Союзом Восточным блоком. Если для первых лет существования баасистского режима характерным были ярко выраженный антизападный курс, противодействие планам Запада на Ближнем Востоке, борьба с засильем в экономике страны их монополий, то во второй половине 70-х годов в этом курсе отчетливее стала прослеживаться тенденция к смягчению противоречий и улучшению отношений с группой ведущих стран Запада [9, с.81].

Анализ сущности преобразований, которые осуществлялись иракским режимом на начальном, довольно сложном этапе своего становления, позволял утверждать, что выбор ведущего партнера в рамках полюса «Запад – Восток» мог решиться только в пользу последнего. Принимая во внимание нестабильную внутривнутриполитическую обстановку в стране, вызванную борьбой за власть различных группировок в правящей партии, наличием среди командного состава армии влиятельных противников, слабостью и узостью социальной базы нового режима, отсутствием единства политических сил страны, можно сказать, что новой власти без реальной внешней поддержки не только трудно было рассчитывать на долговременность и устойчивость своего правления, но и осуществление минимума декларированных целей и задач. С другой стороны, выбор на первом этапе в качестве союзника стран Восточного блока во главе с СССР был обусловлен также некоторыми идеологическими принципами, составлявшими краеугольный камень баасистского мировоззрения и имевшими программный характер [415, с.135].

Практически во всех программных документах Баас ее внешнеполитиче-

ские установки имели антиимпериалистическую, антизападную направленность как выражение *«стремления арабских народов к ликвидации иностранного господства и упрочению национального суверенитета, борьбу с колониальной экспансией Запада, расторжение всех неравноправных договоров и соглашений, ущемлявших суверенитет арабских стран»* [425, т. 4, с.28]. Хотя идейная платформа Баас формировалась в условиях подъема в арабском мире национально-освободительного движения после второй мировой войны, ее основополагающие компоненты не потеряли своей актуальности и на начальном этапе правления этой партии в Ираке. Для нее проблема выбора ведущего партнера из двух противостоявших друг другу мировых полюсов не была сопряжена с большими трудностями. Важным для иракских лидеров теоретическим критерием, посредством которого они оценивали возможности связей со странами Запада, являлась позиция, занимаемая ими по проблеме ближневосточного урегулирования, а также перспектив независимого развития Ирака и других арабских стран [347, с. 25]. Так, в Политическом заявлении VII регионального съезда партии (ноябрь 1968 г.) указывалось на намерение Ирака *«усилить антиимпериалистическую борьбу, ... расширить связи с социалистическими странами, прежде всего с СССР, рассматривать союз с ними как стратегический, дающий гарантию успеха в противодействии агрессивным замыслам империализма и сионизма»* [350, с. 25-27].

Демонстрируя свою готовность к борьбе с империализмом и сионизмом, иракские власти в декабре 1968 г. развернули широкую кампанию террора и репрессий против *«реакционеров и «пятой колонны»* [417, с. 139], которая должна была продемонстрировать патриотичность режима в глазах иракской и всей арабской общественности, его решимость не допустить вмешательства в дела страны извне. Эти шаги привели к серьезному осложнению отношений Ирака с Западом, в первую очередь с США и Англией. Неприятие последней радикального баасистского режима особенно ярко проявилось в деятельности «Ирак Петролеум Компани» (ИПК), которому принадлежали доминирующие позиции в нефтегазовом секторе Ирака. Во второй половине 1970 г. консорци-

ум резко снизил добычу нефти и значительно уменьшил отчисления в бюджет страны [240, с. 114]. Эта акция нанесла ощутимый удар по национальной экономике, помешала завершению строительства в срок большого числа объектов народного хозяйства. В ответ иракское правительство с 1 июня 1972 г. под лозунгом «Арабская нефть – арабам!» начало кампанию по национализации собственности иностранных нефтяных монополий. Победе над «*государством в государстве*» [263, с. 21], во многом способствовала внешнеполитическая поддержка и экономическая помощь СССР, позволившая преодолеть трудности, связанные с процессом национализации и созданием собственной нефтяной инфраструктуры. В то же время Багдад проявил известную гибкость в отношении некоторых других стран Запада. Так, национализация 1972 г. не коснулась деятельности французских нефтяных компаний, что позволило беспрепятственно развивать двусторонние отношения. Показателем этого курса стал визит в Париж С. Хусейна в июне 1972 г., который создал реальную базу для углубления сотрудничества в политической и экономической сферах.

В указанные годы на взаимоотношения Ирака с государствами Запада негативно влияла и «иранская тематика». Тесное военно-политическое сотрудничество Запада, в первую очередь США, с шахским Ираном, подпитывавшее его экспансионистскую политику в регионе, в условиях напряженных ирако-иранских отношений воспринималось официальным Багдадом как вызов национально-государственным интересам страны. Иллюстрацией к сказанному является разрыв в ноябре 1971 г. дипломатических отношений с Великобританией, которая оказала политико-дипломатическую поддержку Ирану в ходе оккупации им трех стратегически важных островов в Заливе [90, с. 182].

Если в практическом плане иракские власти в тот период не имели возможности активно противодействовать планам Запада в регионе, то идеологическое обоснование неприятия империалистических государств, препятствовавших осуществлению национальных чаяний находило констатацию в программных документах правящей партии. В Политическом отчете VIII регионального съезда Баас говорилось: «*Противоречие, существующее между нами*

и империалистическими государствами, под которыми мы подразумеваем США и все государства, сотрудничающие с ними в их агрессивной по отношению к нам политике, является фундаментальным, острым и длительным. Оно может исчезнуть только в результате радикального изменения их линии в отношении к нам и к нашим проблемам». «Против них необходимо вести борьбу в политической, идеологической, информационной и других областях» [61, с.145].

При этом подчеркивалось, что «не весь западный капиталистический мир состоит из враждебных империалистических государств. Там есть и такие, которые занимают относительно положительные позиции к арабским странам, сотрудничество с ними не сковывает нашей независимости, а в некоторых случаях приносит пользу нашим международным позициям». Поэтому *«Ирак должен извлечь пользу из противоречий между США, с одной стороны, и другими развитыми странами Запада, с другой»* [61, с.155]. Стремление отделить политику США от политики других стран Запада и в соответствии с этим развивать взаимовыгодное сотрудничество с ними, нашло выражение и в выступлении С. Хусейна перед послами Ирака в странах Западной Европы в июне 1975 г., когда он заявил, что *«не существует противоречия между единой Европой, которая не является империалистической, и между арабским единством»* [412, с.37].

В ином русле развивались в указанный период отношения Ирака с СССР и другими странами Восточного блока. Принявший важные решения по основным вопросам внутренней и внешней политики страны VII региональный съезд правящей партии Баас (ноябрь 1968 г.) призвал расширить отношения с социалистическими странами, прежде всего с СССР, рассматривая союз с ними как *«стратегический, дающий гарантию успеха в противодействии агрессивным замыслам империализма и сионизма»* в регионе [350, с.9].

Отношения Ирака с СССР получили новый импульс с подписанием в июне 1969 г. соглашения о технико-экономическом сотрудничестве. Советская сторона обязалась оказать Иракской национальной нефтяной компании (ИННК) содействие в создании нефте- и газодобывающей промышленности в районе Северной Румейлы, а также в строительстве других объектов народного хозяй-

ства. В начале 1970 г. была создана Постоянная межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, имевшая целью выявление приоритетных направлений в развитии двухсторонних отношений [102, с.106]. Это позволило Ираку приступить к осуществлению крупных проектов в нефтегазовой сфере, строительству промышленных предприятий и коммуникаций, развитию энергетики и сооружения гидротехнических и водохозяйственных объектов. По мнению официального Багдада, «СССР обладал промышленными мощностями для оказания разнообразного технологического содействия» [172, с.58]. Сотрудничество с СССР создало благоприятные условия для проведения успешной кампании по национализации нефтедобывающей промышленности страны и противодействия попыткам иностранных монополий бойкотировать иракскую нефть на мировом рынке. В разгар «нефтяной войны» в начале марта 1972 г. С.Хусейн посетил Москву, где получил гарантии всесторонней поддержки в борьбе против нефтяных монополий [245, с.6].

В апреле того же года в Багдаде был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами сроком на 15 лет. В продолжении и развитии этого договора были заключены соглашения о культурном сотрудничестве, договор о правовой взаимопомощи, соглашения о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве. Советско-иракское сотрудничество затрагивало также и военную сферу, что имело большое значение для укрепления обороноспособности Ирака.

Отметим, что в указанный период двусторонние связи развивались не только по государственной, но и партийной линии – между правящими партиями – КПСС и Баас.

Руководствуясь решениями VIII регионального съезда партии Баас (январь 1974 г.), Ирак в июле 1975 г. первым из развивающихся стран подписал соглашение о сотрудничестве с Советом Экономической Взаимопомощи (СЭВ), которое предусматривало развитие многосторонних экономических и научно-технических связей между странами – членами СЭВ и Иракской республикой и стало продолжением сложившегося между ними сотрудничества на двусторон-

ней основе [71, с.137].

Во второй половине 70-х годов политика Ирака в отношении Запада и стран Восточного блока претерпела значительную эволюцию; в ней стала прослеживаться тенденция к смягчению противоречий и улучшению отношений с первой группой государств при постепенном сокращении связей с СССР и другими соцстранами. Под этот новый внешнеполитический курс была подведена и соответствующая теоретическая база. В официальных СМИ и заявлениях баасистских лидеров стали появляться высказывания о наличии в современном мире двух сверхдержав и о целесообразности для Ирака занимать позицию *«равной удаленности»* от двух *«центров влияния»*, *«центров поляризации»* – США и СССР, которые пытались *«втянуть остальной мир в орбиту своих геополитических интересов»* [412, с.102]. Поэтому Багдад стремился, с одной стороны, избежать безоговорочного блокирования с той или иной стороной, а, с другой – противодействовать расширению их сфер влияния в странах *«третьего мира»*. Иракский лидер С.Хусейн считал необходимым создание нового *«центра поляризации»* в дополнение к двум существующим и рассматривал борьбу за арабское единство в качестве гарантии превращения региона в мощный противовес великим державам. Способность проведения такой политики мотивировалась *«достижением полной экономической независимости»*, основными составляющими компонентами которой было *«наличие независимой и прочной политической воли»*, необходимых финансовых средств, достаточного количества квалифицированных национальных кадров. Такая экономическая независимость, по мнению иракского лидера, позволяла Ираку *«общаться со всеми государствами мира, в том числе и развитыми, на равных, не бояться попасть под их влияние»* [410, с.13].

В соответствии с этими теоретическими положениями была произведена новая градация стран, отличная от той, которая была сделана в 1974 г. на VIII региональном съезде партии Баас. Все государства мира были разделены на три категории: первая – дружественные страны, куда помимо социалистических стран зачислялись Китай, Франция, Италия и ряд других государств Запада, а

также Япония; вторая – страны, с которыми Ирак поддерживал «нормальные» отношения, и третья – «враждебные страны» [349, с.46]. Расширившиеся в эти годы разносторонние связи Ирака со странами Запада объяснялись более высоким качеством и техническим уровнем их продукции, а сотрудничество с СССР в военной области – «отличным качеством советского вооружения и техники». Именно поэтому, по словам С.Хусейн, «Ирак покупает преимущественно советское оружие» [137, с.27].

Во второй половине 70-х годов Ирак значительно расширил сотрудничество с развитыми странами Западной Европы – Францией, Италией, Испанией, ФРГ, а также Японией, отдавая, однако, предпочтение ускоренному развитию экономических связей. Если в 1972 г. экспорт из Западной Европы составлял только 3,2%, то уже к концу 70-х годов на ее долю приходилось 86% всего внешнеторгового оборота Ирака, а доля участия западноевропейских и японских компаний в проектах развития национальной экономики достигла 91% [315, с.156]. В этот период с помощью западноевропейских и японских фирм в Ираке были введены в эксплуатацию сотни предприятий в новых отраслях – уже к 1979 г. общая стоимость контрактов достигла 6 млрд. долл., а по объему торгово-экономического сотрудничества Ирак занимал второе место среди арабских стран, уступая только Саудовской Аравии [316, с.281].

В указанный период особенно интенсивно развивались отношения Ирака с Францией, причем они охватывали как технико-экономическую, так и политическую сферы. Свидетельством тому служили визиты официальных делегаций на самом высоком уровне. В 1977 г. Ирак посетил премьер-министр Франции Жак Ширак. В ходе его визита были подписаны соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве. При техническом содействии французской компании ЭРАП был сооружен центр ядерных исследований под Багдадом, ставший символом экономического процветания страны (он был разрушен израильской авиацией в июне 1981 г.) [8, с.97]. По восходящей линии в указанный период развивались также ирако-итальянские отношения. На основе подписанного в мае 1974 г. соглашения об экономическом сотрудничестве Италия

участвовала в осуществлении многочисленных проектов на общую сумму в 3 млрд. долл. [47, с.9].

Говоря об отношении между Ираком и США, следует напомнить, что в знак протеста против израильской политики Вашингтона с 1967 г. между ними были прерваны дипломатические отношения. Яркая выраженная антизападная ориентация Ирака и успешное развитие советско-иракских отношений в тот период воспринимались США в качестве вызова американским интересам в регионе и усматривались ими как фактор усиления советского влияния на Ближнем Востоке [228, с.137]. Национализация иракским правительством своей нефти и ликвидация господства иностранных монополий в нефтедобывающей промышленности, нанеся тяжелейший удар по экономическим и политическим интересам Запада и создавая прецедент и стимул для дальнейшей борьбы за нефть в регионе, еще больше усилили антииракские антипатии Вашингтона. В свете изменившихся политических ориентиров иракского режима со второй половины 70-х годов привели к постепенному вовлечению Ирака в орбиту американской политики в регионе. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, экономическое сотрудничество между ними развивалось достаточно успешно, быстро росло число действовавших в Ираке американских компаний и фирм. С каждым годом возрастал приток американских товаров на иракский рынок – если в 1972 г. торговый обмен между странами практически отсутствовал, то в 1973 г. он составил 20 млн. долл., в 1974 г. – 200 млн., в 1976 г. – 500 млн., а в 1979 г. превысил 1 млрд. долл. [258, с.142].

В конце 70-х годов иракские лидеры уже не столь категорично, как раньше, выступали против восстановления дипломатических и развития иных отношений с США. По словам С.Хусейна, Ирак отдавал себе отчет в том, что *«США – одна из великих держав»*, а это, по его мнению, *«предполагал в будущем восстановление дипломатических отношений и развитие политико-экономических связей, подобных существовавшим с упомянутыми государствами Западной Европы и Японией»* [413, с.91]. Несмотря на это, их сближение происходило достаточно сложно – иракские власти не спешили восстано-

вить дипломатические отношения с Вашингтоном и не шли на углубление связей, особенно в политической сфере. Располагая значительными нефтедолларовыми ресурсами, Ирак не стремился инвестировать их в американскую экономику, а использовал для решения внутренних социально-экономических проблем. В целом в указанный период официальный Багдад предпочитал придерживаться достаточно автономного и независимого политического курса как в регионе, так и на международной арене.

Отметим, что новый курс в отношении государств Запада сопровождался постепенным сокращением связей со странами Восточного блока. Так, в этот период доля Советского Союза в общем товарообороте Ирака уменьшилась наполовину и в конце 70-х годов составила в экспорте всего 13%, а в импорте 10% [245, с. 9]. Соглашения между Ираком и СЭВ претворялись в жизнь в мизерных объемах; иракская сторона мотивировала причину прекращения ряда экономических проектов с соцстранами нарушениями ими обязательств по контрактам. Сокращение, а в некоторых областях свертывание технико-экономического сотрудничества Ирака с СССР и другими соцстранами имело не только и не столько экономическую подоплеку, а было связано с процессами, происходившими в социально-экономической и политической надстройке иракского общества. Как известно, распался союз правящей партии и Иракской компартией в рамках ПНПФ, завершился процесс «баасизации» политической системы страны и превращения ее в однопартийную диктатуру. Углубление националистического характера правящей Баас было направлено на обеспечение возрождения в новых исторических условиях роли и значения Ирака как центра арабского мира. Достижение этих целей происходило за счет отказа от жесткого антизападного курса во внешней политике и односторонней ориентации на Восточный блок и стратегический союз с СССР, а также укрепления позиций страны в регионе и на международной арене.

Конструктором так называемого «прагматического подхода» по вопросам внешней политики являлся Саддам Хусейн, который пришел к управлению страной в результате верхушечного переворота в июле 1979 г. Определенные

круги на Западе надеялись, что переориентация торгово-экономических отношений Ирака коренным образом повлияет на изменение его курса в международных делах и в отношении региональных проблем. Однако эти надежды в целом не оправдались, поскольку «прагматический подход» во внешней политике был подчинен одной главной цели – обеспечить лидерство Ирака в арабском мире и на Ближнем Востоке в целом.

II ГЛАВА

ЗОНА ЗАЛИВА – ОСОБОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАКА

2.1. Осложнение ситуации в зоне Залива и ирако-иранская война

Зона Залива, благодаря богатым природным ресурсам и важному стратегическому положению, относилась к одной из ключевых точек в системе международных отношений. На формирование политических процессов в данном субрегионе влияли внешние и внутренние факторы, среди которых приоритетными являлись: политика ведущих мировых держав, рассматривавших его в контексте своих глобальных геополитических и региональных интересов; проблема взаимоотношений локальных «центров сил»; позиция влиятельных государств Ближнего Востока; проблема обеспечения субрегиональной безопасности и стабильности и т.д. [8, с. 126].

Как известно, в конце 60-х годов XX в. в зоне Залива произошли серьезные геополитические сдвиги, связанные с решением английского правительства завершить свои протекторатные обязательства и вывести войска из региона [90, с.193]. Образовавшийся «вакуум» силы под лозунгом «защиты безопасности Залива» стали заполнять США, которые стремились обеспечить экономические и военно-стратегические интересы Запада; упорядочить его политико-экономические отношения с нефтяными монархиями Залива; изменить изжившую систему взаимоотношений [222, с.129]. Эти положения нашли отражение в концепции «двух опор», предусматривавшей использование некоторых региональных «центров сил» в качестве проводников своей политики и основных стратегических партнеров. Для ее реализации шахскому Ирану и Саудовской Аравии отводилась особая роль [239, с.125].

В 70-е годы XX века политическая обстановка в зоне Залива в значительной степени формировалась под воздействием внутрирегиональных процессов. Взаимоотношения ведущих государств региона, условно называемых регио-

нальными «центрами сил» – Иран, Ирак и Саудовская Аравия – в указанный период начали оказывать серьезное влияние на ситуацию в Заливе. Выделяя их в качестве региональных «центров сил», к примеру, советский исследователь В. Лукин, исходил из следующих показателей – размеров территорий, численности населения, политическому, экономическому, военному и финансовому характеристикам [123, с.168-176]. В общих чертах взаимоотношения в треугольнике Багдад-Тегеран-Эр-Рияд можно было охарактеризовать как борьбу за региональное влияние и лидерство, стремление к установлению контроля над зоной Залива, в целом, так и отдельными странами, в частности.

Усилению центральных тенденций в политике Ирана и Саудовской Аравии в 70-е годы наряду с собственными амбициями и стремлением к лидерству в Заливе во многом способствовало активное использование США этих государств в качестве проводников своей политики в регионе. Что касается третьей стороны «треугольника» – Ирака, претендовавшего также на роль «центра силы», то идея занять лидирующее положение в зоне Залива была одним из приоритетных направлений его региональной политики. Иракские лидеры обосновывали свои претензии на лидерство, исходя из тезиса, что *«борьба за ведущие позиции в Заливе является частью арабской борьбы и только арабские страны могут и должны занять место Британии после вывода ею войск»* [372, с.26].

Претензии Ирака на роль одной из ведущих региональных величин объективно подкреплялись следующими показателями, которые компенсировали его далеко не выдающиеся территориальные и демографические данные. Во-первых, географическое местонахождение в северо-западной части Залива и центре всего ближневосточного региона делали исключительно широкой и активной сферу региональных интересов и политической вовлеченности Ирака. Во-вторых, Ирак являлся одним из крупнейших нефтедобывающих стран и экспортеров нефти на Ближнем Востоке. От продажи нефти на мировом рынке он получал огромные доходы, позволявшие реализовывать крупные социально-экономические проекты и создавать материальную базу для проведения активной региональной политики. В-третьих, растущая внешнеполитическая актив-

ность Ирака стала возможной в условиях наличия стабильного режима в лице правящей партии Баас, что делало реальным разработку и принятие долгосрочных стратегических планов по усилению политического влияния страны в регионе. Наконец, в-четвертых, Ирак обладал современной и хорошо оснащенной армией [411, с.17]. На нефтедоллары было закуплено большое количество современного оружия и военной техники, созданы механизированные и военно-воздушные силы, расширившие сферу и географическую протяженность их операционных возможностей.

Эти показатели создавали необходимые предпосылки для повышения удельного веса Ирака в региональном внешнеполитическом балансе, а геополитические сдвиги в зоне Залива в указанный период создали благоприятные условия для реализации своих планов в регионе [79, с.147]. В то же время ряд внутренних проблем негативно влиял на внешнеполитическую деятельность правительства, сковывали его активность и инициативу. Поэтому без риска ошибиться можем констатировать, что в силу объективных и субъективных причин Ирак в тот период еще не обладал достаточными возможностями для эффективного противодействия двум другим региональным «центрам сил» – Ирану и Саудовской Аравии. Тем не менее, он стремился нарушить направленный против его интересов ирано-саудовский тандем в зоне Залива, противопоставить ему собственный план обеспечения ее безопасности. Иракские лидеры сделали акцент на создании системы коллективной безопасности на базе формирования *«арабской оборонительной организации»* [295, с.144]. Выдвинутый Ираком лозунг *«арабизации Залива»* на деле означал объединение под его эгидой арабских монархий Залива, обеспечение с их помощью *«политического будущего региона, свободного от любого иностранного экспансионизма»* [418, с.21], и воспрепятствование амбициозным планам Ирана. Однако его инициативы не только не находили поддержки малых монархий Залива, но и наталкивались на серьезное противодействие Ирана и Саудовской Аравии, которая умело использовала в своих интересах настороженное отношение к Ираку. В тот период саудовские власти предпочли сблизиться с Ираном для предотвра-

щения радикализации ситуации в регионе по примеру баасистской политической модели [207, с.189]. Искусно поддерживая антииракские настроения среди арабских монархий Залива, под предлогом необходимости борьбы с дестабилизирующим влиянием республиканского Ирака на региональную ситуацию, они добились торпедирования его инициатив. Усилия Эр-Рияда были поддержаны не только Ираном, чьи отношения с Ираком отличались конфликтностью и традиционной враждебностью, но и малыми монархиями Залива, которых «Саудовская Аравия считала своей зоной влияния» [21, с.110].

Ирако-саудовское соперничество за лидерство не только в данном субрегионе, но и в арабском мире в целом выявил серьезные расхождения в их целях и интересах, а также политических курсах, выборе союзников, ориентации на ведущих мировых держав и т.д. Рассматривая Ирак в качестве «*рассадника антимонархических и «социалистических» идей*» [83, с. 146] в регионе, саудовские правители предпринимали активные шаги для нейтрализации иракского фактора на соседние страны в качестве возможного образца развития. Опасения монархий Залива были не беспочвенны: известно, что в первой половине 70-х годов Ирак осуществил ряд позитивных преобразований во внутренней политике страны: был взят курс на союз с левыми силами, в том числе и с коммунистами, провозглашена социалистическая ориентация и т.д. К числу радикальных мер правительства с полным основанием можно отнести национализацию нефтяной промышленности страны, нанесшую серьезный удар по западным нефтяным монополиям. Переход ее под контроль государства по времени совпал с ростом мировых цен на нефть, что привело к усилению притока нефтедолларов в казну – если в 1973 г. доходы Ирака от нефти составляли 1,6 млрд. долл., то уже в 1975 г. они возросли до 8,4 млрд. долл. [225, с. 75]. В отличие от арабских монархий Залива, расходовавших получаемые от нефти средства на престижные проекты, личное обогащение государственной верхушки, возросшие финансовые возможности позволяли иракскому правительству осуществлять масштабные работы по индустриализации страны, ликвидации однобокости в экономике, ориентированной на нефтедобычу, создании современной ин-

фраструктуры, а также направить значительные средства на развитие образования, здравоохранения, социальную сферу и т.д. [353, с. 16]. На международной арене Ирак сделал акцент на сотрудничество с Восточным блоком, стал на путь нормализации отношений с радикальными арабскими режимами, проводил ярко выраженную антизападную внешнюю политику. Кардинальные меры во внутренней и внешней политике позволили стабилизировать общественно-политическую обстановку в стране, создать прочную базу для реализации стратегических установок в региональной политике, одним из главных компонентов которой являлось укрепление позиций Ирака в зоне Залива [8, с. 90].

Иранская исламская революция 1978-1979 гг. внесла коренные изменения в геополитическую обстановку и расстановку политических сил на Ближнем Востоке. Иракские лидеры расценили сложившуюся в регионе конъюнктуру как чрезвычайно благоприятную для выдвижения страны на лидирующие позиции. Его главный и традиционный соперник – Иран, учитывая сложную после-революционную обстановку, вынужден был в основном заниматься внутренними проблемами и не мог проводить активную региональную политику [352, с.197]. В конце 1979 г. С.Хусейн выступил с предложением по региональному сотрудничеству в военной области, которое предусматривало заключение между арабскими монархиями Залива пакта о коллективной безопасности в дополнение к общему договору ЛАГ об обороне. Главная цель Ирака заключалась в нейтрализации иранского влияния и блокировании всех других попыток по созданию структур безопасности в регионе [220, с.93].

Для обоснования претензий Ирака на роль лидера Залива 8 февраля 1980 г. в Багдаде была обнародована так называемая «Национальная декларация», которая, по мнению ее авторов, отвечала сложившимся в арабском мире новым политическим реалиям. Состоявший из восьми пунктов документ должен был стать основой для координации деятельности во внешней политике и обороне между Ираком и арабскими монархиями Залива. Исходя из тезиса о том, что Ирак никогда не отделял зону Залива от остального арабского мира и расценивал любой конфликт в данном субрегионе проблемой общеарабского масштаба,

в «Национальной декларации» указывалось на необходимость всестороннего общеарабского сотрудничества при решении вопросов обеспечения его безопасности без каких-либо конъюнктурных сделок за счет региона или чьих-либо субъективных интересов [65, с.14]. Принципы «Национальной декларации» сводились к следующему: недопустимость размещения иностранных армий, войск, либо баз в арабском мире; недопустимость применения силы со стороны одного арабского государства против другого; урегулирование любых споров между ними мирным путем; неприменение вооруженных сил для решения споров с другими странами, кроме случаев защиты собственного суверенитета; солидарность всех арабских стран перед лицом агрессии со стороны иностранных государств, либо в случае его вступления в войну с иностранным государством; соблюдение арабскими государствами норм международного права в части пользования водных, воздушных и сухопутных пространств; неприсоединение арабских стран к той или иной стороне конфликта или войны; развитие торгово-экономических отношений между арабскими государствами, оказание друг другу экономической помощи [413, с. 43].

Развивая популярные в тот период внешнеполитические концепции о «сверхдержавках», «центрах влияния» и разработав собственную теорию о противоречиях двух супердержав – США и СССР и их борьбе за влияние в Заливе, С.Хусейн призывал арабских лидеров *«выработать общую политическую линию, усилить обороноспособность арабского мира для противостояния внешней угрозе»*. «Особая миссия» Ирака в арабском мире обосновывалась его *«уникальной исторической позицией внутри арабской нации»* и способностью *«возглавить борьбу других стран Арабского залива против посягательств иностранных государств»* [412, с.121].

Однако Ираку не удалось добиться ни принятия проекта по созданию пакта о коллективной безопасности зоны Залива, ни «Национальной декларации», хотя были предприняты энергичные усилия в этом направлении, вплоть до организации в Багдаде «Народной конференции в поддержку «Национальной декларации». Как и следовало ожидать, основным противником иракских

планов выступил его традиционный соперник в Заливе – Саудовская Аравия, которая блокировала все попытки выдвинуться на лидирующие позиции в регионе, а также Оман, политическая линия которого нередко находилась в противоречии с иракской [252, с.158]. Однако победа исламской революции в Иране коренным образом изменила годами складывавшуюся систему взаимоотношений в Заливе. Приход к власти радикально настроенного шиитского духовенства, взявшего на вооружение концепцию «исламизации» региона путем «экспорта исламской революции», создали реальную угрозу не только для Ирака, но и стабильности монархий Залива [284, с.123]. Объектами этой политики в первую очередь должны были стать страны со значительным процентом шиитского населения, в том числе Ирак, где при суннитских правителях около 60% населения составляли шииты, а также Бахрейн (около 50%) и Кувейт (20%).

Смена власти в Иране и приход С.Хусейна к управлению страной в июле 1979 г. способствовали резкому ухудшению двусторонних отношений, оживив весь комплекс традиционных противоречий между ними. Новое иракское руководство расценивало ирако-иранский пограничный договор 1975 г. как противоречивший национальным интересам страны, односторонняя и вынужденная уступка с ее стороны [143, с. 87]. Эскалация напряженности привела к закрытию иракского консульства в Хорремшехре, а иранского в Басре и Кербеле. Развернутая в СМИ настоящая пропагандистская война с использованием националистических и религиозных лозунгов, подстрекательских и провокационных высказываний, оскорбительных выпадов до предела обострили обстановку между двумя странами. Особенно усердствовал Тегеран, избравший Ирак в качестве *«полигона для практической проверки хомейнистской доктрины экспорта «исламской революции» и связанных с ней концепций джихада (священной войны), шехадата (жертвенности), гисаса (возмездия)»* [106, с. 434].

Духовный лидер Ирана аятолла Хомейни еще до начала войны открыто провозгласил своей политикой в отношении Ирака курс на свержение *«военной клики, узурпатора власти»* С.Хусейна и режима партии Баас и *«оказание помощи иракскому народу, который подвергался репрессивным мерам преступ-*

ного режима». Иранские правящие круги стремились представить иракский режим не только как «пособника империализма и сионизма», но и врага ислама и всего мусульманского мира [168, с. 63]. Они пытались спровоцировать массовые антиправительственные выступления шиитского населения, призывая их «последовать примеру иранской революции», избавиться от «антиисламского», «безбожного» режима партии Баас [там же, с. 64]. В своей антисуннитской и антибаасистской пропаганде Иран делал упор на два тезиса: дискриминацию шиитов в Ираке суннитским меньшинством и «антиисламский характер Баас» [364, с. 169]. Использование шиитского вопроса для дестабилизации ситуации в Ираке облегчалось тем, что аятолла Хомейни был лично связан со многими религиозными деятелями еще со времени своего проживания здесь в 1964-1978 гг. Не без его влияния духовный лидер иракских шиитов Великий аятолла М.Б. ас-Садр в начале 1979 г. призвал шиитское население подняться на борьбу против своих «правителей-безбожников». В ответ на его призыв в десятках городов страны началась широкая волна антиправительственных выступлений и демонстраций. Баасистский репрессивный аппарат был пущен в ход – проводились многочисленные аресты среди шиитской оппозиции, Великий аятолла М.Б. ас-Садр был посажен под домашний арест, около 3 тыс. его активных сторонников из числа видных религиозных деятелей осуждены на различные сроки [153, с.41]. Ведущая шиитская партия Ирака – «Хизб ад-Дава аль-исламийя» (Партия исламского призыва) была объявлена вне закона, а любая связь с ней каралась смертной казнью. В апреле 1980 г. были казнены Великий аятолла М.Б. ас-Садр, его сестра бинт-Худа и около 300 активных членов «Ад-Даавы», более 30 тысяч проживавших в стране иранцев подверглись депортации [13, с. 101].

Казнь М.Б. ас-Садра имела далеко идущие последствия для шиитской оппозиции. После смерти Великого аятоллы М. аль-Хакима в 1971 г. он не только возглавил шиитскую общину Ирака, но и выступал как идеолог шиитской оппозиции в целом, а его идеи по созданию в стране исламской республики были приняты в качестве идеологической платформы всеми шиитскими группами. Будучи наиболее авторитетным религиозным деятелем, М.Б. ас-Садр символи-

зировал собой оппозицию иракских шиитов режиму, объединял разнородную по своему составу шиитскую общину страны. Поэтому его казнь на фоне не прекращавшихся репрессий властей привели к организационному и идейному распаду шиитской оппозиции. С этого времени активную борьбу против режима вели перебравшиеся в Иран различные шиитские группировки [13, с.102].

Хотя шиитская оппозиция в стране была в целом нейтрализована, политические процессы в регионе на фоне роста исламского фактора, продолжение Тегераном курса на «экспорт исламской революции» поставили перед правящей Баас целый ряд серьезных проблем, от правильного решения которых зависела не только внутренняя стабильность, но и перспективы самого режима. Поэтому неслучайным выглядело внесение корректив в официальную светскую идеологию и политику Баас в отношении ислама и верующих. Прежде всего в условиях противоборства с оперирующим исламской атрибутикой и лозунгами противником официальный Багдад должен был доказать собственную лояльность исламу, отвести от себя тяжкие в глазах рядового мусульманина обвинения в безбожии, пренебрежении исламским нормам и предписаниям [369, с.102]. Настойчиво пропагандировалась мысль о том, что персы испокон веков были врагами арабов и стремились их поработить, что политика режима Хомейни является продолжением экспансионистского внешнеполитического курса шаха в регионе [409, с.75]. Известная доля истины в этом тезисе была, так как религиозное руководство Ирана провозгласило создание исламской республики в Ираке в качестве важного и неотъемлемого элемента реализации своих гегемонистских планов в Заливе. Этот план предусматривал создание в регионе *«нового могущественного исламского военно-политического полюса»* под эгидой тегеранского режима, способного *«составить альтернативу влиянию здесь сверхдержав»* [339, с.697].

Идея аятоллы Хомейни о переносе в Кум шиитских святынь – гробниц имама Али и Хусейна из священных городов Неджефа и Кербелы была широко использована Багдадом для массовой антииранской пропаганды. Если иметь в виду, что паломничество к этим святыням приносило немалые доходы как са-

ним религиозным деятелям, так и мелким торговцам, не говоря уже о том, что Неджеф и Кербела являются предметом национальной гордости иракских шиитов, то станет ясно, почему его инициатива вызвала широкий резонанс и недовольство шиитской общины [380, с. 52]. Однако это не означало отказа Баас от своей националистической светской идеологии. Правящая партия по-прежнему основную свою задачу во внутренней и внешней политике видела в культивировании в массах идей арабского национализма. В то же время в условиях противоборства с идеологией иранского религиозного руководства лидеры Баас стремились поставить Ислам на службу национализму [364, с. 128].

До начала войны пограничные стычки между двумя странами приобрели регулярный характер, причем они обвиняли друг друга в преднамеренном нарушении сухопутных, воздушных и морских границ [384, с. 394]. 8 марта 1980 г. Иран принял решение о снижении уровня дипломатической миссии в Ираке до временного поверенного в делах, а 7 апреля МИД Ирана заявил об отзыве всего персонала посольства и консульства из Багдада, предложив сделать то же самое Ираку [72, с.184]. 16 сентября СРК Ирака объявил недействительным ирако-иранский договор от 1975 г. как «*потерявшим силу*» [336, с. 43]. 22 сентября 1980 г. иракские войска вторглись на территорию Ирана. Так началась восьмилетняя война, явившаяся результатом целого комплекса дестабилизирующих факторов, многие из которых имели глубокие исторические корни. Начиная войну, Ирак рассчитывал на следующие политические дивиденды:

1. На региональном уровне, пользуясь дискредитацией традиционного лидера арабского мира – Египта после Кэмп-Дэвида, в случае победоносной войны Ирак мог стать доминирующим государством Ближнего Востока. После арабского Совещания в верхах в Багдаде (ноябрь 1978 г.) ему удалось повысить свой политический вес, а также изолировать Египет от региональных процессов, поэтому иракские лидеры считали, что страна готова к осуществлению своей «особой» миссии в арабском мире. К этому времени значительно усилились и экономические показатели Ирака, доходы от продажи нефти на мировом рынке принесли ему порядка 30-35 млрд. долл. валютного резерва, а в резуль-

тате повышения цен только в 1980 г. прибыль от ее продажи составил 26 млрд. долл. [30, с.179]. Усилившийся политический и экономический вес позволял Ираку претендовать на статус регионального «центра силы» и играть более весомую роль в мировой политике. По словам С.Хусейна, *«мировая политика вступила в новую образующую фазу, и мы должны увеличить наши усилия и потенциал для усиления нашей роли в этом мире»* [263, с.68].

2. Перехватить у Ирана, переживавшего сложный послереволюционный период, роль ведущего государства зоны Залива, решить в свою пользу пограничную проблему, в первую очередь проблему Шатт эль-Араба. Установив над ней абсолютный контроль, Ирак мог беспрепятственно осуществлять нефтяные перевозки по Заливу, развивать инфраструктуру южных районов и укрепить экономическое и стратегическое значение Басры как главного порта страны. Время начала войны было выбрано неслучайно – кризис, вызванный захватом заложников, привел к резкому ухудшению ирано-американских отношений. Курс на «экспорт исламской революции» и причастность Ирана к попыткам дестабилизации ситуации в ряде арабских стран, позволял Ираку рассчитывать на их помощь и поддержку [246, с. 57].

3. Нейтрализовать влияние иранской революции на внутреннее положение страны. На попытки Ирана использовать курдскую проблему и шиитский вопрос для дестабилизации внутривосточной обстановки иракские власти отвечали упреждающими мерами по локализации, а затем и ликвидации потенциальных очагов напряженности и исходившие от них угрозы для стабильности режима и страны в целом.

4. Противостоять распространению идеологического влияния исламской революции на регион. Столкновение иранской и иракской моделей государственного и общественно-политического устройства проявлялось в том, что Ирак считал себя передовым отрядом движения панарабизма. Иран же апеллировал к мусульманскому миру и выступал за политическое объединение всех мусульман. Шиизм как идеология политики «экспорта исламской революции» преподносилась как альтернатива националистической светской идеологии

партии Баас [54, с. 589].

5. Война с Ираном могла привести к консолидации иракского общества, временно затушевать социально-экономические проблемы. Известно, что вторая половина 70-х гг. была объявлена в Ираке *«этапом большого скачка»* [61, с.37] в развитии страны, который обосновывался обострившимся в указанный период топливно-энергетическим кризисом, резким повышением мировых цен на основной экспортный товар Ирака – нефть. Но огромный приток в экономику нефтедолларов оказал на иракское общество неоднозначное воздействие. С одной стороны, это позволило увеличить капиталовложения в ведущие отрасли производства, осуществить их модернизацию, что диктовалось не только желанием *«добиться быстрого и полного развития всех областей жизни иракского общества»*, но и идеологическими соображениями, которые выразились в стремлении баасистских лидеров превратить Ирак в *«оплот арабского национализма»* [54, с. 542], подчинив достижению этой цели программу национального развития. По словам С.Хусейна, *«арабский мир мог бы стать активным центром влияния на следующие двадцать лет. Для этого мы должны подготовить базис наших отношений с внешним миром»* [412, с. 56]. Для этого предусматривалось использовать нефтяной фактор, поскольку именно нефть давала возможность Ираку утвердиться в качестве ведущей региональной силы [410, с.68]. С другой стороны, экономический бум 70-х годов обусловил глубокие социальные сдвиги внутри иракского общества, ускорив процесс формирования различных необуржуазных слоев, сросшихся с баасистской элитой и государственным бюрократическим аппаратом [316, с. 178]. Не отрицая факта осуществления в Ираке комплексных социально-экономических мер (увеличение зарплаты и реальных доходов многих категорий граждан, улучшение социального и пенсионного обеспечения, проведение национальной кампании с неграмотностью и др.), следует сказать, что большая часть доходов от *«нефтяного процветания»* оседала в карманах представителей партийно-государственной элиты и связанной с нею общими материальными и другими интересами так называемой *«новой»* буржуазии [315, с.163].

6. На гребне военных успехов и нагнетания шовинистических настроений сделать абсолютно безусловным и бесспорным влияние группировки С.Хусейна как в правящей партии, так и в целом по стране, а самому иракскому президенту завоевать имидж «героя и спасителя» арабского мира. Война против внешнего врага – Ирана позволила бы новому руководству страны еще больше ужесточить внутреннюю политику, расправиться со своими политическими противниками. Успешный ход военных действий и перспектива победы над традиционным и «неудобным» соперником в регионе способствовали бы укреплению позиций С.Хусейна, его клана и группировки в правящей партии [12, с.133]. Культ личности иракского лидера, искусно создаваемый еще до назначения его президентом страны, нужен был не только для «домашнего использования». После яркой фигуры египетского президента Г.А.Насера на арабском политическом небосклоне соперничество за лидерство, традиционно являвшееся важной чертой политической борьбы, возобновилось с новой силой [20, с.193]. С.Хусейн с его честолюбивыми планами и амбициями претендовал на роль нового «отца» арабской нации.

7. Испытать силу, потенциальные возможности и способность армии в широкомасштабных операциях. Известно, что огромный приток в казну нефтедолларов позволил Ираку создать одну из наиболее современных и хорошо оснащенных армий в арабском мире. Закупив большое количество нового вооружения в Советском Союзе, Франции, Италии, Югославии и т.д., Ирак в 70-е годы начал модернизацию своих вооруженных сил, сделав их высоко механизированными и оснащенными современными ВВС, расширив сферу и географическую протяженность их операционных возможностей [14, с. 51]. Это способствовало повышению удельного веса Ирака в региональном балансе сил и позволило добиться военно-политического превосходства над соседними странами. Военная победа над Ираном должна была окончательно подтвердить весомость аргументов иракских лидеров на лидерство в Заливе [278, с. 46].

Таким образом, 22 сентября 1980 г. началась ирано-иракская война, ставшая своеобразным *«отражением столкновений двух идеологий – арабского на-*

ционализма и ислама в его шиитской форме» [292, с. 143]. Ее условно можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (сентябрь – ноябрь 1980 г.) характеризовался успешными действиями иракской армии, захватившей значительную территорию Ирана в провинции Хузестан и крупный порт Хорремшехр. Были выведены из строя крупнейший в регионе нефтеперерабатывающий завод в Абадане, нефтеочистительные заводы в Керманшахе, Исфахане, Тебризе и Бендер-Хомейни, нефтепромыслы на юге Ирана, нефтяные и портовые сооружения на о. Харк и т.д. Иракские лидеры рассчитывали на молниеносную победу – «блицкриг», так как были убеждены, что Иран охватит экономический и политический хаос, его армия не выдержит иракского натиска. Однако ход второго этапа войны (ноябрь 1980 г. – ноябрь 1981 г.), характеризовавшийся стабилизацией обстановки на фронтах, показал ошибочность их расчетов. Несмотря на первоначальные победы иракских войск, «блицкриг» не удался, а иранская армия проявила достаточно высокий боевой дух и профессионализм. Не произошло ожидаемого восстания арабов Хузестана и поддержки иранских курдов. Надежды на общеарабскую солидарность, материальную и моральную помощь арабских стран оправдались лишь частично [416, с.117]. Иранским властям удалось в кратчайшие сроки решить проблему заложников, вернуть часть замороженных авуаров в американских банках и восстановить торгово-экономическое сотрудничество с рядом стран Запада и Японией. Ирану удалось расколоть арабский мир на своих союзников и противников Ирака, что стало для иракского руководства неприятной неожиданностью. Что касается Ирана, то его расчеты также оказались малообоснованными и не оправдались, а надежды на антиправительственные выступления иракских шиитов и курдов провалились. Пришлось расстаться с иллюзиями относительно массового «экспорта исламской революции» на соседние арабские страны [143, с. 83].

Третий этап войны (ноябрь 1981 г. – июнь 1982 г.) характеризовался переходом военной инициативы к Ирану, которому удалось осуществить несколько крупных наступательных операций, в результате чего удалось не толь-

ко восстановить утраченные позиции, но после форсирования Шатт эль-Араба вступить на иракскую территорию. 10 июня 1982 г. иракские власти, критически оценив обстановку на фронте, объявили об одностороннем прекращении огня, выводе войск с территории Ирана и готовности начать переговоры при гарантии введения в район боевых действий международных миротворческих сил [278, с.134]. Официальный Тегеран заявил о намерении вести войну до победного конца и выдвинул неприемлемые для Ирака предварительные условия, в том числе объявление его агрессором, выплата компенсации в размере 150 млрд. долл., отказ С.Хусейна и партии Баас от власти, чем фактически перечеркнул надежды на мирное решение конфликта [319, с. 101].

На исходе 1982 г. конфликт вступил в четвертый этап, который принял затяжной характер и превратился в войну на истощение. Для него характерными стали так называемая «танкерная война», которая превратила ирако-иранскую войну из локальной, региональной, в конфликт международного масштаба [186, с.130], а также «война городов» – нанесение ударов по жизненно важным объектам в глубоком тылу противника [311, с.157]. К концу 1986 г. наступила фаза равновесия, и стало очевидно, что ни одна из сторон конфликта не может добиться решающего перевеса. В определенном смысле эта ситуация больше устраивала Иран, обладавшего превосходившими Ирак материальными и людскими ресурсами. Поэтому он продолжал выдвигать радикальные условия прекращения войны – от отказа С.Хусейна от власти до формирования в Багдаде лояльного Ирану правительства.

Поскольку стороны конфликта продолжали делать ставку на продолжение военных действий, в ситуацию вмешались ведущие мировые акторы. Используя благоприятную международную и региональную обстановку, СБ ООН принял резолюцию №598 от 20 июля 1987 г. о принципах урегулирования конфликта, которая создала правовую базу для достижения мира между двумя странами [9, с.103]. В конце июля 1988 г. при посредничестве ООН в Женеве начались ирако-иранские переговоры, а 20 августа вступил в силу режим прекращения огня на фронте [260, с.114].

Ирако-иранская война нанесла колоссальный материальный ущерб экономике, инфраструктуре и всему хозяйству воюющих стран. По некоторым оценкам, она стоила Ираку 200-250 млрд. долл. – сюда входили закупки оружия и техники (30-35 млрд. долл.), недополученные доходы от экспорта нефти (40-45 млрд. долл.), потери от неполученных нефтяных доходов (35-45 млрд. долл.), выплата компенсаций семьям жертв войны (только убитых насчитывалось 350-400 тыс. чел.) – (7-8 млрд. долл.), расходы на строительство нового нефтепровода – (3-4 млрд. долл.), жалования или льготы военнослужащим – около 10 млрд. долл. [15, с. 257].

Внешняя финансовая задолженность Ирака, по западным оценкам, составила к концу 1988 г. около 100 млрд. долл., включая займы и денежные средства, полученные от сбыта Кувейтом и Саудовской Аравией нефти в счет его экспортных поставок. Свои долги монархиям Залива, особенно Кувейту и Саудовской Аравии, Ирак не собирался возвращать, за исключением средств, полученных от продажи нефти в счет иракских поставок (около 15 млрд. долл.). С.Хусейн неоднократно заявлял, что указанный долг – это «долг крови», поскольку «Ирак в одиночку защищал арабскую нацию от иранского врага» [135, с.34]. Долг Ирака государствам Запада и Японии составил более 30 млрд. долл., в том числе Франции – 6,5 млрд. (по другим данным – 4 млрд.), Японии – 5,5 млрд., Германии – 3 млрд., Италии – около 3 млрд. долл. Долг СССР оценивался в 6-10 млрд. долл., странам Восточной Европы – в 4-5 млрд. долл. По оценкам западных экспертов, восстановление разрушенных в ходе войны нефтяных и промышленных предприятий и объектов инфраструктуры и т.д. могло обойтись от 30 до 50 млрд. долл. [9, с.84].

Таким образом, несмотря на более или менее почетное завершение войны, Ирак не только не добился осуществления своих основных целей, вынашиваемых в преддверии войны, более того, его международные позиции были серьезно подорваны. Война, как сама по себе, так и ее итоги обесценили политический капитал, который на протяжении длительного времени был накоплен Ираком на международном и региональном уровнях.

2.2. Влияние итогов войны на внешнюю политику Ирака

Ирако-иранская война осложнила обстановку на Ближнем Востоке, внесла раскол и углубила имевшиеся противоречия в арабском мире. Никогда прежде региональный конфликт не ставил арабские страны перед необходимостью выбирать между своими национальными интересами и общеарабской солидарностью. Война способствовала расколу арабского мира на союзников Ирака и сторонников Ирана, межгосударственные противоречия по мере продолжения войны становились все острее.

Ирако-иранская война внесла серьезные коррективы в региональную политику Ирака, особенно сильной трансформации подвергся ее межарабский вектор, выдвинув на передний план отношения с теми государствами, которые в условиях войны оказывали ему конкретную политико-дипломатическую поддержку и финансово-экономическую помощь.

Среди ведущих арабских стран Египет был среди тех, кто входил в число сторонников Ирака. Поддержка Сирией в войне Ирана поставила перед иракскими властями задачу найти равноценного ей союзника в регионе, которым мог быть только Египет. Проблема военных поставок в ходе войны способствовала налаживанию с ним военного сотрудничества, который также проявлял заинтересованность в расширении арабского рынка для своей военной промышленности. В указанный период в Египте было закуплено оружия, военной техники и запчастей на сумму более 1 млрд. долл., до 15 тыс. добровольцев и советников участвовали в составе иракской армии на фронте, а около 1,5 млн. египтян трудились на военных и гражданских объектах в Ираке [211, с. 62].

В качестве ответного шага в 1982 г. С.Хусейн призвал арабские страны вернуть Египет в свои ряды, восстановить его членство в ЛАГ и других региональных организациях. Он заявил, что *«арабская солидарность никогда не будет полноценной без Египта. Он слишком велик и важен для нас, чтобы не пускать его в арабский лагерь. Мубарак – не Садат. Он достойный человек и его вклад в общеарабское дело гораздо значительнее, чем других арабов, непрерывно разглагольствующих об арабизме»* [138, с.29]. Эта позиция нашла отра-

жение в решениях IX регионального съезда правящей Баас (июнь 1982 г.), где отмечалось, что с приходом к власти Х.Мубарака положение стало меняться в лучшую сторону, поэтому *«лозунг дня должен быть «изоляция не Египта, а Кэмп-Дэвидского курса»* [349, с.43]. Египетское руководство, придававшее большое значение улучшению связей с Ираком, рассчитывало с его помощью нормализовать отношения с другими арабскими странами, а затем поэтапно отвоевать утраченные позиции в арабском мире. Х. Мубарак был озабочен курсом аятоллы Хомейни на «экспорт исламской революции», под влиянием которого значительно активизировались различные экстремистские исламские группировки в стране. В более широком смысле *«провозглашенная Хомейни панишитская доктрина рассматривалась как альтернатива арабскому национализму»* [54, с. 594], одним из оплотов которого продолжал оставаться Египет.

Однако, несмотря на признаки улучшения двусторонних отношений, политические и торгово-экономические связи не достигли желаемого уровня. В январе 1983 г. в Париже состоялась первая после долгого перерыва встреча между государственным министром по иностранным делам Египта Б.Б.Гали и министром иностранных дел Ирака Т.Азизом, на которой обсуждались вопросы сотрудничества в различных сферах. В августе стороны договорились урегулировать экономические и финансовые аспекты двусторонних отношений, включая перевод финансовых средств, клиринговые операции, учреждение представительств банков и т.д. [278, с. 147]. В 1985 г. президент Х.Мубарак посетил Багдад с официальным визитом, хотя дипломатические отношения между двумя странами еще не были восстановлены. Во многом благодаря усилиям Ирака, на Совещании глав арабских государств в Аммане (ноябрь 1987 г.) было согласовано, что члены ЛАГ могут восстановить дипломатические отношения с Египтом в полном объеме. Ирак был в числе первых, кто отреагировал на этот призыв и направил в Каир свою дипломатическую миссию [128, с. 303].

Таким образом, была создана хорошая база для укрепления стратегического союза между двумя странами. Своего апогея их сближение достигло уже после войны, когда в феврале 1989 г. две крупнейшие арабские страны объеди-

нились в Совете арабского сотрудничества (САС) – организации, созданной в качестве противовеса усилившемуся влиянию Саудовской Аравии в регионе.

Из соседних арабских стран наиболее открытую поддержку Ираку в ходе войны оказала Иордания, которая рассматривала его в качестве гаранта региональной безопасности и силы, способную воспрепятствовать распространению исламской революции на арабский мир. Не случайно, во время своего визита в Саудовскую Аравию в начале 1982 г. король Хусейн заявил, что если Иран победит Ирак в войне, то арабы останутся без «крыши» и выразил готовность присоединиться к любым усилиям по оказанию ему действенной помощи. В течение всех 8 лет войны Иордания оказывала Ираку неоценимую дипломатическую и политическую поддержку. Король Хусейн не только способствовал тесной координации усилий арабских монархий по урегулированию конфликта мирными средствами, выполняя роль посредника между ними и Ираком, но и осуществлял функции «мостика», соединявшего его с арабским миром в целом.

Поддержка Ирака в войне была обусловлена не в последнюю очередь экономическими интересами Иордании. Она ежегодно получала от иракского правительства более полумиллиарда долларов, а при его активной финансовой и экономической помощи осуществлялся целый ряд совместных проектов, имевших для слабой иорданской экономики важное значение. В январе 1984 г. было заключено двустороннее соглашение о строительстве нефтепровода с территории Ирака к иорданскому порту Акаба [8, с. 181]. Необходимость разработки проекта, стоимость которого оценивалась в 1 млрд. долл., была обусловлена потребностью экспорта иракской нефти после блокирования порта Фао и прекращения ее транспортировки по трубопроводу Керкук-Банияс.

В ходе войны Иордания помогала Ираку как транзитная страна. Из-за практического бездействия его основных портов – Басры, Умм-Касра и Фао военные грузы, а также товары первой необходимости, оборудование и т.д. перевозились через иорданский порт Акаба в Красном море и аэропорт Аммана [345, с. 112]. Король Хусейн одним из первых откликнулся на призыв Ирака к арабским и другим странам прислать добровольцев для участия в военных дей-

ствиях и направил туда около 5-ти тысяч добровольцев [163, с.23]. Его не остановили даже неоднократные предупреждения и ответные меры иранского правительства сначала о снижении ранга дипломатического представительства до временного поверенного в делах, а с 1 февраля 1981 г. о полном разрыве дипломатических отношений.

Сирия была одной из немногих арабских стран, которая поддержала в войне Иран, обосновав этот шаг *«недопустимостью развязывания военных действий против исламской страны, защищавшей интересы арабских народов в их противоборстве с Израилем»* [251, с. 34]. Отметим, что ее позиция в отношении воюющих стран сформировалась под воздействием ряда объективных и субъективных факторов, среди которых многолетнее соперничество и противостояние двух «центров баасизма» занимало не последнее место. Конфронтация между ними еще больше усилилась после смены власти в Ираке – «добровольным» уходом в отставку А.Х. аль-Бакра со всех занимаемых постов, увольнением и арестом большой группы его сторонников, избличенных как «сирийских агентов», и захватом С.Хусейном и его группировкой всей полноты власти. Новый иракский лидер и его ближайшее окружение обвинили сирийское руководство во *«вмешательстве во внутренние дела страны»* и *«поддержке враждебных элементов, стремившихся захватить власть»* [286, с.151], что привело к разрыву дипломатических отношений в июле 1979 г.

Среди причин, обусловивших проиранскую позицию Сирии, ряд исследователей выделяли также политические, экономические и религиозные факторы [305, с. 55; 230, с.128]. Многолетнее соперничество двух «центров баасизма» за лидерство в арабском мире не могло не повлиять на их взаимоотношения в период войны. Сирийская партийно-государственная элита во главе с Х.Асадом принадлежала в основном к алавитской секте шиизма, поэтому «шиитские симпатии» в их политике были неслучайны. Кроме политико-религиозного фактора, на политику Сирии влияли и экономические причины – Иран оказывал ей ежегодную финансовую помощь в размере 1 млрд. долл., в том числе 600 млн. долл. в качестве безвозмездного дара [69, с. 36]. В марте 1982 г. между

ними было подписано соглашение сроком на 10 лет о расширении экономических связей, в том числе в нефтяной сфере. Иранская сторона обязывалась продать Сирии 10 тыс. бар. нефти по рыночным ценам, а 100 тыс. бар. по ценам ниже цен ОПЕК [11, с. 296]. В начале апреля 1982 г. сирийское правительство объявило о закрытии границы с Ираком, приостановке транспортировки нефти по нефтепроводу Керкук-Банияс, а 18 апреля были прерваны дипломатические отношения. Это решение нанесло финансам и нефтяной промышленности Ирака значительный урон, а резкое сокращение экспорта нефти привело к уменьшению валютных поступлений, необходимых для закупок оружия, обеспечения населения продуктами и товарами.

Таким образом, ирако-иранская война не только углубила старые противоречия между двумя «центрами баасизма», но и привела к появлению новых разделительных линий в двусторонних отношениях.

Война между крупнейшими государствами Залива вызвала большой резонанс и беспокойство аравийских монархий, каждая из которых осознавала свою уязвимость перед лицом их противостояния. Провозглашение политики «экспорта исламской революции» вынудило их всерьез задуматься об исходившей от Ирана угрозе национальным интересам. Первоначально монархии Залива, прежде всего Саудовская Аравия, стремились использовать Ирак против тегеранского режима, рассчитывая, что война ослабит потенциал обеих стран и отвлечет их от борьбы за лидерство в субрегионе. В этом случае собственные возможности Королевства значительно возрастали и могли перейти в практическую плоскость [21, с. 97]. Однако угрозы со стороны Ирана и активизация деятельности шиитских группировок, направленные на подрыв общественной безопасности, способствовали поддержке Ирака, оказанию ему политико-дипломатической, финансовой и гуманитарной помощи. Правда, на практике она осуществлялась довольно осторожно, во-первых, из-за боязни возмездия со стороны Ирана, во-вторых – тревоги за судьбу региона и собственных режимов в случае победы одной из сторон, так как победитель превращался в единственную и никем не сдерживаемую силу в Заливе [314, с. 54].

С ноября 1980 г. иракские торговые и военные суда начали использовать саудовские порты в Красном море, а с 1981 г. порт Кадейма, севернее Джидды, стал главным местом экспортно-импортных операций Ирака, в том числе и для получения военной техники [318, с.109]. В ответ на «*братскую помощь и поддержку*» в Багдаде в декабре 1981 г. было подписано соглашение с Эр-Риядом о границах, разделе нейтральной зоны и выпрямлении пограничной линии [178, с. 68]. Позже было заключено двустороннее соглашение о продаже иракской нефти его контрагентам, после окончания войны Ирак обязался выплатить Саудовской Аравии соответствующую компенсацию, а также о предоставлении крупного займа на закупку продовольствия и медикаментов [281, с. 54]. По мере затягивания войны финансовая помощь Ираку стала увеличиваться – она предоставлялась в виде беспроцентного займа, причем большая часть суммы приходилась на долю Саудовской Аравии. В то же время саудовские власти по закрытым каналам пытались договориться с Ираном, которому в обмен на прекращение военных действий была обещана компенсация в размере 25 млрд. долл., но аятолла Хомейни отказался от этого предложения [178, с. 66].

Война напрямую коснулась Кувейта, чья территория располагалась вблизи театра военных действий. Эмират подвергался ожесточенным нападкам Ирана, который расценивал его позицию как проиракскую и враждебную [285, с.198]. Провокационные действия против Кувейта были направлены на то, чтобы предотвратить его от прямой поддержки Ирака. Если на первом этапе войны Кувейт, опасавшийся перспективы быть «проглоченным» «неудобным соседом» – Ираком, заявлял о необходимости скорейшего прекращения военных действий, то впоследствии после перехода военной инициативы к Ирану наряду с дипломатическими шагами Эмират стал оказывать ему значительную финансовую помощь. Кроме этого, иракские самолеты могли заправляться в военных базах Кувейта, использовать порт Шувайх для транспортировки военных грузов и т.д. [282, с. 212]. В ходе «танкерной войны» вблизи кувейтских территориальных вод, обстрела его судов и танкеров, Ирак выразил готовность оказать военное содействие Кувейту для отражения иранских атак.

Среди ведущих неарабских государств региона отношения Ирака с Турцией в ходе войны представляли немалый интерес. Пришедшее к власти в результате военного переворота в сентябре 1980 г. новое руководство Турции заявило о своем твердом намерении *«оставаться нейтральным»* и *«не оказывать помощь оружием и военным снаряжением ни одной из сторон»* [104, с.140]. В то же время воюющие страны были для Турции выгодными торгово-экономическими партнерами и основными поставщиками нефти, которых она могла потерять в случае затягивания военных действий. Эти опасения не были беспочвенными – в результате бомбардировок иракской территории нефтепровода Керкук-Юмурталык, по которому Турция получала до 5 млн. т. нефти ежегодно, был нанесен значительный ущерб [295, с. 212]. Руководствуясь чисто прагматическими соображениями, Турция стремилась с максимальной выгодой использовать ситуацию, когда стороны конфликта ввиду закрытия их портов в Заливе, вынуждены были использовать турецкие порты Искендерун и Мерсин для выхода к Средиземному морю. В результате только от транзита она получала ежегодно более 500 млн. долл. дохода [233, с. 31]. В ходе войны Турция обеспечивала воюющие страны относительно дешевыми продуктами и товарами первой необходимости, что привело к усилению торгово-экономических связей – так, если в 1982 г. Ирак закупил в Турции товаров на 400 млн. долл., то уже в 1985 г. турецкий экспорт составил 961 млн. долл. [104, с. 141].

В ходе войны было завершено строительство второй линии нефтепровода Керкук-Юмурталык, имевшего для экономики двух стран важное значение. Однако в последующие годы в связи с проблемами по взаимным выплатам и нежеланием турецкого правительства увеличить сумму иракского кредита, в двусторонних отношениях возникла определенная напряженность. Невзирая на это, Турция ожидала окончания войны, так как рассчитывала на активное участие своих фирм и холдингов в послевоенном восстановлении объектов промышленности и инфраструктуры в Ираке. Однако эти ожидания оправдались лишь частично, поскольку иракские власти отдавали предпочтение ведущим компаниям из развитых стран Запада и Японии, которые применяли высоко-

технологическое оборудование и механизмы.

Следует подчеркнуть, что ирако-турецкие отношения в период войны определялись не только их торгово-экономическими интересами, а были также связаны с политической обстановкой в регионе и в самих этих странах. Тревожа оценивая ближневосточный политический расклад, а также сообразуясь с новациями своей региональной политики, Турция считала целесообразным до конца сохранить объявленный нейтралитет в войне. Одной из причин можно считать дестабилизирующее влияние курдского фактора на внутривосточную обстановку в стране [301, с.138]. По мере ослабления контроля центральных властей над Северным Ираком усиливалась деятельность окопавшихся там курдских террористических группировок, в первую очередь, РПК (ПКК), которые получали значительную материальную и военную помощь извне [40, с.226]. Поскольку в условиях продолжавшейся войны Ирак собственными силами не мог обуздать террористическую деятельность курдских вооруженных группировок, то специальные части турецкой армии, согласно договоренности, могли войти на его территорию и после нанесения ударов по опорным базам РПК, передислоцироваться обратно. Периодически проводились совместные операции против курдских «пешмарга» с частями иракской армии [38, с. 95].

Хотя в ходе войны Турция сохраняла нейтралитет, она принимала активное участие в различных комиссиях по урегулированию конфликта, в том числе в рамках созданной ОИК (ОИС) так называемой «Примирительной комиссии». В июле 1987 г. ввиду отсутствия межгосударственных отношений между Ираком и Ираном они обратились с официальной просьбой к Турции, чтобы ее посольства в Тегеране и Багдаде представляли также их интересы [104, с.143]. Благодаря последовательной и сбалансированной политике Анкары в указанный период, двусторонние отношения с воюющими странами сохранились на достаточно высоком уровне с потенциалом дальнейшего развития по завершении военных действий.

Ирако-иранская война оказала серьезное воздействие на ближневосточную стратегию ведущих мировых акторов, в которой в тот период возобладала

линия «привязывания» различных региональных и локальных конфликтов к глобальной политике» [86, с. 202]. Поэтому их позиция в этом конфликте формировалась с учетом роли и места зоны Залива в их геополитических, геоэкономических и военно-стратегических планах, а также отношений с непосредственными его участниками. На начальном этапе, когда ситуация представлялась достаточно запутанной и неясной, они предпочли выжидательную позицию, близкую к нейтралитету [101, с. 7]. Но тогдашние супердержавы – США и СССР рассматривали Иран как стратегически более важную страну региона, с которой, вопреки коллизиям послереволюционного периода, ярко выраженному антиамериканизму и антисоветизму внешней политики, нашедшему свое отражение в знаменитом тезисе «ни Восток, ни Запад», следовало поддерживать контакты [321, с. 146]. Вскоре произошла корректировка их позиций, так как победа любой из сторон конфликта превращала ее в трудноуправляемую региональную сверхсилу [6, с. 789]. Поэтому они стали помогать обеим воюющим странам, но контакты с Ираном осуществлялись по секретным каналам. Наиболее емко американскую позицию можно выразить так: *«Мы не вмешиваемся до тех пор, пока война не угрожает нашим интересам, интересам наших союзников в регионе и не нарушает существующего баланса сил»* [339, с. 16].

Что касается непосредственно ирако-американских отношений в период войны, то в политике официального Багдада прослеживалось стремление нормализовать двусторонние отношения и активно использовать проиракское лобби в госструктурах США [388, с. 42]. По словам С.Хусейна, основная цель иракской дипломатии в тот период состояла в том, чтобы *«убедить США в их западных союзников, что поражение Ирака в войне не только создаст дополнительные проблемы в Заливе, но явится также ударом по их политическим и экономическим интересам»* [413, с. 27].

Отсутствие дипломатических отношений между Ираком и США не стало препятствием для налаживания двустороннего сотрудничества в различных сферах. В марте 1981 г. Госсекретарь США А.Хейг, выступая в Комиссии по иностранным делам Сената, высказался за необходимость нормализации отно-

шений с Ираком [345, с. 44]. В качестве первого шага предусматривалось исключить его из списка стран, поддерживавших международный терроризм [196, с. 45], в результате чего были сняты ограничения на американский экспорт и появилась возможность для предоставления кредитов. Уже в 1983 г. Ирак получил американский кредит в размере 1 млрд. долл. на закупку различных товаров и продовольствия. Хотя официально США не экспортировали оружие, тем не менее, в разгар иранских наступлений Сенат одобрил законопроект о продаже Ираку 5 реактивных самолетов «Боинг» и экспорта оружия, военной техники и снаряжения из других государств Запада [101, с. 9]. В 1983 г. в Багдад дважды приезжал специальный посланник президента Р.Рейгана Д.Рамсфельд, который обсуждал вопрос восстановления дипломатических отношений между двумя странами. В заявлениях иракского руководства этот вопрос тесно увязывался с более «благоприятной» американской позицией в войне. По словам министра иностранных дел Т.Азиза, США должны заявить, что Иран несет главную ответственность за продолжение войны; прилагать эффективные усилия для прекращения западных поставок оружия Ирану; поддержать проект строительства нефтепровода из Ирака к иорданскому порту Акаба в Красном море [370, с. 63]. В октябре 1984 г. в Багдаде была восстановлена деятельность американского Информационного агентства USIA, а также открыт закрытый еще в 1967 г. культурный центр, а в ноябре во время визита Т.Азиза в Вашингтон были официально восстановлены дипломатические отношения.

Процесс постепенной нормализации двусторонних отношений и афиширование США проиракской позиции в войне на деле не означало отказа от контактов с Ираном, которые держались в строжайшей тайне [297, с.102]. Эта двойная игра служила затягиванию военных действий, ослаблению экономического и военного потенциала воюющих стран. Причем в этом процессе активно участвовали и западные партнеры США, для которых общность целей и интересов в регионе способствовали осуществлению параллельных и взаимодополняющих мер по снабжению обеих стран оружием, военной техникой и снаряжением [196, с. 74]. Кроме того, затягивание войны рассматривалось на Западе

как одно из действенных мер политического давления на эти страны с целью ослабления их антизападного потенциала.

В целом можно констатировать, что в ходе войны США приобрели значительные дивиденды, укрепив свои стратегические и военно-политические позиции в регионе. Во-первых, им удалось переместить центр конфликтной ситуации в регионе с арабо-израильского противостояния в зону Залива; во-вторых, затягивание войны позволяло Вашингтону маневрировать как между самими субъектами войны и арабскими государствами Залива, так и другими региональными силами; в-третьих, переход войны в кризисную фазу и ее интернационализация создали прекрасную возможность для наращивания в зоне Залива американского военного потенциала; в-четвертых, война и косвенная вовлеченность в нее монархий Залива и ближневосточных стран предопределили новый виток гонки вооружения в регионе и создали для американских и других западных монополий выгодные условия для заключения многомиллиардных контрактов на продажу вооружения, военной техники и снаряжения и т.д. В отличие от программы «сдерживания» экспорта оружия при президенте Дж.Картере администрация Р.Рейгана была убеждена в том, что *«продажа оружия обеспечивает реализацию американских политических и экономических целей ..., и служит жизненно важным инструментом ее внешней политики и эффективным средством приобретения влияния»* [326, с. 36].

Война с Ираном дала толчок к углублению торгово-экономических связей Ирака с Францией, ФРГ, Италией и Японией, то есть с теми странами, которые еще на VIII региональном съезде правящей Баас были отнесены к категории *«дружественных»* [61, с.155-156]. Правда, политика указанных стран в отношении ирако-иранской войны мало, чем отличалась от американского подхода и в общих чертах сводилась к извлечению из нее максимальных выгод и дивидендов, а также усилению военно-политических и экономических позиций как в воюющих странах, так и зоне Залива в целом.

Франция еще до начала войны переориентировалась на Ирак, завязав с ним не только широкие экономические связи, но и военное сотрудничество.

Хотя Париж заявил о своем нейтралитете и стремлении к политическому решению конфликта, однако это не мешало осуществлять широкомасштабные поставки оружия воюющим сторонам. Так, по данным западных источников, в период между 1978 по 1985 гг. Франция продала Ираку современные виды вооружений на общую сумму более 11 млрд. долл., что вывело его на первое место среди импортеров французского оружия [195, с. 56]. В то же время французские фирмы с молчаливого согласия правительства осуществляли тайный экспорт оружия и в Иран, в обход официально установленного эмбарго. Западногерманские фирмы, игнорируя директиву федерального правительства, запрещавшую вывоз оружия в случаях, когда это могло способствовать росту напряженности в любой точке земного шара, также значительно расширили военный экспорт участникам войны [101, с.13].

Затягивание войны способствовало росту военных нужд, поэтому Ирак вынужден был все чаще прибегать к помощи западных стран, которые по его просьбе расширили поставки различных видов вооружения и запчастей к ним, а в ответ они либо получали новые многомиллионные контракты, либо уже после завершения военных действий могли с полным основанием рассчитывать на углубление экономических связей с Ираком. В специальном заявлении, адресованном западным странам и их компаниям, С.Хусейн объявил, что *«страны и компании, которые стояли во время войны вместе с нами в одном ряду, не будут забыты»* [138, с.13]. Развитие торгово-экономических связей Ирака с Западом способствовало в определенной степени его экономической зависимости от мирового рынка в качестве поставщика сырья, главным образом, нефти и импортера технологий, а с расширением рамок войны – вооружения и военной техники. Возросла зависимость Ирака от Запада в качестве объекта их кредитов и займов, при помощи которых он смог сохранить на определенном уровне экономическую и финансовую стабильность в стране [350, с. 12].

Что касается ирако-советских отношений, то перед войной они переживали не лучшие времена. После начала военных действий Москва объявила о своем нейтралитете и приостановке поставок оружия и военной техники вою-

ющим сторонам. Это не могло не вызвать недовольства иракских властей, которые рассчитывали на ее помощь и поддержку. Они открыто и по дипломатическим каналам пытались довести свое негативное отношение к позиции советского руководства. Действительно, в начале войны официальная Москва столкнулась с серьезной дилеммой: с одной стороны, используя антиамериканизм нового иранского режима, рассчитывала привлечь его на свою сторону для осуществления собственных стратегических целей в регионе [255, с. 126]. С другой – осознавала, что Ирак, проводивший по многим критериям независимый политический курс и превратившийся в один из региональных центров сил, при советской поддержке мог не только еще больше упрочить свои позиции в противоборстве с Ираном, но и способствовать реализации многих геополитических планов самого Советского Союза в регионе. Но явственно обозначивший отход Ирака от линии на «стратегический союз с СССР» и «прагматический подход в международных делах», который проповедовал иракский лидер С.Хусейн и его ближайшее окружение, не могли не насторожить Москву, которая стремились избежать нежелательных эксцессов и не подвергать испытаниям свои геостратегические и экономические интересы на Ближнем Востоке [248, с. 73; 245, с. 8]. Поэтому требовалось найти равноценного партнера, способного заменить Ирак.

Этому качеству соответствовала Сирия, с которой еще в октябре 1980 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет [258, с. 38]. Учитывая многолетнее ирако-сирийское противостояние, а также то, что Сирия поддержала в войне Иран, можно догадаться, что заключение этого договора внесло еще больший разлад в ирако-советские отношения не только в политической, но и торгово-экономической и военной сферах. Так, если до середины 70-х годов до 95% оружия и военной техники Ирак закупал в Советском Союзе, то к началу войны эта цифра составляла менее $\frac{2}{3}$ всех его военных закупок. Объемы торгово-экономического и технического сотрудничества с СССР и другими странами Восточного блока из года в год неизменно сокращались. Для сравнения укажем, что если в 1981 г. общие торгово-экономические показатели

Ирака с этой группой стран равнялись 499 млн. долл., то аналогичные данные по развитым государствам Запада за тот же период составили 27,7 млрд. долл. [227, с. 79]. Курс на расширение торгово-экономического и военного сотрудничества Ирака с Западом был подтвержден и С.Хусейном, заявившим, что его страна *«отдает предпочтение западным технологиям и намерена расширять экономические связи с США и странами Запада»* [138, с. 46]. В то же время, вопреки ожиданиям Запада, Ирак не пошел на аннулирование Договора о дружбе и сотрудничестве с СССР, проявив в еще раз «прагматический подход» и «баланс» в международных делах.

С середины 1982 г. во избежание больших военно-политических и финансово-экономических потерь Москва возобновила продажу Ираку оружия и военной техники, которая приносила не только многомиллиардные прибыли, но являлась эффективным политическим средством сохранения влияния в регионе. После смены политического руководства и прихода М.Горбачева в 1985 г. к власти, «перестройка» и «новое мышление», ставшие неотъемлемыми атрибутами советской внешней политики, позволили без идеологизации приступить к урегулированию застарелых региональных конфликтов. В декабре 1985 г. состоялся визит иракского лидера С.Хусейна в Москву, в ходе которого была достигнута договоренность об активном советском вмешательстве в дело скорейшего завершения войны вплоть до оказания политического давления на Иран по дипломатическим каналам и как постоянный член СБ ООН с тем, чтобы заставить его прекратить военные действия и сесть за стол переговоров [258, с.580]. В русле нового подхода к решению международных и региональных проблем в феврале 1987 г. состоялись переговоры советского руководства с министрами иностранных дел Ирака и Ирана – Т.Азизом и А.А.Велаяти, в ходе которых обсуждались пути выхода из войны под определенные гарантии [24, с. 65]. До их сведения было также доведено, что ведущие державы не только не согласятся на изменение существующих границ в случае победы какой-либо из сторон, но не допустят какого бы то ни было нарушения баланса сил в зоне Залива и на Ближнем Востоке и выступают за сохранение статус-кво в регионе.

В целом, можно констатировать, что Ираку в период войны удалось проводить сбалансированную политику между ведущими мировыми державами. Другое дело, что итоги этой во многом бессмысленной война обернулись для страны колоссальными политико-экономическими, финансовыми и моральными потерями. Багдадский режим впустую растратил свой энергетический заряд, потерял в значительной степени политический потенциал, который привлекал к нему определенную часть арабского мира, не приобретя взамен существенных дивидендов как на международной арене, так и региональном балансе сил.

2.3. Кувейтский кризис: обострение отношений Ирака с международным сообществом

С конца 80-х годов XX века международные отношения подверглись серьезным трансформациям, которые были обусловлены рядом имевших всемирно историческое значение факторов – распадом биполярной системы в результате системного кризиса в СССР и странах Восточного блока, завершением эпохи «холодной войны» и др. В сложившихся условиях страны «третьего мира» нуждались в переосмыслении своей внешнеполитической стратегии и тактики, ибо линия на эксплуатацию двухполюсного противостояния теряла свою эффективность, а рамки для маневрирования значительно сузились [33, с. 32]. Раньше страны, претендовавшие на региональное лидерство, умело использовали противостояние сверхдержав в нестабильных зонах для получения военно-политической и экономической помощи и поддержки.

Хотя риск глобальной военно-политической конфронтации двух мировых систем значительно снизился, однако реальная угроза возникновения региональных войн и конфликтов продолжала сохраняться. Изменение соотношения сил на геополитическом уровне, коренные трансформации в регионах, а также внутривнутриполитические подвижки в самих государствах, в том числе и под воздействием внешних факторов, вели к образованию новых очагов напряженности и кризисных узлов [9, с. 103]. Сохранявшиеся в странах «третьего мира» многочисленные территориальные, религиозные, этнические противоречия делали их

вероятность весьма высокой. Учитывая психологические и социокультурные особенности, многие из этих стран были склонны решать споры и противоречия силовыми методами. У некоторых амбициозных и иррационально мыслящих лидеров, особенно у тех, кто претендовал на региональное лидерство, появилась опасная и необоснованная иллюзия вседозволенности и безнаказанности [326, с. 37]. При сохранении высокого уровня вооруженности вероятность использования силовых методов становилась еще более реальной.

Вышесказанное с полным основанием было применимо к зоне Залива, которая удерживала «звание» одного из самых напряженных регионов мира. Сосредоточенные здесь территориальные, этно-конфессиональные и других противоречия, преломляясь через сложный механизм межгосударственных отношений, борьбу за лидерство между различными региональными «центрами сил», неоднократно приводили к вооруженным конфликтам и войнам [332, с. 17]. В этом смысле восьмилетняя ирако-иранская война явилась типичным примером классического регионального конфликта и попыткой осуществления силовыми методами амбициозных устремлений двух из претендовавших на лидерство в Заливе государств – Ирана и Ирака [8, с. 117]. Вопреки расчетам и ожиданиям, война с Ираном не только не укрепила позиций Ирака в зоне Залива, напротив она обернулась для страны колоссальными политическими, экономическими, финансовыми и моральными потерями. Багдадский режим не смог добиться реализации основных целей, вынашиваемых им в преддверии войны, впустую растратил свой энергетический заряд и политический капитал, который был накоплен на международном и региональном уровнях.

Война вызвала крупные расходы – на покупку вооружений, оснащение и содержание многократно возросшей армии и военизированных формирований, а также на восстановление разрушенной инфраструктуры, промышленных предприятий и т.д. Она нанесла удар и по благосостоянию Ирака: вместо крупных инвалютных резервов образовались огромные внешние долги; фактически был закрыт выход страны к Заливу через Шатт эль-Араб; появилось много разрушенных военных и хозяйственных объектов, число жертв войны исчислялось

в несколько сот тысяч человек; произошло резкое падение жизненного уровня населения; из-за сокращения инвестиций в государственном и в частном секторах возросла безработица. Поэтому иракское правительство начало реализацию чрезвычайного плана в нефтяной области: форсировать добычу нефти, увеличить пропускную способность единственного экспортного нефтепровода Керкук-Юмурталык; ускорить прокладку дополнительной линии для соединения южных нефтепромыслов с новым нефтепроводом к Красному морю; обратиться за дополнительной финансовой помощью к Саудовской Аравии, Кувейту и другим монархиям Залива [14, с.73]. Чрезвычайные меры предпринимались и в рамках всей национальной экономики, смысл которых сводился к ее перестройке в соответствии с требованиями военного времени и с учетом острой нехватки рабочей силы.

Несмотря на отсутствие явного «победителя», пропагандистская машина правящей Баас преподносила итоги войны, как *«блистательную победу и военно-политический успех героического иракского народа во главе с лидером-вождем С.Хусейном»* [79, с. 145]. Как бы сильна ни была эйфория от «успешного окончания войны», она скоро сменилась пониманием того, что практически ни одна из намеченных целей не была достигнута. Хотя режим в свойственной ему жесткой манере контролировал обстановку и политические процессы в стране, подавляя любые формы недовольства и оппозиционных настроений, война до предела обострила весь комплекс социально-экономических проблем. Логика диктовала необходимость терпеливой и трезвой оценки сложившейся ситуации как внутри страны, так и за ее пределами с тем, чтобы проводить политический курс, оптимальный в неблагоприятных условиях функционирования страны [236, с. 96]. Однако это требовало долговременных, тщательно продуманных шагов и концентрации усилий власти и всего общества, что оказалось не под силу авторитарному режиму С.Хусейна. Иракский лидер не мог вынести мысли о том, что страна превратилась во второстепенное по своим стратегическим показателям государство региона, отягощенное грузом большой внешней задолженности.

Военные издержки стали тяжелым бременем для экономики Ирака, государственный долг достиг катастрофических размеров. По подсчетам экспертов, только долг Советскому Союзу за проданное оружие составлял 6-10 млрд. долл. [207, с. 79], «условный» долг, предоставленный в виде финансовой и другой помощи по закрытым каналам от арабских монархий Залива, равнялся 45 млрд. долл. (из них Саудовской Аравии – 26 млрд. долл., Кувейту – 12 млрд. долл., ОАЭ – 5 млрд. долл., остальным – около 2 млрд. долл.) [392, с. 52]. Для восстановления разрушенного в ходе войны необходимо было изыскать не менее 150 млрд. долл. Проблема внешней задолженности приобрела для Ирака особую остроту из-за того, что его финансовые возможности по возвращению долгов по займам и кредитам к концу 80-х годов были невелики. При сохранении доходов от экспорта нефти на уровне 13-15 млрд. долл. казна имела пассивное сальдо в размере 6-8 млрд. долл. ежегодно [226, с. 77].

Однако, несмотря на понесенный Ираком колоссальный материальный ущерб, он продолжал активно вооружаться и имел под ружьем 700 тыс. армию. По завершении войны начался второй этап развития его военной промышленности, в которое было ассигновано, по разным данным, до 22 млрд. долл. [7, с.177]. В конце 80-х годов в Ираке при участии местных и зарубежных специалистов началась разработка и осуществление комплекса специальных военных программ по оснащению армии современным оружием и военной техникой. В соответствии с этими проектами был налажен выпуск стрелкового оружия, боеприпасов, сборка танков, бронемашин, военных грузовиков и переоборудование боевых самолетов и тактических ракет класса «земля-земля» дальностью действия до 600 км, а также выпуск собственных истребителей и штурмовиков. В декабре 1989 г. министр промышленности и минеральных ресурсов, зять С.Хусейна Х.Камиль объявил о том, что Ирак закупил 2000 ракет дальнего радиуса действия типа «земля-земля» и баллистические ракеты среднего радиуса действия. Было также объявлено о создании иракской межконтинентальной баллистической ракеты «Таммуз» с радиусом действия более 1 тыс. км [10, с.236]. По разным сведениям, к началу 90-х годов Ирак приступил к производ-

ству некоторых видов оружия массового уничтожения (ОМУ) – химического и биологического оружия, а также были начаты исследования в области производства ядерного оружия [279, с. 13].

Исходя из стратегических, военно-политических и экономических интересов в регионе, ведущие страны Запада, рассматривавшие в период войны Ирак и его лидера в качестве «усмирителя» иранской режима, а также Советский Союз и по ее завершении продолжали оказывать ему военную помощь. В указанный период военно-промышленные и строительные фирмы из Франции, Италии, Китая, Бельгии, Германии, Югославии, Великобритании, Бразилии и т.д. продали оружия и создали фортификационные сооружения на его территории общей стоимостью до 15 млрд. долл. [91, с. 16]. С помощью иностранных военных инструкторов и специалистов началось освоение новых видов вооружения и техники. Были также закуплены 500 новейших советских танков Т-72, военные самолеты МиГ-23 и МиГ-29. Хотя в США был введен запрет на поставки иракскому режиму обычных типов оружия, но американским компаниям разрешалось продавать технологии и оборудование, которые могли использоваться в военных целях [331, с. 3].

Таким образом, в условиях роста милитаризации региона состояние «ни войны, ни мира» не исключало возможности возникновения новой вспышки вооруженной конфронтации между различными его субъектами. В то же время после завершения войны создались реальные предпосылки не только для конфронтационного решения проблем. В результате ослабления Ирана, его тяжелого экономического положения, подорванного военного потенциала, возросшей изоляции на международной арене появился шанс для создания системы субрегиональной безопасности на базе арабских монархий Залива по формуле «Ирак плюс шесть членов ССАГЗ» [131, с. 51]. Впервые за долгие годы арабские страны субрегиона получили возможность объединить свои усилия в политической и оборонной сферах. Этот альянс был выгоден и Ираку как один из наиболее приемлемых вариантов обеспечения собственной национально-государственной безопасности на длительную перспективу, удачный фактор

сдерживания Ирана, возможность превратить Залив в зону, свободную от иностранного военного присутствия, а также шанс осуществить давно вынашиваемый план создания именно арабской оборонительной организации. Инициирование Ираком переговорного процесса в этом направлении могло повысить к нему доверие аравийских монархий, позволяло расширить политические рамки взаимодействия с Западом и другими государствами, имевшими хорошие отношения с членами ССАГЗ.

Однако Багдад избрал иной путь – был проигнорирован предложенный в марте 1989 г. королем Фахдом пакт о ненападении [56, с. 92], а спустя несколько дней было объявлено об активизации Ираком своей деятельности в рамках САС, где были представлены также Египет, Иордания и Северный Йемен, в целях еще большей интеграции арабского мира. Саудовская Аравия рассматривала создание САС как *«попытку противостоять ее влиянию в регионе»* [207, с.61]. Сотрудничество двух крупнейших арабских государств – Ирака и Египта в рамках новой региональной организации было продиктовано не только экономическими интересами, а преследовало в первую очередь политические цели. Правда, С.Хусейн в этот период старался не акцентировать внимание на своих амбициозных планах в регионе и неоднократно опровергал любую информацию об этом, заявляя, что *«все попытки представить Ирак как региональную сверхдержаву лишены основания, мы не хотим быть ею. Мы не вмешиваемся во внутренние дела других стран; основополагающий принцип нашей политики – создание сильного арабского государства, способного противостоять любой агрессии Израиля»* [135, с. 17].

Отметим, что в первые послевоенные годы Ирак уделял большое внимание развитию всестороннего сотрудничества с арабскими странами. В апреле 1988 г. был принят закон об арабских инвестициях, направленный на привлечение арабского капитала в промышленность, сельское хозяйство и туризм, создание совместных предприятий. Особо следует отметить кредитную деятельность арабских банков по финансированию экономического восстановления Ирака. Так, в 1988-1989 гг. принадлежавший Кувейту Арабский фонд экономи-

ческого и социального развития выдал два займа на сумму 50,2 млн. долл. на развитие промышленности, а саудовский Исламский банк развития предоставил займов на 25 млн. долл. [401, с.75]. Кроме того, С.Хусейн рассчитывал, что арабские монархии Залива спишут выделенные ими в ходе войны кредиты и займы и согласятся внести еще по 10 млрд. долл. на восстановление иракской экономики и инфраструктуры. Однако после создания САС члены ССАГЗ начали пересматривать свою инвестиционную политику в отношении Ирака и объявили, что могут предложить сумму гораздо меньшую, чем он запрашивал с выплатой в течение 3-5-ти лет [7, с. 75].

Параллельно шел процесс интенсивного вооружения иракской армии новейшими типами оружия и боевой техники. В западных СМИ стали появляться сведения о закупках Ираком высоких технологий, материалов и оборудования для изготовления химического и ядерного оружия, и уже мало кто верил заверениям С.Хусейна о том, что *«Ирак не является и не стремится быть ядерной державой»* [328, с.11]. В этой связи приходится констатировать, что роль Запада и СССР в бесконтрольных поставках оружия и современных технологий для иракского режима бесспорна и именно они «взрастили» непомерные амбиции его лидера. Аккумулировавший избыточное для мирного времени вооружение и накопивший опыт военных действий, Ирак стал искать любой повод для давления на соседние страны, прибегая при этом к открытому шантажу и угрозам.

Подспудно на фоне тяжелых социально-экономических и финансовых последствий войны росла неприязнь С.Хусейна против Кувейта и других богатых монархий региона. В конце февраля 1990 г. на официальном приеме по случаю годовщины создания САС он в неприкрытой форме пригрозил Саудовской Аравии и Кувейту *«тяжелыми последствиями»* в случае отказа ликвидировать долги и предоставить дополнительно еще 30 млрд. долл. для восстановления разрушенной экономики. Иракский лидер заявил, что эти *«деньги были даны в качестве помощи, но затем обращены в долг»* [333, с. 142].

Предвестником нараставшего кризиса стало выступление С.Хусейна на внеочередном арабском Совещании в верхах 30 мая 1990 г., в котором он обви-

нил Кувейт и ОАЭ в преднамеренном превышении установленных ОПЕК экспортных квот и расценил их действия как *«настоящую экономическую войну против его страны»* [276, с. 9]. Для восстановления разрушенной экономики и покрытия внешних долгов Ирак был заинтересован в максимально высоких ценах на нефть, поэтому превышение квот добычи наносило удар по его экономическим интересам. 15 июля 1990 г. в Меморандуме, адресованном на имя Генерального секретаря ЛАГ, официальный Багдад обвинил Кувейт в незаконном бурении и добыче нефти на принадлежавшем Ираку нефтеносном районе Румейла, в результате чего ему был нанесен материальный ущерб в размере 2,4 млрд. долл. По утверждению иракской стороны, Кувейт в течение десяти лет целенаправленно «заливал» рынок дешевой нефтью, часть из которых была *«украдена именно из этого месторождения»* [346, с. 2]. Падение цен на нефть с 1981 по 1990 гг. нанесло экономике страны ущерб на сумму 90 млрд. долл., так как снижение цен на 1 долл./бар. означало потерю 1 млрд. долл. ежегодно. Только падение цен на нефть в первой половине 1990 г. стоило Ираку 14 млрд. долл. нефтяных доходов. В Меморандуме предлагалось повысить мировые цены на нефть до 25 долл./бар., учредить арабский фонд содействия и для компенсации его потерь отчислить туда с каждого проданного барреля по 1 доллару [там же, с. 3]. Параллельно с июля 1990 г. началась концентрация иракских войск и военной техники вблизи кувейтской границы.

25 июля 1990 г. состоялась нашумевшая встреча С.Хусейна с послом США в Багдаде Э.Глэспи, на которой он пытался объяснить свои действия в отношении Кувейта. По окончании встречи на вопрос журналистов, как американская администрация расценивает наблюдаемую напряженность между арабскими странами региона, американский посол заявила, что *«она не располагает какими-либо сведениями о проблемах между ними»* [9, с. 227]. Однако спецслужбы США в регионе оперативно информировали Белый дом и Госдепартамент о количестве и составе сконцентрированных вблизи границы иракских войск (к 30 июля по оперативным данным ЦРУ – 100 тыс. военнослужащих, включая и подразделения национальной гвардии, а также 300 танков и 300

наименований других тяжелых орудий). В ходе слушаний в Ближневосточной подкомиссии Палаты представителей Конгресса на запрос председателя комитета по внешней политике Л.Гамильтона министру обороны Р.Чейни, как поступит администрация в случае агрессии против Кувейта, было заявлено *«между США и странами Залива нет договоров о безопасности и поэтому использование американских военных не предусматривается»* [329, с. 601].

2 августа 1990 г. сотысячный контингент иракских войск по приказу С.Хусейна вторгся на территорию Кувейта. После недолгих боев была занята столица эмирата с важными стратегическими объектами, объявлено о роспуске Национального собрания, свержении эмира и конфискации всего его и членов кабинета министров имущества, как в стране, так и за его пределами. В обращении к иракскому народу С.Хусейн провозгласил *«слияние Кувейта с Ираком»*, который был создан Великобританией, чтобы *«лишить Ирак его исторических земель и выхода к морю»* [411, с. 24].

Осуществляя эту акцию, Ирак решал ряд стратегических, военно-политических и финансово-экономических задач, которые можно сгруппировать с позиций его региональных и международных интересов:

– с захватом и аннексией Кувейта Ирак по запасам нефти превращался во вторую после Саудовской Аравии страну региона, что вместе с высоким уровнем экономического и военного потенциала давало ему неоспоримое преимущество перед своими соперниками;

– с захватом Кувейта Ирак решал свои финансово-экономические проблемы и избавлялся от выплаты долга;

– получив доступ к кувейтской нефти и его финансовым ресурсам, Ирак приобретал рычаги для формирования нефтяного ценообразования в регионе;

– имея возможность регулировать и контролировать нефтяной процесс и оказывая военно-политическое и экономическое давление на нефтедобывающие страны региона, Ирак приобретал статус лидера не только Залива, но и всего арабского мира;

– Ирак считал, что страны региона, которых он *«защищал от иранской*

угрозы и экспансии», закроют глаза на захват Кувейта, а его долги будут «справедливо распределены» между ними [411, с. 28];

- Ирак рассчитывал на лояльность США в отношении его действий;
- предполагалось, что договорные отношения с СССР позволят избежать применения против него силы;
- была уверенность, что мировое сообщество не сумеет выработать скоординированный подход против иракской акции.

Таким образом, спровоцированный иракской агрессией острейший кризис не только осложнил ситуацию в Заливе, нарушив существующий статус-кво, но и коренным образом повлиял на всю систему региональных отношений.

Мировое сообщество с самого начала демонстрировало жесткую позицию в отношении иракской агрессии, и для урегулирования кризиса использовался весь традиционный «арсенал средств» – экономические санкции и эмбарго, политическое давление, концентрация войск, кампания в СМИ и т.д., целью которых было сузить для С.Хусейна поле для политико-дипломатических маневров и заставить его отступить. 2 августа 1990 г. СБ ООН на экстренном заседании принял резолюцию №660, которая осуждала иракское вторжение и требовала незамедлительный отвод войск на исходные позиции, подтверждала суверенитет и территориальную целостность Кувейта [357]. Багдад не только игнорировал все эти требования, но продолжал наращивать свое военное присутствие в эмирате, а затем приступил к слому его государственно-административной системы [117, с.124]. Между тем, на границе с Саудовской Аравией началась концентрация иракских войск, а 4 августа они заняли нейтральную зону, расположенную между Кувейтом и Королевством. В ответ на эти действия СБ ООН принял резолюцию №661 от 6 августа о введении всеобъемлющих торгово-экономических санкций, в том числе запрет на экспорт нефти – главного источника валютных поступлений Ирака [358]. 25 августа была принята резолюция СБ ООН №665 об установлении его морской блокады.

Невзирая на нарастание дипломатического и экономического давления,

подкрепляемого активными военными приготовлениями в Заливе, официальный Багдад продолжал демонстрировать намерение *«вести борьбу до победного конца»* и не отступать перед *«угрозой объединенных сил империализма, сионизма и местной реакции»*. 12 августа 1990 г. С.Хусейн выступил с предложениями по урегулированию *«проблемы Кувейта»*, особо акцентируя внимание на необходимости учета *«исторических прав Ирака в отношении территории и выбора народа Кувейта»*. Иракский лидер указал, что если международное сообщество взяло на себя обязательства по восстановлению справедливости и прав человека в регионе, то оно в первую очередь должно подумать о судьбе палестинского народа и его поправленных правах. С.Хусейн заявил, что *«Ирак готов вывести свои войска из Кувейта, если Израиль уйдет со всех оккупированных арабских территорий»* и потребовал немедленного вывода американских войск и воинских контингентов других стран из Саудовской Аравии и их замены арабскими силами, национальный состав, численность и расположение которых должен был определить СБ ООН при условии, что там не будут представлены египетские войска [410, с. 18]. Предложения иракского лидера имели целью переключить внимание арабских стран на их общего врага – Израиль и попытаться втянуть его в конфликт, вбить клин между США и их арабскими союзниками, представив американское военное присутствие на Аравийском полуострове как прямую интервенцию, а нахождение иностранцев в святых землях мусульман как осквернение святынь ислама.

Однако маневр С.Хусейна не принес ожидаемого результата и ни один из пунктов его предложений не нашел реакции у заинтересованных сторон. США категорически отвергли выдвинутые иракским президентом условия урегулирования кризиса в Заливе и заявили, что они вместе с другими членами СБ ООН призывают к немедленному, безусловному и полному выводу иракских войск из Кувейта и восстановлению законного кувейтского правительства [359]. Реакция арабского мира на предложения С.Хусейна была двоякой: король Саудовской Аравии Фахд в обращении к населению Королевства подверг критике его инициативы, назвав их *«не осуществимыми и потому лишь запу-*

тывающими ситуацию в регионе», а Государственный министр Кувейта аль-Авади заявил о неприемлемости для его страны предложений Ирака, поскольку они «служат лишь маневром для отвлечения внимания от иракской агрессии» [399, с. 189]. Однако в некоторых арабских странах прошли многочисленные манифестации и митинги населения в поддержку С.Хусейна и его предложений. Одновременно началась запись добровольцев, готовых сражаться на стороне Ирака в случае американского военного удара.

17 августа С.Хусейн выступил с новыми инициативами по урегулированию кризиса. В «Открытом послании семьям иностранцев, находившимся в Ираке» он объяснял решение удерживать иностранных граждан в Ираке и Кувейте *«необходимостью избежать военного решения проблемы»* [410, с. 17]. Он потребовал, чтобы СБ ООН и США гарантировали вывод всех иностранных войск из Саудовской Аравии; США дали твердые гарантии не нападать на Ирак, а Совет Безопасности – немедленно отменить все ранее принятые резолюции. В обмен иракский президент обещал немедленно выпустить из страны иностранных граждан. Что касается *«проблемы Кувейта»*, то она должна быть оставлена для обсуждения только арабам *«как это было с Западной Сахарой или оккупацией Ливана со стороны Сирии»* [410, с. 19].

Для дополнительного разъяснения позиции своего правительства министр иностранных дел Ирака Т.Азиз встретился в Багдаде с заместителем Генерального секретаря ООН и заявил, что *«положение иностранцев в Ираке зависит от действий американской администрации»* [401, с. 219]. В качестве условия для выезда граждан западных государств он вновь потребовал вывода из зоны Залива всех иностранных войск. Одновременно иракские войска в Кувейте приступили к минированию портовых сооружений и важных экономических объектов на тот случай, если американские войска попытаются захватить их. Действия иракских лидеров настроили международное общественное мнение против себя – даже страны, лояльно относившиеся к Ираку, вынуждены были изменить свою позицию, в их глазах режим С.Хусейна предстал *«неким монстром, не признававшим права человека, грубо попиравшим нормы между-*

народного права и не считавшимся ни с кем и ни с чем» [9, с.123].

К этому времени в общем виде сформировались основные требования Ирака и его главного оппонента – США, которые выдвигали их также от имени международного сообщества. Иракские требования можно было сгруппировать следующим образом: официально признать Кувейт 19-ой провинцией Ирака; вывести все иностранные войска из зоны Залива; обеспечить выход Ирака к портам Залива; признать акт низложения династии ас-Сабахов в Кувейте; для восстановления разрушенной экономики обеспечить закупку иракской нефти по твердым и высоким ценам; ликвидировать все долги Ирака монархиям Залива. Официальные американские требования сводились к следующему: полный вывод иракских войск с территории Кувейта; освобождение всех американских заложников, захваченных в Ираке и Кувейте; восстановление в правах эмира Кувейта как единственно законной власти; отказ Ирака от всех попыток захвата новых территорий на Аравийском полуострове; бесперебойная доставка на мировые рынки нефти из зоны Залива. Помимо этого, США имели к Ираку ряд претензий, на выполнении которых настаивал Белый дом: уход С.Хусейна с политической арены; пересмотр доминирующего статуса Ирака в ОПЕК и недопущение его участия в нефтяном ценообразовании; препятствование Ираку в разработке ядерного оружия; ликвидация его химического оружия и ракетных установок дальнего радиуса действия [6, с. 763].

Начиная с сентября 1990 г. противостояние Багдада с международным сообществом неуклонно нарастало. Хотя сессия Совета НАТО заявила о готовности стран-членов применить силу для освобождения Кувейта, однако было указано на предпочтительность достижения этой цели политико-дипломатическими средствами. В соответствии с резолюцией СБ ООН была сформирована коалиция из 28 государств; в их число вошли ведущие арабские и ряд других мусульманских стран, которые направили свои войска в состав дислоцированных на территории Саудовской Аравии многонациональных сил [7, с.117]. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что мировое сообщество и даже те страны, которые поддерживали с Ираком тесные

политические и торгово-экономические отношения, расценивали его вторжение в Кувейт как *«акт неприкрытой и неспровоцированной агрессии»* и *«серьезную угрозу миру и стабильности в Заливе»* [273, с. 78].

Большие надежды официальный Багдад возлагал на советско-американскую встречу на высшем уровне в Хельсинки. В этой связи хотелось бы отметить, что при осуществлении военной акции против Кувейта общая стратегия С.Хусейна строилась на принципах эпохи «холодной войны» и исходила из расчета неизбежности советско-американского столкновения из-за Ирака, состоявшего в договорных отношениях с Москвой и являвшегося одним из ее крупнейших экономических и военно-технических партнеров. Опасные иллюзии иракского лидера базировались на том, что Советский Союз ни в коем случае не допустит и удержит Вашингтон от проведения масштабной военной операции. Однако в этот период Москва исходила из новых принципов и установок, сформированных в период «перестройки» и «нового мышления» в международных отношениях, и неоднократно заявляла о «деидеологизации» своей внешней политики [332, с. 17]. Но при этом советское руководство стремилось предотвратить разрастание конфликта в Заливе и понимало важность сохранения регионального статус-кво, поэтому Багдаду было предложено начать срочные политические консультации.

С целью выявления и согласования позиций сторон в Москву со специальной миссией был направлен личный представитель С.Хусейна – член СРК С.Хаммади. В ходе визита Москва высказалась за коллективные усилия по урегулированию кризиса и использование в полной мере механизмов ООН. Одновременно она настаивала на выполнении двух обязательных условий: отказ от оккупации Ирака и сохранение С.Хусейна у власти; получение гарантий о последующем уходе американских войск из зоны Залива [8, с. 117].

Состоявшиеся 9 сентября 1990 г. американо-советские переговоры на высшем уровне в Хельсинки были призваны решить проблему отвода иракской армии из Кувейта, при этом доминировал поиск политического решения проблемы, но уже использовалась и формула «всеми возможными способами».

Советская дипломатия не оставляла попыток нащупать приемлемые для Багдада варианты разрешения кризиса – на пресс-конференции по итогам встречи М.Горбачев высказался за замену на определенном этапе американских войск в Заливе межарабскими силами по поддержанию мира. Он также заявил, что советские войска в состав многонациональной коалиции не войдут и не будут участвовать в возможных военных операциях в регионе [165, с. 3].

Поскольку никакой эволюции в позиции Ирака не наблюдалось, то СБ ООН резолюциями №667 от 16 сентября и №669 от 24 сентября ужесточил торгово-экономические санкции, а резолюция №670 от 25 сентября вводила воздушную блокаду страны. 45-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН также резко осудила действия Ирака и потребовала от него выполнения соответствующих резолюций СБ ООН по освобождению Кувейта [322, с.17].

В течение октября 1990 г. ООН, ОИК (ОИС), ЛАГ, а также главы ряда государств предпринимали интенсивные шаги с целью убедить Багдад пересмотреть свою позицию, пойти на политико-дипломатическое урегулирование кризиса на основе условий СБ ООН, при этом гарантировалась отмена международных санкций, что означало фактически возвращение ситуации к исходному или «нулевому» варианту. Дважды, в октябре 1990 г. для встречи с С.Хусейном в качестве специального представителя президента СССР в Багдаде побывал Е.Примаков, но ему удалось согласовать лишь вопрос об эвакуации советских специалистов из Ирака. Однако в вопросе отказа от притязаний на Кувейт иракский лидер проявил непреклонность [161, с.308].

Пытаясь добиться политического урегулирования кризиса, Москва также тесно взаимодействовала с арабскими странами, и, прежде всего, с ведущей страной региона – Египтом. В ходе переговоров в Каире Е.Примаков поддержал предложенную египтянами схему, в соответствии с которой предполагалось заменить иракские войска в Кувейте межарабскими силами, восстановить международное право и начать под арабской эгидой ирако-кувейтские переговоры для решения политическим путем двусторонних проблем. Этим шагом советская дипломатия пыталась также выиграть время и дать шанс С.Хусейну уйти из

Кувейта «без потери лица» [24, с. 64].

По мере неудач дипломатических усилий по разблокированию конфликта все более широкие масштабы приняли военные приготовления – США перебросили в зону Залива 175 тыс. военнослужащих, продолжалось прибытие в регион подразделений арабских, европейских и других стран-участников коалиции. Группировка иракских войск с приданными тысячами танков, БТР и артиллерией на территории Кувейта и южных районах Ирака достигла 430 тыс. человек [6, с.754]. В начале ноября 1990 г. президент Дж.Буш-ст. санкционировал отправку в зону конфликта еще 200 тыс. американских военнослужащих [9, с. 156]. В Вашингтоне все чаще стали высказываться в том плане, что санкции – это хорошо, но одними санкциями решить проблему не удастся. Поэтому американская дипломатия начала целенаправленную работу по подготовке новой резолюции СБ ООН, которая позволяла при необходимости реализовать кризисный вариант урегулирования с применением силы [330, с.128]. Использование имеющихся механизмов ООН было более предпочтительным, поскольку после краха биполярной системы международных отношений принятие нужных для США и их союзников решений, стало намного проще. В этом случае США избавлялись от ношения военно-политического бремени в одиночку и могли распределять ее между союзниками по коалиции и всеми заинтересованными странами.

Отметим, что к этому времени отношение Москвы к кризису начинает постепенно меняться – от полной поддержки всех антииракских акций и активного участия в подготовке и принятии вышеуказанных резолюций СБ ООН до позиции, которую можно охарактеризовать как «сочувствующий нейтралитет» [171, с.137]. Этому способствовали как внутренние процессы в СССР в тот период (провал программы «500 дней», усиление позиций консерваторов в государственных структурах, в первую очередь в Верховном Совете, требовавших получения обязательного согласия парламента на все крупные решения в области внешней политики и др.), так и геополитические и финансово-экономические факторы. Усиление военного присутствия США и стран НАТО в зоне

Залива не могло не вызвать серьезной озабоченности Москвы, которая, несмотря на ослабление позиций на международной арене и интенсификацию процесса внутреннего распада, не желала мириться с ролью «второстепенного исполнителя». Кроме того, введение беспрецедентных антииракских санкций нанесло ощутимый финансово-экономический ущерб – по приблизительным подсчетам экспертов, прямые потери составили более 2 млрд. долл. Принимая во внимание емкость советского сегмента иракского рынка оружия (около 2 млрд. долл. в год), выгоды сотрудничества в нефтяном секторе и других сферах торгового обмена (экспорт гражданской продукции в Ирак в 1986-1990 гг. составлял ежегодно около 500 млн. долл.), общий ущерб оценивался в более, чем 20 млрд. долл. [113, с. 93]. Расчеты на то, что крупные потери в иракском направлении будут компенсированы за счет развития разноплановых связей с монархиями Залива, оказались малообоснованными. Хотя в 1990 г. были восстановлены дипломатические отношения с Саудовской Аравией, а ранее с Оманом, ОАЭ, Катаром и Бахрейном, в силу идеологических причин Москва не могла претендовать не только на роль их стратегического союзника, но и важного экономического партнера [7, с. 128]. Решимость Запада удерживать этот регион в зоне своего военно-политического и экономического влияния лишала ее перспектив расширения связей с этой группой стран.

По мере углубления кризиса в позициях Вашингтона и Москвы стали просматриваться расхождения, которые проявились уже в ходе переговоров Е.Примакова с Госсекретарем США Дж.Бейкером в ноябре 1990 г. Е.Примаков выступал за «арабский вариант» решения проблемы, который предусматривал ряд территориальных уступок со стороны Кувейта, при этом настаивал на обязательном учете интересов Ирака. Однако позиция завершавшего в тот период свое существование СССР не являлась определяющей при формировании политики Вашингтона и не оказывала на нее серьезного влияния. Тем не менее, он предпочитал действовать не «вопреки Москве», и до начала силовых акций против Ирака стремился обеспечить, если не прямую поддержку, то, по меньшей мере, понимание с ее стороны. Не добившись подвижек в рамках совмест-

ных советско-американских усилий по урегулированию кризиса, в конце ноября 1990 г. Е.Примаков посетил Багдад, где безуспешно пытался разъяснить С.Хусейну смысл и характер ожидавшей Ирак катастрофы в случае войны и настоятельно рекомендовал ему вывести войска из Кувейта [161, с. 298].

Таким образом, невзирая на серьезное политико-дипломатическое давление, введение всеобъемлющих торгово-экономических санкций, воздушной и морской блокады, Багдад продолжал демонстрировать стремление к конфронтационному варианту решения кризиса – «борьбу до победного конца». Баасистская пропагандистская машина, умело манипулировала огромным потенциалом социального недовольства в арабском мире и представляла аннексию Кувейта как *«акт защиты многомиллионной униженной, обездоленной и бесправной массы арабских низов, мало что получивших от несметных богатств и нефтяных доходов»*, а С.Хусейна – как героя арабской нации, объявившего *«беспощадную войну американскому империализму, сионизму и местным реакционными силам»* [62, с. 2].

Политическая линия иракского руководства во многом объяснялась серьезными просчетами, которые характерны для процесса принятия решений диктаторскими режимами, когда глава государства не всегда основывал свои выводы исходя из реальной информации, а той, что ему хотелось бы услышать. В результате, у С.Хусейна сложилось убеждение, что Дж.Буш не отважится на войну, против которой выступал и Конгресс, и американская общественность, а возглавляемая США коалиция развалится из-за разногласий между ее участниками. Немалую роль сыграла и ошибочная оценка иракским лидером новой ситуации в мировой политике, ставшей следствием «перестройки» и «нового мышления» в отношениях между сверхдержавами [9, с. 255].

К концу ноября 1990 г. стало ясно, что лимит мирного решения конфликта уже исчерпался, поэтому все чаще начали звучать заявления о том, что *«если даже введение всеобъемлющих санкций не смогло побудить иракский режим вывести из Кувейта войска, то у коалиции нет другой альтернативы, кроме как освободить эмират с помощью военной силы»* [175, с. 112]. Кульми-

нацией явилось принятие СБ ООН резолюции №678 от 29 ноября 1990 г., которая давала возможность коалиции по истечении «паузы доброй воли» 15 января 1991 г. «использовать все необходимые средства», включая и военные, чтобы «выполнить резолюцию №660 и все последующие резолюции СБ ООН и восстановить мир и безопасность» в зоне конфликта. Иными словами, 29 ноября 1990 г. СБ ООН предъявил Ираку ультиматум [181, с. 27]. При этом предполагалось, что «пауза доброй воли» будет заполнена энергичными дипломатическими усилиями на двусторонней и многосторонней основе. Однако упорное нежелание Ирака трезво оценить ситуацию и действовать исходя, а не вопреки ей, делали эти усилия малоэффективными. Заявление высшего органа страны – СРК от 30 ноября 1990 г. о невозможности принять резолюцию СБ ООН №678 привело к тому, что война из категории ожидаемой угрозы переросла в реальную [110, с. 94].

Несмотря на это, активные дипломатические шаги продолжались. В Москве для встречи с М.Горбачевым побывали заместители премьер-министра и ближайшие люди С.Хусейна – Т.Азиз и С.Хаммади, для подготовки прямых иракско-американских переговоров Багдад посетил глава специальной дипломатической миссии Дж.Уилсон, а также лидеры ряда государств в надежде убедить иракского лидера трезво оценить ситуацию, проявить рациональный подход, уберечь страну и регион от новой войны. Кульминацией этого процесса стала Женевская встреча Госсекретаря США Дж.Бейкера с Т.Азизом 9 января 1991 г. [8, с.157]. Правда, накануне этой встречи Дж.Буш-ст. недвусмысленно дал понять, что не следует связывать больших надежд на компромиссный вариант решения проблемы и необходимо сделать все, чтобы Багдаду не удалось расколоть коалицию. Он также обратился к лидерам обеих палат Конгресса США с призывом *«принять резолюцию, дающую возможность использовать все необходимые средства для претворения в жизнь требований СБ ООН»*, поскольку ситуация в Заливе *«угрожает жизненным интересам США»* [151, с.79]. Иракская сторона в ходе встречи в очередной раз продемонстрировала полную бескомпромиссность; дело дошло до того, что Т.Азиз отка-

зался принять письмо Дж.Буша, адресованное С.Хусейну, как *«не соответствующее нормам дипломатического этикета»* [6, с. 883]. На совместном брифинге стороны обвинили друг друга в срыве переговоров, а Т.Азиз на вопрос, что предпримет Ирак в случае начала военных действий, заявил: *«Если коалиция начнет против нас войну, мы не удивимся и не растеряемся. Мы имеем опыт ведения войны. Я предупредил г-на Бейкера, что в случае начала войны наша страна сможет обеспечить свою защиту»* [292, с.123].

Между тем, руководствуясь резолюцией СБ ООН №678, Конгресс США на совместном заседании обеих палат 12 января 1991 г. предоставил президенту «дополнительные полномочия» по использованию любых средств, в том числе и военных, с тем, чтобы заставить Ирак уйти из Кувейта. Последнюю попытку предотвратить надвигающуюся войну предпринял Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, посетивший 12-13 января 1991 г. Багдад, но его переговоры с С.Хусейном завершились безрезультатно [175, с. 73]. По прибытию в Нью-Йорк он обратился к иракскому лидеру начать немедленный отвод войск с кувейтской территории с тем, чтобы избежать катастрофы, однако и этот призыв остался не услышанным.

В ночь с 16 на 17 января 1991 г. многонациональная коалиция во главе с США начала военную операцию с кодовым названием «Буря в пустыне». О нанесении воздушных ударов по Ираку Москва была извещена лишь за час до их начала, что, учитывая ночное время, снижало эффективность дипломатических усилий. Военная операция началась с налета на Багдад, в результате чего были уничтожены многие важные стратегические объекты, убиты и ранены сотни мирных граждан. В течение 40 дней на территории Ирака были выведены из строя радарные установки, системы раннего опознавания и оповещения, аэродромы, ракетные базы, а также разрушены многие объекты инфраструктуры. Военная инициатива на всем протяжении операции «Буря в пустыне» была на стороне многонациональных сил, а превосходство в новейших типах вооружений и техники лишало иракские войска шансов на успех.

Уже к концу января 1991 г. поражение Ирака стало очевидным. Для

того чтобы не допустить его окончательного разгрома, Москва предприняла интенсивные шаги для прекращения военных действий. Командование многонациональных сил соглашалось на прекращение огня, если Ирак даст твердые гарантии вывода своих войск из Кувейта. 15 февраля по Багдадскому радио было зачитано заявление СРК об условиях их отвода и требования, после выполнения которых Ирак соглашался принять резолюцию СБ ООН №660 от 2 августа: достижение всеобъемлющего мира в воздухе, суше и море; восстановление Ирака, списание всех его долгов и ликвидация последствий резолюций СБ ООН; вывод в течение месяца всех военных контингентов США и их союзников из зоны Залива, превращение его в регион, свободный от иностранного военного присутствия и военных баз; уход Израиля из всех оккупированных палестинских земель, Голанских высот и Южного Ливана; ликвидация власти дома ас-Сабахов в Кувейте [11, с. 235].

Белый дом холодно отреагировал на иракские предложения, расценив их как *«несерьезную инициативу»*, не добавлявшую *«никакого нового элемента»* в решение проблемы [9, с.139]. Указывалось на обязательное выполнение Ираком резолюции СБ ООН №660 от 2 августа 1990 г. о незамедлительном и безоговорочном выводе войск из Кувейта, в противном случае возглавляемая США коалиция продолжит военные операции и на суше, пока не будут окончательно выведены его войска из Кувейта. Наземная операция откладывалась на неделю с тем, чтобы Москва еще раз «поработала» с иракским руководством. В результате интенсивных переговоров на свет появилась так называемая «одинадцатичасовая» мирная инициатива М.Горбачева: Ирак заявляет о полном и безоговорочном выводе войск из Кувейта; вывод войск начинается на следующий день после прекращения военных действий; вывод войск осуществляется в фиксированные сроки и должен завершиться в течение 21 дня; после вывода из Кувейта 2/3 иракских войск снимаются экономические санкции; после окончательного вывода войск из Кувейта все резолюции СБ ООН утрачивают силу; в течение 72 часов после прекращения огня освобождаются все военнопленные с обеих сторон; контроль над отводом войск по поручению СБ ООН осуществля-

ется наблюдателями из не участвующих в конфликте стран [59, с. 19].

Отвергнув эти предложения, как «неприемлемые» и «содержащие такие оговорки и условия, которые идут вразрез с соответствующими резолюциями СБ ООН», Дж.Буш-ст. заявил, что «пришло время обнародовать, что требуется от Ирака, чтобы избежать наземной войны. Коалиция дает Хусейну время до полуночи 24 февраля 1991 г. начать безоговорочный вывод войск из Кувейта. В противном случае он рискует подвергнуть свой народ новым страданиям» [9, с.198]. В телефонной беседе М.Горбачев просил американского президента снять некоторые экономические санкции и не наказывать С.Хусейна, если Ирак уйдет из Кувейта, но получил отказ [8, с. 203]. 24-часовая отсрочка, данная Ираку для вывода своих войск, была использована им для нанесения ракетных ударов по дислокациям коалиционных войск на территории Саудовской Аравии, а также поджога нефтепромыслов, нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих мощностей Кувейта [6, с. 886].

В ночь с 23 на 24 февраля 1991 г. многонациональные силы для восстановления суверенитета Кувейта начали военные действия на суше, завершившиеся полным поражением иракских войск. 26 февраля С.Хусейн выступил с заявлением, в котором подтвердил, что они получили приказ покинуть территорию Кувейта. 27 февраля представитель Ирака в ООН заявил о принятии резолюций СБ ООН №660, 662 и 674, отказе от всех притязаний на Кувейт и полном выводе войска с его территории [57, с. 59]. 28 февраля Дж.Буш-ст. официально объявил о полном освобождении Кувейта, одностороннем прекращении военных действий и завершении операции «Буря в пустыне».

3 марта 1991 г. СБ ООН принял резолюцию №686 о правовой основе прекращения огня, состоявшую из следующих пунктов: Ирак принимает все резолюции СБ ООН; экономические и военные санкции сохраняются; все военнопленные должны быть освобождены; Кувейту должно быть возвращено все имущество; до подписания окончательного соглашения о прекращении огня многонациональные силы остаются в Кувейте; в случае необходимости предусматривается повторное использование против Ирака военной силы [365,

с.171]. США согласились зафиксировать в резолюции пункт о «скорейшем прекращении военного присутствия в Ираке», но с оговоркой, что это будет сделано по мере осуществления Багдадом условий резолюции №678. Декретом СРК от 6 марта 1991 г. Ирак без каких-либо предварительных условий принял резолюцию СБ ООН №686 от 3 марта 1991 г. об общих принципах урегулирования кувейтского кризиса, отказался от всех притязаний на Кувейт и отменил решения, принятые после 2 августа 1990 г. Таким образом, завершилась военная фаза противостояния Ирака с международным сообществом, и президент США Дж.Буш-ст. официально объявил об окончании войны.

3 апреля 1991 г. СБ ООН принял резолюцию №687 о правовой основе прекращения огня, которая на протяжении более 12 лет регулировала отношения мирового сообщества с Ираком. Эта резолюция явилась основополагающим документом для посткризисного урегулирования иракской проблемы. После восстановления суверенитета Кувейта и его законного правительства основные требования к Ираку касались необходимости уважать нерушимость международно-признанной границы между ними; демаркация ирако-кувейтской границы должна была основываться на «Согласованном протоколе между Государством Кувейт и Иракской Республикой о восстановлении дружественных отношений, признании и связанных с этим, вопросов», подписанном в Багдаде 4 октября 1963 г. и зарегистрированном в ООН. Кроме того, предусматривалось ликвидировать все запасы ОМУ и принять меры по воспрепятствованию производства этого оружия в будущем, а также уничтожение всех баллистических ракет радиусом действия свыше 150 км. Резолюция предписывала Ираку вернуть захваченную кувейтскую собственность и компенсировать потери физическим и юридическим лицам, включая и нанесенный ущерб окружающей среде, в результате вторжения и оккупации Кувейта. Для реализации этого пункта были созданы специальный Компенсационный фонд для выплат по претензиям и Комиссия по его управлению [322, с.26]. 6 апреля 1991 г. в официальном письме на имя Генерального секретаря ООН и Председателя СБ ООН Багдад объявил о том, что *«не имея альтер-*

нативы, принимает условия резолюции №687» [365, с. 63].

Таким образом, военно-политический кризис в Заливе в 1990-1991 гг. заложил такую правовую базу, которая вела к дальнейшему ослаблению экономического и военно-технического потенциала Ирака, ограничению его военных программ, установлению над ними контроля со стороны ООН. Введение жесткой системы санкций лишило Ирак возможности восстановления разрушенной оборонной промышленности, а также импорта оружия и военной техники. Вступивший в войну как один из самых сильных в экономическом и военном отношении государств региона, Ирак вышел из нее с разрушенной экономикой и поверженной армией. По оценкам независимых экспертов, за время операции «Буря в пустыне» Ирак потерял более 200 тыс. военных и гражданских лиц, а общий ущерб составил более 200 млрд. долл. [173, с. 21]. В результате международных санкций Ирак почти полностью лишился экспорта нефти, внешней торговли и транспортных связей. Вопрос спорных пограничных территорий был решен в пользу Кувейта – он получил часть богатого нефтяного месторождения Северная Румейла; Ирак не мог арендовать кувейтские острова Бубиян и Варба, что закрыло ему судоходный выход в Залив [58, с. 10].

Кувейтская авантюра, в результате которой Ираку было нанесено сокрушительное военное поражение, ознаменовала собой начало нового периода в его истории. Короткая, но интенсивная война в политическом отношении низвергла страну до уровня второстепенной величины не только в Заливе, но и во всем арабском и шире ближневосточном регионе, она лишилась возможности осуществления своих планов, а от некоторых пришлось отказаться. Большинство конкретных целей, связанных с захватом Кувейта, не только не были реализованы, они выявили ошибочность и утопичность расчетов иракского руководства. В поисках социально-политических и идейных мотивов оправдания аннексии Кувейта желание С.Хусейна выступить в роли единственного защитника арабских низов, мало что получивших от несметных нефтедолларовых богатств своих стран, эксплуатация существовавшего в арабском мире огромного потенциала социального недовольства не привели к ожидаемой поддержке и

взрыву в общественном сознании. Его надеждам, связанным с уязвимыми национальными чувствами арабов, усиленными многолетним колониальным гнетом, антизападным комплексом и с их стремлением утвердиться в качестве влиятельной силы на международной арене, не суждено было сбыться. Хотя среди определенных кругов *«С. Хусейн выглядел героем арабской нации, лидером, пусть насильно, но объединившим арабский, и, шире, мусульманский мир и бросившим вызов безбожному Западу»* [60, с. 342], ему не удалось превратить эту значительную поддержку в арабском мире в фактор большой политики. Несмотря на тяжелые военно-политические и финансово-экономические последствия кризиса, баасистская пропагандистская машина пыталась представить результаты войны не как поражение одному противнику, а как войну чуть ли не всего мирового сообщества против Ирака. Попав под режим международных санкций, воздействовавших практически на все стороны жизни общества, Ирак оказался в фактической изоляции, что в свою очередь существенно ограничивало его возможности по реализации своего внешнеполитического и внешнеэкономического потенциала.

III ГЛАВА

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАКА В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА

3.1. Ирак в условиях международных санкций

Военное поражение Ирака и принятие им требований мирового сообщества не означало на деле окончательного решения проблемы и ликвидация породивших ее причин. США и их союзники продолжали рассматривать иракский режим во главе с С.Хусейном в качестве региональной угрозы и нестабильности, вызова своим интересам на Ближнем Востоке, поэтому необходимость его устранения с политической арены не теряла своей актуальности и оставалась в числе их основных целей. В тот период коалиция в силу ряда объективных и субъективных причин не продолжила военные действия непосредственно на территории Ирака. Во-первых, существовал риск, что операция по свержению баасистского режима не получит широкую международную поддержку, а коалиция с участием арабских и других мусульманских стран, которые однозначно заявили, что их воинские контингенты примут участие только в освобождении Кувейта, распадется [243, с.79]. Во-вторых, Запад отдавал себе отчет в том, что альтернативой его режима мог быть режим по типу иранского, а неизбежный в этой связи новый подъем «исламской волны» может распространиться на другие страны региона. В-третьих, отсрочка свержения иракского режима была связана с уверенностью в том, что С.Хусейн под воздействием жестких санкций в скором времени потеряет контроль над процессами в стране и будет свергнут. Наконец, немалые надежды на Западе связывали с массовыми антирежимными выступлениями различных оппозиционных групп [236, с. 87].

В марте 1991 г. воспользовавшись временным параличом центральной власти, вооруженные отряды курдских «пешмарга», принадлежавшие ДПК и ПСК и контролировавшие зоны, прилегающие к турецкой и иранской границе, смогли установить полный контроль не только над горными и некоторыми равнинными районами Курдского Автономного Района (КАР), но и

рядом крупных городов [17, с.135]. С целью перегруппировки сил и выигрыша времени Багдадский режим объявил, что для решения проблемы вскоре намерен начать переговоры с курдскими лидерами. Однако это был продуманный тактический шаг, так как вместо этого дислоцированные вблизи турецкой границы части иракской армии приступили к подавлению курдских выступлений [233, с.117]. Итогом ожесточенных столкновения было вытеснение курдских «пешмарга» от занимаемых позиций. Боясь возмездия и репрессий, их остатки вместе с 2-х млн. курдским населением устремились к границам Турции и Ирана. 5 апреля 1991 г. СБ ООН принял резолюцию №688, осуждающую действия иракского режима и предусматривавшую оказание гуманитарной помощи беженцам. 14 апреля Турция открыла свои границы для курдских беженцев и около 250 тыс. курдов нашли здесь временное прибежище [27, с. 43].

Первоначально США воздерживались от вмешательства в процессы на Севере Ирака, заявив, что *«подавление выступлений антиправительственных сил – внутреннее дело иракского правительства»* [28, с.119], но уже к середине апреля 1991 г. в их политике произошел коренной перелом и решение об отправке в регион военного контингента конкретизировалось. Было объявлено о создании на Севере Ирака от 36 параллели «зоны безопасности», откуда выводились иракские войска и где запрещались полеты его авиации – так называемые «бесполетные зоны». 16 апреля президент Дж.Буш-ст. объявил, что войска США, Великобритании и Франции будут размещены вблизи турецкой границы, а курды получают необходимую помощь [233, с. 129]. В начале мая 1991 г. началась переброска в регион 16-ти тысячного англо-франко-американского военного контингента, затем к коалиции примкнули еще 11 стран – Германия, Турция, Нидерланды, Канада, Испания, Италия и др. В общей сложности было размещено до 20 тыс. военнослужащих, часть из них в базах НАТО в Турции – Инджирлике и Силопи [36, с.160]. Из государств региона в коалицию вошла только Турция, стремившаяся использовать участие в ней для укрепления своих позиций в Северном Ираке и иметь возможность влиять на происходившие процессы. Таким образом, курдский вопрос, рассматривавшийся как внутрен-

нее дело вовлеченных в него стран региона (Турции, Ирака, Ирана и Сирии), после войны в Заливе *«интернационализировался»*, и *«транснациональный и угрожающий миру характер этого конфликта на Ближнем Востоке впервые получил международное признание»* [93, с. 38].

Тем временем, с целью перегруппировки своих сил и выигрыша времени 23 марта 1991 г. С.Хусейн объявил о формировании нового правительства страны во главе с одним из своих ближайших соратников С.Хаммади, обязанности которого до этого исполнял он сам. Одновременно, учитывая сложную региональную и геополитическую ситуацию, он вынужден был пойти на переговоры с курдскими лидерами. В конце апреля лидер ПСК Дж.Талабани заявил, что они готовы удовлетвориться основными требованиями *«Декларации об урегулировании курдского вопроса»* (1970) г. и *«Закона об автономии»* (1974 г.), подчеркнув, что *«их цель – не отделиться, а жить в составе Иракского государства»* [300, с.126]. 18 мая 1991 г. между правящей партией Баас и лидером ДПК М.Барзани был подписан совместный документ из 20 пунктов, предусматривавший проведение демократических выборов в курдских районах, свободу слова и печати, ликвидацию засилья Баас в государственных органах и т.д. Одним из основных камней преткновения оставался вопрос о статусе Керкука, так как курдские лидеры настаивали на признании его центром курдской автономии [11, с. 368]. Хотя официальный Багдад считал невозможным включение нефтеносных районов Севера в состав курдской автономии, тем не менее, принимая во внимание неустойчивость и шаткость своего положения, а также учитывая международную и региональную изоляцию, заявил о своей готовности обсудить любой вопрос. После создания *«зоны безопасности»* надобность в продолжении переговоров отпала, к тому же США *«посоветовали»* курдским лидерам *«не спешить и связывать себя на данном этапе никакими обязательствами с иракским режимом»* [300, с. 360].

Практически одновременно в южных районах Ирака начались массовые выступления шиитского населения. Но цели, преследуемые курдами и шиитами, были разными: если выступления курдов представляли реальную угрозу

территориальной целостности страны, то восстание шиитов было направлено в первую очередь против правящего режима [126, с. 40]. Уяснив, что коалиция не планирует вмешиваться в его действия, режим бросил на подавление восстания шиитского населения крупные силы, в том числе танки и авиацию, при этом здесь применялась та же тактика, как и на Севере – вооруженное подавление любого сопротивления [28, с. 201].

Отметим, что отношение Запада к шиитской проблеме значительно отличалось от его позиции по курдскому вопросу. Зная о тесных связях иракских шиитских партий и группировок с Ираном, Запад был обеспокоен тем, что антирежимное восстание шиитов может привести к образованию на юге Ирака еще одного шиитского государства по иранской модели и усилению его позиций в региональном балансе сил в ущерб интересам их союзников в Заливе [126, с. 41]. Запад вмешался в ситуацию на юге Ирака только спустя 18 месяцев: в августе 1992 г. зона проживания шиитского населения южнее 32-й параллели с городами Басра, Амара, Насерия, Неджеф и Кербела была объявлена «бесполетной зоной», куда запрещалось залетать иракской авиации под угрозой уничтожения без предупреждения ее самолетов [46, с. 68]. Решение о создании этой зоны было продиктовано не столько желанием обеспечить безопасность шиитского населения Ирака, а сколько стремлением Запада не допустить изменения регионального баланса сил в пользу Ирана, обеспечить безопасность своих союзников в зоне Залива – Саудовской Аравии и Кувейта. В этом же контексте следует рассматривать стремление Запада в тот период сохранить территориальную целостность Ирака, как важного звена на пути распространения иранской гегемонии в регионе.

Завершение войны в Заливе создало реальные предпосылки для разрядки напряженности и поэтапной нормализации обстановки вокруг Ирака. Созданная по решению СБ ООН Специальная комиссия (Спецкомиссия или UNSCOM) должна была обеспечивать контроль за выполнением резолюции №687 по мониторингу биологического, химического и ракетного потенциала Ирака. В ее состав вошли представители 21 страны, в том числе стран – по-

стоянных членов СБ ООН. Для ликвидации ядерного потенциала Ирака при МАГАТЭ была создана Рабочая Группа (РГ). Санкции должны были действовать до выполнения Ираком требований всех резолюций СБ ООН, после чего вопрос об их снятии мог быть вынесен на обсуждение [175, с.134].

Спецкомиссия и РГ развернули свою деятельность в Ираке с середины 1991 г. Несмотря на чинимые властями препятствия, РГ удалось к концу того же года вывезти из страны запасы плутония и обогащенного урана, уцелевшее оборудование, оставшиеся мощности по производству атомной бомбы [351, с. 34]. Однако позже, в 1998 г. Генеральный директор МАГАТЭ М.Барадеи заявил, что всеобъемлющий и широкомасштабный характер инспекционных и мониторинговых мероприятий в Ираке не дал стопроцентную гарантию отсутствия неучтенных радиоактивных материалов и мощностей для их обогащения. Что касается деятельности Спецкомиссии, то иракские власти с самого начала отказались от полномасштабного сотрудничества с ней, чинили многочисленные препятствия ее работе, не допускали сотрудников на ряд объектов, что осложняло выполнение ею своих полномочий в полном объеме. Они отказывались предоставить информацию о запасах ОМУ в стране; некоторые программы по разработке химического и биологического оружия остались нераскрытыми до конца.

Курс на конфронтацию со Спецкомиссией, по существу, спровоцировал длительный кризис между Ираком и ООН [80, с. 135]. При этом режим пытался предстать в роли жертвы противоправных действий международного сообщества во главе с США и возложить на него ответственность за отсутствие прогресса в его урегулировании и бедственное положение населения. Неконструктивная позиция, а зачастую враждебные действия иракских властей не только негативно отражались на результатах деятельности Спецкомиссии, но давали повод обвинять их в утаивании информации, односторонней ликвидации ОМУ и связанных с ним средств. После бегства из страны в августе 1995 г. зятя С.Хусейна, министра промышленности и минеральных ресурсов Х.К.Хасана, который также возглавлял военно-промышленную корпорацию

и руководил всеми военными программами Ирака, вскрылась масштабность действий властей по сокрытию производственных мощностей и документации по разработке ОМУ. Тогда в специальном заявлении они вынуждены были официально признать утаивание данных и информации по созданию полномасштабной программы биологического и химического оружия, включая работы по оснащению ими полевых частей, проведения испытаний ракет большой дальности с химическими боеголовками [10, с. 237].

Отметим, что официальный Багдад расценивал резолюции СБ ООН и деятельность созданной им Спецкомиссии как нарушение суверенных прав иракского народа. СБ ООН в свою очередь проводил жесткую линию, стремясь заставить его выполнять требования международного сообщества, а в случае препятствия деятельности экспертов Спецкомиссии и МАГАТЭ не исключалось применение силы [235, с. 96]. Противостояние с ООН в течение длительного времени сохраняло актуальным вопрос возможного военного вторжения в Ирак, который неоднократно поднимали США. Кроме того, они использовали политическое поведение иракских властей для усиления своего военного присутствия в зоне Залива – на территории Кувейта были размещены крупные контингенты американских войск, вблизи иракской границы установлены ракетные комплексы «Пэтриот», РЛС и системы ПВО [127, с. 65]. Периодическая концентрация иракских войск вблизи «зон безопасности» и неоднократные нарушения ими кувейтской границы использовались авиацией США и союзников для осуществления массированных бомбардировок стратегических объектов, нанесения ударов по разведывательным штабам и органам безопасности как в Багдаде, так и в других городах страны [134, с. 34].

В целом отметим, что в указанный период концептуальный подход администрации Дж.Буша-ст. был нацелен на обеспечение планов геополитического доминирования США и их западных союзников на Ближнем Востоке, непрерывное поступление нефтяных потоков из Залива, а также изоляцию режимов, политическая линия которых противоречила осуществлению этих планов. Именно под этим углом зрения рассматривался иракский режим, применитель-

но к которому был выработан новый курс, основные параметры которого состояли в следующем: сохраняя торгово-экономические санкции, лишить багдадский режим источников доходов и поддержки населения; применяя политические санкции, держать его в международной изоляции; сохранять контроль над разработками ОМУ и препятствовать восстановлению военного потенциала страны; сохраняя на севере и юге «бесполетных зон», ограничить сферу действий иракской армии; иметь в Заливе достаточное число американских войск для отражения любой потенциальной угрозы [244].

Взятая президентом Дж.Бушем-ст. линия на международную изоляцию Ирака получила развитие и практическое воплощение в курсе на «двойное сдерживание» в период президента Б.Клинтона. Основные элементы этой политики были изложены в мае 1993 г. и в общих чертах сводились к сдерживанию Ирака в военном плане; ослаблению режима и изменению его политического курса; усилению безопасности своих партнеров в регионе; поддержке оппозиционных сил, способных составить альтернативу режиму [148, с. 183].

Между тем, иракские власти намеренно затягивали выполнение резолюций СБ ООН, рассчитывая на то, что удастся использовать разногласия между его постоянными членами и добиться смягчения и снятия экономических санкций. Начиная с 1994 г. Багдад усилил дипломатическую деятельность в этом направлении. Отметим, что вне зависимости от своего отношения к иракской проблеме, все постоянные члены СБ ООН придерживались идентичных позиций в вопросе обязательного выполнения Ираком резолюций, принципа ответственности и наказания за агрессию. В то же время они придерживались различных подходов касательно механизмов ликвидации последствий иракской агрессии против Кувейта [140, с. 37].

Один из принципиальных вопросов, вокруг которого наблюдалась поляризация взглядов и выявились диаметрально противоположные подходы, был связан с проблемой сохранения, либо смягчения или окончательного снятия экономических санкций. Так, попытка трех постоянных членов СБ ООН – России, Франции и Китая вынести летом 1994 г. на обсуждение проект резолю-

ции об их смягчении провалилась по причине использования представителем США права «вето» [127, с. 63]. Предложение Генерального секретаря ООН, выдвинутое в начале 1995 г. о рассмотрении в одностороннем порядке вопроса о санкциях и принятии новых решений, привело к очередному столкновению их интересов. Вопреки требованиям России, Франции и Китая о необходимости смягчения санкций, единственное, что им удалось сделать на данном этапе – добиться принятия СБ ООН в апреле 1995 г. резолюции №986, в которой были детально разработаны основные положения программы «Нефть в обмен на продовольствие» [130, с. 64]. Она строилась на простом принципе: Ирак получил право продавать свою нефть с тем, чтобы доходы от ее реализации под контролем специально созданного ООН органа использовать для нужд населения. По условиям резолюции №986, для закупок продовольствия и медикаментов ему разрешалась продажа нефти на внешнем рынке в каждые 6 месяцев на общую сумму в 2 млрд. долл. [169]. В ней было оговорено, что экспорт нефти должен осуществляться либо через трубопровод Керкук – Юмурталык из Ирака в Турцию, либо с нефтяного терминала Мина аль-Бакр при строгом контроле Комитета ООН. Хотя программа «Нефть в обмен на продовольствие» в принципе служила смягчению режима санкций, тем не менее для окончательной его ликвидации СБ ООН настаивал на выполнении всех предусмотренных в резолюциях условий по выявлению и уничтожению ОМУ.

Вопрос о снятии санкций напрямую был связан с другой проблемой, также вызывавшей ожесточенные споры между постоянными членами СБ ООН, – о том, представляет ли Ирак угрозу для глобальной и региональной безопасности, или нет. Россия настаивала на том, что Ирак не несет какой-либо опасности миру и стабильности в регионе. Представители США и Великобритании, напротив, считали, что Ирак, не признавший факта агрессии против Кувейта и не выполнивший своих обязательств по ликвидации ОМУ, представлял реальную угрозу как для глобальной, так и региональной безопасности. Французская позиция отличалась двойственностью – с одной стороны, Франция, выступала за окончательное определение условий приостановки санкций, с дру-

гой – была не до конца уверена в том, какова будет роль Ирака в регионе в будущем и поэтому настаивала на его полном разоружении и гарантиях безопасности для его соседей [108, с. 96].

Сложившаяся вокруг Ирака кризисная обстановка делала особо актуальной идеологический аспект борьбы за внутренний и внешний имидж правящего режима. Для демонстрации его прочности и всенародной поддержки требовалось проведение какой-либо грандиозной пропагандистской акции – 15 ноября 1995 г. состоялся референдум о доверии президенту С.Хусейну [125, с. 52]. По официальным данным, 99% иракцев проголосовали за продление его полномочий на новый семилетний срок, что, по мнению идеологов режима, являлась убедительной демонстрацией поддержки народа своего лидера. В широком плане это означало продолжение процесса политического противостояния между Ираком и Западом. Несмотря на это, предпринимались шаги для предотвращения углубления водораздела во взаимоотношениях Ирака с ООН. С этой целью в январе 1996 г. в Нью-Йорке начались переговоры между представителями ООН и иракской делегацией, возглавляемой послом при ЮНЕСКО А.А. аль-Анбари, которые завершились подписанием 20 мая Меморандума о взаимопонимании [132, с. 409-411]. Согласно этому документу, в течение 3-х месяцев Ираку разрешалась реализация нефти на сумму 1 млрд. долл., которую предусматривалось направить: 1/3 на покрытие расходов представителей ООН, из которых 130-150 млн. долл. – на гуманитарные акции ООН в курдских районах; 1/3 – на приобретение продовольствия и медикаментов, остальные 1/3 – в Фонд по компенсациям ООН для выполнения исков правительств, фирм, организаций и физических лиц, общая сумма которых достигала 220 млрд. долл. [270, с. 9].

Иракские власти рассматривали подписание Меморандума как начальный этап на пути окончательной ликвидации торгово-экономических санкций. Однако продолжавшаяся конфронтация со Спецкомиссией ООН не только не способствовала их ликвидации, но и смягчению в ближайшем будущем. После опубликования в октябре 1997 г. ее главой Р.Батлером Отчета противостояние приняло еще более резкий характер. Представители США и Великобритания в

СБ ООН, ссылаясь на обнародованные там данные, требовали запретить иракским официальным лицам, препятствовавшим ее деятельности, выезжать за пределы страны. Под их давлением в октябре 1997 г. СБ ООН принял резолюцию №1134, которая предусматривала обязательное «закрытие» Спецкомиссией четырех «досье» – ракетного, ядерного, химического и биологического, после чего Ирак получал возможность экспортировать нефть в полном объеме [10, с. 235]. Однако из-за противоборства России, Франции и Китая, которые заявляли, что поддержат любые антииракские санкции, кроме силовых, США не добились присоединения к ней пункта о применении военной силы. Ответ Ирака не замедлил сказаться – С.Хусейн обвинил США в использовании Спецкомиссии ООН как инструмента сохранения режима эмбарго и его свержения и объявил о высылке из страны ее американских экспертов [10, с. 243]. Нарушение иракскими властями «правил игры» приводило не только к ужесточению позиций СБ ООН, но также провоцировало нанесение американской и британской авиацией без соответствующих санкций авиаударов по различным военным и гражданским объектам на территории страны.

Таким образом, уже во второй половине 90-х годов стало очевидно, что каждый очередной кризис вокруг Ирака приводит к еще большему углублению разногласий в СБ ООН между сторонниками и противниками силового метода его разрешения. Фактический распад коалиции создал для багдадского режима шанс на волне антиамериканских настроений не только на время отодвинуть на задний план острейшие социально-экономические проблемы, но и получить новый серьезный импульс для демонстрации единства «вождя-руководителя» и народа [210, с. 32]. Однако вопреки ура-патриотическим заявлениям о том, что Ирак сможет дать достойный отпор, если война будет ему навязана, ясно было, что новую войну ему не выдержать, она будет иметь катастрофические последствия как для страны в целом, так и режима. Поэтому СРК на специальном заседании принял решение об активизации дипломатических усилий с тем, чтобы выйти из политической изоляции в регионе и добиться если не поддержки, то, по меньшей мере, лояльного отношения ведущих держав, особенно тех, кто вы-

ступал против силового решения иракского кризиса. С этой целью длительное зарубежное турне совершил один из доверенных людей С.Хусейна, заместитель премьер-министра Т.Азиз, в рамках которого посетил Москву, Париж и ряд арабских столиц. В ноябре 1997 г. он был принят в Кремле президентом Б.Ельциным и министром иностранных дел Е.Примаковым, которые обещали оказать поддержку в вопросе снятия санкций [162, с. 241].

И, действительно, Россия попыталась взять инициативу по урегулированию иракского кризиса в свои руки – в конце ноября 1997 г. по ее предложению в Женеве состоялась встреча глав дипломатических ведомств постоянных членов СБ ООН. В ходе переговоров удалось согласовать увеличение лимита продаваемой нефти до 4 млрд. долл. в год, в пределах которого Ираку разрешалось закупать продовольствие и медикаменты при обязательных гарантиях возобновления деятельности Спецкомиссии. Однако предложения Москвы о смягчении санкций и включении в состав ее экспертов представителей Франции и Китая за счет снижения числа американцев не были приняты [10, с. 247].

Хрупкое равновесие вокруг иракской проблемы продолжалось недолго: уже в конце 1997 г. отношения со Спецкомиссией вновь обострились. Формальным поводом для очередного противостояния стал отказ властей допустить экспертов в восемь так называемых «президентских объекта», где могла храниться документация и некоторые комплектующие детали, способные пролить свет на разработку ОМУ, однако эти объекты являлись личными резиденциями С.Хусейна, и эксперты не могли получить туда доступа. Углублению противостояния способствовало также требование Багдада уменьшить число американских экспертов в Спецкомиссии и прекратить инспекционные полеты самолетов ВВС США U-2 над территорией страны. В январе 1998 г. глава американской группы экспертов У.Риттер был обвинен в шпионаже в пользу ЦРУ и выдворен из Багдада вместе с остальными 16-ю ее членами [323, с.138].

Тем временем Россия в конце января 1998 г. выступила с инициативой о проведении чрезвычайного совещания по Ираку. В ходе переговоров с Госсекретарем США М.Олбрайт глава российского МИДа Е.Примаков пытался убе-

дуть ее в том, что дипломатические возможности урегулирования иракского кризиса не до конца исчерпаны [161, с. 213]. Хотя стороны договорились продолжить поиски путей мирного решения проблемы, Вашингтон склонялся к силовому варианту, полагая, что дипломатические шаги мало, что могут изменить в сложившейся ситуации. Наглядным показателем этой политики стало наращивание военного присутствия США и их союзников в Заливе. Для демонстрации силы, сосредоточенные вблизи иракской границы американские и британские контингенты, проводили широкомасштабные маневры, в ходе которых отрабатывались приемы нанесения точечных ударов по целям на его территории [33, с. 35]. Однако практическая реализация силового варианта иракской проблемы сталкивалась с трудностями, прежде всего из-за позиций трех постоянных членов СБ ООН – России, Китая и Франции. Россия готова была применить право «вето» против любой резолюции, предусматривавшей использование военной силы, в то же время пыталась подтолкнуть иракские власти к поиску компромиссных решений. С этой целью дважды в конце января – начале февраля 1998 г. замминистра иностранных дел В.Посувалюк посетил Багдад [154, с.105]. По его словам, *«ситуация требовала сбалансировать два разных подхода: с одной стороны, Ирак должен выполнить резолюции СБ ООН и обеспечить нормальную работу Спецкомиссии, с другой – необходимо сохранить уважение к его национальному достоинству и суверенитету»* [10, с. 237]. В отличие от США, считавших, что полумеры только поощряют иракского диктатора, Россия предлагала осуществить контроль всех 68 объектов, в том числе и восьми «президентских», которые Ирак хотел вывести из-под контроля, при следующих условиях: мониторинг проводится представителями стран – постоянных членов СБ ООН совместно с экспертами Спецкомиссии, а подготовленный ими Отчет передается непосредственно на рассмотрение СБ ООН.

Другой не менее важной причиной, препятствовавшей США немедленно начать военную операцию, являлась позиция стран региона, в первую очередь, арабских. В ходе посещения в феврале 1998 г. Кувейта, Бахрейна и Саудовской Аравии Госсекретарь США М.Олбрайт пыталась заручиться их поддержкой

американских планов. Хотя арабские монархии Залива осуждали экспансионистский курс иракского режима в отношении своих соседей, они высказались против силового решения проблемы. Саудовская Аравия и Бахрейн отказались предоставить свои территории для нанесения ударов по Ираку, а Кувейт согласился лишь на дислокацию дополнительно 6 тыс. американских и английских военных из-за опасений применения Багдадом химического оружия, при этом оговаривалось, что использование силы *«допустимо только в случае полной неудачи дипломатических усилий»* [33, с. 37]. Другие члены ЛАГ выступали с аналогичных позиций.

Таким образом, возглавляемая США коалиция практически распалась, да и соотношение сил на Ближнем Востоке изменилось. Если в 1990-1991 гг. многие арабские лидеры остерегались, что С.Хусейн стал «опасно сильным» и «наказание» Ирака рассматривалось как политически и экономически оправданный шаг, то во второй половине 90-х годов их стал беспокоить тот факт, что дальнейшее его ослабление приведет к изменению стратегического баланса сил в регионе в пользу Израиля, отчасти Ирана и Турции [185, с. 110]. Арабские страны, особенно нефтедобывающие, осознавали, что новый военный конфликт в Заливе в первую очередь будет бить по их собственным интересам, именно им придется нести бремя основных расходов. Поэтому призывы США к своим арабским союзникам поддержать силовые действия и выступить единым фронтом не увенчались успехом.

Что же касается постоянных членов СБ ООН – России, Франции и Китая, выступавших против применения военной силы против Ирака, то здесь можно указать на несколько причин. Во-первых, Россия пыталась активизировать свою ближневосточную политику и восстановить утраченные военно-политические и экономические позиции в регионе, во-вторых, Россия при поддержке Китая и Франции стремилась вернуть «иракский вопрос» в лоно деятельности СБ ООН [154, с.106]. По мнению российской дипломатии, только возвращение Ирака в ряды полноправных членов мирового сообщества могло гарантировать восстановление надежного международного контроля за тем, как Багдад со-

блюдал запрет на производство ОМУ, и открыть путь к снятию санкций. Это способствовало бы возвращению Ирака в систему региональных и международных отношений, что в свою очередь привело бы к стабилизации обстановки в зоне Залива и ускорило бы процесс формирования в Ираке более открытого общества [149, с. 172].

Позиция России в иракском вопросе была связана и с более конкретными целями. В 1995 г. между Ираком и Россией было подписано межправительственное соглашение, которое предусматривало российское содействие в освоении нефтяных месторождений в районе Западная Курна, завершении обустройства месторождения в Северной Румейле, проведении буровых работ на общую сумму 15 млрд. долл. [78, с. 25]. Москва также заключила контракты на строительство объектов в Ираке на сумму примерно 40 млрд. долл. Кроме того, российские компании активно участвовали в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие»: при их содействии на внешние рынки было вывезено иракской нефти на сумму до 5 млрд. долл. [там же, с. 27].

Несмотря на сохранение режима санкций, ряд крупных международных компаний выключились в борьбу за внедрение в иракский рынок. Особую активность в этом направлении проявили нефтяные компании, которые либо уже подписали, либо вели переговоры с иракским правительством о подписании соответствующих контрактов. Так, российской компанией «Лукойл» был подписан контракт на сумму 3,5 млрд. долл. на разработку месторождения Западная Курна, а Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) заключила сделку на 700 млн. долл. на разработку месторождения аль-Ахтаб. В указанный период шли интенсивные переговоры с рядом западноевропейских и азиатских компаний – французским «Эльф Акитен» (месторождение Майнун, сумма 4,0 млрд. долл.), «Тоталь» (Бин-Умар, 3,4 млрд. долл.), австралийской ВНР (Хальфийя, 2,0 млрд. долл.), по месторождению Насирийя (сумма 2,0 млрд. долл.) с итальянской фирмой «Аджип» и испанской «Персоль», на месторождении Раттави планировалось участие английской компании «Шелл» (1,3 млрд. долл.) и др. [109, с. 66]. Реализация работ по контрактам не могла начаться в условиях

действия режима санкций, поэтому это повлекло за собой серьезное противостояние среди членов СБ ООН – Россией, Францией и Китаем, с одной стороны, США и Великобританией, с другой, поскольку они понимали, что контроль над иракской нефтедобычей мог стать важным шагом в направлении усиления своего влияния на ситуацию в регионе в целом.

Между тем сложная ситуация вокруг Ирака привела к активизации политико-дипломатических шагов – в начале 1998 г. в Багдаде побывали представители ООН, ЛАГ и ряда стран, которые пытались найти компромиссные варианты решения проблемы [59, с. 91]. Усилиями всех заинтересованных сторон к февралю 1998 г. удалось оговорить основные условия разрешения кризиса. По согласованию с Генеральным секретарем ООН К.Аннаном была назначена группа из дипломатов, которые вместе с экспертами Спецкомиссии и МАГАТЭ получили право без предварительных условий проводить мониторинг в «президентских» объектах. При этом были сделаны некоторые послабления для Ирака, которые *«помогли бы подтолкнуть его к ответным действиям»* – 20 февраля 1998 г. СБ ООН принял резолюцию №1153, позволявшую в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» продать нефть в каждые 6 месяцев на сумму в 5,2 млрд. долл. вместо ранее оговоренных 2 млрд. долл. [15, с. 259].

Кризис вокруг Ирака удалось окончательно локализовать после визита Генерального секретаря ООН К.Аннана в Багдад 21-22 февраля 1998 г. Он был осуществлен в крайне тяжелой международной обстановке, когда США сжимали кольцо своей военной мощи вокруг Ирака, а последний *«готовился к отражению американской агрессии»*. Его визит в иракскую столицу был *«последней возможностью избежать войны»* и шанс, данный С.Хусейну, чтобы *«спасти собственное лицо и страну от бомбардировок»* [361, с. 45]. Хотя детали переговоров К.Аннана сначала с Т.Азизом, а затем С.Хусейном не раскрывались, им удалось достичь соглашения, удовлетворившего на тот момент и Ирака, и все 15 стран – членов СБ ООН. Впервые со времени «Бури в пустыне» иракская сторона подтвердила свои обязательства в письменной форме в «Меморандуме о взаимопонимании между ООН и Иракской Республикой». Согласно этому до-

кументу, Ирак обязывался принять все резолюции СБ ООН и ни при каких обстоятельствах не чинить препятствий деятельности экспертов Спецкомиссии, соглашался без всяких временных ограничений на проведение мониторинга всех объектов, включая восемь так называемых «президентских», а также выполнить одно из главных требований США: эксперты будут иметь возможность доступа на территорию резиденций С.Хусейна неограниченное число раз. СБ ООН со своей стороны гарантировал направить в Ирак специальную группу дипломатов и экспертов по разоружению, которые должны были осуществлять мониторинг объектов совместно с экспертами Спецкомиссии [132, с. 410].

Несмотря на достигнутые соглашения, США и Великобритания продолжали настаивать на принятии СБ ООН резолюции о немедленном применении силы, если Ирак нарушит условия Меморандума. В результате им удалось склонить постоянных членов СБ ООН проголосовать за проект резолюции, который возлагал ответственность за последствия его нарушения на иракскую сторону (резолюция №1154 от 2 марта 1998 г.). Таким образом, очередной войны в Заливе удалось избежать, и эксперты Спецкомиссии во главе с американцем У.Риттером вернулись в Ирак, но полностью исчерпать все проблемы и породившие их причины не удалось [15, с. 261]. И, действительно, новый кризис не заставил себя долго ждать – после передачи на рассмотрение СБ ООН Отчетов Спецкомиссии (23 июля 1998 г.) и МАГАТЭ (27 июля 1998 г.), где указывалось на сокрытие данных и документации программ по созданию ОМУ, министр иностранных дел Ирака Т.Азиз выступил с официальным заявлением, в котором говорилось, что с 6 августа Ирак прекращает всяческое сотрудничество со этим органом и пересмотрит свое решение только при условии снижения числа американских экспертов.

Попытки дипломатическими средствами урегулировать очередной кризис и добиться возобновления деятельности экспертов Спецкомиссии привели к еще большему обострению противоречий между постоянными членами СБ ООН. Против американо-английского альянса, требовавшего «наказать» иракский режим, выступали Россия, Китай и Франция, которые настаивали на том,

чтобы дать С.Хусейну последний шанс для пересмотра своей позиции. Инициатива Москвы начать дискуссии по вопросу снятия санкций была отвергнута Вашингтоном, который делал акцент на силовом решении проблемы. Для получения поддержки государств региона министр обороны США У.Коэн посетил Саудовскую Аравию, Катар и Бахрейн, но его вояж завершился безрезультатно. По возвращении в Вашингтон он заявил, что *«США в одностороннем порядке нанесут бомбовые удары по Ираку»* [148, с. 144].

В конце 1998 г. без соответствующих санкций СБ ООН американо-британский альянс осуществил военную операцию, получившую название «Лис в пустыне». В течение нескольких дней территория Ирака подвергалась массированным ракетно-бомбовым ударам. По заявлениям Вашингтона и Лондона, необходимость реализации этой военной акции назрела в связи с продолжением программ по производству ОМУ, отказом от сотрудничества с экспертами Спецкомиссии и угрозой Ирака в отношении соседних государств [287]. Бомбардировки Ирака усугубили и без того серьезные разногласия между сторонниками и противниками силовых акций. Франция приняла решение вывести свою авиацию из «бесполетных зон», Россия в качестве демарша отозвала «для консультаций» своих послов из Вашингтона и Лондона, она отказалась от участия на заседании Совета постоянного сотрудничества Россия – НАТО; Госдума отложила ратификацию Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений – ОСВ-2 [207, с.181].

После завершения операции «Лис в пустыне» Вашингтон внес новые коррективы в свою иракскую политику. Если при первом сроке президента Б. Клинтона в отношении Ирака проводился курс на «двойное сдерживание», то в период его второго срока пребывания в Белом доме характер американской политики в зоне Залива и в отношении Ирака еще более ужесточился [362]. При этом администрация исходила из того тезиса, что иракский режим не может быть реформирован в рамках международных норм и принципов, для чего осуществлялись следующие практические шаги: оказание на него силового воздействия, усиление дипломатического прессинга, сохранение режима санкций, ис-

пользование механизмов ООН для обеспечения контроля над разоружением и военным потенциалом Ирака, ослабление позиций режима внутри страны, оказание действенной помощи антисаддамовской оппозиции, а также размещение в регионе мобильных сил, способных к проведению быстрых операций [277, с. 37]. В этой связи отметим, что, удерживая Ближний Восток и особенно зону Залива в состоянии военно-политической напряженности, США создали в регионе мощный военный плацдарм, возможности которого выходили за его рамки и могли быть использованы для решения различных стратегических задач в смежных регионах. К концу 90-х гг. здесь на постоянной основе находилось более 10 тыс. американских военнослужащих, до 65 тыс. гражданских специалистов занимались обслуживанием военных объектов. Их численность значительно возрастала в периоды всплесков напряженности, когда на военных базах находилось более 20 тыс. военнослужащих [51, с.129].

По мнению некоторых аналитиков, истинные цели операции «Лис в пустыне» состояли в искусственном нагнетании обстановки вокруг Ирака с тем, чтобы иметь возможность свергнуть С.Хусейна и правящий баасистский режим и заменить его на более умеренного и лояльного лидера из оппозиционных группировок. Новая американская тактика, начавшая претворяться в жизнь после операции «Лис в пустыне», получила в политических кругах название «два плюс...», то есть линия на двойное сдерживание при оказании поддержки иракской оппозиции как альтернативы С.Хусейна [33, с. 29]. Госсекретарь США М.Олбрайт, говоря об отношении к иракской оппозиции, отмечала, что в случае смены власти в Ираке, США могут изменить свою политику и вместе со своими союзниками наладить диалог с его новыми властями [55, с. 92].

Операция «Лис в пустыне» дала толчок к активизации основных группировок иракской оппозиции, которые со второй половины 90-х гг. вынуждены были перебраться за пределы страны и пребывали в состоянии дезинтеграции [35, с. 80]. Для усиления их деятельности 31 октября 1998 г. обеими палатами Конгресса США был принят так называемый «Акт об освобождении Ирака», в рамках которого предусматривалось оказание финансовой помощи оппозиции в

размере 97 млн. долл. [46, с. 67]. Однако ее раздробленность, политическая и идейная разношерстность, резкое расхождение целей и задач при невозможности действовать внутри страны делала проблематичным сценарий устранения правящего режима с помощью оппозиции, формирование же внутренней в условиях диктатуры виделось почти нереальным. Ведущий оппозиционный альянс – Иракский Национальный Конгресс (ИНК), объединивший под своим началом до 30-ти группировок с диаметрально противоположными идейно-политическими ориентациями, в течение определенного времени смог создать иллюзию того, что именно представленная в его рядах оппозиция является реальной альтернативой режиму и имеет в стране немалую социальную базу. На деле возглавляемый А.Челеби этот альянс, не только не имел реальных шансов реализовать американский сценарий свержения С.Хусейна и его политической команды, но не мог даже претендовать на роль направляющего и координирующего органа всей иракской оппозиции. Потому-то завершились неудачей организованные под эгидой ИНК и профинансированные США в рамках «Акта об освобождении Ирака» Виндзорский (7-8 апреля 1999 г.) и Нью-Йоркский (29-31 октября 1999 г.) форумы оппозиции [41, с. 22].

В ситуации, когда Багдад отказался от сотрудничества со Спецкомиссией, на повестку дня стал вопрос о том, что предпримет международное сообщество для выхода из создавшегося тупика. Россия, Франция и Китай предложили взамен органа по разоружению, функции которого выполняла эта структура, создать более представительный и независимый орган по мониторингу и инспекции военной промышленности Ирака. Французский представитель в СБ ООН выступил с инициативой о пересмотре системы мониторинга его военной промышленности при одновременном снятии всех санкций. Однако она натолкнулась на жесткий отпор со стороны США, которые, выразив готовность рассмотреть французские предложения по замене Спецкомиссии на более независимый орган, отказались обсудить вопрос о санкциях [187, с.198]. Практически вторая половина 1999 г. прошла под знаком противостояния между их сторонниками и противниками, но все попытки добиться прорыва в этом вопросе блокирова-

лись Вашингтоном. Именно под американским давлением СБ ООН в указанный период принял несколько резолюций, направленных на продление срока действия режима санкций (№1242 от 21 мая 1999, №1266 от 4 октября 1999, №1281 от 10 декабря 1999, №1293 от 31 марта 2000, №1302 от 8 июля 2000).

В декабре 1999 г. СБ ООН принял резолюцию №1284, упразднившую Спецкомиссию и сформировавшую новый орган по контролю за разоружением Ирака – ЮНМОВИК (Комиссия по мониторингу, верификации и инспекции ООН). В то же время, учитывая резкое снижение мировых цен на энергоносители и тяжелое социально-экономическое положение населения СБ ООН решил увеличить квоту продаваемой на внешнем рынке иракской нефти еще на 3 млрд. долл. [10, с. 250]. Хотя при создании ЮНМОВИК оговаривалось, что в случае возобновления деятельности международных экспертов, СБ ООН рассматривает вопрос о снятии с Ирака всех санкций, однако ничего принципиально нового не произошло. Режим санкций из средства обеспечения выполнения его резолюций стал постепенно превращаться в политическое средство давления. Поэтому, когда стало ясно, что это будет зависеть от Отчета, который подготовит ЮНМОВИК по итогам 120-дневного мониторинга над состоянием военного потенциала и разоружения, иракское правительство отвергло предложения о сотрудничестве. Оно официально объявило, что только после принятия специальной резолюции о снятии всех санкций допустит возвращения в страну международных экспертов, вне зависимости от того, какую организацию они представляют и насколько она является независимой и представительной [327, с. 16]. В конечном итоге получилось так, что после операции «Лис в пустыне» контроль над разоружением Ирака практически перестал осуществляться.

К 2000 г. движение за отмену санкций приняло массовый характер, причем, если раньше наибольшую активность проявляли Россия, Франция, Китай, имевшие как постоянные члены СБ ООН дополнительные возможности для маневра, то теперь в этот процесс включились и другие страны, которые либо уже подписали с Ираком взаимовыгодные контракты, в том числе и в нефтяной сфере, либо стремились восстановить с ним прерванные экономические связи.

Отметим, что особую настойчивость в данном вопросе проявляли арабские страны. Если раньше только Катар и ОАЭ выступали за отмену санкций, то в указанный период ведущие арабские страны – Египет и Сирия также активно содействовали *«возвращению Ирака в арабские ряды»* [211, с. 62]. В сентябре 2000 г. впервые после кувейтского кризиса возглавляемая вице-президентом Ирака Т.Я.Рамаданом делегация участвовала в Каирском Совещании в верхах. На 9-ой конференции ОИК (ОИС) в столице Катара Дохе лидеры других мусульманских государств также высказались за скорейшую *«интеграцию Ирака в региональное политическое и экономическое пространство»* [13, с. 103].

Активность в направлении снятия санкций проявляли также международные неправительственные организации, которые со второй половины 90-х годов в ежегодных отчетах отмечали, что они способствуют не решению кризиса, а неуклонно, шаг за шагом подводят иракский народ к черте подлинной гуманитарной катастрофы. Так, в отчетах ЮНИСЕФ и ВОЗ указывалось, что от инфекционных и других болезней, недоедания, отсутствия чистой воды и т.д. умерло более полумиллиона человек, в том числе ежегодно умирало от 5 до 7 тыс. детей, не достигших 5-летнего возраста [355, с. 91], что для страны с 24 млн. населением являлось угрожающей цифрой. По данным независимого Международного центра по развитию, только в результате нефтяного эмбарго Ирак недосчитал порядка 1,5 млн. человек [256, с. 139]. Отмечалось также, что доходы от нефти и гуманитарная помощь из различных каналов использовались властями не по назначению и по большей части не доходили до адресата.

Уже к концу 90-х годов в широких кругах мировой общественности начало формироваться мнение о бесперспективности, нецелесообразности и невозможности до бесконечности продолжать применение санкций. Все чаще звучала мысль о том, что вместо правового средства воздействия на Ирак, режим эмбарго превратился в орудие наказания ни в чем неповинных людей [272, с. 56]. В этом смысле деятельность ООН стала оцениваться не в контексте истинного предназначения этой международной организации, а как место политического противоборства держав и удовлетворения их амбиций, либо структура, выпол-

нявшая вспомогательные, зависимые от этих держав функции [187, с. 200]. Стало очевидным, что санкции действовали скорее против народа, чем против режима, от них страдали гражданские лица, а верхушка иракской элиты лишилась лишь замороженных зарубежных вкладов и возможности импортировать товары люксовой категории. Эти реалии вынуждены были признать и сами представители ООН, которые заявляли, что режим санкций *«вынуждал иракский народ жить в голоде и лишениях; если иметь в виду, что они практически не повлияли на положение правящего режима, то можно было с полным основанием утверждать, что санкции в целом не достигли своих целей»* [356]. Кроме того, С.Хусейн умело использовал их в пропагандистских целях для разогревания антизападных настроений в обществе и обвинения Запада в *«удушении иракского народа голодом»*. Вопреки ожиданиям, санкции не привели к падению режима С.Хусейна, его позиции внутри страны не только не были поколеблены, они еще больше укрепились [235, с. 96]. Не достигла своих основных целей и программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие», поскольку подавляющая часть прибылей от продаваемой нефти уходила не на удовлетворение потребностей населения, а служила усилению режима, его репрессивного аппарата, разветвленной сети служб безопасности, элитных воинских частей, которые верой и правдой служили С.Хусейну, его семье и клану [125, с. 77]. Несмотря на тяжелейшие условия жизни народа, багдадский режим продолжал тратить миллионы на усиление репрессивного аппарата, нелегальное приобретение вооружения и осуществление дорогостоящих программ по производству ОМУ. По данным французского Института международных стратегических исследований, в 1993 г. на военные нужды иракские власти потратили 2,3 млрд. долл., 1994 г. 2,7 млрд. долл., а уже в 1998 г. порядка 5,5 млрд. долл. [193, с. 341]. Как не парадоксально, но санкции позволяли С.Хусейну избавляться от своих политических противников как внутри страны, так и за ее пределами, а созданное им закрытое общество в силу изоляции от мировых интеграционных и демократических процессов не могло существовать иначе, как в условиях его личной диктатуры.

Таким образом, к концу XX в. общая ситуация в Ираке и вокруг него свелась к следующему: режим значительно ослабел, но сумел устоять; сохранение санкций привело к резкому противостоянию между США и Ираком; С.Хусейн использовал тяжелые жизненные условия народа как средство для выхода из международной и региональной изоляции; вопреки ожиданиям, массового выступления населения против режима не произошло; иракской оппозиции не удалось превратиться в альтернативную режиму силу; подвергся коррозии принцип единодушия и совместной ответственности, обеспечивавший на международной арене поддержку санкциям. Несмотря на серьезные трудности, правящему режиму удалось обеспечить устойчивость своего правления и приспособить экономику и хозяйственную жизнь страны к выживанию в условиях жесткой международной изоляции.

3.2. Сдвиги в региональной политике Ирака

Сложившиеся в 90-х годах XX века на Ближнем Востоке новые реалии оказали существенное влияние не только на динамику общих процессов в регионе, но затронули двусторонние отношения различных его субъектов.

Как было отмечено выше, в 90-е годы XX века под воздействием международных санкций иракский режим оказался в фактической изоляции, что существенно ограничивало его возможности по использованию своего внешнеполитического и внешнеэкономического потенциала. Региональный статус страны подвергся значительной деформации, приведшей, в свою очередь, к вынужденной корректировке Багдадом своей внешней политики в целом и отношений с отдельными государствами региона, в частности. Хотя с течением времени ему удалось, хотя и не в полном объеме, восстановить свои политические и экономические связи с рядом ближневосточных стран, однако довоенный статус одного из региональных «центров сил» был утерян. Именно в этот период на смену прежней, далекой от реальности риторике иракских властей пришел новый внешнеполитический курс, который проистекал из более объективной оценки регионального положения страны. Исходя из этого факта, стали вы-

страиваться отношения с указанной группой стран, при этом инициатором зачастую выступал не официальный Багдад [57, с. 50].

Одним из главных векторов региональной политики Ирака в 90-е годы продолжала оставаться зона Залива, где были сосредоточены его приоритетные политические и экономические интересы. Агрессия против одного из членов ССАГЗ – Кувейта привела к разрыву двусторонних и многосторонних отношений с государствами этого альянса [297, с.78]. Однако после восстановления суверенитета Кувейта и его территориальной целостности монолитность их позиций в иракском направлении в силу разных причин постепенно подверглась эрозии. Среди аравийских монархий выделилось «умеренное крыло», которое было настроено *«перевернуть печальную страницу межарабских отношений, связанную с кувейтскими событиями»* [253, с. 45].

Начало этому процессу положил Катар, восстановивший в 1992 г. дипломатические отношения с Багдадом. В марте 1995 г. в Дохе впервые после кувейтского кризиса побывал министр иностранных дел Ирака М.С. ас-Саххаф, который в ходе переговоров со своим коллегой Х. ибн Джасемом высказался за постепенную отмену режима санкций в соответствии в п. 22 резолюции СБ ООН №687 от 3 апреля 1991 г. С этой целью было создано «Катарское народное общество в поддержку снятия санкций». Однако официальные власти эмирата во избежание недовольства Саудовской Аравии вынуждены были прибегать к более закамуфлированной поддержке плана пересмотра санкций, не отказываясь, в то же время, от встреч с иракскими официальными лицами. Багдад также придавал большое значение политическим контактам с Катаром. Во время переговоров в Дохе министр экономики и торговли Ирака М.М.Салех высоко оценил их и заявил, что настало время *«поднять уровень экономических связей с Катаром до планки политических отношений»* [79, с. 144]. Неслучайно, катарский внешнеполитический канал активно использовался в ходе кризиса со Спецкомиссией в конце 1998 г., а также для продвижения иракской позиции среди других членов ССАГЗ.

В посткризисный период от жесткого антииракского курса стремился воз-

держиваться и Оман. Власти султаната считали, что *«во имя общеарабских интересов»* необходимо ускорить процесс *«возвращения Ирака в арабскую семью»* [223, с.146]. Оман придавал большое значение экономической составляющей отношений с Ираком, примером чему служило его активное участие в программе «Нефть в обмен на продовольствие». К 1998 г. объем двусторонней торговли достиг 10 млн. долл., что позволило Багдаду рассчитывать на Оман как союзника в деле восстановления утраченных позиций в арабском мире.

К середине 90-х годов наиболее тесные контакты у Ирака в рамках ССАГЗ сложились с ОАЭ, которые выступали за возобновление двусторонних политических и торгово-экономических отношений. В конце 1995 г. глава ОАЭ шейх З. ибн аль-Нахайян одним из первых арабских лидеров поднял вопрос о назревании гуманитарной катастрофы в Ираке и призвал мировое сообщество к примирению и *«спасению иракцев от голода и лишений»*. Он выступал за смягчение и постепенное снятие санкций, при этом указывал не только на трудности и лишения иракского народа, но и предупреждал, что *«сохранение по своей сути неэффективного экономического эмбарго таит опасность радикализации позиций Багдада»* [142, с. 259]. Приветствуя усилия Эмирата в этом направлении, министр экономики и торговли Ирака М.М.Салех заявил, что его страна рассматривает ОАЭ в качестве основного транзитного пункта на пути поставок в Ирак товаров в рамках гуманитарных операций. Во время «иракских кризисов» в 1996-1998 гг. руководство ОАЭ отказалось разместить на своей территории эскадрилью ударной авиации США и настаивало на дипломатическом решении проблем. Эта позиция способствовало превращению Эмиратов в одного из важнейших партнеров Багдада в арабском мире не только в экономической, но и в политической сфере. С 1997 г. началось активное проникновение иракского капитала в ОАЭ – число компаний с участием зарегистрированных в Торгово-промышленной палате Дубая иракских бизнесменов к этому времени превысило 200 [253, с. 46]. Итогом двустороннего сотрудничества в политической сфере стало восстановление в полном объеме разорванных в 1990 г. дипломатических отношений – летом 2000 г. в Багдаде было открыто посольство ОАЭ.

К середине 90-х годов размывание антииракской позиции внутри ССАГЗ приблизилось к критической черте. Саудовская Аравия, проводившая наиболее жесткую линию в отношении Ирака и настаивавшая на полном и обязательном выполнении им всех резолюций СБ ООН, вынуждена была считаться с изменением позиций своих партнеров по альянсу. Не последнюю роль в постепенном выравнивании линии саудовского руководства в иракском вопросе играли внутривластные и экономические проблемы самого Королевства. Как известно, его экономика после войны в Заливе вошла в полосу кризиса. «Дипломатия чековой книжки», являвшаяся в течение трех десятилетий действенным инструментом его региональной политики, не могла использоваться в прежнем виде и объеме. Несмотря на огромные запасы нефти, Королевство вынуждено было ограничить финансовые затраты для подпитки своей политики [21, с. 97].

Дестабилизирующим фактором внутривластной обстановки являлось присутствие на «священных землях ислама» американского военного персонала, против которого выступали не только ортодоксальные исламисты, но и другие слои общества. Определенное влияние на позицию Саудовской Аравии в иракском вопросе оказали углублявшиеся противоречия между постоянными членами СБ ООН, которые свидетельствовали о серьезных изменениях геополитической конъюнктуры. Поэтому саудовское руководство, проявляя твердость в вопросе безусловного выполнения Багдадом всех резолюций СБ ООН, предпочло сделать акцент на гуманитарных проблемах иракского народа. Несмотря на сохранявшуюся напряженность в двусторонних отношениях, Саудовская Аравия активно участвовала в программе «Нефть в обмен на продовольствие», одновременно пыталась отсрочить полное возвращение Ирака на мировой рынок нефти. Так, в рамках этой программы в 1996-1999 гг. Ирак получил различные товары и продукты питания, медикаменты, сельхозтехнику, оборудование для нефтяной промышленности на сумму порядка 150 млн. долл. [270, с.11]. Иракские власти, критиковавшие Саудовскую Аравию за проамериканский курс и усматривавшие в ней главного виновника сохранения бойкота страны на уровне ССАГЗ и ЛАГ, тем не менее, были заинтересованы в расши-

рении двусторонних контактов, о чем неоднократно писали официальные СМИ.

В посткризисный период самую жесткую антииракскую позицию в рамках ССАГЗ демонстрировал Кувейт. Власти эмирата активно поддерживали американскую политику «сдерживания» и ревностно следили за выполнением санкций. В этой связи хотелось бы отметить, что, хотя иракская сторона официально признала все обязательства по резолюции №687 касательно ликвидации последствий агрессии, она саботировала их выполнение в полном объеме. Настороженность кувейтских властей вызывали угрозы в адрес страны и заявления типа *«при желании Ирак способен одним махом сбросить монархию ас-Сабахов в воды Залива»* [218, с. 84].

Однако под давлением международного сообщества Багдад вынужден был пойти на уступки по вопросу общих границ – многолетние споры были разрешены на основе рекомендаций Комиссии ООН по демаркации ирако-кувейтской границы и закреплены в резолюции СБ ООН №833 от 27 мая 1993 г. Хотя кувейтское правительство официально приняло рекомендации Комиссии и резолюцию №833, тем не менее, оно было недовольно утратой ряда пунктов на северном участке границы в районах Сафван, Санама и Умм-Каср, а также прохождением морской границы в районе Хор-Зубейр и Хор-Абдулла, где Ирак получил право на судоходство [112, с. 317]. Багдад был вынужден официально признать итоги работы Комиссии и резолюцию №833, что, однако, не препятствовало периодически демонстрировать силу соседней стране. Для нагнетания напряженности на их общей границе иракские войска неоднократно совершали военные маневры – так, осенью 1993 г. они провели широкомасштабные танковые учения, что привело к очередному витку противостояния с Вашингтоном. Выступивший дипломатическим посредником министр иностранных дел России А.Козырев убедил С.Хусейна отвести войска от южной границы Ирака и заявить о дипломатическом признании Кувейта [175, с. 123]. Это позволило СБ ООН по инициативе России принять резолюцию №949 о мирном решении ирако-кувейтских пограничных споров. В 1994 г. под давлением международного сообщества Багдад вынужден был пойти на новые уступки: в апреле

Национальный Совет (парламент) Ирака отменил решение об аннексии Кувейта, а в ноябре официально признал существование Кувейта как суверенного государства в его нынешних границах. Но и после этого в Багдаде не отказались от претензий на часть территории эмирата, прежде всего на острова Варба и Бубьян, а также выражали неприятие линии их сухопутной границы [218, с. 84]. В целом же, в посткризисный период иракское руководство стремилось перевести вопрос об окончательном урегулировании территориальных вопросов с Кувейтом из международно-правовой плоскости в русло достижения прямых двусторонних договоренностей. Отметим, что в указанный период серьезные разногласия оставались и по вопросу эксплуатации нефтяных месторождений в пограничных районах, причем Ирак обвинял Кувейт в краже его нефти путем использования наклонных способов бурения скважин. Багдад не упускал возможности представить Эмират в роли виновника *«страданий иракского народа»* и *«пособника антиарабских сил»* [11, с. 284].

Учитывая вес и влияние Саудовской Аравии и Кувейта в ССАГЗ и арабском мире в целом, неудивительно, что от их позиции во многом зависел общий уровень контактов Ирака как с государствами альянса, так и другими арабскими странами. Несмотря на отличия в подходе отдельных членов альянса в отношении Ирака, его официальные документы выражали единую и твердую позицию, которая сводилась к неукоснительному выполнению всех требований СБ ООН касательно ликвидации последствий агрессии против Кувейта, в том числе освобождения кувейтских пленных и возвращения всей собственности Эмирата, захваченной в период его оккупации. Так, в заключительном коммюнике Совещания в верхах государств ССАГЗ в декабре 1997 г. в Кувейте подчеркивалось, что Ирак должен признать вину за вторжение в Кувейт и *«подтвердить словом и делом свои мирные намерения в отношении Эмирата и других государств региона»* [427, с. 17].

В то же время отметим, что в ходе «иракских кризисов» в ноябре 1996 г. и январе 1998 г. все члены ССАГЗ однозначно заявили, что не допустят использования своих территорий для нанесения ракетно-бомбовых ударов по Ираку и

высказались за перевод конфликта в мирное русло. Не нашел также поддержки план свержения С.Хусейна извне, который был озвучен помощником Госсекретаря США М. Индиком в феврале 1999 г. во время встречи с лидерами альянса в эль-Кувейте. Они опасались, что насильственная смена власти в Ираке и вероятность его расчленения на несколько мелких квазигосударственных образования могут усилить военно-политическую нестабильность в регионе и высказались за то, чтобы *«иракский народ сам решал свою судьбу»* [285, с. 3].

К началу XXI века во взаимоотношениях Ирака с монархиями Залива начали происходить позитивные перемены, главным образом, в экономической и гуманитарной сферах. Так, к 2002 г. товарообмен между Ираком и Саудовской Аравией превысил 1 млрд. долл. В октябре 2002 г. после 12-летнего перерыва был открыт таможенный терминал «Арар», ставший главным пунктом для доставки в Ирак гуманитарных товаров, предусмотренных программой «Нефть в обмен на продовольствие». На состоявшейся в ноябре 2002 г. 35-й Международной Багдадской ярмарке участвовало более 1200 компаний из 49 стран, в том числе 40 фирм из Саудовской Аравии [207, с. 98].

Улучшение коснулось и самого сложного участка региональной политики Ирака – кувейтского вектора. В конце октября 2002 г. Ирак вернул Кувейту государственные архивы, вывезенные во время кризиса 1990–1991 гг., что позволяло снять одну из болезненных проблем на пути нормализации двусторонних отношений. Вслед за этим Багдад пошел еще на один примирительный шаг – возобновил участие в работе международной комиссии по кувейтским военнопленным [48, с. 15]. В декабре 2002 г. в обращении к народу Кувейта С.Хусейн извинился за вторжение в Эмират в 1990 г.

В посткризисный период в системе региональных отношений Ирака одним из наиболее сложных и противоречивых участков оставалось сирийское направление, традиционно отличавшееся своей несбалансированностью и борьбой за влияние в регионе [286, с.165]. Напряженные отношения между двумя странами усугубились в ходе ирано-иракской войны, когда Сирия поддержала Иран. В ходе кувейтского кризиса она однозначно осудила ирак-

скую агрессию и примкнула к многонациональной коалиции, направив в зону Залива 17-тысячный военный контингент [37, с.182]. Сирия также придерживалась жесткой линии при принятии антииракских резолюций как на общеарабском уровне, так и в рамках ООН, чем способствовала политической изоляции Ирака в регионе и на международной арене.

Отметим, что изменение внешнеполитических ориентиров Дамаска в исследуемый период произошло под воздействием нового баланса сил на глобальном уровне, когда эксплуатация двухполюсного противостояния потеряла свою эффективность и сузила рамки для маневрирования. Сирийское руководство стремилось извлечь из нового курса максимум политико-экономических дивидендов, которые позволили бы рассчитывать на ведущие позиции и в посткризисном региональном раскладе сил [259, с.120]. Значительное влияние на изменение его политических приоритетов оказали многочисленные внутренние и экономические проблемы страны, которые усугублялись большой внешней задолженностью (только сумма долга бывшей СССР исчислялась в 16-17 млрд. долл., из которых 11 млрд. долл. приходилось на долю военных поставок) [107, с.78]. Руководство страны, реально оценив внутренние ресурсы, провозгласило курс на «многоукладность в экономике», который предусматривал привлечение крупных иностранных и национальных инвестиций в экономику, создание свободных экономических зон и т.д. Проекты экономических реформ в Сирии из-за нехватки собственных ресурсов требовали значительных инвестиций извне, в том числе от нефтедобывающих монархий Залива. Только за военную помощь в ходе кувейтского кризиса Сирия в виде *«финансового вознаграждения»* получила от Саудовской Аравии и Кувейта до 2 млрд. долл. [251, с. 211]. И, наконец, особую роль при формировании сирийской позиции в кувейтском кризисе сыграл уровень отношений с Ираком. Многолетнее идеологическое и политическое противостояние двух соседних государств, борьба за лидерство в регионе усилились после прихода к власти С.Хусейна и его команды, приобретя межличностный характер [305, с.112]. Чрезмерное усиление иракской военной машины изменило региональную расстановку сил в пользу Багдада, поэтому

для Сирии было жизненно важным его обуздание любыми средствами.

Военное поражение и международные санкции, приведшие к ослаблению экономического и военного потенциала Ирака, впервые за многие годы склонили баланс силы в двусторонних отношениях в пользу Сирии. Несмотря на то, что консервация ослабленного состояния Ирака отвечала ее интересам, региональная конъюнктура диктовала необходимость сохранения его территориальной целостности и суверенитета. Поэтому планы расчленения, либо федерализации Ирака, попытки использования курдской карты в этих целях были решительно отвергнуты Дамаском [37, с.192]. Реанимация после войны в Заливе курдского вопроса представляла потенциальную угрозу не только для территориальной целостности Ирака, но могла стать началом дезинтеграционных процессов и сепаратизма в других странах региона. Поэтому в ноябре 1996 г. во время встречи с королем Саудовской Аравии Фахдом министр иностранных дел Сирии Ф. аш-Шараа впервые озвучил мысль о необходимости ускорения процесса *«возвращения Ирака в арабские ряды»* [68, с. 45]. К словам сирийского министра с пониманием отнеслись в Эр-Рияде, тем более что политические процессы в регионе и на международной арене подводили арабских лидеров к пониманию того, что участие Ирака как члена арабского сообщества в этих процессах, отвечало стратегическим интересам самих арабов.

На рубеже 1996-1997 гг. начался процесс постепенной нормализации иракско-сирийских двусторонних отношений. Заключение в 1996 г. активно поддержанного США турецко-израильского военного союза, трудности, испытываемые Ираком и Сирией в экономической сфере и ряд других факторов, делали на этом этапе актуальной сближение двух соседних стран. Иракские СМИ, большинство из которых находились под контролем старшего сына С.Хусейна – Удая, начали публиковать статьи о необходимости активизации двусторонних отношений, которые *«могли принести пользу не только самим этим странам, но и всему арабскому миру»* [401, с.126]. В начале 1997 г. был учрежден совместный комитет по торговле, деятельность которого дала толчок налаживанию экономических связей. Делегации различного уровня стали практиковать регу-

лярные встречи для обсуждения широкого круга вопросов, представлявших взаимный интерес. В июне 1997 г. произошло знаменательное событие – была открыта закрытая в течение 17 лет общая граница. В августе 1997 г. представители министерства иностранных дел и экономики, а также большая группа сирийских предпринимателей побывали с визитом в Багдаде, в ходе которого были подписаны соглашения об открытии торговых центров, несколько контрактов на поставки товаров первой необходимости из Сирии в обмен на экспорт иракской нефти на общую сумму 13 млн. долл. [67, с. 56].

В указанный период одним из важных направлений двустороннего сотрудничества была нефтяная сфера, в частности возобновление работы закрытого еще в 1982 г. нефтепровода Керкук-Баньяс. Переговоры по этому вопросу на уровне экспертов были начаты в 1997 г., а 12 июля 1998 г. на встрече министров нефти двух стран – А.М.Рашида и М.М.Джемала были подписаны контракты по возобновлению старой линии, а также строительству нового нефтепровода и нефтеперерабатывающего завода в Баньясе [68, с. 35]. В августе 1997 г. в ходе 44-ой международной ярмарки в Дамаске иракская делегация во главе с министром торговли М.М.Салехом подписала несколько соглашений в экономической сфере.

Показателем заинтересованности сторон в углублении сотрудничества явился визит в Дамаск в декабре 1997 г. заместителя премьер-министра Ирака Т.Азиза и его переговоры с сирийскими лидерами. В том же месяце по поручению Х.Асада министр иностранных дел Сирии Ф. аш-Шараа во время встречи с королем Саудовской Аравии Фахдом впервые озвучил мысль о необходимости ускорить процесс *«возвращения Ирака в арабские ряды»* [11, с. 301]. К словам сирийского министра с «пониманием» отнеслись в Эр-Рияде, тем более что политические процессы в регионе и на международной арене подводили арабских лидеров к пониманию того, что участие Ирака как полноправного члена арабского сообщества в этих процессах, отвечает их стратегическим интересам.

Ирако-сирийские двусторонние отношения получили новый импульс после прихода к власти сына Х.Асада – Башара, который поддерживал нормаль-

ные личные контакты с молодым поколением иракской правящей элиты. Он рассматривал Ирак наряду с Ираном как «стратегическую глубину» для реализации региональной политики и выстраивания отношений с США и Израилем. В 2000 г. в Дамаске была открыта секция защиты интересов Ирака, а в мае 2001 г. в Багдаде открылась аналогичная секция защиты сирийских интересов. В ноябре 2000 г. было принято решение об открытии нефтепровода Керкук-Банияс, имевшего для проблемной сирийской экономики важное значение. Сирия покупала иракскую нефть по цене 10-15 долл. бар., что было значительно ниже мировых цен, затем перерабатывала ее, а продукты нефтепереработки вместе со своей нефтью продавала уже по действующим ценам ОПЕК. Ирак также не оставался в проигрыше: от поставок нефти он получал порядка 2 млн. долл. в день [78, с. 26; 271, с.12]. Для него политическая выгода нефтяного сотрудничества заключалась и в том, что в широком смысле развитие экономических связей оказывало благотворное влияние на общий политический климат между двумя странами и что шаг за шагом ослабевал режим санкций. В январе 2001 г. премьер-министр Сирии М.Миро и вице-президент Ирака Т.Я.Рамадан подписали соглашение о таможенных тарифах, которое предусматривало постепенное сокращение и снятие большинства ограничений в сфере торговли, и соглашение о совместной зоне свободной торговли. Для Дамаска развитие торговых связей с соседней страной служило одним из важных элементов ускоренного развития национальной экономики; в ожидании снятия санкций было важно утвердиться на обладавшем большим потенциалом иракском рынке.

Однако официальный Багдад неоднократно заявлял, что наряду с развитием экономических связей рассчитывает и на восстановление дипломатических отношений в полном объеме. Однако Сирия отдавала предпочтение развитию экономического сотрудничества, поскольку тесные политические контакты с Ираком могли привести к региональной и международной изоляции страны. Она не хотела ставить под удар политические и экономические связи с монархиями Залива, в первую очередь с Саудовской Аравией, ради непредсказуемого союза с С.Хусейном [251, с. 210]. Именно в этом ключе прошел первый за бо-

лее чем 20 лет официальный визит главы сирийского правительства М.Миро в Ирак летом 2001 г. Итогом его переговоров с иракским руководством стало восстановление в полном объеме деятельности смешанной комиссии по экономическому взаимодействию, а также подписание пакета соглашений в сфере экономики, транспорта, торговли и т.д.

Сирия была первой арабской страной, с которой Ирак заключил соглашение о свободной торговле. Оно вступило в силу с апреля 2002 г., а к августу 2002 г. товарооборот между двумя странами составил в стоимостном выражении 4 млрд. долл. Кроме того, начиная с 1997 г., в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» Ирак импортировал из Сирии товаров на 4 млрд. долл. Важным итогом совместной комиссии стало подписание в августе 2002 г. договора о создании холдинговой компании, в портфеле которой имелись четыре инвестиционных проекта по созданию нефтеперерабатывающих предприятий и стекольных заводов в Ираке [69, с. 37].

Если нормализация ирако-сирийских отношений началась, как реакция на складывавшиеся в регионе Ближнего Востока новые политические реалии и была продиктована необходимостью реанимации взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества для решения многочисленных проблем, то ирако-египетские отношения в посткризисный период формировались под воздействием иных факторов.

Отметим, что в период кувейтского кризиса позиция одной из ведущих арабских стран – Египта складывалась с учетом целого ряда внутренних и внешних факторов. Многочисленные проблемы (дефицит платежного баланса, 50-ти миллиардная внешняя задолженность и др.), усугубляемые слабой экономической структурой страны, с конца 80-х годов приобрели обвальный характер. Крайне негативное воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в стране оказало усилившееся противостояние между властями и радикальными исламистскими группировками, с одной стороны, и широким спектром светской оппозиции с властями, с другой. На этом фоне выход из создавшегося положения виделся в активизации внешней политики. Стремление президента Х.Муба-

рака возродить роль Египта как традиционного лидера арабского мира, подорванную Кэмп-Дэвидским процессом и последующей изоляцией страны, к началу 90-х гг. стало приобретать отчетливые и перспективные очертания. Нарращивание активности Египта в ходе кувейтского кризиса сопровождалось, как и ожидалось, усилением его позиций в арабском мире [20, с.199]. Именно в Каире по инициативе египетского президента было созвано чрезвычайное Сопровождение лидеров арабских стран, в ходе которого были приняты резолюции с осуждением иракской агрессии; он же был инициатором двусторонних и многосторонних встреч с лидерами арабского мира. Тесное сотрудничество с Ираком в рамках созданной в 1989 г. организации САС не помешало официальному Каиру открыто осудить его действия против Кувейта и разорвать дипломатические отношения. Позиция египетского руководства вкратце сводилась к тому, что оно *«не возражает против превращения Ирака в сильное государство, но не может согласиться, чтобы он усилился за счет агрессии против арабских братьев»* [120, с.11].

В ходе кризиса в Заливе Египет направил в Саудовскую Аравию 30-тысячный военный контингент, который в составе многонациональной коалиции участвовал в освобождении Кувейта. Хотя его потери в этот период были значительные и обошлись казне в 25 млрд. долл., но политические и экономические дивиденды, которые приобрела страна, были также немалые. Во-первых, с октября 1990 г. штаб-квартира ЛАГ возвратилась в Каир, что проистекало из признания его вклада в общеарабское дело в экстремальных условиях. Во-вторых, участие Египта в коалиции не осталось без внимания США, которые объявили о списании его долга в размере 7,1 млрд. долл. В-третьих, большую часть египетских потерь обязались оплатить Саудовская Аравия и Кувейт в *«знак благодарности за поддержку»* [113, с. 94].

Получаемые ежегодно от США «мирные дивиденды» в размере 2,1 млрд. долл. и «материальная помощь» от монархий Залива накладывали на Египет определенные обязательства. Неслучайно президент Х.Мубарак слабо реагировал на неоднократные призывы Багдада восстановить дипломатические отно-

шения и восстановить торгово-экономические связи между двумя странами, которые в принципе отвечали интересам Египта. Египетский лидер не хотел рисковать положением страны, неизменно призывая Ирак неукоснительно выполнять все резолюций СБ ООН, и считал это необходимым условием для скорейшего снятия международных санкций. В то же время Египет решительно выступал против применения силового давления в отношении Ирака в ситуациях его противостояния со Спецкомиссией ООН.

В целом до середины 90-х гг. отношения между двумя странами находились практически в замороженном состоянии. Дипломатическую активность по иракской проблеме Египет начал проявлять в 1996–1997 гг., когда вошел в число непостоянных членов СБ ООН. Тогда же начались первые контакты между двумя странами в торгово-экономической сфере – в ноябре 1997 г. впервые после войны в Заливе египетская делегация приняла участие в Международной Багдадской ярмарке, а уже в 1998 г. число египетских фирм и компаний на ярмарке достигло 60-ти [128, с. 309].

С конца XX века на фоне изменений позиций ряда ведущих государств в отношении Ирака в политике Египта стала прослеживаться линия, направленная на нормализацию двусторонних связей в различных областях. Египет наравне с другими арабскими странами активно включился в кампанию по отмене санкций, как в рамках официальной государственной политики, так и используя возможности многочисленных неправительственных организаций.

В ноябре 2000 г. произошло знаменательное событие – были восстановлены прерванные в 1991 г. дипломатические отношения. В январе 2001 г. Каир посетила представительная иракская делегация во главе с вице-президентом Т.Я.Рамаданом, у которой состоялись многочисленные встречи с египетским руководством. По итогам визита было подписано соглашение о свободной торговле, вступившее в силу летом 2001 г. По словам премьер-министра Египта А.Обейда, подписание данного соглашения явилось первым шагом на пути создания Арабского общего рынка, предусматривавшего обеспечение свободы перемещения и транзита людских ресурсов, капитала,

товаров, трудового найма и приобретения собственности. Для Ирака оно символизировало прорыв из кольца международной блокады в сторону возобновления активного сотрудничества со странами региона.

В продолжение развития торгово-экономических связей между двумя странами в феврале 2001 г. Багдад посетила египетская делегация во главе с министром внешней торговли Ю.Б.Гали. В ходе визита были подписаны соглашения в области железнодорожного, морского и воздушного транспорта, а также продолжены переговоры по ускорению процесса создания Арабского общего рынка [211, с. 59]. В апреле 2001 г. в Багдаде прошла египетская торговая ярмарка, в которой приняло участие свыше 180 компаний. Летом 2001 г. в иракской столице было подписано четырехстороннее соглашение (Египет–Ирак–Сирия–Ливия) о создании зоны свободной торговли. Таким образом, Ирак становился одним из ключевых звеньев будущего межарабского интеграционного союза [172, с.164]. Активизация сотрудничества привела к тому, что уже к началу 2002 г. объем двусторонней торговли составил более 2 млрд. долл. [250]. Несмотря на действие санкций, по итогам 2002 г. Египет занимал второе после России место в торговле с Ираком в рамках программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие», потеснив в списке Францию и ряд других стран, а также стал одним из его основных торговых партнеров в арабском мире, экспортируя ежегодно товаров на сумму в 2,8 млрд. долл. [211, с. 63].

Таким образом, Египет стал первой арабской страной, который к началу XXI века фактически прорвал региональную блокаду Ирака и вывел связи с ним на уровень тесного партнерства. Помогая Багдаду восстанавливать свой международный имидж и налаживать экономические связи, официальный Каир исходил из того, что изоляция такого потенциально сильного регионального игрока, как Ирак, не способствовала объединительным планам арабов, особенно когда система межарабских отношений переживала один из самых глубоких кризисов в своей истории. Хотя египетские власти не скрывали своего в целом негативного отношения к режиму С.Хусей-

на, Ирак с его высоким экономическим потенциалом продолжал рассматриваться как важный участник интеграционных процессов в арабском мире.

Иордания, как известно, находилась в числе тех арабских стран, которые не осудили напрямую иракскую агрессию против Кувейта. При анализе ее политики в тот период отчетливо прослеживались две линии, два подхода: позиция официальных кругов и позиция «улицы», которую выражали СМИ. Последние сделали многое для пропаганды и оправдания действий иракского режима и его лидера С.Хусейну, которого изображали как героя арабской нации. Позиция же официального Аммана строилась на основе комплекса внутренних, региональных и международных факторов.

Экономика Иордании, прочно связанная с Ираком, в результате введения международных санкций испытала настоящий коллапс. Единственной отраслью, приносившей доход в казну, был туризм, но он также оказался в кризисе из-за близости к границам конфликта. На первых порах королю Хусейну удавалось сохранять экономические сношения с Ираком через порт Акабу, откуда в обход санкций ООН он получал продовольствие и другие грузы. Однако под давлением Вашингтона иорданский монарх вынужден был согласиться на закрытие порта для импортно-экспортных операций Ирака [9, с. 131].

Учитывая настроения общества и многочисленной палестинской общины, король Хусейн проявлял активность в ходе кувейтского кризиса, а его частые туры по странам региона, Европы, США были направлены на мирное урегулирование проблемы. Он выдвигал различные планы по выходу из создавшегося в Заливе тупика («План короля Хусейна», «Иорданский план»), суть которых состояла в комплексном решении всеми заинтересованными странами застарелых проблем ближневосточного региона. Однако его посредническая миссия не принесла реальных результатов.

В посткризисный период ирако-иорданские отношения не получили необходимого импульса для развития. Более того, Иордания, заключившая мирный договор с Израилем в 1994 г., стала объектом резкой критики багдадского режима. Король Хусейн начал все больше дистанцироваться от Багдада, а после

бегства в августе 1995 г. двух зятьев С.Хусейна в Иорданию, где им было предоставлено политическое убежище, отношение между двумя странами значительно ухудшились [8, с.198]. Весной 1996 г. король Хусейн дал разрешение на размещение американских истребителей на военном аэродроме Азрак для патрулирования «бесполетной зоны» на юге Ирака, но при этом заявил, что не позволит использовать территорию страны как плацдарм для атак против соседней страны [11, с. 293]. Вскоре поддержка королем Хусейном иракских оппозиционных групп, предоставление им материальной помощи через третьи страны, а также радиовещание с ее территории на большинство районов Ирака привели к резкому ухудшению двусторонних отношений.

Отметим, однако, что со второй половины 90-х гг. экономические связи между двумя странами из-за обоюдной заинтересованности стали постепенно нормализоваться – Ирак по-прежнему был главным поставщиком нефти для соседней страны, а для зажатого международными санкциями Ирака территория Иордании являлась важным звеном, связывавшим его с внешним миром.

В посткризисный период одним из приоритетных направлений региональной политики Ирака был иранский вектор.

Как известно, после завершения ирако-иранской войны и до начала кувейтского кризиса ситуация между ними характеризовалась как состояние «ни войны, ни мира». В мае 1990 г. С.Хусейн направил президенту Ирана А.А.Хашеми-Рафсанджани письмо, где высказался за нормализацию двусторонних отношений. Ответ иранской стороны в целом был положительным, но в качестве условия оговаривалось, что *«мирный договор между ними может быть заключен только на основании резолюции СБ ООН №598 от 20 июня 1987 года»* [262, с. 127]. Начавшиеся летом 1990 г. переговоры на уровне экспертов, показали, что официальный Багдад не склонен идти на компромиссы, единственной его целью перед кувейтской операцией было добиться лояльности, либо нейтрализовать вмешательство Ирана в события. Что касается Тегерана, то он настаивал на обязательном выполнении трех условий – освободить военнопленных (до 100 тыс. человек), вернуться к установленным Алжирским соглашением 1975 г.

границам, признать вину за развязывание войны [374, с. 73].

Международная и региональная изоляция, с которой столкнулся Ирак после оккупации Кувейта, вынудили его в кратчайшие сроки решить некоторые, наиболее безотлагательные, двусторонние проблемы с тем, чтобы обезопасить 1100 км границу и избежать перспективы открытия Тегераном «второго фронта» в случае, если начнутся военные действия. Для иракского режима Иран стал меньшим злом, чем образовавшийся в Заливе мощный фронт противостоявших ему сил. В августе 1990 г. С.Хусейн направил письмо президенту А.А.Хашеми-Рафсанджани, в котором соглашался на урегулирование двусторонних проблем на иранских условиях, в том числе признание границ на основании Алжирского соглашения 1975 г., вывод иракских войск с оккупированных территорий, возврат военнопленных и выплату военных репараций. Однако в письме С.Хусейна ничего не говорилось о предложении Ирана решить проблему Шатт эль-Араба на паритетной основе [320, с. 394].

Отметим, что на формирование иранской позиции в период кувейтского кризиса в немалой степени повлияли подвижки в двусторонних отношениях. С одной стороны, Тегеран осудил иракское вторжение в Кувейт, выразил готовность оказать военную помощь аравийским монархиям, поддержал все резолюции СБ ООН и подключился к антииракским санкциям, с другой – выступал против усиления иностранного военного присутствия в Заливе и за обеспечение региональной безопасности силами стран самого региона. Получалось так, что Иран «в меру» осуждал и Багдад, и Запад, в первую очередь, США, и аравийские монархии за их *«набор грехов»* [202, с.119]. Он не намеревался *«действовать в пользу какой-либо стороны»* и *«придерживался эмбарго в отношении Багдада до гуманитарно-терпимых пределов»* [207, с.119] – то есть оставлял за собой право поставлять Ираку продовольствие, медикаменты и т.д.

В целом же в остром противоборстве сторон Иран предпочел занять нейтральную позицию, что было оценено всеми участниками конфликта. Лавируя между его сторонами, он использовал благоприятную международную и региональную конъюнктуру, чтобы выйти из состояния внешнеполитической изоля-

ции, в которой оказался после исламской революции, добиться у Багдада максимальных политических и экономических уступок [266, с. 25]. В то же время Иран вынужден был проявлять сдержанность и осмотрительность при принятии того или иного решения, поскольку победа любой из сторон в принципе не отвечала его национально-государственным интересам. В случае победы Ирак превращался в доминирующую силу и лидера не только Залива, но и всего ближневосточного региона со всеми вытекающими последствиями. Широкое использование С.Хусейном исламской риторики указывало на потенциальные претензии Ирака на лидерство и в мусульманском мире. С другой стороны, победа коалиции во главе с США привела бы не только к еще большему усилению американского присутствия в регионе, но и значительно укрепила позиции традиционного соперника Ирана в Заливе и мусульманском мире – Саудовской Аравии, что не могло не беспокоить Тегеран. Было ясно, что усиление влияния этого тандема не только изолирует Иран и блокирует его роль в Заливе, но и создаст предпосылки для «выталкивания» из процесса формирования посткризисной модели региональной системы безопасности. Иными словами, Иран вынужден был проводить крайне осторожную и взвешенную политику, не выказывая предрасположенности к какой-либо из сторон конфликта.

Столкнувшись после оккупации Кувейта с мощным давлением мирового сообщества и, прежде всего, с военной угрозой, С.Хусейн считал целесообразным урегулировать территориальные споры с Ираном, для чего были возвращены занятые в период ирано-иракской войны участки на общей границе. Согласно достигнутой договоренности, с 17 августа 1990 г. Ирак начал вывод своих войск с иранской территории, в тот же день произошел обмен большой группы военнопленных. 10 сентября было объявлено о восстановлении дипломатических отношений, а открытие посольств состоялось 14 октября того же года [262, с.103]. Однако целый комплекс нерешенных проблем – подписание мирного договора, который де-юре завершал войну; нерешенность вопроса Шатт эль-Араба и очистка ее устья для возобновления нормального судоходства; окончательная демаркация сухопутной границы и определение континентального

шельфа; полное завершение обмена военнопленными; определение размеров военных репараций и компенсаций и сроки их выплат; отказ от поддержки оппозиционных группировок и т.д. препятствовали созданию атмосферы доверия между двумя странами [1, с. 104].

Поражение Ирака от сил коалиции дало толчок центробежным тенденциям, когда воодушевленные поддержкой внешних сил и слабостью центральных властей, курды на Севере и шииты на юге спровоцировали крупные антиправительственные выступления. Вынашиваемые Тегераном планы использовать шиитский и курдский вопрос для дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в соседней стране становились реальностью. И, будучи опытным региональным игроком, Иран не остался в стороне от этих процессов, тем более, что лидеры шиитской общины Ирака всегда имели тесные связи с тегеранским режимом и пользовались его моральной и материальной поддержкой. Однако вопреки требованиям некоторых радикалов в высших эшелонах власти об оказании прямой военной помощи иракским шиитским группировкам, официальный Тегеран предпочел действовать за кулисами событий. Одновременно с оказанием гуманитарной помощи, в районы шиитских выступлений были тайно переправлены мобильные отряды Корпуса стражей исламской революции, а также боевики, прошедшие специальную подготовку в иранских лагерях [11, с. 314]. Отношение иранских властей к восстанию курдов, а затем и процессу формирования на Севере Ирака атрибутов независимого курдского государства – парламента и правительства с самого начала было осторожным – с одной стороны, Тегеран был заинтересован в еще большем ослаблении багдадского режима, с другой – эти события могли спровоцировать всплеск курдского сепаратизма и в самом Иране. Озабоченность иранского руководства вызывал и тот факт, что курдские и шиитские выступления могли привести к развалу иракского государства, а образовавшийся «вакуум» власти, скорее всего, заполнили бы США.

Отметим еще некоторые негативные для Багдада аспекты: Тегеран использовал проблему иракских беженцев для усиления дипломатического давления с целью добиться уступок в частности, в вопросе о перелетевших

в Иран иракских самолетах, расчистке, судоходстве и границе по реке Шатт эль-Араб и т.д. [23, с. 201]. Временный уход Ирака и Кувейта с мирового нефтяного рынка расширил возможности для экспорта иранской нефти. Еще одним положительным для Тегерана итогом войны явилось разрушение иракской военной машины настолько, что она сохранила потенциал, достаточный лишь для осуществления внутренней полицейской функции.

Однако со второй половины 90-х годов в ирако-иранских отношениях наметились определенные сдвиги, которые укладывались в общий контекст региональной политики Ирака. Позитивные импульсы для взаимовыгодного экономического сотрудничества появились в 1996 г., когда возглавляемая вице-президентом Ирака Т.Я.Рамаданом делегация посетила Тегеран. В ходе переговоров с иранским руководством она пытались добиться увеличения объемов приграничной торговли в обход санкций ООН [188, с. 157]. Однако официальный Тегеран не намерен был рисковать с трудом восстановленным политическим капиталом и не хотел портить отношения с государствами Запада – на тот момент стратегически более важными партнерами, нежели непредсказуемый саддамовский Ирак.

Новации в двусторонних отношениях произошли после избрания в 1997 г. М.Хатеми президентом Ирана. Он заявил, что одним из приоритетных направлений его политики *«станет линия на выравнивание отношений со странами региона, в том числе и с соседним Ираком»* [23, с. 201]. Политическая ситуация в Заливе, нацеленность Багдада выйти из-под прессинга США, которые существенно усилили свое военное присутствие в регионе, крайняя заинтересованность в скорейшем снятии санкций и попытке выйти из международной и региональной изоляции – вот далеко неполный перечень причин, побудивших и иракское руководство искать пути для сближения с Тегераном. Постепенно диалог между двумя странами стал выходить на достаточно высокий уровень, а визиты официальных лиц, в ходе которых обсуждался широкий спектр двусторонних проблем, был призван придать отношениям новый импульс.

В январе 1997 г. в качестве жеста доброй воли Тегеран в одностороннем

порядке освободил 500 иракских военнопленных, что было высоко расценено в Багдаде. В ответ в позитивном русле была решена проблема посещения иранскими паломниками святых мест шиитов в Кербеле и Неджефе, а также объявлено о готовности сторон урегулировать вопросы, связанные с освобождением военнопленных [268, с. 25]. Диалог между двумя странами был продолжен и в 1998 г. – в январе Тегеран с официальным визитом посетил министр иностранных дел Ирака М.С. ас-Саххаф. Он пытался заручиться поддержкой Ирана, председательствовавшего в тот период в ОИК (ОИС), в вопросе смягчения торгово-экономических санкций. На встрече министров торговли М.М.Салеха и М.Шариат-Мадари обсуждались перспективы торгово-экономического сотрудничества и создания совместной комиссии для привлечения Тегерана к программе ООН «Нефть в обмен на продовольствие». В мае 1999 г. были подписаны соглашения в области торговли, экономики и туризма. Летом 2000 г. из плена была выпущена последняя группа иракских военнопленных в количестве 728 человек [23, с. 217].

Летом 2000 г. стороны сделали еще один шаг к улучшению двусторонних отношений – президент Ирана М.Хатами и вице-президент Ирака Т.Я.Рамадан на конференции стран-членов ОПЕК в Каракасе договорились выступить с единых позиций в вопросе нефтяного ценообразования. В отличие от аравийских монархий, Багдад и Тегеран были крайне заинтересованы в сохранении высоких цен на нефть, что требовало координации совместных действий. Кроме того, через иранскую территорию осуществлялся основной экспорт иракской нефти в рамках легальной программы «Нефть в обмен на продовольствие» и нелегальный вывоз посредством иранских компаний, которые затем перепродавали ее другим странам под видом своей нефти. В июле 2000 г. Иран открыл важный в стратегическом отношении о. Киш, через который Ирак ежедневно экспортировал до 100 тыс. бар. нефти [54, с. 701].

2000 г. в Тегеране с целью торгово-экономического обмена побывал министр коммуникации и связи Ирака А.М.Халиль. Иракская сторона взамен воздушного коридора из Ирана в Сирию через свою территорию рассчитывала по-

лучить аналогичный коридор через иранскую территорию для возобновления маршрута Багдад-Москва. Помимо этого, Тегеран был заинтересован в возобновлении не только воздушного, но и сухопутного и железнодорожного сообщения с Ираком. Соглашения по указанным вопросам были подписаны в ноябре 2000 г. В октябре 2000 г. министр иностранных дел Ирана К.Харрази побывал с визитом в Багдаде и был принят С.Хусейном, который заявил, что «Алжирское соглашение 1975 г. является самым оптимальным решением двусторонних проблем» [401, с. 107]. В ответ иранский министр выразил готовность своей страны оказать Ираку необходимую помощь в смягчении, а затем и снятии торгово-экономических санкций. В ноябре 2002 г. между Ираком и Ираном был подписан протокол о сотрудничестве, который предусматривал развитие отношений в сфере транспорта и коммуникаций, энергетики, промышленности и сельского хозяйства, туризма и трудовых ресурсов.

Отметим, что ирако-иранское сближение, объективно отвечавшее интересам обеих стран, привлекало внимание тем, что оно происходило на фоне усилившегося американского давления. Тем не менее, примечательность данного факта не исключала того, что это сближение преследовало скорее тактические цели, нежели можно было говорить о серьезном стратегическом союзе. Несмотря на декларируемое стремление к окончательной нормализации отношений и наличие объективных факторов для их сближения, в силу устойчивого характера разногласий и их традиционного соперничества вряд ли они могли превысить уровень тактического партнерства, поскольку даже в ослабленном состоянии Багдад оставался конкурентом Тегерана в регионе [79, с. 144]. Кроме того, не нашла своего решения на этом этапе проблема Шатт эль-Араба и окончательной демаркации сухопутной и морской границ, континентального шельфа, не был подписан мирный договор, который де-факто завершил бы состояние войны и т.д. Препятствием для нормализации двусторонних отношений служила также деятельность оппозиционных группировок, в первую очередь базировавшихся на территории Ирана ВСИРИ и «Муджахеддине-халг», которая направлялась из Ирака.

В посткризисный период в общей системе региональных приоритетов Ирака отношениям с Турцией придавалось большое значение. И в региональной политике Анкары одним из важных и сложных был иракский вектор.

Ирако-турецкие отношения в 90-х гг. XX века подверглись значительной трансформации, что было связано с ослаблением политических позиций Ирака в регионе после военного поражения в 1991 г. и претензиями Турции на роль ведущей региональной державы. Политика позитивного нейтралитета, составлявшая на протяжении длительного времени основу турецкой дипломатии в регионе, уже в начале кувейтского кризиса сменилась активными внешнеполитическими действиями, имевшими целью четче обозначить место Турции в региональном балансе сил [306, с. 259]. Большую роль в определении новой стратегической линии сыграли взгляды президента Т.Озала, который считал, что *«политическая карта региона может измениться, и Турция должна быть готова к этому»* [29, с. 137].

Как известно, Турция однозначно осудила иракскую агрессию против Кувейта и присоединилась к многонациональной коалиции. Опасаясь открытия «второго фронта» в турецком направлении, 5 августа 1990 г. С.Хусейн направил в Анкару своего ближайшего соратника, вице-преьера Т.Я.Рамадана, который пытался убедить турецкое руководство воздержаться от военных действий на Севере. Однако его миссия завершилась безрезультатно – иракскому гостю было заявлено, что этот вопрос может быть рассмотрен лишь в случае ухода иракских войск из Кувейта. 7 августа Турция присоединилась к резолюции №661 СБ ООН о торгово-экономических санкциях против Ирака, закрыв свой участок нефтепровода Керкук-Юмурталык, по которому прокачивалось до 1,7 млн. бар. нефти ежедневно и который удовлетворял до 50% нефтяных потребностей страны, но до открытия «второго фронта» дело не дошло [33, с. 35].

Вопреки серьезному противодействию политического истеблишмента, руководства армии и СМИ, Т.Озал настаивал на еще большей активизации Турцией своей региональной политики, не исключая использования армии в военных операциях на стороне коалиции. Согласно Конституции страны, для

участия вооруженных сил в войне и отправке воинского контингента за ее пределы требовалось специальное решение парламента. 12 августа 1990 г. Т.Озалу удалось добиться принятия в ВНСТ резолюции об участии турецких войск в военных операциях при условии, если страна подвергнется нападению, а 5 сентября на закрытом заседании была принята резолюция, позволявшая размещать на территории страны иностранный военный контингент и отправку турецких войск за ее пределы. Согласно резолюции ВНСТ №108 военная база НАТО в Инджирлике была передана в распоряжение сил коалиции и использовалась при нанесении воздушных ударов в ходе операции «Буря в пустыне». Одновременно было принято решение об отправке 100 тыс. турецких военнослужащих к иракской границе [229, с. 343]. При принятии этих решений Анкара, исходя из расчета скорого падения режима С.Хусейна в результате военного поражения и рассчитывала участвовать в посткризисной судьбе Ирака не в качестве стороннего наблюдателя, а как активная и заинтересованная сторона. Однако, вопреки ожиданиям, режим С.Хусейна устоял, и Турция вынуждена была считаться с реальным положением дел.

В посткризисный период на динамику двусторонних отношений влияли следующие внешние и внутренние факторы: «иракская политика» США; турецко-американские и турецко-израильские отношения и их влияние на региональную политику Турции в целом; так называемая «проблема Северного Ирака» и курдское движение; проблема РПК (ПКК) и борьба против нее; проблема иракских туркман; торгово-экономические отношения в условиях международных санкций; проблема использования водных ресурсов Тигра и Евфрата и др.

Начавшиеся в результате военного поражения дезинтеграционные процессы в Ираке обнаружили, что между подходами Запада и Турции в отношении будущего Ирака в целом и так называемого «курдского вопроса» или «проблемы Северного Ирака» в частности, имелись серьезные и коренные расхождения. Для первого приоритетной задачей являлось смещение С.Хусейна и замена его режима на более лояльный, для чего курдским группировкам, выступавшим против центральных властей, оказывалась разноплановая помощь. По-

зиция Турции заключалась в том, чтобы по возможности скорее ликвидировать «вакуум» власти на севере Ирака и покончить с террористической деятельностью ПКК в этом ареале [26, с. 44]. Анкара понимала, что любое изменение в территориальном статусе Ирака в сторону отторжения курдских районов на севере, либо его федерализация по этно-конфессиональному признаку, означали угрозу территориальной целостности самой Турции. Поэтому после парламентских выборов и формирования правительства в КАР в мае 1992 г. в Анкаре прошли чрезвычайные переговоры министров иностранных дел Турции, Ирана и Сирии – стран, которые сталкивались с так называемой «курдской проблемой». В совместном заявлении они осудили действия, направленные на угрозу территориальной целостности Ирака, и заявили о невозможности признания курдского правительства и парламента, факт существования которых являлся *«угрозой миру, стабильности в этом насыщенном проблемами сложном регионе»* [70, с. 134]. В то же время, указанные страны не были заинтересованы в выработке единой политики, поскольку их собственные интересы диктовали необходимость использования курдской карты, внутрикурдских противоречий и перманентной напряженности в их рядах в качестве весомого аргумента в полемике друг с другом, важного средства давления и инструмента влияния на региональные процессы в целом. Неслучайно, участие турецкой армии в операциях коалиции ОРС-1 и ОРС-2 вызвало негативную реакцию с их стороны из-за опасений ее долговременного присутствия на иракской территории. Кроме выполнения непосредственных задач в рамках указанных операций она занималась также ликвидацией опорных баз ПКК, при этом зачистка в ряде случаев проводилась при участии военных формирований иракских курдов [36, с. 145].

В этой связи хотелось бы отметить, что президент Т.Озал выступал за нормализацию отношений с лидерами иракских курдов и неоднократно принимал их в Анкаре. Посредством прямых и регулярных контактов с ними Турция рассчитывала сделать более эффективной борьбу с ПКК, а также влиять непосредственно на происходившие в Северном Ираке процессы [182, с. 59].

После войны в Заливе новым элементом турецкой дипломатии в ирак-

ском направлении стала проблема туркман – третьего по численности после арабов и курдов этноса в Ираке, которые проживали главным образом на Севере – Керкуке, Мосуле, Эрбиле, Сулеймании, Мендели, а также в других частях страны. Полное игнорирование их национально-культурных прав, которых баасистская пропаганда именовала не иначе, как «*пришлых гостей*», «*турецких агентов на иракской территории*» и т.д., дополнялось и усиливалось ассимиляторской политикой правящего режима, проводившего в районах компактного проживания массовую «арабизацию» населения, имевшей целью изменить демографическую ситуацию [50, с. 249]. Туркманы подвергались также насильственной «курдизации», поскольку на районы их проживания претендовали и курды, неоднократно заявлявшие о своих притязаниях. В свете активизации после войны в Заливе так называемой «проблемы Мосула и Керкука» – двух крупных нефтеносных районов, которые до I мировой войны входили в состав Османской империи, а затем по Лозаннскому договору (1923) были переданы под юрисдикцию Ирака, защита прав туркман – основного этноса этих городов стала одним из ведущих направлений политики Анкары в Северном Ираке. Со второй половины 90-х годов эта проблема приобрела для турецкой дипломатии новое звучание, когда линия на углубление отношений с ирако-курдскими партиями и группировками, в первую очередь ДПК и ПСК, направленная на изоляцию и вытеснение ПКК, не дала реальных результатов [34, с.90]. В свете обострившихся с конца 90-х годов отношений с ДПК, установившей фактический контроль над прилегавшим к турецкой границе ареалом и открыто заявившей о своих притязаниях на Мосул и Керкук, официальная Анкара вынуждена была внести корректировки в свою «иракскую политику». Выступая с позиции сохранения территориальной целостности Ирака, она стремилась добиться признания законных прав туркман со стороны мирового сообщества [42, с. 184].

В посткризисный период в ирако-турецких отношениях были такие сферы, где наблюдался определенный прогресс. К ним в первую очередь можно отнести торгово-экономическое сотрудничество, на которое, однако, серьезное влияние оказывал режим санкций. Укрепление и развитие взаимовыгодных

партнерских отношений отвечала интересам обеих сторон. Для Ирака Турция была одной из немногих стран, через которую осуществлялись необходимые контакты с Западом. Хотя восстановление торгово-экономических сношений с ослабленным, но имевшим значительные сырьевые ресурсы и обширный рынок Ираком со всех точек зрения было выгодно для Турции, она строго придерживалась условий выполнения санкций, особенно на начальных этапах [294, с. 218]. Деловые круги страны, пострадавшие от нарушения традиционных связей между двумя странами, пытались воздействовать на правительство и смягчить его позицию в данном вопросе. «Иракская политика» Анкары была объектом частой критики и политической элиты, среди которой выделялась влиятельная оппозиционная партия левого толка – ДСП во главе с Б.Эджевитом, поддерживавшего хорошие личные контакты с высшим иракским руководством. Он был одним из немногих известных политиков, который в разгар кувейтского кризиса побывал в Багдаде. По окончании войны, в октябре 1991 г. и декабре 1992 г. он посетил иракскую столицу и встречался с лидерами страны [7, с.143].

Процесс нормализации двусторонних связей начался в 1993 г., когда стороны договорились о восстановлении дипломатических отношений. С 1994 г. встречи и контакты между ними приобрели регулярный характер. В июне заместитель премьер-министра и председатель НРП М. Караялчин посетил Багдад и был принят С.Хусейном. В ходе переговоров была достигнута договоренность об открытии пограничного пункта Хабур, через который с августа 1994 г. начала осуществляться доставка в Ирак предусмотренных санкциями ООН продовольствия, медикаментов и других товаров. Однако, немалая часть торговых сношений через этот пункт приходилась на долю нелегальной торговли.

В сентябре в Багдаде побывала делегация политических и деловых кругов Турции, которая провела многочисленные встречи с официальными лицами страны. В результате было подписано несколько соглашений, которые предусматривали создание для турецких бизнесменов режима наибольшего благоприятствования и готовность иракской стороны приобретать все необходимые товары в Турции, причем большая часть торговых операций из-за ее финансо-

вых затруднений должна была осуществляться путем бартера. Именно в этот период началась активная кампания по смягчению санкций и возобновлению работы двух нефтепроводов – Керкук-Юмурталык и Керкук-Джейхан. В ходе визита в Вашингтон в октябре 1994 г. премьер-министр Турции Т.Чиллер высказалась за открытие нефтепровода Керкук-Юмурталык в обход международных санкций [32, с. 334]. Эта же проблема обсуждалась во время визита в Анкару министра иностранных дел Ирака М.С. ас-Саххафа в феврале 1995 г.

Во второй половине 90-х годов торгово-экономическое сотрудничество продолжало оставаться ведущим направлением двусторонних отношений. Многолетняя борьба за открытие нефтепровода Керкук-Юмурталык увенчалась успехом в конце 1996 г. Вашингтон, придававший большое значение роли Турции в регионе, пошел навстречу ее настойчивым просьбам и согласился на экспорт 50% иракской нефти в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» по ее территории. Это шаг фактически вывел торгово-экономические отношения между ними за рамки режима эмбарго.

Что касается двусторонних политических отношений, то приходится констатировать, что они в указанный период характеризовались своей неустойчивостью и противоречивым характером. К концу 90-х годов наметилась тенденция к их нормализации – визит в Анкару вице-преьера Ирака Т.Азиза в феврале 1999 г. придал им позитивный импульс. В феврале 2000 г. делегация турецких политиков и бизнесменов во главе с государственным министром Т.Тоскаем посетила Багдад. В том же году между двумя странами было восстановлено железнодорожное сообщение, а также заключено соглашение о строительстве газопровода. В декабре 2000 г. ВНСТ приняло решение поднять дипломатическое представительство страны в Багдаде до уровня посольства [104, с. 142]. 19 января 2001 г. посол Турции М.Акат вручил свои верительные грамоты С.Хусейну и официально приступил к исполнению обязанностей.

Однако между двумя странами имелись проблемы, которые не позволяли поднять их уровень до подлинно добрососедских. Одним из камней преткновения в двусторонних отношениях продолжала оставаться проблема водных ре-

сурсов Тигра и Евфрата. Ирак мотивировал свои претензии тем, что Турция употребляет воду этих рек больше установленных норм по квоте, причем ему удалось скоординировать свои позиции с Сирией. Заручившись поддержкой ЛАГ, они начали оказывать давление на нее, а арабские страны, частично финансировавшие строительство Биреджикской ГЭС, отказались от своих обязательств и пытались препятствовать кредитованию этого проекта международными финансовыми структурами [43, с. 91]. Нападки на Турцию усилились после подписания с Израилем в начале 2001 г. проекта Менавгатского водозабора.

Ко второй половине 90-х гг. двусторонние отношения, испытывавшие на себе негативный фон кувейтского кризиса, в целом под влиянием общих интересов стабилизировались. В начале XXI века сотрудничество двух стран в различных сферах начало набирать возрастающие темпы. В указанный период ряд крупных турецких фирм – РАМ, ТЕКФЕК, ГАМА, МЕТИШ развернули свою деятельность в Ираке. Их усилиями уже в 2001 г. стоимость товарооборота между ними возросла с 350 млн. долл. до 720 млн. [182, с. 191]. Однако расклад сил на международном и региональном уровнях вокруг иракской проблемы продолжал воздействовать на характер и динамику их развития.

Анализируя региональную политику Ирака в 90-е годы XX века, отметим, что она характеризовалась резким скачком деловой активности с рядом стран региона, в первую очередь, арабскими. Содействуя Багдаду в восстановлении его утраченных международных позиций и экономических связей, они исходили из того, что длительная изоляция Ирака в целом ослабляла арабские ряды. Обладавший значительным экономическим потенциалом и богатыми природными ресурсами, Ирак продолжал рассматриваться как важный участник интеграционных процессов в регионе. Выражением стремления возродить тесные межарабские контакты стала инициатива Багдада о создании единого экономического пространства между Ираком, Сирией, Ливаном и Иорданией. В то же время, в ряде арабских стран не скрывали отрицательного отношения к иракскому режиму и личности С.Хусейна.

Таким образом, можно констатировать, что в 90-е годы XX века политика

Ирака на Ближнем Востоке сталкивалась с политическими и экономическими вызовами со стороны как региональных, так и глобальных центров влияния, что создавало серьезные препятствия курсу по выходу страны из международной изоляции и «размывание» режима санкций. Попытки Ирака реинтегрироваться в политическое и экономическое пространство региона могли способствовать не только улучшению политического климата в стране, но открыть дополнительные возможности для урегулирования иракской проблемы в целом.

IV ГЛАВА

ИРАКСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

4.1. Углубление иракского кризиса и война 2003 года

На рубеже XX-XXI веков в системе международных отношений произошли серьезные изменения, которые преломлялись сквозь призму новых угроз и вызовов обширному ареалу, включающей и Ближний Восток. Если во второй половине XX века региональная ситуация во многом определялась соперничеством двух супердержав – США и СССР, то в указанный период центр тяжести международной политики и борьбы ведущих мировых акторов переместился на Ближний Восток, где обострившиеся проблемы сделали его средоточием конфликтности и нестабильности [149, с. 231].

Поворотным событием начала XXI века стали террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. Они выявили качественно новый вызов не только США, но и сложившемуся мировому порядку в целом. Обеспечение международной безопасности на глобальном уровне и ответы на вызовы требовали пересмотра существующих политических концепций и формирования походов, адекватных новым реалиям [184, с. 117]. Согласно концептуальному осмыслению системы международных отношений, основная опасность для нового мирового порядка и глобальной стабильности исходила от так называемых «государств-изгоев», режимы которых обвинялись в поддержке международного терроризма и стремлении овладеть ОМУ, проведении агрессивной политики, нарушении прав человека и т.д. Связь между ними и известными террористическими организациями привела к тому, что входившие в эту группу государства стали характеризоваться как «*террористические*» [84, с. 95].

После событий 11 сентября борьба с терроризмом превратилась для Вашингтона в приоритетную задачу. В своем ежегодном выступлении «О положении в стране» в Конгрессе 29 января 2002 г. 43-й президент США Дж.Буш-мл.

охарактеризовал теракты 11 сентября как *«первую войну XXI века»* [145, с. 3] и заявил о необходимости начала глобальной борьбы против терроризма и поддерживающих его сил и государств. Он впервые использовал термин «ось зла» применительно к таким странам, как Иран, Ирак и Северная Корея и заявил, что государства, сосредоточенные в «оси зла», *«покровительствуют международному терроризму и оказывают ему всестороннюю помощь, чем ставят мир перед серьезной угрозой»* [145, с. 4].

После падения власти Талибан в Афганистане в октябре 2001 г. в результате военной операции американо-британской коалиции «Несокрушимая свобода», источником мировой террористической угрозы был объявлен иракский режим, который обвинялся в продолжении разработок ОМУ и поддержке международного терроризма, в том числе и «аль-Каиды». По словам Дж.Буша-мл., *«Ирак превратился в серьезный источник угрозы для мира и стабильности Ближнего Востока и Залива, а неадекватные и противоправные действия С.Хусейна могут иметь трагические последствия не только для данного региона, но и для всего свободного мира»* [145, с. 5]. Это заявление, а также выступления других представителей Вашингтонской администрации свидетельствовали о начале пропагандистской кампании по подготовке общественного мнения в стране и за ее пределами для решения иракской проблемы силовыми методами [118, с. 107].

На протяжении 10 лет после кувейтского кризиса иракский режим был удобной мишенью для угроз Вашингтона, который рассматривал новую военную акцию как завершение «незавершенного дела». Ее логическим концом должно было стать свержение диктаторского режима С.Хусейна. У администрации Дж.Буша-мл. сформировалось мнение о том, что только кардинальное решение иракской проблемы способно в полной мере удовлетворить американские военно-политические и экономические интересы в регионе [277, с. 94]. Теракты 11 сентября 2001 г. послужили удобным поводом для перехода Вашингтона к активным действиям, и с этого времени его политика в иракском направлении стала приобретать жесткий, ультимативный характер.

Наряду с этим прорабатывались и другие варианты смещения С.Хусейна – от создания условий для его добровольного ухода с политической арены, организации государственного переворота, свержения в результате выступления вооруженной оппозиции при поддержке США, вплоть до проведения масштабной военной операции [196, с.147]. После 11 сентября необходимость осуществления военной акции против Ирака на том основании, что он представляет угрозу национальной безопасности США, стала практически неизбежной – было решено, используя все средства, в том числе и военные, ликвидировать режим С.Хусейна до 2005 г. [213, с. 97].

Объявив в качестве второй мишени антитеррористической операции войну против режима С.Хусейна, официальный Вашингтон не скрывал, что речь не идет о бомбардировках американо-английской авиацией иракской территории по образцу 1996 или 1998 гг., а о полномасштабной операции, нацеленной на его свержение. В данном контексте актуальность необходимости обоснования распространения на Ирак антитеррористической операции в том понимании, в каком она была реализована в Афганистане, отпала и на передний план вышли обвинения в его адрес в продолжении программ по ОМУ [210, с. 33].

Если в период подготовки и осуществления операции «Буря в пустыне» мировое сообщество в целом одобрило военную акцию по освобождению Кувейта, то в отношении силового решения иракской проблемы Вашингтон мог столкнуться с определенными трудностями. Для мотивации своих действий предстояла серьезная работа на всех уровнях, и в целом весь 2002 г. прошел под знаком дипломатической и военной подготовки операции, но при этом считалось целесообразным продолжать использовать механизмы СБ ООН. Известно, что еще в 2001 г. США пытались «зажать» иракский режим с помощью так называемых «умных санкций». Их суть сводилась к тому, что санкции приобретали адресный характер и подразумевали некоторое облегчение экономического блока при одновременном усилении контроля над поставками в Ирак товаров и технологий двойного назначения. Кроме того, иракским руководителям отказывалось в получении въездных виз, предусматривалось отслеживание их зару-

бежных счетов, а также арест в случае необходимости [280, с. 96].

«Умные санкции» предполагалось ввести одновременно с началом очередного этапа программы «Нефть в обмен на продовольствие». Однако Россия, Китай и Франция выражали серьезные сомнения по поводу их жизнеспособности, поэтому до достижения консенсуса был предложен компромиссный вариант – СБ ООН продлил действие программы «Нефть в обмен на продовольствие» только на три месяца; за это время американцы и их союзники – британцы должны были убедить его колеблющихся членов в эффективности своего плана [197, с. 216]. В результате мощного прессинга все члены СБ ООН, за исключением России, согласились поддержать «умные санкции». Россия пригрозила наложить вето на англо-американский проект, поэтому его решили не ставить на голосование, что, однако, не означало, что Вашингтон и Лондон отступили – был взят тайм-аут для «работы» с Москвой. Голосование по проекту предполагалось провести повторно в начале июня 2001 г., когда истекал срок действия очередного этапа программы «Нефть в обмен на продовольствие».

В целом, попытки Вашингтона действовать в иракском направлении в рамках СБ ООН не только не принесли ожидаемого результата, а наоборот наблюдавшиеся среди ее постоянных членов серьезные разногласия и столкновения интересов стали работать против самих США. Эта линия четко просматривалась при обсуждении и принятии резолюций СБ ООН №1382 от 29 ноября 2001 г. и №1402 от 14 мая 2002 г., когда в результате закулисных игр представителей России и Франции уже одобренный американский проект резолюции подвергся серьезной корректировке, большинство его требований были смягчены, некоторые же вовсе сняты [291, с. 35]. Поэтому администрация Дж. Буша в сложившейся ситуации предпочитала действовать в двух направлениях – параллельно с активной деятельностью в рамках СБ ООН и интенсивными политико-дипломатическими шагами начала подготовку к кризисному разрешению иракской проблемы. Однако успешная реализация обоих вариантов была невозможна без обязательного учета целого ряда факторов, в том числе глобальной геополитической ситуации, позиции ведущих мировых и региональных ак-

торов, общей динамики региональных процессов и ситуативного состояния внутрииракских проблем и т.д.

Для обоснования своих целей Вашингтонская администрация проводила диверсифицированную идеологическую и политическую подготовку и стремилась представить дело таким образом, что политико-дипломатические усилия по выводу из тупика процесса урегулирования иракского кризиса неэффективны, и с режимом С.Хусейна никакого конструктивного диалога не получится, ибо он понимает только «язык силы». При этом преследовались две цели: запутать мировое сообщество, и в первую очередь страны – объекты будущих акций о степени своих намерений и действий; настроить американскую общественность на «волну» антипатии к таким режимам и показать их опасность для жизнедеятельности США. Необходимо отметить, что политическое поведение и действия официального Багдада в тот период также не способствовали снижению уровня напряженности – он продолжал игнорировать призывы мирового сообщества допустить экспертов ЮНМОВИК в страну и разрешить мониторинг военной промышленности на предмет выявления ОМУ и средств его доставки [64, с. 78]. В то же время, анализ заявлений иракских лидеров того периода свидетельствовал об осознании ими того факта, что за действиями Вашингтона стоит не очередное бряцание оружием с целью заставить его выполнить требования мирового сообщества, а целенаправленная военно-политическая, дипломатическая и пропагандистская подготовка для нанесения решающего военного удара. На это указывала также интенсивная переброска и размещение на американских военно-воздушных и военно-морских базах вблизи иракских границ крупных воинских контингентов [207, с. 217].

Однако Багдад продолжал маневрировать, пытаясь выиграть время в надежде на то, что острые разногласия между ведущими мировыми державами и перехлестывание их интересов на глобальном и региональном уровнях позволят ему выйти из тупика. В то же время невозможно было игнорировать тот факт, что подавляющее большинство ведущих государств, в том числе и те, кто поддерживал Ирак, выступали с единых позиций в вопросе скорейшего разре-

шения проблемы международных экспертов. Это линия была подтверждена на состоявшемся в Нью-Йорке неофициальном заседании СБ ООН, где обсуждалась возможность принятия более «жесткой» резолюции по Ираку. Осознав, что дальнейшее противостояние с международным сообществом бесперспективно и бессмысленно, в феврале 2002 г. С.Хусейн вынужден был объявить о готовности начать переговоры по возобновлению деятельности экспертов ЮНМОВИК в стране, о чем официально был извещен Генеральный секретарь ООН К.Аннан. Во время его встречи с министром иностранных дел Ирака Н.Сабри в марте того же года было заявлено, что Ирак должен безоговорочно выполнить все соответствующие резолюции СБ ООН и *«первым шагом в этом направлении будет возобновление без каких-либо предварительных условий сотрудничества с экспертами ЮНМОВИК»* [152].

Между тем Багдад пытался продолжить свою, на наш взгляд, непродуманную конфронтационную линию поведения – в апреле 2002 г. ввел 30-дневное эмбарго на поставки нефти за рубеж, рассчитывая тем самым оказать экономическое давление на ведущие страны. Министр нефти Ирака М.Рашид заявил: *«Сейчас неважно, что последует за этим, какой будет реакция США, ускорит ли такая мера американскую кампанию против Ирака. Главное в данный момент – защита достоинства арабской нации»*. Он призвал арабские и другие мусульманские государства последовать его примеру и поддержать его шаги [185, с. 110]. Однако большинство стран региона скептически отнеслись к решению объявить нефтяное эмбарго. Даже Иран, который был сторонником использования против Запада «нефтяного оружия», не присоединился к иракской акции, объяснив свою позицию тем, что она должна быть только коллективной. Поэтому демарш Багдада, не получивший ожидаемой поддержки стран региона, потерпел фиаско.

Вслед за неудачной попыткой экономического давления иракские власти предприняли политико-дипломатические шаги с тем, чтобы заручиться поддержкой влиятельных международных организации и ряда ведущих мировых держав. 3 сентября 2002 г. в рамках Саммита Земли в Йоханнесбурге состоя-

лись двусторонние переговоры между главой иракской делегации вице-премьером Т.Азизом и Генеральным секретарем ООН К.Аннаном. Ведущей темой переговоров стал кризис между Ираком и США и определение возможных путей выхода из создавшейся тупиковой ситуации [96, с. 46]. Отметим, что за день до этого в Москве прошла встреча министра иностранных дел Ирака Н.Сабри с главой российского МИДа И.Ивановым. На повестке дня помимо обсуждения политических и экономических аспектов двусторонних отношений стоял вопрос о предотвращении готовящейся войны. И.Иванов подтвердил, что российское руководство выступает только за политическое решение кризиса на основе соответствующих резолюций СБ ООН. На пресс-конференции он заявил о наличии достаточных возможностей для нахождения политического урегулирования иракского кризиса и предупредил, что любые силовые акции в отношении Ирака не только осложнят урегулирование проблемы, но и подорвут ситуацию в Заливе и на Ближнем Востоке. Была также подтверждена российская позиция о необходимости возвращения в Ирак международных экспертов как обязательного условия для снятия международных санкций. Отвечая на актуальный вопрос, будет ли Россия использовать право вето в СБ ООН, если США понадобятся необходимые санкции для вторжения в Ирак, Иванов уклонился от прямого ответа и заявил, что *«Россия надеется, что в СБ ООН вопрос о силовой акции поставлен не будет, и соответственно, не потребуются право вето»* [154, с. 108]. Но в Багдаде понимали, что она не пойдет на резкое обострение отношений с США ради малообоснованных выгод от их будущего сотрудничества. Уклончивость ответов И.Иванова указывала и на то, что Москве на данном этапе невыгодно было связывать себя конкретными обязательствами.

Аналогичный подход к событиям был высказан в ходе визита Н.Сабри в Пекин в конце августа 2002 г. Министр иностранных дел Китая Т.Цзясюань воздержался от официального заявления по поводу американских военных планов и призвал Багдад не препятствовать возобновлению деятельности международных экспертов [150, с. 99].

Между тем, во второй половине 2002 г. администрация Дж.Буша работала

в направлении не поиска путей компромиссной развязки иракской проблемы, а наоборот, путем давления и ультиматумов добиться безоговорочного допуска в страну международных экспертов и обязательного выполнения Ираком требований соответствующих резолюций СБ ООН. Анализ заявлений и выступлений представителей американского истеблишмента в тот период позволяет сделать вывод об их стремлении развязаться с «иракским узлом» любыми доступными способами, включая военно-силовые методы, которые «выглядели наиболее вероятными» [203, с. 45]. Это косвенно подтвердило и выступление Дж.Буша на заседании СБ ООН 12 сентября 2002 г., когда он заявил, что «США обладают правом военной гегемонии и защиты своих жизненных интересов всеми доступными средствами» [242]. В то же время Вашингтон стремился доказать, что режим С.Хусейна представляет опасность для всего международного сообщества. Ирак обвинялся в разработках ОМУ и сотрудничестве с террористическими организациями, прежде всего с «аль-Каидой», хотя достоверных данных, подтверждавших эти утверждения, не были обнаружены, о чем директор ЦРУ Дж.Теннет неоднократно докладывал президенту Дж.Бушу [197, с.181].

7 октября 2002 г. Дж.Буш обратился с посланием к американскому народу, в котором объявил, что багдадский режим находится накануне реализации своей ядерной программы и в ультимативной форме потребовал выполнения следующих условий: Ирак должен признать наличие ОМУ и ликвидировать его арсеналы; положить конец политике поддержки международного терроризма; положить конец преследованиям гражданского населения в стране; прекратить идущую вразрез санкций ООН незаконную продажу нефти; дать исчерпывающие сведения обо всех военнопленных, в частности об американских пилотах, предположительно содержащихся в иракских тюрьмах. Он заявил, что в случае отказа Ирака от выполнения этих требований «*в конфликт должен вмешаться ООН*», если же «*он не будет способен разоружить Ирак, то выполнение этой задачи ляжет на США*» [308].

В октябре 2002 г. американо-британский альянс представил на рассмотрение СБ ООН проект «жесткой» резолюции по Ираку, который предусматривал

немедленный допуск в страну экспертов ЮНМОВИК, расширение числа подлежащих мониторингу объектов на ее территории и включение в этот список восьми президентских дворцов. Ираку отводилось семь дней с момента принятия резолюции СБ ООН, чтобы известить Генсека ООН о своем согласии с ее требованиями и 30 дней – на передачу в ООН списка всех объектов, имевших отношение к военным программам по ОМУ. В случае невыполнения хотя бы одного из этих требований любое государство-член ООН получало право использования всех необходимых для ее реализации средств, что на деле означало одностороннее применение силы против Ирака [3, с. 96].

Отметим, что этот проект вызвал ожесточенную дискуссию в СБ ООН – Россия, Франция и Китай в резкой форме выступили против этих требований, что фактически привело к очередному кризису [210, с. 33]. Наибольшую активность в ходе дебатов проявила Франция, которая предлагала двухэтапную модель урегулирования. Французский план, поддержанный Россией и Китаем, на первом этапе предусматривал отправку в Ирак международных экспертов и возобновление их миссии. В случае препятствий их деятельности со стороны иракских властей, обо всех фактах нарушений эксперты должны немедленно сообщить в СБ ООН. На этом этапе применение силы исключалось полностью. На втором этапе для обсуждения ситуации предусматривалось созвать чрезвычайное заседание СБ ООН, на котором только после одобрения 9 из 15 ее членов, в том числе и всех 5 постоянных членов можно было принять резолюцию о применении силы против Ирака [108, с. 96].

Что касается России, то она не проявляла активности на этом этапе обсуждений, предпочитая поддержать позицию Франции. По словам директора Центра международной безопасности ИМЭМО РАН А.Арбатова, она *«пыталась одновременно сохранить хорошие отношения с США, Францией и Германией, Багдадом, а вдобавок еще и с виртуальным будущим руководством Ирака. Но развитие ситуации все более ставило вопрос ребром и делало разные интересы Москвы все менее совместимыми: партнерство с США и недопущение военного удара по Ираку; особые отношения с Вашингтоном и*

координация политики с Парижем и Берлином; поддержание связей с Хусейном и обеспечение своих интересов после вероятной смены режима; приверженность конечной цели снятия с Ирака санкций ООН и поддержание высоких мировых цен на нефть» [64, с. 78]. Несмотря на интенсивные военные приготовления и концентрацию англо-американских войск в Заливе, Москва фактически проявила безразличие, не сделав ни одного сколько-нибудь твердого и знакового официального заявления. Так, единственным шагом российской дипломатии явилась поездка Е.Примакова в Ирак незадолго до начала войны. Впоследствии он так описывал встречу с С.Хусейном в Багдаде: «Я вылетел в Багдад после разговора с Президентом В.Путиным, который поручил мне незамедлительно и лично передать его устное послание С.Хусейну. Смысл послания заключался в призыве уйти с поста президента и обратиться к парламенту с призывом провести демократические выборы... Выслушав это, Саддам молча похлопал меня по плечу и ушел...» [161, с. 321-322].

Хотя предложенный Францией план не отвечал интересам американо-британского альянса, однако во избежание новой конфронтации в СБ ООН постоянный представитель США при ООН Дж.Негропonte отозвал их совместный с Британией проект резолюции. Между тем, 10 октября 2002 г. Конгресс США проголосовал за специальную «Совместную резолюцию, разрешающую использование американских вооруженных сил против Ирака» за №114, которая давала полномочия президенту «использовать американские вооруженные силы как он решит необходимым и подобающим для защиты национальной безопасности от продолжающейся угрозы со стороны Ирака и осуществления соответствующих резолюций СБ ООН» [304, с.154].

При этом Вашингтон продолжал политико-дипломатические усилия, стремясь максимально использовать механизмы ООН. 22 октября 2002 г. постоянный представитель США при ООН внес на рассмотрение СБ новый проект резолюции по Ираку, в котором частично были учтены французские предложения. Особенностью новой редакции проекта было то, что она не предусматривала применения в одностороннем порядке силы против Ирака. Хотя ма-

ховик войны был пущен, тем не менее Вашингтон считал целесообразным принятие СБ ООН соответствующей резолюции. В результате длительных дипломатических маневров 8 ноября 2002 г. СБ ООН единогласно, включая голоса России, Франции и Китая, а также непостоянного члена СБ Сирии принял резолюцию №1441. Такое единодушие было связано с тем, что проблема распространения ОМУ и опасность его использования различными террористическими группировками рассматривались как реальная угроза глобальной безопасности. Принятая резолюция имела компромиссный характер и открывала дорогу к возобновлению международных инспекций в Ираке и последующему снятию санкций. В документе определялись обязательства сторон: до 15 ноября Ирак объявлял о принятии ее условий, 18 ноября директор МАГАТЭ М. аль-Барадеи и глава группы международных экспертов Х.Бликс, а 25 ноября все эксперты должны прибыть в Багдад. До 8 декабря Ирак обязуется представить им всю документацию по программам ОМУ. 23 декабря группа экспертов должна была произвести мониторинг любого объекта на территории Ирака, в том числе обладала правом неограниченного доступа в президентские резиденции. Не позднее 21 февраля эксперты обязаны были завершить свою деятельность в Ираке и представить в СБ ООН соответствующий Отчет [334]. Только на его основании международное сообщество могло выработать согласованные действия и определить дальнейшие шаги по урегулированию проблемы.

Хотя СБ ООН единогласно проголосовал за «смягченный вариант» резолюции, а ведущие государства расценили ее, как документ, отводящий реальную угрозу войны и открывающий путь к политическому урегулированию кризиса, 12 ноября 2002 г. на специальном заседании иракский парламент отклонил ее условия как *«агрессивные, жесткие и нарушающие суверенитет и национальное достоинство страны»* [401, с. 326]. Однако уже через день, 13 ноября СРК и руководство правящей партии Баас выразили готовность *«прислушаться к требованиям международного сообщества»*, а сам С.Хусейн заявил, что *«он готов пойти наперекор решению парламента»* [401, с. 368]. Но и после этого выполнение условий резолюции столкнулось с серьезными трудно-

стями, прежде всего, из-за неготовности и нежелания Багдада к реальному сотрудничеству с международными структурами. Только под жестким давлением членов СБ ООН, ряда арабских стран и угрозы немедленного начала военных действий власти вынуждены были принять волю международного сообщества.

В январе 2003 г. Вашингтон провел некоторые пропагандистские меры с целью подвигнуть руководство ООН, ЕС, НАТО и ОБСЕ занять жесткую позицию в отношении Ирака, добиться полного выполнения резолюции СБ ООН №1441, потребовать от иракского лидера признать наличие ОМУ и под предлогом разоружения по мандату ООН ввести в страну американские войска. С 27 января 2003 г. в СБ ООН начались слушания промежуточных докладов глав ЮНМОВИК и МАГАТЭ по итогам двухмесячной инспекции в Ираке. По словам главы ЮНМОВИК Х.Бликса, иракское руководство *«на самом деле не вняло призыву разоружиться»* [237, с. 76]. Госсекретарь США К.Пауэлл заявил, что *«Ирак не обеспечил активного, немедленного и безоговорочного сотрудничества, которого потребовал СБ ООН в резолюции №1441»*, а постоянный представитель США при ООН Дж.Негропонте высказался в том духе, что, возможно, *«окно для дипломатических возможностей закрывается»* [334].

Реакция ЕС на внешнеполитические заявления и действия США была неоднозначной. Среди членов ЕС наметился раскол на их союзников и оппонентов. К группе европейских сторонников политики Вашингтона в иракском вопросе принадлежали Великобритания, Португалия, Дания, Нидерланды, Италия, Испания, а также ряд стран Центральной и Восточной Европы, которые в тот период являлись кандидатами на вступление в ЕС. Польша, Венгрия, Чехия, будучи членами НАТО, также поддерживали его позицию. Подходы Великобритании, Дании и Португалии не вызвали удивления, поскольку они традиционно были проатлантически ориентированными государствами в ЕС. Для Дании и Португалии партнерство с США и НАТО всегда служило основным гарантом не только их безопасности, но и безопасности всех членов ЕС. Вхождение Испании и Италии в группу сторонников США стало политическим выбором их правительств, чем выражением неизменной политической стратегией

[194, с. 93]. 30 января 2003 г. было опубликовано так называемое «письмо восьми», подписанное главами пяти членов ЕС и трех стран-кандидатов, в котором выражалась поддержка любых действий США, в том числе и военных, для разоружения Ирака.

Что касается других государств-членов ЕС, лагерь которых возглавляли Франция и Германия, то они выступали против военного решения иракской проблемы. К этой группе примыкали и те европейские страны, которые традиционно придерживались нейтралитета или неприсоединения – они выражали обеспокоенность в связи с войной и отсутствием резолюции, санкционирующей применение силы. Отказ некоторых стран ЕС от участия в силовых действиях объяснялось не столько тем, что они выступали против военных действий в принципе, а сколько опасениями, что США, осуществляя собственные цели, предлагали Европе *«безоговорочно принять участие в их реализации»* [111, с. 107]. После обнародования «письма восьми» кризис в ЕС достиг своего пика.

Разногласия в рамках СБ ООН, ЕС и НАТО вынудили администрацию Дж.Буша прибегнуть к различным тактическим шагам для того, чтобы избежать прямого столкновения с ведущими центрами сил. Вашингтон привел в действие пропагандистскую машину и СМИ, которые обладали мощным воздействием на формирование общественного мнения. Используя эти же идеологические каналы, он усилил нападки на иракский режим. 28 января 2003 г. Дж.Буш в ежегодном послании американскому народу обвинил С.Хусейна в нежелании разоружаться и связях с «аль-Каидой». Он заявлял, что в соответствии с резолюциями №№678 и 687, а также №1441, в случае, если Ирак полностью и немедленно не разоружится, США и их союзники оставляют за собой право прибегнуть к крайним действиям [241].

5 февраля 2003 г. по инициативе американского представителя Дж.Негропonte в Нью-Йорке было созвано заседание СБ ООН. В своем выступлении Госсекретарь США К.Пауэлл пытался убедить его членов в нарушении Ираком резолюции №1441, представив их вниманию перехваты телефонных разговоров иракских представителей, снимки ряда объектов, в том числе химического заво-

да и мобильных лабораторий по производству ОМУ. Он обвинил иракские власти в связях с «аль-Каидой», заявив, что на его территории *«нашла приют смертельно опасная террористическая сеть, возглавляемая другом и соратником У. бен Ладена – Абу Мусаибом аз-Заркави»*; Ирак также поставляет палестинским группировкам оружие и деньги, а «ХАМАС», «Исламский Джихад» и «Ансар аль-Ислам», связанные с организацией «аль-Каида», имеют свои офисы в Багдаде. К.Пауэлл расценил действия Ирака как *«угрозу международной безопасности»* и призвал СБ ООН принять *«незамедлительные, тяжелые решения»* [334]. Однако его попытка доказать, что Ирак поддерживает связи с международным терроризмом, не убедила Россию, Францию и Китай, которые выступали за продолжение работы международных экспертов в стране. Посол Ирака в ООН М. ад-Дури назвал представленные К.Пауэллом доказательства *«лживыми»* – они, по его словам, *«могли быть легко сфабрикованы спецслужбами с учетом современного развития технологий»*. Он подчеркнул, что все инспекции в Ираке проводятся внезапно, без предварительного уведомления и *«международные эксперты нигде не обнаружили следов ОМУ, о чем было заявлено в докладе главы ЮНМОВИК Х.Бликса»* [87]. М. ад-Дури расценил выступление К.Пауэлла как попытку убедить мировое сообщество, и прежде всего самих американцев, в необходимости войны против Ирака.

Что касается арабских стран, то пропагандистская кампания и обвинения в адрес Ирака о наличии ОМУ не привели к существенным изменениям в их позициях – большинство продолжали выступать против силового решения проблемы. Арабские лидеры опасались того, что военный исход подорвет межарабские отношения и негативно скажется на политической и экономической ситуации в регионе. Решение Багдада о возобновлении деятельности международных экспертов дало, пусть и небольшую, надежду, что мирное решение кризиса и то, что компромисс по разоружению Ирака будет найден в рамках правового поля ООН. Однако доклада К.Пауэлла практически свел на нет их ожидания – стало ясно, что военной акции не удастся избежать, поэтому основные усилия были сосредоточены на том, чтобы выйти из нее с наименьшими морально-

политическими и экономическими потерями. Напомним, что в американских военных базах в зоне Залива на постоянной основе дислоцировалось порядка 35 тыс. военнослужащих. К началу 2003 г. военная группировка насчитывала уже более 150 тыс. человек [207, с. 267].

После доклада К.Пауэлла в СБ ООН сложилась патовая ситуация – поскольку постоянные члены придерживались диаметрально противоположных позиций по иракскому урегулированию, то на рассмотрение было вынесено два разных документа. Один из них – подготовленный США, Великобританией и Испанией проект резолюции о применении против Ирака «адекватных мер», который открывал путь войне. Другой – Меморандум по ситуации в Ираке, разработанный Францией, Германией и Россией, направленный на мирное решение проблемы. В нем отмечалось, что *«полное и эффективное разоружение в соответствии с резолюциями СБ ООН остается императивной целью международного сообщества. Приоритетом должно быть достижение этой цели мирным путем через режим инспекций, поэтому экспертам необходимо дать время и ресурсы. Альтернатива войне все еще имеется. Военное решение должно оставаться крайним средством»* [189].

Между тем, 14 февраля 2003 г. в Нью-Йорке началось открытое заседание СБ ООН, на котором при участии министров иностранных дел пяти постоянных членов были заслушаны промежуточные доклады глав ЮНМОВИК и МАГАТЭ о ходе инспекций в Ираке. Глава ЮНМОВИК Х.Бликс заявил, что результаты химического и бактериологического анализа взятых экспертами проб в целом подтвердили данные декларации Ирака об отсутствии запасов ОМУ. По его словам, за 11 недель мониторинга ситуация в сфере технического содействия Багдада экспертам улучшилась, а инфраструктура и масштабы операций ЮНМОВИК значительно выросли. Х.Бликс заявил о возможности разоружения Ирака путем инспекций, аналогичной позиции придерживался и глава МАГАТЭ М. аль-Барадеи [237, с.109]. Хотя выводы Отчета были обнадеживающие, интересы ведущих мировых держав, преследуемые ими цели и их противостояние на геополитическом уровне, не позволили в столь драматической

ситуации добиться разумных компромиссов. Выступая против планов Вашингтона, ведущие государства исходили, прежде всего, из собственных интересов и понимали, что победа в войне окончательно утвердит США в статусе единственной супердержавы на международной арене, что не отвечало их стратегическим целям. Однако сложилось так, что оппоненты США сами не смогли создать эффективный и действенный антиамериканский альянс и выступить реальной альтернативой их планам в регионе.

На этапе подготовки к силовому решению иракской проблемы одним из важных направлений деятельности Вашингтона стало формирование международной коалиции. Располагавший достаточными военными возможностями для проведения акции самостоятельно, он нуждался в политической поддержке своих планов со стороны максимально большего числа стран. В результате интенсивных политико-дипломатических усилий США удалось заручиться поддержкой 47 государств. Степень их готовности внести вклад в военную акцию изменялась от высказывания политической поддержки и предоставления американским военным контингентам национального воздушного пространства до выделения военного контингента для участия в боевых действиях и их обеспечения. Ряд государств заняли выжидательную позицию с тем, чтобы иметь возможность скорректировать свою политику в зависимости от обстоятельств.

Вашингтон стремился также заручиться поддержкой или, по меньшей мере, нейтралитетом ключевых государств Ближнего Востока, прежде всего арабских, чтобы избежать нежелательных для себя и своих союзников последствий военной операции. Желая убедить их лидеров в необходимости проведения жесткой антииракской политики, США акцентировали внимание на угрожающем характере иракского режима для своих соседей. Однако подавляющее большинство арабских стран выступали за решение иракской проблемы мирными средствами, при этом каждая из них мотивировала свою позицию по-разному. Общую точку зрения арабского мира выразил Генеральный секретарь ЛАГ А.Муса, который 27 февраля 2003 г. выступил с заявлением, где говорилось: *«ЛАГ, в состав которой входит 22 арабские страны, настаивает на раз-*

решении иракского кризиса мирными средствами и под эгидой ООН, особенно после того, как Ирак согласился на возвращение в страну международных экспертов. Ни одна страна – член ЛАГ не примет участия в американо-британском ударе по Ираку» [99].

В начале февраля 2003 г. на рассмотрение СБ ООН был направлен американский проект резолюции по Ираку. Выступление на заседании постоянного представителя США Дж.Негропonte носило ультимативный характер – он заявил, что «использование право «вето» любым их 5 постоянных членов автоматически будет означать одностороннее применение силы против иракского режима». Постоянный представитель Великобритании в ООН Дж.Гринсток распространил официальный документ с шестью требованиями – С.Хусейн должен дать разрешение на выезд из страны 30 ученым с семьями; Ирак должен предъявить все имеющиеся у него беспилотные летательные аппараты, а также сообщить обо всех деталях проведенных им испытаний специальных устройств для этих аппаратов, которые могут распылять химическое и бактериологическое оружие, предъявить экспертам все мобильные мощности по производству биологического и химического оружия.

В тяжелейшем цейтноте 14 февраля 2003 г. С.Хусейн вынужден был подписать указ о запрете ввоза и производства ОМУ, но этот шаг мало, что менял для США, которые уже нацелились на войну. 15 марта 2003 г. для обсуждения ситуации вокруг Ирака МИД Франции предложил провести экстренное заседание СБ ООН на уровне министров иностранных дел. Американо-британский альянс, который столкнулся с серьезным противоборством в СБ ООН, решил сыграть на опережение – 16 марта накануне начала закрытых слушаний по Ираку на саммите «трех» (президент США Дж.Буш, британский премьер-министр Т.Блэр и премьер-министр Испании Х.М.Аснар) на Азорских островах было заявлено, что для принятия новой резолюции СБ ООН даются сутки, в противном случае они *«берут на себя обязательства и права по применению односторонних и самостоятельных шагов»* [360], что по существу означал ультиматум. Поэтому на начавшихся с 17 марта в СБ ООН закрытых слушаниях по Ираку на

обсуждение был вынесен только франко-российско-германский меморандум, направленный на поиск путей мирного выхода из кризиса. В документе использование военной силы характеризовалось как крайнее средство, для применения которого время еще не пришло. Что касается американо-британо-испанского проекта резолюции, то его решили не ставить на голосование из-за опасений применения «вето».

17 марта 2003 г., то есть за четыре дня до истечения срока представления ЮНМОВИК и МАГАТЭ полного Отчета о своей работе, Дж.Буш в обращении к нации потребовал, чтобы С.Хусейн и его сыновья добровольно отказались от власти и покинули Ирак в течение 48 часов [147]. После отказа С.Хусейна принять американский ультиматум война, о неизбежности которой говорилось в течение двух лет, стала реальностью [88]. Кризис вступил в свою заключительную фазу – 20 марта 2003 г. коалиционные силы США, Великобритании и Австралии начали военную операцию под кодовым названием «Иракская свобода». Из 47 стран-участников коалиции 19 – оказали только политико-дипломатическую поддержку, 14 – предоставили воздушное пространство и выразили готовность выделить миротворцев и подразделения обеспечения. Только 8 государств (США, Великобритания, Австралия, Испания, Польша, Украина, Чехия и Япония) направили свои войска в состав коалиционных сил.

Хорошо спланированная и тщательная подготовленная операция была проведена успешно и в короткие сроки. План военной операции состоял из трех частей: 1. Массированная атака с воздуха против стратегических объектов и уничтожение системы ПВО Ирака; 2. Ликвидация пусковых площадок «Скадов» в западной части страны, а также уничтожение военно-морских сил в Умм Касре; 3. Путем максимально быстрого продвижения сухопутных войск коалиции на Багдад уничтожение всех имеющихся очагов сопротивления. В отличие от операции «Буря в пустыне», 12 лет спустя войска коалиции начали наземное наступление без проведения длительной операции на воздухе. Непосредственным плацдармом для вторжения стала территория Кувейта. Командование коалиции планировало организовать и северный фронт, однако отказ парламента

Турции разрешить развертывание американских войск в стране значительной степени помешало осуществлению этого плана [182, с.125]. Иракская армия, о морально-боевом духе которой и преданности «вождю-руководителю» С.Хусейну столько говорилось, оказалась мифом, она не была готова для ведения напряженных боев в условиях непрерывного и массированного воздействия авиации противника и других средств поражения. Несмотря на большую численность (были мобилизованы 400 тысяч солдат, составивших 26 дивизий, имелась также ударная сила в виде 40 тыс. федаинов) и наличие значительного количества, пусть даже устаревшего вооружения и техники, иракская армия не смогла выступить как мощная, обученная современным способам ведения боевых действий сила, способная оказать эффективное сопротивление войскам коалиции. В первые же дни военной кампании система ПВО была практически разрушена, радары и командные центры были уязвимы. К началу апреля 2003 г. силы коалиции приблизились к Багдаду, а 9 апреля иракская столица была взята без сопротивления [341, с. 225]. Двигаясь в северном направлении, 15 апреля коалиционные войска заняли родной город С.Хусейна – Тикрит, завершив активную фазу военных действий.

Таким образом, военные действия завершились «блиц»-победой коалиции, которая добились основной цели – ликвидации иракского режима во главе с С.Хусейном. Можно констатировать, что прогнозы относительно успешного проведения военной части операции по причине абсолютного военно-технологического превосходства сил коалиции полностью оправдались. Что касается политической стороны вопроса, то отметим, прежде всего, что иракский кризис стал индикатором политических процессов, которые происходили в системе международных отношений. Он подтвердил лидирующую роль США, в то же время показал, что и другие центры политического влияния могут активно вмешиваться в процессы. Однако их возможности были ограничены, прежде всего, в силу того, что задачи обеспечения глобальной и региональной безопасности и стабильности требовали принятия в отношении иракского режима кардинальных мер, которые могли устранить исходившие от него угрозы.

Партия Баас, правившая Ираком в течение почти 35 лет, единолично и монопольно определявшая его социально-экономическое и политическое развитие, внутреннюю и внешнюю политику, покинула политическую арену. Коллапс режима однопартийной диктатуры во главе с С.Хусейном, которая теснейшим образом была сращена с системой административного и хозяйственного управления, привел к основательному вакууму власти в стране. Вскоре деятельность партии Баас в Ираке была запрещена и ей отказывалось в праве быть частью политической системы страны [73, с. 142].

4.2. Основные векторы внешней политики Ирака в первые послевоенные годы

По завершении военных действий общая стратегическая линия Вашингтона, связанная со строительством нового Ирака, состояла в формировании такой политической системы, которая по форме была бы легкоуправляемой, а по сути – демократической альтернативой диктаторскому режиму С.Хусейна. Объявив официально с 1 мая 2003 г. об окончании войны, Дж.Буш заявил, что *«основной целью коалиции станет реконструкция Ирака и создание условий, необходимых для его возвращения к суверенному и независимому статусу»*. Уход С.Хусейна, по его словам, *«откроет дорогу к реинтеграции страны в мировое сообщество, обеспечит иракскому народу достойное существование, свободное от репрессий и посягательств на его жизнь и безопасность»* [81]. Это, в свою очередь, должно было создать реальные условия для улучшения регионального климата и восстановления международных контактов с Ираком, который в течение 12 лет находился в тисках режима санкций.

22 мая 2003 г. по инициативе англо-американского альянса СБ ООН принял резолюцию №1483, которая положила конец применяемым с 1991 г. международным санкциям и режиму эмбарго, а также наметила общие подходы мирового сообщества к проблемам послевоенного обустройства Ирака. Она определила также принципы организации его политической системы при сохранении территориальной целостности и суверенитета страны, подтвердив

особые полномочия, ответственность и обязанности США и Великобритании, которые в соответствии с международными нормами были признаны оккупационными силами. Функции управления Ираком до формирования международно-признанного правительства страны и передачи ему властных полномочий были возложены на временную коалиционную администрацию (ВКА) [335]. Принятие этой резолюции фактически легитимизировало оккупацию и открыло путь к международному сотрудничеству в иракских делах.

Хотя США взяли на себя основные функции по послевоенному переустройству Ирака, в соответствии с указанной резолюцией в этот процесс были привлечены такие финансовые структуры, как Всемирный банк (ВБ) и Международный валютный фонд (МВФ). При их участии был создан Фонд развития Ирака, который осуществлял контроль над нефтяными доходами страны от реализации программы «Нефть в обмен на продовольствие» и их распределением, обеспечением гуманитарных нужд населения, финансированием программ по восстановлению экономики и инфраструктуры, а также разоружением и покрытием расходов временной администрации [335]. 16 октября 2003 г. СБ ООН проголосовал за резолюцию №1551 о расширении роли международного сообщества в послевоенном восстановлении Ирака и создании многонациональных сил под эгидой ООН [170].

Отметим, что создание новых органов исполнительной власти в Ираке и передача им суверенных властных полномочий получили широкую международную поддержку. 29 июня 2004 г. Ирак восстановил дипломатические отношения с США, а в июле с Германией и Францией. В июле временное правительство назначило послов в 43 странах, включая США и все соседние страны, а также ряде ведущих государств Европы и Азии. В том же месяце посольство Китая возобновило свою деятельность в Багдаде. После снятия с Ирака торгово-экономических санкций был открыт путь к возвращению в страну иностранных компаний, хотя существовала вероятность аннулирования большинства контрактов, заключенных при прежнем режиме [176, с. 101].

После создания в Ираке временного правительства МВФ заявил о его

признании, однако оказание помощи увязывалось с решением Парижского клуба кредиторов о списании части 120 млрд. долл. долга страны, из которых 60-65% являлись долгами, а остальные – процентами по выплатам. Наиболее крупными кредиторами Ирака были Саудовская Аравия (25 млрд. долл.), Кувейт (12,5 млрд. долл.), ОАЭ и другие монархии Залива (17,5 млрд. долл.), Россия и Франция – по 8-10 млрд. долл., США и Германия – по 5 млрд. долл. Поэтому проблема реструктуризации внешнего долга и оказания иностранной помощи для восстановления страны были в центре внимания переговоров главы Временного Управляющего Совета Ирака (ВУСИ) А.-А. аль-Хакима в ходе посещения им Германии, Великобритании, Франции, Италии, Испании, России и ОАЭ [2, с.14]. Выяснилось, что в обмен на их списание полностью или частично, либо продление сроков погашения, указанные страны заинтересованы в гарантированном обеспечении их компаниям возможности активно участвовать в послевоенном восстановлении Ирака, возобновлении заключенных при прежнем режиме контрактов.

США предпочитали держать в своих руках основные рычаги в процессе восстановления и реконструкции Ирака – американским компаниям и связанным с ними до 500 международным агентствам, удалось уже на его начальном этапе заключить контракты на выполнение различного рода субподрядных работ на общую сумму 6 млрд. долл. [105, с.116]. Наряду с этим в Вашингтоне понимали, что решение многочисленных проблем Ирака возможно только при активном участии и широком использовании возможностей других стран. В 2004 г. ВУСИ принял закон №39, который позволял зарубежным инвесторам иметь в этой стране коммерческие структуры со 100% иностранным капиталом и менеджментом [216, с. 21].

Идя навстречу настоятельным призывам Вашингтона, в ноябре 2004 г. 19 государств-членов Парижского клуба кредиторов объявили о согласии списать 80% внешних долгов Ирака в три этапа. Согласно достигнутому соглашению, 30% из них списывались немедленно, 30% – в сотрудничестве с программой МВФ и 20% – в зависимости от успешного осуществления плана МВФ [2,

с. 15]. США полностью списали иракские долги. Соглашение о реструктуризации внешнего долга позволило открыть экономику страны для внешнего мира, значительно повысив ее инвестиционную привлекательность.

По мере формирования постоянных органов власти Багдад стал более настойчиво действовать в направлении упрочения внешнеполитических позиций страны и расширения ее международных связей. Главным внешним партнером Ирака оставались США, которые оказывали ему разностороннюю помощь; именно в Вашингтоне определялись приоритетные направления его внутренней и внешней политики. Еще одним важным вектором иракской внешней политики стало европейское направление, которое охватывало экономическую, политическую и гуманитарную сферы, причем связи осуществлялись как в рамках ЕС, так и на уровне отдельных европейских стран [343, с. 153].

После создания легитимных органов власти – избрание президента и формирование правительства, ведущие государства и различные международные организации активизировали свое участие в процессе строительства нового Ирака. Строя и развивая с ним отношения, они стремились, с одной стороны, способствовать укреплению центральной власти и ее международных позиций, с другой – закрепиться на иракском политическом и экономическом пространстве. Важным шагом в налаживании полноценного сотрудничества с Ираком, поддержке политического процесса, содействии экономическому восстановлению и реконструкции страны, а также оказании ей помощи в обеспечении стабильности и правопорядка стала международная конференция по Ираку под эгидой США и ЕС в Брюсселе (июнь 2005 г.), в работе которой приняли участие до 80 представителей различных стран и организаций [208]. Для иракского правительства это было первой возможностью заручиться международной поддержкой своих планов политических и экономических реформ. США и ЕС обратились к кредиторам частично или полностью списать иракские долги, а также лоббировали прием Ирака во Всемирную торговую организацию (ВТО) и его более тесное сотрудничество с МВФ. Проведение конференции под эгидой США и ЕС указывало на то, что столкновение интересов вокруг Ирака, как это

наблюдалось накануне войны, в определенной степени было преодолено и страны-члены Евросоюза стали привлекаться к активному участию в иракском политическом процессе. ЕС объявил об открытии в Багдаде своей постоянной миссии, которая должна была способствовать углублению сотрудничества с Ираком. Участники конференции также обратились к государствам, не представленным в Парижском клубе – Саудовской Аравии, Кувейту, ОАЭ, Бразилии, Китаю и Индии списать часть иракского долга, либо согласиться на его возврат по частям [2, с.15]. Хотя единой позиции по этому вопросу не удалось достичь, тем не менее, было решено создать специальное агентство для координации донорской помощи.

Иракское правительство при всей своей многоплановой зависимости от США пыталось проявить большую самостоятельность во внешней политике. Оно активно и в целом успешно действовало в направлении развития разносторонних связей со многими государствами и добилось определенного прогресса в вопросе внешних долгов. Подтверждением стремления багдадских властей наладить и развивать многосторонние партнерские отношения с европейскими странами стало посещение в сентябре 2004 г. президентом Г. аль-Яваром Бельгии, Германии, Италии и Польши, а премьер-министром А.Алави – Великобритании и Германии. В июне 2005 г. вновь избранный премьер-министр И. аль-Джафари посетил Вашингтон, а также принял участие в саммите «большой восьмерки» в Лондоне [401, с. 320].

В указанный период одним из важных направлений деятельности Багдада было привлечение инвестиций в страну и получение от международных донорских организаций финансовой помощи, необходимой для оздоровления общего климата, восстановления экономики и инфраструктуры, а также других сфер жизнедеятельности. В целом эта линия увенчалась успехом – четвертая конференция стран-доноров Ирака (июль 2005, Амман) приняла решение об оказании ему крупной финансовой помощи. Так, ВБ предоставил заем на сумму в 500 млн. долл. для осуществления проектов по строительству объектов инфраструктуры, а также подготовку реформы системы образования. ЕС обязался вы-

делить Багдаду финансовую помощь в размере 1,25 млрд. евро, из которых 130 млн. евро должны были пойти на восстановление и развитие базовых служб и отраслей экономики [52, с.116]. Наряду с финансированием социально-экономических проектов, страны ЕС активно участвовали в подготовке иракской армии и сил безопасности. В сентябре 2005 г. вблизи Багдада была открыта Военная академия, выпускающая ежегодно до 1000 офицеров сил безопасности и правопорядка [343, с. 54].

После парламентских выборов 2005 г. и формирования легитимных органов власти процесс политического переустройства Ирака вошел в новую фазу развития. По времени он совпал с началом второго срока пребывания в Белом доме президента Дж. Буша-мл., для администрации которого иракский вектор продолжал оставаться ведущим направлением деятельности. Неслучайно в ноябре 2005 г. был обнародован обширный по объему документ под названием «Национальная стратегия победы в Ираке», в котором в общих чертах были определены задачи и обозначены способы достижения победы. С этой целью был разработан трехэтапный план – *«в краткосрочной перспективе Ирак добивается устойчивого прогресса в борьбе с терроризмом, прохождении политических вех, строительстве демократических институтов и формировании сил безопасности»*, *«в среднесрочной перспективе Ирак сам обеспечивает свою безопасность при легитимном правительстве»*, а *«в долгосрочной перспективе Ирак становится мирным, единым, стабильным и защищенным, хорошо интегрированным в международное сообщество государством и партнером в борьбе с терроризмом»* [309].

В июле 2006 г. Багдад с однодневным визитом посетил президент Дж. Буш, который заявил о твердой поддержке иракского правительства и обещал не спешить с выводом американских войск до окончательной стабилизации обстановки в стране. Ухудшение ситуации в сфере безопасности могло отрицательно сказаться на имидже США как супердержавы, затормозить выполнение стратегических целей как в самом Ираке, так и регионе в целом [249, с. 92]. Успешное же продвижение «иракского опыта» могло создать хорошие перспек-

тивы для борьбы с диктаторскими режимами «государств-изгоев» и содействовать общей демократизации региона. Наряду с этим, в Вашингтоне понимали, что пришла пора возложить определенную часть *«иракского бремени»* на плечи союзников и международных структур и *«разделить с ними ответственность за положение дел в этой стране»* [198, с. 238]. Подключение их к процессу переустройства Ирака в принципе отвечало интересам США, поскольку способствовало нормализации отношений с союзниками и служило созданию механизма совместной ответственности по решению многочисленных проблем.

Наряду с этим, события в Ираке побуждали Вашингтон искать новые, более действенные пути стабилизации обстановки. По решению Конгресса США была создана специальная комиссия – «Группа по изучению Ирака» (ГИИ или комиссия Бейкера-Гамильтона), которая тщательно изучив ситуацию на месте, в декабре 2006 г. представила Дж.Бушу Отчет. Комиссия рекомендовала создать специальную международную группу содействия Ираку, в состав которой предлагалось включить представителей всех пяти постоянных членов СБ ООН, ЕС, сопредельных стран, Египта и государств Залива [219, с. 248].

10 января 2007 г. Дж.Буш объявил о новых подходах к решению проблемы стабилизации обстановки в Ираке, которые нашли отражение в стратегии под названием «Новый путь вперед» или «Большая волна». Согласно ее положений, в Ирак в дополнение к 132-тысячному контингенту планировалось направить еще 21,5 тыс. военнослужащих, а также осуществить меры по усилению охраны его границ. В речи Дж.Буша обращало на себе внимание два аспекта: первый – это мысль о том, что универсальной формулы урегулирования ситуации в Ираке не существует, второй – поспешный вывод американских войск лишь усугубит ее, а также приведет к усилению позиций экстремистских и террористических групп во всем регионе. 3 сентября 2007 г. состоялся незапланированный визит президента Дж.Буша-мл. в Багдад. По возвращении в Вашингтон он объявил о намерении вывести из Ирака к декабрю 2007 г. 5,7 тыс. военнослужащих, а к июлю 2008 г. – сократить их численность до 130 тыс., поскольку, по его словам, *«военные цели операции в Ираке по большей ча-*

сти решены». В то же время Дж.Буш отметил, что «означенная дата не указывает на полную победу США; о победе в этой стране можно будет говорить лишь тогда, когда демократия распространится на весь арабский мир». Однако и в этом случае «демократия в Ираке не будет совершенной», но «эта страна будет сражаться с террористами, а не укрывать их, чем обеспечит мир и безопасность в регионе» [242].

В связи с указанными процессами на передний план вышла проблема определения будущей формы ирако-американских отношений, которая предусматривала установление стратегического сотрудничества в военно-политической, финансово-экономической, технической областях, а также в сфере безопасности. После войны 2003 г. двусторонние отношения прошли сложный путь, что было связано, прежде всего, с изменением статуса Ирака – от оккупации и полной зависимости от США до восстановления суверенитета во внешней и внутренней политике. 28 ноября 2007 г. была подписана «Декларация о принципах дружбы и сотрудничества между США и Республикой Ирак», а 17 ноября 2008 г. состоялось подписание соглашения о статусе американских войск в Ираке, которое определяло условия их нахождения в стране после 31 декабря 2008 г., когда истекал срок действия мандата коалиционных сил. Документ, подписанный министром иностранных дел Ирака Х.Зибари и послом США в Багдаде Р.Крокером, предусматривал полный вывод американских войск из страны до конца 2011 г.; согласование всех военных операций с местными властями; передачу иракскому командованию полного контроля над воздушным пространством страны; недопустимость использования территории Ирака для нападения на другие страны [249, с.101].

Серьезное ухудшение ситуации в сфере безопасности в 2006-2007 гг. не только повлияло на изменение иракской стратегии Вашингтона, но также оказало негативное воздействие на деятельность ведущих международных организаций и задействованных в Ираке стран. Для выработки практических мер по стабилизации обстановки 10 марта 2007 г. в Багдаде прошла международная конференция на уровне послов, в работе которой приняли участие представите-

ли пяти постоянных членов СБ ООН, соседних с Ираком государств, стран-членов ЛАГ и ОИК (ОИС). Еще одним шагом по стабилизации ситуации в сфере безопасности стала Международная конференция по Ираку на уровне министров иностранных дел в египетском Шарм аш-Шейхе (3-4 мая 2007 г.). Представительный форум собрал глав внешнеполитических ведомств постоянных членов СБ ООН, министров иностранных дел соседних с Ираком арабских стран, а также Генеральных секретарей ООН, ЛАГ, ОИК (ОИС), представителей ЕС, ряда международных организаций – ВБ, МВФ, Арабского валютного фонда, Исламского банка развития, ОЭС – в общей сложности делегации из 63 стран, 12 международных и региональных организаций. На конференции был принят так называемый «компакт-план» совместных действий международного сообщества по оказанию помощи и содействия политическому и социально-экономическому развитию Ирака на ближайшие 5 лет [164]. 4 мая там же состоялась министерская конференция по безопасности и стабильности, в работе которой участвовали главы МИД и представители 15 стран (соседи Ирака, 5 постоянных членов СБ ООН, Германия, Италия, Канада, Япония), делегации ООН, ЛАГ и ОИК (ОИС).

Несмотря на серьезные проблемы с развитием политического процесса иракские власти прилагали усилия по укреплению позиций страны на внешней арене. Одним из приоритетных направлений их деятельности оставалась проблема реструктуризации внешнего долга. К 2007 г. были подписаны соответствующие соглашения с 19-ю странами-членами Парижского клуба кредиторов, а также урегулирован вопрос внешней задолженности с 37 государствами вне его рамок. Успешно развивались политические и экономические связи Ирака с рядом ведущих европейских стран – Великобританией, Францией, Германией, Италией и др. Одновременно иракское руководство выступало за диверсификацию внешних связей и стремилось развивать многоплановое сотрудничество с азиатскими гигантами – Японией, Китаем и Южной Кореей.

Одним из важных векторов иракской внешней политики было углубление многосторонних отношений с ведущими международными структурами, среди

которых ЕС отводилась особая роль. Взаимоотношения по оси Багдад-Брюссель получили новый импульс после подписания в 2007 г. «Соглашения о сотрудничестве и взаимной торговле», который рассматривался как очередной шаг на пути вступления Ирака в ВТО [89]. Визиты премьер-министра Н. аль-Малики в ряд стран ЕС в апреле 2008 г., его переговоры в Брюсселе с членами Еврокомиссии, участие во второй конференции ООН по вопросам будущего Ирака (Стокгольм, 29-31 мая 2008 г.) показывали заинтересованность Багдада в углублении сотрудничества с ведущими международными структурами. По итогам конференции делегации из 83 стран и 12 международных организаций приняли «Стокгольмскую декларацию», которая предусматривала оказание Ираку более широкой и разносторонней помощи. К этому времени иракский парламент уже принял нормативно-правовые акты, выведившие иностранных инвесторов, действовавших на энергетическом рынке страны, из-под налогообложения и сборов на десятилетний период, а также гарантировавшие, что проекты с участием зарубежных инвесторов на нефтегазовом рынке не будут конфискованы или национализированы [343, с. 154]. Несмотря на это, призыв Н. аль-Малики окончательно решить судьбу иракских долгов не нашел должного отклика, так как международный бизнес ожидал улучшения инвестиционного климата в стране, обеспечения безопасных и привлекательных условий работы для иностранных предпринимателей.

Особенно сильно в иностранных инвестициях нуждалась нефтегазовая отрасль Ирака. В апреле 2008 г. Министерство нефти Ирака объявило международные тендеры на разработку и добычу нефти в шести месторождениях, в том числе Маджнун, Западная Курна-2, Халфия, Багдад Восточный, Харраф, Куайра, Наджма, Бадра, Кифил Западный, Кифил Марджан, группа месторождений в провинции Дияла, в которых участвовали 35 транснациональных корпораций. Итоги тендера распределились так: месторождение Маджнун – британско-голландская «Ройал Датч-Шелл» и малазийская «Петронас»; Халфия – французская «Тоталь», китайская КННК и малазийская «Петронас»; Куайра и Наджма – ангольская компания «Сонангол»; Гарраф – малазийско-японский

консорциум во главе с «Петронас»; Румейла – британская «Бритиш Петролеум» и КННК. Российский консорциум во главе с «Лукойлом» (доля – 63,75%, 11,25% – у норвежской «Статойл», 25% – у иракской стороны) выиграл тендер на оказание сервисных услуг по проекту «Западная Курна-2». Дочерняя компания крупнейшего газового монополиста «Газпромнефть» выиграла схожий тендер на месторождение Бадр в центральном Ираке (170 тыс. бар. в сутки). Нефтяные месторождения в провинциях Кербела, Наджаф, Дияла, Найнава и в районе Багдада из-за проблем с безопасностью были сняты с торгов [73, с. 212].

В продолжение активной нефтяной политики для полноценного возвращения в международную нефтяную элиту на сессии ОПЕК в декабре 2009 г. в Луанде (Ангола) Ирак добился рассмотрения вопроса об определении страны статуса и включении ее как члена в действующую систему квот. С ноября 2009 г. возобновила свою деятельность традиционная международная Багдадская торгово-промышленная ярмарка, которой отводилась весомая роль в привлечении иностранных инвесторов в экономику страны.

Отметим, что уже с конца 2008 г. в связи с истечением срока действия мандата ООН воинские контингенты большинства стран-участниц многонациональных сил покинули Ирак. На 1 августа 2009 г. на его территории остались только американские войска [196, с. 542].

Что касается ирако-американских отношений при президенте Б. Обаме, избранном на этот пост в ноябре 2008 г., то иракский вектор оставался важным направлением внешней политики новой администрации. В инаугурационной речи 20 января 2009 г. и «Национальной стратегии безопасности» (май 2010 г.) иракской тематике было уделено внимание – предусматривался *«ответственным образом»* передать Ирак в руки самих иракцев путем *«постепенного вывода войск»*, чтобы *«не поставить под угрозу достигнутые улучшения в сфере безопасности»*. Оценивая иракскую политику в целом, Б.Обама наряду с критикой некоторых аспектов деятельности своих предшественников, заявил, что Вашингтон продвигается *«в правильном направлении»*, хотя *«цели в этой стране по-прежнему не достигнуты»*, поэтому *«предстоит проделать еще*

большую работу» для «дальнейшей стабилизации региона с привлечением других государств» [310]. Премьер-министр Н. аль-Малики выразил готовность Ирака сотрудничать с новой администрацией и заявил, что надеется на преемственность ее политики в иракском направлении. Он отметил, что Багдад нуждается в американской помощи для восстановления страны не меньшей степени, чем, когда вел борьбу с терроризмом.

О повышенном внимании к Ираку со стороны новой Вашингтонской администрации свидетельствовал тот факт, что в апреле 2009 г. в Багдаде побывали президент Б.Обама, Госсекретарь Х.Клинтон и глава Комитета Начальников Штабов армии США адмирал М.Маллен. В программной речи – обращении к исламскому миру, с которым Б.Обама выступил 4 июня 2009 г. в Каире, был специальный раздел, посвященный Ираку. Он заявил: *«Я хочу сказать иракскому народу, что мы не собираемся оккупировать его землю и его ресурсы. Он способен управлять своей страной сам. Поэтому к 2012 г. мы полностью выведем свои войска из Ирака. Мы хотим видеть в Ираке партнера и друга, а не врага» [158].*

Особое внимание в этот период стороны уделяли вопросам состояния и развития двусторонних отношений. С этой целью в начале июля 2009 г. Багдад посетил вице-президент Дж.Байден, который отвечал за иракское направление, затем в Вашингтоне с ответным визитом побывал Н. аль-Малики. Визит главы иракского правительства в США, итоги его переговоров с высшими лицами администрации показали, с одной стороны, заинтересованность сторон в продолжении и развитии многопланового сотрудничества, с другой – подтвердили наличие разногласий в их подходах по нормализации ситуации в стране. Б.Обама заверил Н. аль-Малики, что вывод американских войск из Ирака завершится до конца 2011 г., а создание на его территории постоянных военных баз не планируется. Он рекомендовал иракскому премьер-министру быть более гибким в вопросах использования силы при решении внутренних проблем и дать возможность властям провинций играть большую роль в принятии решений. В Вашингтоне Н. аль-Малики сделал важное заявление о том, что срок пребывания

ния американских войск в стране может быть продлен, если иракским силам потребуются дополнительная подготовка и поддержка. Он провел также переговоры с главой Пентагона Р.Гейтсом, обсудив вопросы поставок вооружения и военной техники для иракской армии и обучения ее личного состава.

В ходе ответного визита Р.Гейтса 28-29 июля 2009 г. в Багдад были обсуждены вопросы обеспечения безопасности, увеличения военных поставок и ускорения сроков их доставки. 15-17 сентября 2009 г. состоялся еще один визит вице-президента Дж.Байдена в Багдад, во время которого были рассмотрены проблемы продвижения политического процесса в стране и препятствия на его пути. Он посетил также столицу КАР Эрбиль, где встречался с М.Барзани и другими курдскими лидерами [73, с. 173].

31 августа 2010 г. Б.Обама официально объявил о завершении военных действий в Ираке, при этом подчеркивалось, что миссия в стране пока не окончена, а лишь завершилась ее боевая фаза, работу продолжит гражданский персонал и силы, которые передадут ответственность местным силам безопасности. В связи с изменением мандата 1 сентября операция «Иракская свобода» была переименована в «Новый рассвет». В официальной церемонии передачи иракским властям ответственности за обеспечение безопасности и правопорядка участвовали вице-президент США Дж.Байден и министр обороны Р.Гейтс.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в связи с выводом из Ирака американских войск наблюдалась тенденция постепенного ослабления влияния США в этой стране. С одной стороны, Багдад пытался проводить более независимый политический курс, с другой – находился в зависимости от США, которые не намерены были сдавать своих позиций – слишком много средств и усилий было вложено в «иракский проект». Особенно сильные рычаги воздействия они сохраняли в вопросах военного строительства и обеспечения безопасности, где собственные возможности Ирака были явно недостаточны. Он также остро нуждался в американской экономической и финансовой помощи. Часть иракской политической элиты выступала за развитие тесного сотрудничества с США в различных сферах. Вашингтонская администрации в свою очередь счи-

тала необходимым продолжать оказывать Ираку многоплановую помощь, в том числе для укрепления сил безопасности и экономики [192, с. 61]. По мнению ряда американских экспертов, уменьшение объема выделяемой помощи могло негативно отразиться на развитии стратегического партнерства и привести к ослаблению влияния США в Ираке.

В связи с анализом основных направлений внешней политики Ирака, считаем целесообразным подробнее остановиться на динамике его взаимоотношений с ведущими государствами, проанализировать основные аспекты их сотрудничества в первые послевоенные годы.

Учитывая традиционно тесные связи между Ираком и СССР (Россией), анализ начнем с рассмотрения ирако-российских отношений в указанный период. Прежде всего отметим, что свержение режима С.Хусейна и оккупация Ирака в 2003 г. существенно ограничили возможности России оказывать воздействие на развитие ситуации в этой стране. Москва довольно сдержанно реагировала на усилия США создать в Ираке новую политическую систему, выжидая прояснения обстановки. Время от времени представители российского истеблишмента делали малозначимые заявления о готовности *«принять более широкое участие в восстановлении экономики и инфраструктуры Ирака»*, оказать ему *«содействие в достижении национального согласия и налаживания в этих целях внутрииракского диалога с участием всех здоровых сил общества»* [122, с. 137]. Но, думается, что в Москве осознавали, что занимаемая в ходе иракского кризиса позиция не позволит ей претендовать на ведущие роли в послевоенных процессах, поэтому иракская тематика на время отошла на задний план. Правда, там оставалось несколько российских организаций, которые участвовали на завершающем этапе гуманитарной программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» и реализации заключенных в ее рамках контрактов, в том числе около 350 специалистов продолжали работать в восстановлении ТЭЦ в Басре, Насирии и пригороде Багдада.

После окончания активной фазы военной операции усилия Москвы сосредоточились главным образом на защите своих экономических интересов в

Ираке, но в сложившихся условиях трудно было рассчитывать на это и, как следствие, – уже к началу 2004 г. объем двустороннего товарооборота резко сократился. Однако, это не означало, что двусторонние контакты полностью прерывались. В июле 2003 г. Москву с рабочим визитом посетил лидер ПСК Дж.Талабани, который в тот период представлял лишь курдскую общину страны. Он был принят министром иностранных дел России И.Ивановым; в ходе встречи обсуждались и общеиракские проблемы [139, с. 328]. В июле 2004 г. в Москве побывал министр иностранных дела Ирака Х.Зебари, который пытался добиться либо списания части внешнего долга, либо отсрочки его выплаты. Россия, как известно, относилась к числу главных кредиторов Ирака, долг которого составлял, по разным данным, 8-10 млрд. долл. В ходе переговоров с российским руководством было заявлено, что оно рассматривает вопрос об иракских долгах в общем контексте двусторонних отношений и рассчитывает стать одним из основных участников процесса восстановления страны. Отметим, что при дипломатической поддержке государства ряд российских компаний пытались договориться с новыми иракскими властями об их участии в восстановлении некоторых базовых отраслей экономики, особенно в энергетической сфере. Однако Министерство нефти Ирака заявило, что это может произойти только после принятия Закона о нефти, на основании которого будут проведены международные тендеры, и они наряду с другими компаниями смогут на общих основаниях участвовать в разработке нефтяных и газовых месторождений [109, с. 66].

30 августа 2004 г. президент В.Путин подписал указ, который отменил действовавшее в течение 14 лет эмбарго на поставки российского вооружения и военной техники в Ирак. Это произошло после принятия СБ ООН резолюции, предусматривавшей создание новой иракской армии и сил безопасности вместо распущенной в мае 2003 г. саддамовской армии и полиции [154, с. 109].

В декабре 2004 г. в рамках своего турне по странам Европы премьер-министр Ирака А.Алави посетил Москву, где встречался с В.Путиным и другими официальными лицами. В ходе переговоров главное внимание сторон было со-

средоточено на определении приоритетных направлений двустороннего сотрудничества, в том числе в военной и экономической областях. А.Алави заявил, что Ирак продолжает рассматривать Россию как сверхдержаву и будет строить отношения с ней соответствующим образом, но в то же время не считает себя связанным обязательствами, взятыми во времена правления С.Хусейна, и настаивает на их полном пересмотре. В.Путин выразил поддержку новых иракских властей, готовность сотрудничать с ними и подтвердил намерение России оказывать необходимое содействие в послевоенном восстановлении страны. В вопросе списания иракского долга он заявил, что Россия *«в одностороннем порядке ничего делать не будет. Проблему надо решать в рамках Парижского клуба, членом которого она является»* [122, с. 197].

Активизация двусторонних отношений стала наблюдаться со второй половины 2005 г., когда возобновились контакты на государственном уровне. Во время визита в Москву в сентябре 2005 г. министра иностранных дел Х.Зибари основное внимание было уделено вопросам списания иракского долга и российского участия в реализации экономических проектов. Позиция России заключалась в выводе коалиционных сил из страны, однако это должно было осуществляться параллельно с урегулированием внутренних проблем, созданием органов государственной власти и национальной армии, достижением национального примирения. В ноябре 2005 г. Багдад посетил глава Совета безопасности России И.Иванов, который заявил о готовности тесно взаимодействовать с новым иракским правительством для укрепления традиционно дружественных отношений, обеспечения устойчивого развития страны, а также своего участия в проектах по восстановлению экономики и инфраструктуры [154, с. 110]. В ноябре 2005 г. в Эрбиле состоялось открытие Генерального консульства России, второе предусматривалось открыть в Басре.

В ходе визита в Москву главы МИД Х.Зибари в феврале 2008 г. было подписано Межправительственное соглашение об урегулировании иракской задолженности по ранее предоставленным кредитам. Министр финансов А.Кудрин объявил о списании Россией 65% его государственного долга в обмен на предо-

ставление возможности осуществлять инвестиции в экономику страны. В 2008 г. во время визита в Багдад заместителя министра иностранных дел России А.Салтанова и президента «Лукойл» В.Алекперова была достигнута договоренность о создании совместной рабочей группы по актуализации контракта Западная Курна и об участии «Лукойл Оверсиз» в будущих тендерах по новым проектам. В сентябре 2009 г. Багдад посетил министр энергетики России Н.Шматько, который провел переговоры с премьер-министром Н. аль-Малики о строительстве российскими компаниями двух газопроводов и модернизации электростанций Юсифийя и Дибис [109, с. 67].

Отметим, что эволюция подходов Москвы в отношении внутрииракских процессов способствовала созданию благоприятного климата для развития двустороннего экономического сотрудничества. Избранная линия принесла свои плоды – в 2008 г. значительно активизировались экономические связи в таких сферах, как транспортировка нефти и электроэнергетика. Был подписан Протокол между «Стройтрансгазом» и Северной нефтяной компанией Ирака о проведении мониторинга нефтепровода Керкук-Баниас с возможным привлечением российской компании в качестве генерального подрядчика для выполнения полного спектра ремонтно-восстановительных работ на нефтепроводе. В области электроэнергетики компания «Силовые машины» работала по проекту поставок энергетического оборудования для ТЭС «Дибис». В 2006 г. «Силовые машины» добились возобновления заключенного в 2001 г. контракта с генеральной компанией по электрическим проектам на поставку оборудования для ГЭС «аль-Адаим». Компания «Технопромэкспорт» выиграла тендер на восстановление двух блоков ТЭС «Харта», а также начала переговоры об условиях и сроках завершения работ на ТЭС «Юсифия». 12 декабря 2009 г. «Лукойл» совместно с норвежской компанией «Статойл» выиграла тендера на разработку месторождения Западная Курна-2 [154, с. 112].

Относительная стабилизация внутривосточной обстановки и усиление контроля правительства над ситуацией в стране породили у властей желание обрести свободу действий и дистанцироваться от США. Поэтому сближение с

Россией рассматривалось в плане придания внешней политике Ирака более сбалансированного характера. В данном контексте знаковым событием стал визит в Москву в апреле 2009 г. премьер-министра Н. аль-Малики. На переговорах с президентом Д. Медведевым и главой правительства В. Путиным наряду с обсуждением вопросов двустороннего сотрудничества в различных областях, речь шла о перспективах совместной деятельности в области разведки и разработки нефтяных и газовых месторождений в Ираке, прокладке нефте- и газопроводов, строительстве и модернизации электростанций. Кроме контрактов, заключенных непосредственно с центральным правительством, Россия начала налаживать сотрудничество и с КАР. Однако в этом вопросе она проявляла осторожность, ограничиваясь, главным образом, экономической сферой.

Одним из ведущих государств, с которым после смены режима иракские власти стремились восстановить традиционные отношения и взаимовыгодное экономическое сотрудничество в различных сферах, была Франция. Хотя Багдад и Париж неоднократно высказывались за необходимость их возобновления и развития, американо-французские противоречия накануне войны и по проблемам послевоенного обустройства Ирака являлись серьезным препятствием на пути их реализации. Позиция официального Парижа в первые послевоенные годы формировалась на основе следующих принципов: великая держава одна может выиграть войну, но достижение мира и построение нового мирового порядка предполагает привлечение к этому процессу всех стран; роль и значение ООН в послевоенном Ираке должны быть приоритетными; пребывание и действия коалиции в Ираке должны опираться и подчиняться нормам права и ограничиваться во времени; процесс нормализации обстановки должен быть поставлен под жесткий международный контроль; ООН должна взять на себя ответственность за развитие политического процесса в стране. При этом Париж не пошел на открытое противостояние с Вашингтоном, поскольку рассчитывал выиграть на субподрядах через сеть компаний, имевших опыт работы в Ираке. Однако Дж. Буша-мл. заявил, что не намерен переводить ни одного доллара американских налогоплательщиков компаниям стран, которые не принимали

участия в «первом ударе». Поэтому решение США о не привлечении для его восстановления ведущие страны, которые не поддержали военную операцию, было встречено в Париже с беспокойством и раздражением.

В то же время в Вашингтоне понимали, что астрономические внешние долги Ирака являются серьезным препятствием на пути его реального восстановления. Ведение переговоров с крупными кредиторами – Россией, Францией, Германией, Италией и Великобританией Дж.Буш возложил на своего спецпредставителя Джеймса Бейкера, перед которым стояла непростая задача – убедить эти страны списать большую часть многомиллиардного долга. Свое европейское турне Дж.Бейкер начал с Парижа, где встречался с президентом Ж.Шираком. Французский президент заявил, что его страна готова списать часть долга свергнутого режима в 3 млрд. долл. в обмен на участие ее компаний в послевоенном восстановлении Ирака [200, с. 321]. В этой связи отметим, что некоторые из крупных стран-кредиторов не одобряли данную тактику и считали, что Ирак не нуждается в каких-то уступках и поблажках, учитывая его значительные нефтяные ресурсы.

По мере ослабления напряженности вокруг иракской проблемы на международной арене возможность восстановления, хотя и не в прежнем формате и уровне, двусторонних отношений приобрела реальные контуры. 2 ноября 2006 г. президент Ирака Дж.Талабани прибыл с официальным визитом в Париж, где провел переговоры с президентом Ж.Шираком и другими официальными лицами. Французский президент заявил о поддержке политики иракского правительства по национальному примирению и диалогу и обещал помощь в послевоенном восстановлении страны, в то же время призвал разработать детальный план вывода иностранных войск. В свою очередь иракский президент отметил необходимость американского присутствия в стране по меньшей мере еще на три года, чтобы дать местным властям возможность создать собственные силы безопасности. Он выразил также надежду на активное участие Франции в послевоенном восстановлении страны и ее помощи в обучении иракской армии [73, с. 221]. Дж. Талабани еще дважды – 2007 и 2009 гг. совершал офи-

циальные визиты в Париж.

Хорошим фундаментом для интенсификации двусторонних отношений стал визит в Багдад в августе 2007 г. министра иностранных дел Франции Б.Кушнер. Главное внимание в ходе его переговоров с высшим руководством Ирака было уделено вопросам сотрудничества в экономической сфере. В октябре 2008 г. в Париже состоялись переговоры по возобновлению военно-технического сотрудничества между двумя странами. Стороны обсудили возможность приобретения для ВВС Ирака 30 современных вертолетов для ведения разведки и поисково-спасательных операций, запчастей для ранее закупленной техники, а также оказания помощи в подготовке иракских военнослужащих и сил безопасности.

В феврале 2009 г. президент Франции Н.Саркози в рамках своего ближневосточного турне побывал с визитом в Багдаде, где провел переговоры с президентом Дж.Талабани и премьером Н. аль-Малики. Это был первый визит главы французского государства в Ирак после свержения режима С.Хусейна. На совместной пресс-конференции он заявил, что достижение мира в этой стране отвечает интересам государств Европы, и призвал европейских лидеров для укрепления отношений с Багдадом последовать его примеру. Н.Саркози заявил о желании развивать двусторонние отношения в сфере экономики, энергетики и безопасности, оказывать содействие в подготовке местных специалистов различного профиля, а также намерении списать оставшиеся 20% долга посредством реализации межправительственных проектов. Французский президент сообщил о планах Парижа построить в Багдаде новое здание посольства и открыть консульства в Басре и Эрбиле. На фоне сильных антиамериканских настроений в иракском обществе визит Н.Саркози в Багдад можно было расценить как стремление Франции укрепить собственные позиции в этой стране.

Ответный визит в Париж премьер-министра Ирака Н. аль-Малики в мае 2009 г. был посвящен обсуждению вопросов двустороннего сотрудничества в сфере экономики, безопасности и обороны. Франция заявила о полной поддержке иракского руководства в деле восстановления экономики и инфраструк-

туры и обеспечения правопорядка в стране. Во время визита в Багдад в июле 2009 г. премьер-министр Франции Ф.Фийон обещал содействие в решении спорных с соседними странами проблем и поддержку в вопросе снятия санкций, введенных СБ ООН в 1990-1991 гг. В ноябре 2009 г. между двумя странами было подписано соглашение о сотрудничестве в военной сфере, а также заключено несколько договоренностей по восстановлению инфраструктуры, включая энергетику и электроснабжение [216, с. 31].

Франция была в числе основных участников возобновившей свою работу международной Багдадской торгово-промышленной ярмарки. Открывая французский павильон, госсекретарь по внешней торговле Анн-Мари Идрак отметила стремление Парижа активно внедряться на иракский рынок и участвовать в его экономической жизни, в том числе в сфере энергетики, строительства, поставок оборудования и т.д. По ее словам, после визита президента Н.Саркози в феврале 2009 г. в Багдад объем двусторонней торговли вырос в 2,5 раза [89].

Франция стала первой страной Европы, которая после 20-летнего перерыва восстановила регулярное воздушное сообщение с Ираком – 31 октября 2010 г. аэробус французской авиакомпании Aigle Azur совершил свой первый рейс из Парижа в Багдад.

Что касается ирако-германских отношений, то в первые послевоенные годы из-за позиции Германии накануне войны, они значительно осложнились. Нестабильная военно-политическая обстановка в Ираке также негативно отразилась на форме и характере их взаимосвязей – немецкое правительство вынуждено было поддерживать обязательства своих компаний при посредничестве третьих стран.

Процесс постепенной нормализации двусторонних связей начался после восстановления дипломатических отношений и аккредитации послов в Багдаде и Берлине в конце августа 2004 г. В этот период основное внимание уделялось поиску путей для возобновления традиционных экономических связей. Отметим, что Берлин на раннем этапе восстановительных работ высказывался за снятие с Ирака определенной части задолженностей, чтобы дать ему возмож-

ность строить жизнеспособное государство.

Значительный импульс развитию двусторонних отношений призваны были придать проходившие с 2004 г. ирако-германские экономические форумы с участием министров и предпринимателей. Они также способствовали определению приоритетных отраслей экономического сотрудничества: торговля, транспорт, сельское хозяйство, что и было оформлено соответствующими соглашениями. Хотя к 2007 г. германский экспорт в Ирак значительно увеличился и составил 320 млн. евро, но до уровня 80-х годов XX века, когда его объем достигал порядка 5 млрд. евро, было еще далеко. По данным Немецкой торгово-промышленной палаты, если в 60-80-е годы Ирак входил в число ведущих торговых партнеров Германии, то в послевоенные годы он занимал уже сотую позицию. Это было связано с тем, что сотрудничество между ними осуществлялось в рамках небольших краткосрочных проектов, заказы и инвестиции касались таких сфер экономики, которые требовали небольших вложений, а немецкие фирмы отдавали предпочтение сотрудничеству с теми регионами, в которых власти и силовые структуры обеспечивали общественный порядок и, наконец, для снижения риска суммы контрактов были сравнительно невелики [74].

Берлинские переговоры премьер-министра Ирака Н. аль-Малики с канцлером А.Меркель в конце июля 2008 г. стали поворотными не только в укреплении деловых связей, но и нормализации политических отношений. Среди немецких промышленных гигантов прорыв в иракскую экономику сделал концерн Сименс, заключивший в декабре 2008 г. крупнейший контракт на поставки для новых электростанций в Румейле, Таза, Дибизе, Байи и Саддере 16 турбин общей мощностью 3150 МВт на сумму более 1 млрд. евро [176, с. 98].

Приход в Белый дом новой американской администрации в 2008 г. позитивно отразился и на ирако-германских отношениях. В феврале 2009 г. Багдад с официальным визитом посетил министр иностранных дел Германии Ф.-В.Штайнмайер. Главу МИД сопровождала группа представителей деловых кругов, в том числе таких крупных концернов, как Даймлер и Сименс, целью которых являлось участие в восстановлении Ирака. В Багдаде Ф.-В.Штайнмайер провел пе-

реговоры с президентом Дж.Талабани, премьер-министром Н. аль-Малики и главой МИД Х.Зибари. Он предложил идею строительства железнодорожной ветки Басра-Багдад-Сирия-Турция-Европа для осуществления торговли между Ираком и ЕС по суше. Очевидные выгоды этого проекта состояли в его дешевизне и экономии времени (одна неделя против трех, если осуществлять перевозки через Суэцкий канал) [180].

В ходе визита был подписан Меморандум о научном, академическом и культурном сотрудничестве между двумя странами. При технической и финансовой помощи Германии в Ираке планировалось создать Немецкий университет. В рамках визита состоялось посещение КАР, где Ф.-В.Штайнмайер участвовал в открытии Генерального консульства Германии в Эрбиле, деятельность которого открывала путь к прямым контактам дипломатов и бизнесменов, а также упрощала процедуру возвращения курдов на родину. Северные регионы Ирака с точки зрения уровня безопасности являлись наиболее благоприятными, поэтому к 2008 г. 20 немецких компаний выполняли здесь различную работу по контрактам. При финансовой поддержке германского МИД и Института Гете в 14 школах Эрбиля, Дохука и Сулеймании были организованы немецкие классы [75, с. 56]. Но основные надежды связывались с участием немецких специалистов в освоении и разработке старых месторождения нефти и газа и выявлении новых. Однако германские компании не участвовали в тендере по разработке первых шести крупных углеводородных месторождения, открытых иракским правительством для иностранного капитала. В числе 35 транснациональных корпораций не было ни одной немецкой, хотя Германия являлась крупнейшим потребителем нефтепродуктов.

В рамках визита Ф.-В.Штайнмайера были оговорены основные положения Программы поддержки стабилизации и восстановления Ирака. 7 марта 2009 г. в Багдаде в рамках этой Программы был подписан контракт о финансировании Германией проекта ООН по содействию в установлении диалога между этно-конфессиональными группами, представителями политических партий и неправительственных организаций в стране [76]. Сумма в размере 3 млн. евро

из бюджета германского МИДа перечислялась на счет миссии ООН в Ираке – ЮНАМИ, действовавшей в соответствии с мандатом СБ ООН (резолюция №1770), затем передавалась иракскому правительству для решения внутренних проблем страны. Начиная с 2007 г. МИД Германии ежегодно готовила до 10 иракских дипломатов в рамках проекта по получению соответствующего современным стандартам специального образования; Германия выделила 5,9 млн. долл. для обеспечения безопасности сотрудников ООН; с начала 2008 г. 70 инструкторов бундесвера на территории ОАЭ начали обучение 250 военнослужащих командного состава иракской армии. По линии МИД выделялись значительные средства для оказания гуманитарной помощи иракским беженцам: в 2007 г. они составляли 4,25 млн. евро, в 2008 г. – 5 млн. евро. В 2007 г. Германия по линии Еврокомиссии выделила 17,8 млн. евро, в 2008 г. – 30 млн. евро для оказания гуманитарной помощи иракским беженцам в Сирии, Иордании и Ливане, а также вынужденным переселенцам в самом Ираке [49, с.113].

Среди ведущих азиатских государств, с которыми после смены режима у Ирака сложились взаимовыгодные партнерские отношения, можно выделить Японию, Китай и Южную Корею.

После окончания военных действий Япония была в числе первых стран, которая участвовала в восстановлении Ирака и оказывала ему разноплановую помощь в решении социально-экономических проблем. Японский парламент принял законопроект об отправке в зону Залива персонала Сил самообороны, в чьи функции входило обеспечение доставки гуманитарных грузов военно-транспортными самолетами, оказание медицинской помощи гражданским лицам и осуществление работ по восстановлению инфраструктуры. С декабря 2003 г. правительство санкционировало участие Сил самообороны в составе многонациональной коалиции, однако они не были задействованы в военных операциях; их деятельность находилась вне юрисдикции иракских властей и американского командования и была направлена на содействие послевоенному восстановлению Ирака [92, с.151].

Япония стала крупнейшим донором экономического восстановления Ира-

ка – уже в начале 2004 г. она выделила порядка 200 млн. долл. по двусторонним каналам, а также 500 млн. долл. по линии ПРООН и международного трастового фонда. Японское правительство одним из первых приняло решение о списании 80% иракского долга (6,1 млрд. долл.), остальные 20% предусматривалось погасить в течение 23-х лет с шестилетней отсрочкой [115, с. 121].

Иракская сторона была заинтересована в участии японских фирм и фондов в восстановлении конкретных направлений – экономики, здравоохранения, нефтедобывающей отрасли и неоднократно обращалась к ним с подобными предложениями. Японцы в целом позитивно воспринимали их, но неизменно указывали на необходимость улучшения ситуации в сфере безопасности, а также завершения процесса перехода власти к иракской администрации. Этому в немалой степени способствовал известный кризис, связанный с японскими заложниками в апреле 2004 г.

Во время официального визита Н. аль-Малики в апреле 2007 г. в Токио наряду с рассмотрением двусторонних отношений иракский премьер-министр сосредоточил свое внимание на вопросе внешних долгов. По итогам переговоров правительство Японии обязалось предоставить Ираку в виде льготных кредитов 890 млн. долл. для налаживания объектов инфраструктуры, включая систему водоснабжения и подачи электроэнергии, а также на восстановление объектов нефтяной отрасли.

Что касается Китая, то, как известно, в довоенные годы он входил в число главных торгово-экономических партнеров Ирака. После окончания войны стороны выражали заинтересованность в возобновлении и развитии двустороннего сотрудничества. В июне 2007 г. состоялся визит президента Дж.Талабани в Пекин, в ходе которого китайское руководство заявило о готовности продолжить активное участие в послевоенном восстановлении Ирака и оказать ему всестороннее содействие в различных сферах. Было также достигнуто принципиальное согласие списать иракские долги на сумму до 8 млрд. долл. В ответ на этот дружественный жест Багдад положительно решил вопрос о возобновлении контракта с КННК на разработку месторождения аль-Ахдаб, подписанный еще в

1997 г. при прежнем режиме [150, с. 109]. В то же время иракские власти стремились привлечь китайскую компанию к участию в «честных и открытых торгах» за право получения и других контрактов. Однако ее представители заявили, что до принятия нового Закона о нефти не планируют инвестировать дополнительные средства в нефтяную инфраструктуру Ирака. 10 ноября 2008 г. стороны подписали соглашение о совместной разработке нефтяного месторождения аль-Ахдаб (стоимость сделки оценивалась в 2,9 млрд. долл.) в провинции Васит юго-восточнее Багдада. В последующие годы КННК была в числе тех, кто выиграл объявленный Министерством нефти Ирака международный тендер на разработку и добычу нефти в некоторых других крупных месторождениях.

Импульс развитию взаимовыгодного сотрудничества Ирака с Южной Кореей был дан в ходе официального визита премьер-министр Н. аль-Малики в Сеул в апреле 2007 г. По итогам переговоров между сторонами был подписан Меморандум о взаимопонимании и ряд соглашений, в том числе развитии сотрудничества в области энергетики, сельского хозяйства и науки. В ходе визита в Южную Корею в феврале 2009 г. президента Дж.Талабани было подписано соглашение об инвестировании Сеулом 3,55 млрд. долл. в развитие инфраструктуры страны в обмен на доступ к ее нефтяным месторождениям. Согласно документу, Южная Корея получала право разрабатывать нефтяные поля в южной провинции Басра, в обмен на строительство электростанций, генераторов и других объектов инфраструктуры.

Таким образом, Багдаду удалось привлечь практически все ведущие государства и международные организации к участию в структурной перестройке страны и ее послевоенном восстановлении. И этот процесс шел по восходящей. В мае 2010 г. был проведен еще один тендер на разработку нефтяных месторождений. В результате был подписан контракт с консорциумом во главе с Китайской национальной оффшорной нефтяной корпорацией (CNOOC) на разработку южных месторождений. CNOOC в партнерстве с турецкой «Теркиш петролеум Корпорейшн» и Иракской государственной нефтяной компанией (доля каждой из них соответственно 63,75%, 11,25% и 25%) получила право на добы-

чу на трех нефтяных полях в провинции Майсан – Факка, Базарган и Абу-Гарб, разведанные запасы которых оценивались в 2,6 млрд. бар.

В указанный период наблюдалась тенденция к расширению связей Ирака с ЕС. В январе 2010 г. между ними был подписан Меморандум о «Стратегическом энергетическом партнерстве» на 2010-2015 гг., который можно было рассматривать как продолжение политики иракского руководства в области энергетики. В Меморандуме были определены приоритетные направления сотрудничества сторон, в том числе обеспечение безопасности поставок энергоносителей, развитие возобновляемых источников энергии и т.д. Брюссель заявил, что рассматривает Ирак в качестве *«энергетического моста между Ближним Востоком, Средиземноморьем и Евросоюзом»* [144, с. 8]. ЕС стремился углубить связи с Ираком и на дипломатическом уровне: 7 июля 2010 г. представитель Еврокомиссии в Багдаде Ф.Д.Алькантод рассказал о планах открыть еще два новых офиса – в Басре и Эрбиле, а штат столичного представительства увеличить с 52 до 71 человека [343, с. 156]. В августе 2010 г. между Ираком и ЕС было подписано соглашение о содействии в демонтаже, резервации и дезактивации ядерных объектов, построенных в годы правления С.Хусейна, для чего из бюджета ЕС предусматривалось выделить 3,2 млн. долл. В рассчитанной на 10 лет программе были также пункты, направленные на подготовку иракских специалистов и поставки оборудования.

Отметим, что еще в октябре 2009 г. иракское правительство обратилось к МАГАТЭ с просьбой разрешить восстановить имеющиеся в стране ядерные реакторы (как известно, один реактор был разрушен в результате налета израильской авиации в 1981 г., а два – разрушены американскими войсками в 1991 г. в ходе операции «Буря в пустыне»). Свою просьбу оно мотивировало необходимостью увеличения в стране производства электроэнергии, а также исследовательскими целями для развития «мирного атома». На международном инвестиционном форуме в Багдаде вице-премьер Х. аш-Шахристани заявил, что Ирак стремится развивать ядерную энергетику в мирных целях, опираясь на свой потенциал и внутренние ресурсы. У него есть особая программа, но бывший ре-

жим трансформировал ее под другие цели. Иракская сторона расценивала соглашение с ЕС как начальный этап на пути реализации программы по развитию ядерной энергетики в мирных целях.

После формирования в декабре 2010 г. нового правительства страны внешнеполитическая деятельность Багдада значительно активизировалась, ее важным элементом являлось использование внешней политики для упрочения позиций властных структур внутри страны. По заявлениям иракских лидеров, суть национальной внешней политики заключалась в том, чтобы Ирак стал фактором стабильности, а не источником угрозы в регионе.

Как шаг в направлении поддержки нового иракского правительства и оказания ему всесторонней помощи в восстановлении страны стало принятие на специальном заседании СБ ООН 15 декабря 2010 г. трех резолюций, отменивших введенные в 90-е гг. санкции. Хотя они были приняты по американской инициативе, в числе их соавторов были также Россия, Китай, Великобритания, Франция и ряд других стран. Как известно, еще в июне 2009 г. иракское правительство обратилось к ООН с просьбой пересмотреть механизм работы международного Фонда развития Ирака (2003 г.), целью которого являлось прозрачное распределение средств от продажи нефти и нефтепродуктов. По данным доклада Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, на начало 2009 г. в Фонд поступило около 180 млрд. долл., которые расходовались как на гуманитарные нужды, главным образом закупки продовольствия и медикаментов, так и реализацию проектов в социально-экономической сфере. В резолюции СБ ООН отмечалось, что Ирак подтвердил свои обязательства рассчитаться по долгам и компенсационным выплатам, унаследованным от прежнего режима, включая выплаты компенсаций Кувейту за нанесенный ущерб. Иракская сторона приветствовала решение СБ ООН как своевременный шаг, учитывая потребности страны в развитии энергетики и других важных отраслей.

Таким образом, несмотря на наличие целого ряда объективных и субъективных трудностей в первые послевоенные годы, ведущие государства мира стали вовлекаться в «иракские дела», постепенно осваивая политическое и эко-

номическое пространство страны. По мере стабилизации ситуации и углубления политического процесса начали происходить существенные сдвиги в сфере международного сотрудничества, которые выражались в активном взаимодействии Ирака с ведущими государствами и международными организациями.

4.3. Ирак в системе региональных отношений в послевоенный период

После 2003 г. региональная политика Ирака подверглась серьезной трансформации, которая была связана с его изменившимся статусом в послевоенный период. Она коснулась в первую очередь взаимоотношений с ведущими акторами Ближнего Востока, каждый из которых стремился максимально приспособиться к создавшейся ситуации и использовать ее с учетом своих национально-государственных интересов [1, с. 347]. Кроме того, на процесс формирования региональной политики Ирака и ее основных параметров в послевоенный период значительное влияние оказывали также внерегиональные силы.

Одним из серьезных итогов войны 2003 г. стало изменение баланса сил не только в зоне Залива, но на Ближнем Востоке в целом. Начало этому процессу было положено после первой войны в Заливе, когда соотношение сил между ведущими региональными величинами – Ираком, Ираном и Саудовской Аравией резко изменилось. Из-за сложных послевоенных сдвигов в общественно-политическом базисе и надстройке иракского общества, он лишился возможности в краткосрочной перспективе вернуть себе статус активного и полноправного участника региональных отношений. Образовавшийся вакуум в региональном балансе сил стали стремительно заполнить две другие региональные величины – Саудовская Аравия и Иран [168, с. 59]. Позиция Ирана, сделавшего ставку на занявших лидирующие позиции во властных структурах Ирака шиитские партии и группировки, заключалась в создании альянса двух государств, который занял бы доминирующее положение в регионе. Саудовская Аравия стремилась сохранить территориальную целостность Ирака, опасаясь, что его развал приведет к дестабилизации региональной ситуации. Она рассматривала единый и суверенный Ирак в качестве будущего партнера ССАГЗ в политиче-

ской и экономической сферах.

После завершения войны иракская тематика занимала одну из ведущих направлений внешней политики основных региональных акторов, в первую очередь ведущих арабских стран. В первое время в центре их внимания находились вопросы послевоенного переустройства Ирака. В заявлениях Совещаний ЛАГ, встречах стран-соседей Ирака, в рамках различных международных форумов и т.д. наиболее характерный тезис арабских лидеров было связан с необходимостью полномасштабного восстановления его суверенитета и территориальной целостности. Для них принципиально важным являлся вопрос сохранения единства страны, поскольку ее дезинтеграция могла повлечь за собой серьезные последствия для всего региона [159, с. 17]. Угроза распада Ирака и создание на его территории новых государственных образований означали не только изменение регионального баланса сил, но и возникновение опасного прецедента для других сепаратистских элементов последовать этому примеру. Арабские страны региона, осуждавшие оккупацию Ирака, в то же время призывали коалиционные силы не покидать его территорию из-за опасения начала гражданской войны, раскола страны и вмешательства в ее внутренние дела извне. Поэтому вне зависимости от национальных интересов и преследуемых целей, общее, что их объединяло на данном этапе – это необходимость сохранения единства и территориальной целостности Ирака, а также стабильности и статус-кво в регионе.

В данном контексте особое значение приобретало оказание всесторонней помощи и поддержки Ираку для решения стоявших перед ним сложных политических и социально-экономических проблем. Эти функции пытались взять на себя в первую очередь соседние с ним страны – Саудовская Аравия, Сирия, Иран, Турция, Кувейт, Иордания, а также Египет и Бахрейн. Первое их Совещание в данном формате состоялось 18-19 апреля 2003 г. в Эр-Рияде и было посвящено проблемам региональной безопасности и стабильности, которые обострились в связи с деструктивными процессами в Ираке. Министры иностранных дел стран-соседей заявили о готовности «участвовать в междуна-

родных усилиях по оказанию гуманитарной помощи народу Ирака, а также в его восстановлении». Глава саудовского МИД С. аль-Фейсал высказался конкретно и недвусмысленно и заявил о необходимости «обязательного учета той ситуации, которую создала война, а не той, которую мы хотели бы видеть или реализовать». Приоритетным для соседей Ирака на этом этапе должно быть сохранение «его территориальной целостности, суверенитета и регионального статуса», а также создание легитимных властных структур [430]. Исходя из этого тезиса, перед арабскими странами встал вопрос о выстраивании отношений с новыми иракскими властями, что фактически означало их признание и легитимизацию оккупации страны войсками коалиции.

Отметим, что в целом отношения Ирака с большинством арабских стран в первые послевоенные годы складывались непросто. В Багдаде неоднократно выражали недовольство пассивностью арабского мира в решении иракских проблем и его восстановлении, а усиление иранского влияния объясняли «отсутствием решительной арабской вовлеченности». Арабские страны, напротив, рассматривали шиитское большинство иракского руководства как проводника влияния Ирана и настаивали на усилении «суннитского элемента» во властных структурах. Тем не менее, несмотря на настороженное отношение к сформированным в условиях оккупации новым иракским властям, они предпочли сотрудничать с ними, рассчитывая тем самым иметь возможность влиять на политические процессы в этой стране. Региональная изоляция Ирака могла окончательно поставить Ирак под полный контроль США и, что не менее важно, Ирана, и значительно осложнить налаживание с ним политических и экономических связей. Глава МИД Египта А.Махер выразил позицию арабского сообщества следующим образом: *«Ирак является неотъемлемой частью арабского мира, и его изоляция неприемлема»* [301].

Ведущая общеарабская организация – ЛАГ также выступала за скорейшее возвращение Ирака в «арабскую семью». 21-23 декабря 2003 г. впервые после свержения режима С.Хусейна Багдад посетила представительная делегация Лиги. В ходе переговоров иракские власти заявили о своем желании получить все-

стороннюю помощь в восстановлении страны по линии этой организации. Этот вопрос обсуждался на Амманской конференции арабских финансовых фондов и институтов (январь 2004 г.), которая наметила приоритетные направления по оказанию помощи Ираку под эгидой ЛАГ [129, с. 137]. Первым шагом стало решение крупнейшей финансовой структуры арабского мира – Исламского банка развития о предоставлении Ираку кредита в размере 500 млн. долл. на строительство инфраструктуры, осуществление социальных программ, а также продление сроков выплат по кредитам прежнего режима.

Иракские власти в свою очередь стремились в максимально короткие сроки наладить связи со всеми государствами региона, при этом нормализации отношений именно с арабскими странами придавалось особое значение. Часто декларируемые при С.Хусейне амбиции регионального лидерства, которые отпугивали соседей и служили серьезным препятствием на пути активного участия Багдада в структурах арабского сообщества в рамках интеграционных процессов, после войны в значительной мере потеряли свою актуальность. Иракские власти призвали соседей забыть прошлое и открыть новую страницу во взаимоотношениях. Для получения помощи и содействия в восстановлении экономики и инфраструктуры в 2004 г. премьер-министр Ирака А.Алави совершил турне по странам региона – Иордании, Египту, Сирии, Ливану, Саудовской Аравии и Кувейту.

Одно из ведущих мест во взаимоотношениях Ирака с соседними странами занимала проблема обеспечения безопасности. Напряженная обстановка на границах с сопредельными государствами, возникшая в результате проникновения через них боевиков и террористов, серьезно беспокоила иракские власти. Они неоднократно обращались к ним с требованием принять необходимые меры и пресечь их деятельность. С этой целью МВД Ирака подготовило проекты соглашений о двустороннем сотрудничестве в области безопасности, а также формированию постоянно действующей комиссии на уровне министров внутренних дел соседних стран. Начиная с 2006 г. главы МВД стран-соседей приступили к выработке совместных действий против терроризма и незаконного

пересечения границы и контрабанды. В Багдаде было открыто координационное бюро для согласования действий правоохранительных органов.

В центре внимания стран региона был вопрос послевоенного политического устройства Ирака. В Заключительном коммюнике Совещания министров иностранных дел стран-соседей Ирака (январь 2005 г., Амман) нашли отражение три принципиальных положения: необходимость сохранения единства и целостности Ирака, его арабской сущности, а также достижение национального примирения и вовлечения ведущих политических сил к формированию основ новой политической системы страны. Лидеры арабского мира были озабочены усилением негативных тенденций в иракском обществе, в основе которых лежали глубокие противоречия на национальной и этно-конфессиональной почве. В ноябре 2005 г. в Каире под эгидой ЛАГ состоялась конференция по межиракскому диалогу, в работе которой участвовало до 70 делегатов, представлявших довольно широкий спектр политических сил страны [157]. Вопрос о национальном примирении в Ираке был также внесен в повестку дня арабского Саммита в верхах в Хартуме (март 2006 г.). Выступивший на Саммите министр иностранных дел Ирака Х.Зибари выразил недовольство *«слабым арабским присутствием в стране»*, пассивностью арабского мира в деле ее восстановления. Возрастание иранского влияния, по его словам, стало возможным благодаря *«отсутствию решительного арабского вовлечения»* в иракские дела [146]. Х.Зибари также призвал арабские страны открыть свои дипломатические миссии, углубить политические контакты и наладить взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество. Даже решение об открытии в Багдаде представительства ЛАГ не повлияло на позиции арабских лидеров, которые продолжали с недоверием относиться к правящему в Ираке шиитско-курдскому альянсу. В целом арабские страны проводили в отношении Ирака так называемую «серединную линию» – на словах выражали поддержку его властям, а на деле не спешили оказывать ту помощь, на которую рассчитывал Багдад до тех пор, пока иракским суннитам не будет предоставлено больше возможностей в управлении страной.

В связи с принявшим ожесточенный характер шиитско–суннитским противостоянием в Ираке соседние страны во все большей степени втягивались в его орбиту, поскольку оно грозило серьезными осложнениями для региональной безопасности в целом. Багдад обвинял «некоторые внешние силы» во вмешательстве во внутренние дела страны, финансовой и военной помощи вооруженным формированиям суннитов. Попытка ЛАГ провести летом 2006 г. в Багдаде конференцию по национальному примирению завершилась безрезультатно. Серьезную озабоченность в связи с политической обстановкой выразил министерский комитет ЛАГ по Ираку на уровне глав МИД арабских стран (Алжира, Бахрейна, Египта, Иордании, Кувейта, ОАЭ, Саудовской Аравии, Сирии, Судана и Ирака) на своем заседании осенью 2006 г. [157]. Еще одна попытка по иракскому примирению была предпринята осенью 2006 г. – в конце октября в Мекке под эгидой ОИК (ОИС) состоялась конференция при участии Генерального секретаря организации Э.Ихсаноглу. 20 октября стороны подписали так называемый «Мекканский документ», целью которого являлось прекращение межконфессионального конфликта. На конференции было принято решение об открытии в Багдаде офиса этой организации и систематическом посещении Ирака ее представителями.

При анализе деятельности иракского руководства в области региональных отношений необходимо акцентировать внимание на одном важном нюансе. Совершая зарубежные поездки и принимая иностранных политиков в Багдаде, иракские лидеры стремились использовать это факт для укрепления собственных позиций и влияния в стране, а также демонстрации независимости политического курса. Ирак, остро нуждавшийся в помощи и поддержке государств региона, в первую очередь, арабских страны, неоднократно заявлял о намерении строить отношения с ними на основе *«уважения, взаимных интересов и конструктивного диалога»* [146], отказа от вмешательства во внутренние дела. Одним из важных шагов в этом направлении могло стать возобновление деятельности арабских дипломатических миссий в Багдаде в полном объеме, а также развитие полноценного экономического сотрудничества. Именно в этом кон-

тексте следует расценивать посещение иракским премьер-министром Н. аль-Малики Египта, Кувейта, Катара и Омана в апреле 2007 г.

Со второй половины 2008 г. заметно активизировались отношения Ирака с рядом арабских стран – Багдад с официальными визитами посетили министры иностранных дел Египта и Бахрейна, а также наследный принц ОАЭ, были аккредитованы послы Сирии, Иордании, Бахрейна и Кувейта. Однако говорить о полноценном восстановлении связей с арабским миром было преждевременно. Так, в Каире считали, что этот процесс потребует времени и должен идти поэтапно. Саудовская Аравия из-за отсутствия надлежащих условий для безопасной работы дипломатов не планировала на данном этапе восстановить деятельность своего посольства в Багдаде. Даже давление Вашингтона не внесло изменений в их позиции – его традиционные партнеры в регионе не спешили налаживать полноценные отношения с Ираком. Однако были и такие страны, как, к примеру, Иордания, которая выступала за установление с ним более тесных контактов – король Абдалла II считал, что арабы должны *«бережно относиться к сохранению связей Ирака с арабскими соседями»*, а не отвергать *«его шаги в их направлении»* [157], оказывать ему необходимую помощь в деле построения нового общества. Именно он стал первым арабским лидером, посетившим Багдад после свержения режима С.Хусейна. Его визит в августе 2008 г. был воспринят в Ираке как начало возобновления политико-дипломатических отношений с арабским миром.

В конце 2008 г. впервые со времени свержения баасистского режима Багдад выступил с инициативой создания региональной организации по экономическому сотрудничеству и безопасности. Эта организация должна была заниматься вопросами использования ресурсов региона – углеводородных, водных и др., а также урегулированием конфликтов, пограничных споров, борьбой с терроризмом. Среди ее основных принципов назывались *«невмешательство во внутренние дела других государств, уважение выбора и чаяний народов региона, соблюдение норм международного права, неиспользование силы или угрозы использования силы»* [159, с.17]. Для реализации этой инициативы Ирак прово-

дил консультации с Кувейтом, Сирией, Турцией и Ираном, к которым на последующих этапах ожидалось присоединение Иордании, Саудовской Аравии и других аравийских монархий. Учитывая серьезные разногласия между предполагаемыми участниками, ее создание виделось весьма проблематичным. Но сам факт инициирования Ираком после долгого перерыва интеграционных проектов говорил о его региональных амбициях и указывал на его стремление вновь занять свое место в политическом пространстве Ближнего Востока [141, с. 72].

Принимая во внимание особые интересы Ирака в зоне Залива, анализ основных направлений его региональной политики представляется целесообразным начать с рассмотрения взаимоотношений с членами ССАГЗ.

Для политики ведущего государства Альянса – Саудовской Аравии в границах Ближнего Востока и всего арабо-мусульманского региона актуальным являлось сохранение внутренней стабильности королевства, поддержание стабильности в окружающем региональном пространстве, а также исключение резких перемен в сложившемся международном балансе сил. Реализация данной задачи требовала от саудовской дипломатии содействия в снижении остроты региональных конфликтов, а также исключения предпосылок появления новых очагов напряженности в регионе. В этом смысле иракская проблема, в решение которой были вовлечены не только ведущие акторы регионального масштаба, но и крупные мировые державы, оказала серьезное влияние на внешнеполитические действия королевства.

Отметим, что Саудовская Аравия и другие члены ССАГЗ, за исключением Кувейта, будучи противниками силового решения иракской проблемы, принимали активное участие в общеарабских усилиях для недопущения военного удара по Ираку, координируя свои действия с другими арабскими лидерами и отчасти подвергая испытанию партнерские отношения с Вашингтоном. Их совместные шаги увенчались принятием одного из наиболее важных документов ЛАГ накануне войны – Каирского заявления министров иностранных дел (8 ноября 2002 г.) [429]. Монархии Залива осознавали, что война может спровоцировать радикальные изменения в системе региональных отношений, поэтому они

выступали за сохранение регионального статус-кво. В то же время члены ССАГЗ оказались отчасти в безальтернативной ситуации, поскольку созданные в 1991 г. на их территории временные американские военные базы превратились фактически в постоянные. Так, в Кувейте находились две базы – «ас-Салим» и «Ахмед аль-Джабер», в Бахрейне на авиабазе «Шейх Иса» базировались самолеты-заправщики, а в порту столицы – главная стоянка американского 5-ого Флота, в Катаре располагалась военно-воздушная база «аль-Удейд», в Омане – две базы ВВС США – «Сиб» и «Масира» и база ВМС «Тумрат», в ОАЭ военно-воздушная база «ад-Дхарфра». Согласно условиям договоров о военном сотрудничестве, Вашингтон имел право при необходимости использовать их, поэтому еще задолго до начала военной операции было ясно, что эти базы будут задействованы в том или ином виде. Правда, по просьбе саудовских властей региональный штаб американского Центкома был официально перенесен с авиабазы «Принц Султан» на военную базу «аль-Удейд» в Катаре [114, с. 78]. Что касается непосредственно Кувейта, для которого Ирак представлял угрозу, то его территория стала главным плацдармом для наступательной операции американо-британских войск в 2003 г.

После падения режима С.Хусейна и оккупации Ирака возникла необходимость корректировки членами ССАГЗ региональных отношений с учетом новых вызовов. Они как ближайшие соседи Ирака не могли остаться в стороне от происходивших там бурных общественно-политических процессов и ликвидации последствий войны. В документах Совещания в верхах ССАГЗ выражалась поддержка программам иракского правительства по достижению национального примирения, восстановления государственных институтов, связанных с безопасностью, армией, экономикой и политикой [430]. Члены Альянса в рамках двусторонних отношений также заявляли о своей готовности сотрудничать с иракскими властями в обеспечении стабильности и единства государства, оказании ему разносторонней, в том числе финансово-экономической помощи в решении его внутренних проблем, в первую очередь для «улучшения положения с обеспечением безопасности и более эффективного развития политическо-

го процесса». Со своей стороны, иракские лидеры при посещении арабских столиц призывали поддержать политический процесс в стране и оказать необходимую политико-дипломатическую и экономическую помощь. Визит премьер-министра Ирака Н. аль-Малики в апреле 2007 г. в Кувейт, Катар и Оман следует рассматривать именно в этом контексте.

Вопросы безопасности и стабильности были в числе главных обсуждаемых тем в ходе двусторонних и многосторонних встреч иракских руководителей с лидерами ССАГЗ. Так, в ходе визита министра иностранных дел Х.Зибари в Эр-Рияд в феврале 2007 г. стороны уделили основное внимание проблеме охраны границ и обеспечения их безопасности. Глава МИД принял также участие в церемонии открытия иракского посольства в столице Королевства, закрытого после вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г., и консульства в Джидде. Однако ответных шагов не последовало – саудовские власти не торопились открывать дипломатическую миссию в Багдаде, объясняя это нестабильной обстановкой в сфере безопасности. Именно по этой же причине было решено соорудить на всем протяжении границы с Ираком (814 км) «стену безопасности» стоимостью около 12 млрд. долл. и оснащенную современными электронными средствами слежения [114, с. 75].

Что касается непосредственно ирако-кувейтских отношений в послевоенный период, то с падением режима С.Хусейна, казалось, что они смогут перевернуть мрачную страницу своей недавней истории, будут строить отношения на конструктивной и взаимовыгодной основе и постепенно решать накопившиеся проблемы. И действительно, по размерам выделяемых средств для восстановления экономической инфраструктуры Ирака и оказания ему гуманитарной помощи Кувейт занимал третью позицию после США и Японии.

В послевоенные годы прослеживалась общая заинтересованность сторон в постепенном улучшении политического климата между двумя странами. В ноябре 2003 г. в ходе визита иракской делегации в Кувейт основное внимание было уделено вопросам налаживания экономических связей, в частности, была достигнута договоренность о создании совместной комиссии по сотрудниче-

ству в нефтяной отрасли. В декабре 2003 г. в эль-Кувейте состоялись переговоры представителей Министерств нефти двух стран, которые согласовали вопрос о возобновлении соглашения по прокачке иракского газа через территорию Кувейта, а также сотрудничестве двух стран в рамках ОПЕК [48, с. 14]. Согласно достигнутой договоренности, Ирак возобновлял снабжение Кувейта пресной водой из реки Шатт эль-Араб. Позже, в 2009 г. они в принципе договорились урегулировать наиболее сложный и конфликтный вопрос в двусторонних отношениях – добычу нефти на нефтяных полях, расположенных в приграничной зоне. В ноябре того же года стороны начали технические переговоры по вопросу о месторождениях в богатейшем нефтяном поле Румейла и его кувейтском продолжении Ридка, а также обсудили проблемы, связанные с эксплуатацией нефтяных месторождений Зубайр и Савфан.

Багдад высоко оценивал финансовую и гуманитарную помощь Кувейта, о чем было заявлено в ходе визита президента Г. аль-Явара в эль-Кувейт в октябре 2004 г. Однако решение комплекса существующих в двусторонних отношениях проблем требовало от сторон взаимных компромиссов и доброй воли. Среди них своей сложностью отличался вопрос иракского долга Кувейту, проблема границ [218, с. 84]. В этой связи хотелось бы напомнить, что после смены режима Ирак не был освобожден от выполнения условий резолюций СБ ООН касательно Кувейта, в том числе решение проблемы границ и их окончательной демаркации; передача списков пленных и насильственно изгнанных граждан Кувейта и других стран, проживавших в момент оккупации в эмирате; возвращение Национального архива Кувейта, который был вывезен в Ирак; завершение процесса выплаты репараций за нанесенный ущерб в 1990-1991 гг.

Несмотря на утверждение международно-правового статуса границы, стороны считали, что их права были ущемлены, и это приводило к периодическим вспышкам напряженности на общей границе. Так, во избежание нелегального проникновения в страну нежелательных элементов кувейтские власти начали сооружение заградительного барьера на границе, что вызвало протесты иракской стороны. В июле 2005 г. иракцы устроили беспорядки и пытались

разрушить заграждения, заявив, что строительство ведется на их территории. Для восстановления порядка кувейтские власти вынуждены были перебросить в район конфликта дополнительные полицейские силы [218, с. 85]. В начале 2009 г. по требованию кувейтской делегации СБ ООН вновь вернулся к рассмотрению двусторонних проблем на основании статьи 7-ой Устава ООН. Был заслушан отчет Генерального секретаря ООН, по итогам которого решался вопрос, реабилитировать ли Ирак полностью и снять распространявшиеся на него положения данной статьи [100]. Иракская сторона настаивала на снятии санкций, тогда как Кувейт считал, что санкции должны быть сохранены до тех пор, пока полностью не будут выплачены компенсации за нанесенный эмирату ущерб в 1990-1991 гг. (по различным оценкам, 25,5 млрд. долл.), а также частные долги кувейтским гражданам (оценивались в 16 млрд. долл.). К указанному времени из созданного по решению СБ ООН специального фонда, куда Ирак отчислял ежегодно 5% от своих нефтяных доходов, Кувейту было выплачено только 13 млрд. долл. [146]. В свою очередь Ирак требовал от Кувейта возмещения ущерба в связи с использованием американскими войсками его территории для вторжения в 2003 г. Он также выступал против сооружения Кувейтом морского порта Мубарак на острове Бубиян в непосредственной близости от границы, как наносящего ущерб национальным интересам страны.

Однако вышеуказанные проблемы не переросли в тот период в открытое противостояние – глава иракского правительства Н. аль-Малики заявил, что разногласия между ними должны решаться путем диалога, а кувейтские власти указали на заинтересованность в скорейшем урегулировании всех проблем по официальным каналам. Официальный визит в феврале 2009 г. министра иностранных дел Кувейта шейха Мухаммеда ас-Сабаха в Багдад послужил толчком к нормализации двусторонних отношений. Иракская сторона заявила о готовности урегулировать с Кувейтом все острые проблемы и, прежде всего, решить вопрос о без вести пропавших в 1990-1991 гг. 605 человек, из которых 580 являлись подданными эмирата, а остальные – иностранцами. В ходе переговоров были обсуждены вопросы усиления контроля на общей границе и выплаты

компенсаций за нанесенный в ходе оккупации и войны в 1990-1991 гг. ущерб. Однако ни они, ни вопрос получения агремана на аккредитацию иракского посла в эмирате, с которым МИД Ирака неоднократно обращался к правительству Кувейта, не нашли своего решения на этом этапе. Сам же Кувейт не торопился открывать свое посольство в Багдаде, объясняя это сложной ситуацией в сфере безопасности. Напомним, что кувейтский посол прибыл в иракскую столицу только в октябре 2009 г., а посол Ирака в эль-Кувейте был официально аккредитован лишь 2 марта 2010 г. [73, с. 275].

Посещение шейхом М. ас-Сабахом Багдада и переговоры с иракскими официальными лицами способствовали не только улучшению общего климата в двусторонних отношениях, но и подготовили благоприятную почву для визита премьер-министра Кувейта шейха Насера аль-Мухаммеда ас-Сабаха в Ирак в январе 2010 г. Этот визит, расцененный с обеих сторон, как «исторический, разрушивший ледяную стену между двумя странами», стал первым после 1990 г. визитом в Ирак кувейтского официального лица столь высокого ранга. В ходе переговоров сторонам удалось приблизить позиции по ряду вопросов, некоторые из них было решено детально изучить в совместных комиссиях с участием министров и экспертов. В целом, позитивно расценивая итоги визита шейха Насера аль-Мухаммеда в иракскую столицу, отметим, что для преодоления взаимного недоверия и отчужденности требовалось отказаться от негативных наслоений и стереотипов прошлого, что, как показывает исторический опыт, дело непростое и сопряжено с политической волей, желанием, терпением и фактором времени. Тем не менее, стороны сделали ощутимые шаги в деле улучшения политического климата, создания базы для взаимодействия в урегулировании имеющихся проблем.

Во второй половине 2010 г. в двусторонних отношениях произошло два знаменательных события – 4 августа 2010 г. иракское правительство от своего и от имени последующих правительств сделало официальное заявление о признании существующих сухопутных и морских границ с Кувейтом, а 25 ноября власти эмирата сообщили о достижении договоренности по урегулированию

вопроса о спорном участке на совместной границе. Здесь планировалось создать незаселенную полосу шириной в 500 м, а для покинувших ее иракских крестьян Кувейт обязался построить жилье на новом месте [73, с. 256].

Таким образом, наряду с вышеуказанными позитивными изменениями, которые произошли в отношениях Ирака с государствами Залива, между ними сохранялись проблемы, решение которых требовало от сторон доброй воли и взаимного компромисса.

После свержения баасистского режима, когда начался процесс формирования отношений Ирака с государствами региона на новой основе, восстановлению и налаживанию традиционных связей с Египтом придавалось важное значение. По мере развития политического процесса, восстановления и постепенной нормализации сотрудничества со странами региона, в двусторонних отношениях выделились три основных блока проблем: гуманитарный, экономический и военно-политический.

Гуманитарная составляющая их отношений касалась, прежде всего, проблемы иракских беженцев в Египте, число которых, по разным данным, составляло от 80 до 200 тыс. человек [49, с. 31]. Принимая во внимание серьезные экономические проблемы Египта, их массовый приток создавал дополнительную социально-экономическую напряженность в египетском обществе.

По мере стабилизации обстановки в Ираке в двусторонних отношениях доминирующую роль стала играть экономическая составляющая, которая постепенно стала охватывать новые сферы. В марте 2004 г. в Каире прошла конференция, посвященная восстановлению иракской экономики, в работе которой участвовало порядка тысяча представителей деловых кругов с обеих сторон. Для углубления торгово-экономических связей между двумя странами, оказания помощи предпринимателям и содействия осуществлению совместных проектов по восстановлению экономики и инфраструктуры было решено создать Совет по экономическому сотрудничеству. В ходе конференции были также обсуждены вопросы привлечения египетских компаний к восстановлению различных отраслей иракской экономики, включая промышленность, торговлю,

связь и сферу обслуживания, тем более что у многих из них имелся опыт длительной работы в Ираке [77, с. 36]. На встрече деловых кругов двух стран в марте 2004 г. в столице Иордании Аммане было подписано соглашение о том, что арабские страны под эгидой ЛАГ создадут совместную компанию по осуществлению крупных экономических проектов в Ираке. В том же году «Иракские авиалинии» возобновили регулярное воздушное сообщение между Багдадом и Каиром [176, с. 101].

Несмотря на определенные трудности, с 2005 г. двусторонние связи стали выходить на более высокий уровень. В мае 2005 г. Каир посетил премьер-министр Ирака А.Алави, который обсудил с египетским руководством перспективы политических и торгово-экономических отношений. Была достигнута договоренность о создании совместной комиссии по двустороннему сотрудничеству в указанных областях, а также сфере безопасности и обороны. Египет также взял на себе обязательство по оказанию содействия в подготовке необходимых военных и полицейских кадров для Ирака. Главной же целью визита нового главы правительства Н. аль-Малики в Каир в декабре 2007 г. являлось оживление роли Египта в иракских делах, когда расчет был сделан на то, что улучшение отношений с ведущим государством арабского мира подтолкнет и другие арабские страны к аналогичным действиям [77, с. 37]. В Каире он также провел переговоры с Генеральным секретарем ЛАГ А.Мусой и призвал его содействовать активному участию арабских стран в восстановлении Ирака. В ходе визита вице-президента Ирака А.А.Махди в Каир премьер-министр Египта А.Назиф заявил, что его правительство поощряет компании вкладывать инвестиции в различные отрасли иракской экономики и крупные инфраструктурные проекты.

Военно-политическая тематика в двусторонних отношениях стала особенно актуальной после убийства в июле 2005 г. боевиками «аль-Каиды» главы египетской дипломатической миссии в Багдаде И. аш-Шарифа. Тогда Египет вынужден был закрыть ее и отозвать всех сотрудников. Только после трехлетнего перерыва в начале октября 2008 г. Багдад посетила египетская правительственная делегация во главе с министром иностранных дел А.Абуль-Гейтом и

министром нефти С.Фахми. В ходе переговоров с иракским руководством помимо обсуждения широкого круга вопросов двустороннего сотрудничества, была достигнута договоренность о возобновлении деятельности египетского посольства в Багдаде. Дипломатическая миссия начала функционировать в иракской столице с ноября 2009 г. [303].

11 июля 2009 г. между Ираком и Египтом был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам двустороннего сотрудничества и стратегического диалога. В политической области предусматривалось создание Высшего комитета по сотрудничеству во главе с министрами иностранных дел, в функции которого входило обсуждение наиболее важных политических вопросов, а также укрепление связей между оборонными ведомствами и правоохранительными органами двух стран. Экономическая часть документа включала создание Совета предпринимателей двух стран, который определял приоритетные направления сотрудничества в области торговли и инвестиций, готовил комплексный план по углублению отношений в социальной, культурной и научной сферах, а также в области образования и туризма [401, с. 282]. Важным стимулом для развития двусторонних отношений явилось подписание в ходе визита министра иностранных дел Ирака Х.Зебари в Каир в ноябре 2009 г. девяти соглашений в области гражданской и оборонной промышленности, сельского хозяйства, торговли, строительства, образования, а также банковской сферы.

В ноябре 2009 г. министры внутренних дел двух стран подписали в Каире Меморандум о взаимопонимании по вопросам совместной борьбы с международным терроризмом и трансграничной организованной преступностью. Стороны договорились систематически обмениваться информацией и опытом работы различных структур МВД, а Египет обязался оказать помощь в подготовке полицейских кадров для Ирака.

В конце мая 2010 г. в Багдаде произошло событие, способное омрачить поступательное развитие двусторонних отношений – вблизи здания египетской дипломатической миссии была осуществлена террористическая акция, в результате чего четверо сотрудников консульства получили ранения различной

степени тяжести. Однако посол Ш.Шахин заявил, что его страна не намерена *«отзывать миссию из Багдада, и она продолжит свою работу. Террористам не удастся нас запугать и заставить отказаться от поддержки Ирака»* [303].

Одним из нерешенных проблем в двусторонних отношениях оставался вопрос, связанный с иракским долгом и выплатой компенсаций египетским фирмам и рабочим за ущерб, понесенный ими в начале 90-х гг. По подсчетам египетской стороны, долг Ирака составлял более 1,5 млрд. долл., из них: государству – 535 млн. долл., частным компаниям – 222 млн. долл., рабочим – 784 млн. долл. [141, с. 82], тогда как иракская сторона оценивала общую сумму долга примерно в 800 млн. долл. В ходе визита в Багдад министра иностранных дел Египта А.Абуль-Гейта в декабре 2010 г. в числе обсуждаемых вопросов был и этот. Помимо Багдада он побывал также в столице курдской автономии Эр-биле, где участвовал в открытии египетского консульства. Он заявил о намерении Каира расширить свое багдадское диппредставительство и открыть еще два консульства – в Мосуле и Басре.

Отметим, что в целом поступательное развитие двусторонних отношений не означало на деле урегулирования всех имеющихся проблем, однако крайняя заинтересованность Багдада и Каира в дальнейшем углублении сотрудничества позволяла им избегать острых углов. Это давало Египту дополнительные рычаги для эксплуатации имиджа «независимого и сильного игрока» в регионе, способного также выступить в качестве «взвешенного и рассудительного миротворца». Для Ирака же расширение политических связей и углубление экономического сотрудничества с самым крупным арабским государством являлось весомым аргументом для демонстрации потенциальным инвесторам «признаков стабилизации ситуации» в стране.

Ирако-сирийские отношения, традиционно отличавшиеся сложностью и конфликтностью, и после смены режима в Багдаде сохранили присущие им негативные черты.

Отметим, что крушение режима С.Хусейна в апреле 2003 г. вызвало беспокойство сирийской политической элиты, которая опиралась на аналогичные

идеологические доктрины и принципы. Усилившееся американское давление фактически поставило Дамаск в политическую изоляцию, когда он попал в окружение не только недружественных, но и нелояльных соседей. По мнению известного исследователя Г.И.Мирского, Б.Асад столкнулся со сложнейшей проблемой: с одной стороны, он не мог себе позволить быть обвиненным в том, что *«предал заветы»* своего отца Х.Асада, отказался от традиционного и испытанного политического курса, с другой – он не мог не учитывать плачевный опыт соседнего баасистского режима; идти на конфронтацию с США, находясь фактически в полной изоляции, он был не в состоянии [133, с. 91].

Включение Госдепартаментом США в «черный список» стран-спонсоров международного терроризма и близость к так называемым «странам-изгоям» стали для Сирии серьезным сигналом. Вашингтон пытался заставить ее отказаться от поддержки радикальных группировок типа «Хизбаллах» в Ливане, палестинских ХАМАС и «Исламский Джихад», а также вывести 20-тысячный военный контингент из Ливана [213, с. 98]. После завершения иракской операции президент Дж.Буш выступил с серьезным предупреждением в адрес Сирии, заявив, что *«ее власти должны сотрудничать с США и их партнерами по коалиции, а не укрывать тех, кто несет ответственность за тяжкие военные преступления: членов партии Баас, военных руководителей и других лиц, которым должен быть предъявлен соответствующий счет. Мы надеемся, что сирийцы поняли смысл этих слов»* [81]. В середине апреля 2003 г. с целью «наказания» Сирии за открытую поддержку сил иракского сопротивления Вашингтон перекрыл перекачку иракской нефти по нефтепроводу Керкук-Баньяс-Триполи. Госсекретарь К.Пауэлла в преддверии визита в Дамаск в мае 2003 г. заявил, что *«Сирия уже давно дает повод для беспокойства как государство, где существует репрессивная политическая система, которая на протяжении длительного времени поддерживает терроризм»*. По его словам, в результате падения режима С.Хусейна *«в регионе сложилось новое соотношение сил и желательно, чтобы сирийское руководство признало новую реальность и проводило соответствующую ей политику»* [85, с. 110]. В октябре 2003 г. Конгресс

США принял «Закон об ответственности Сирии», предусматривавший введение против нее экономических санкций.

Отметим, что ирако-сирийских отношений в первые послевоенные годы складывались непросто, поскольку Дамаск не скрывал своего в целом негативного отношения к его новым властям за то, что они олицетворяют оккупационный режим. В то же время Сирия однозначно выступала за сохранение территориальной целостности Ирака и против его федерализации по этническому принципу, которая могла привести к непредсказуемым последствиям не только для него, но и других государств региона. Она также настаивала на скорейшем выводе коалиционных сил с его территории и считала *«сопротивление иракцев американцам легитимным»* [215, с. 134]. В Сирии нашли прибежище многие функционеры свергнутого режима, которых она отказывалась выдавать новым властям. Через ее территорию в определенной мере осуществлялось финансирование деятельности суннитской вооруженной оппозиции, что не могло не вызывать серьезной озабоченности Багдада. После войны в Сирии нашли прибежищем до 500 тыс. иракских беженцев, и этот поток продолжался и в последующие годы – по некоторым данным, ежемесячно сюда прибывало до 40 тыс. человек [49, с. 29].

Багдадские власти регулярно выступали с обвинениями в адрес Сирии за вмешательство во внутренние дела страны и пособничество силам местного сопротивления. Они обвиняли ее также в попустительстве проникновению в Ирак боевиков и террористов и требовали принять надлежащие меры по обеспечению безопасности на их общей границе и положить конец деятельности бывших баасистских лидеров на своей территории. Президент Ирака Дж.Талабани даже назвал Сирию *«главным источником нестабильности»* в стране [69, с. 35]. Сирийские власти отвергали эти обвинения и заявляли, что организация надежной охраны 605-километровой границы с Ираком сопряжена с большими трудностями и финансовыми затратами. Проблема приобрела настолько серьезный характер, что Госсекретарь США К.Пауэллом в сентябре 2004 г. обсудил с министром иностранных дел Сирии Ф.Шараа вопрос о создании трехсторон-

ней ирако-американо-сирийской комиссии для выработки необходимых мер в этом направлении. В результате деятельности созданной в сентябре 2004 г. в Дамаске трехсторонней рабочей группы, вдоль общей границы был сооружен земляной вал, оборудована 251 застава, где было организовано патрулирование с обеих сторон пограничной зоны силами военных и пограничников [67, с. 54].

Несмотря на комплекс проблем, региональные интересы стран диктовали необходимость нормализации двусторонних отношений. В отличие от политической сферы, которая была подвержена влиянию объективных и субъективных факторов, торгово-экономические связи между двумя странами в послевоенные годы развивались более успешно. Так, если объем экспорта только сирийского частного сектора в 2005 г. составил около 800 млн. долл., то в 2006 г. эта цифра почти удвоилась и достигла 1,8 млрд. долл. главным образом за счет поставок нефтепродуктов [216, с. 23]. В 2005 г. возобновилось воздушное сообщение между Багдадом и Дамаском. Под давлением США Ираку были возвращены принадлежавшие свергнутому режиму 262 млн. долл., замороженные на особом счету Коммерческого банка Сирии.

С целью интенсификации двусторонних отношений в ноябре 2006 г. в Багдаде с официальным визитом побывал глава сирийского МИДа В.Муаллем, который провел переговоры с президентом Дж.Талабани, премьер-министром Н. аль-Малики и министром иностранных дел Х.Зибари. Это был первый после свержения режима С.Хусейна визит в Ирак высокопоставленного лица из соседней страны. Основное внимание в ходе переговоров было уделено вопросам безопасности, которые имели для Ирака принципиальное значение. Стороны договорились о восстановлении дипломатических отношений в полном объеме, а также создании совместной комиссии по сотрудничеству в сфере экономики и безопасности. Хотя визит В.Муаллема был отмечен некоторыми позитивными тенденциями, в целом же, его значение не стоило переоценивать – он не привел к прорыву в политической сфере, а проблемы, решение которых иракская сторона ожидала от Дамаска, не нашли должного «понимания» на этом этапе. В их число входил в первую очередь вопрос оказания помощи суннитской воору-

женной оппозиции [69, с. 37]. В декабре 2006 г. в соответствии с подписанным соглашением, были восстановлены разорванные в 1980 г. дипломатические отношения. В том же месяце в Дамаске прошли переговоры на уровне министров внутренних дел, в ходе которых обсуждались вопросы сотрудничества и взаимодействия в борьбе с терроризмом и организованной преступностью.

В 2007 г. отношения между двумя странами вышли на более высокий уровень – с 14 по 19 января 2007 г. в Дамаске с официальным визитом находился президент Ирака Дж.Талабани в сопровождении членов правительства и депутатов. Хотя в преддверии визита он заявил, что потребует экстрадиции высокопоставленных лиц прежнего режима, которые обвинялись в поддержке движения сопротивления в Ираке, но по его итогам никаких официальных заявлений не было сделано, что указывало на то, что в этом вопросе стороны не достигли взаимопонимания. Было подписано несколько документов по экономическому сотрудничеству, но ожидаемые реальные подвижки в двусторонних отношениях не произошли.

Отметим, что ухудшение ситуации в сфере безопасности в Ираке вынуждали США искать альтернативные варианты, которые предполагали пересмотр позиций в отношении стран, в той или иной мере влиявших на внутрииракские процессы. Продолжая обвинять Сирию в «неправильной» политике в «иракском вопросе», Белый дом тем не менее не возражал против диалога двух стран по проблемам безопасности. При этом от Дамаска требовалось на деле подтвердить готовность помочь иракскому правительству, а главное – положить конец проникновению террористов через свою территорию [82, с. 149].

Плотная вовлеченность Сирии в «иракские дела» выразилась и в том, что с 2006 г. в Дамаске начали проходить заседания Международного координационного комитета по безопасности и международной рабочей группы по вопросам пограничного контроля. В его работе помимо делегаций из Ирака и стран-соседей участвовали эксперты ООН, ЛАГ, ОИК (ОИС), а также США, Великобритании, России, Франции, Египта, Китая и Японии. Их основной целью было содействие установлению контроля на иракской границе, предотвращение ис-

пользования его территории для нападений на соседние страны, что в конечном итоге способствовало достижению стабильности и безопасности не только в Ираке, но и регионе в целом. В рамках Координационного комитета в декабре 2006 г. в Дамаске был подписан ирако-сирийский Меморандум о взаимопонимании в сфере безопасности, незаконной миграции и терроризма [69, с. 36].

Рейд американского спецназа из Ирака на сирийскую территорию в конце октября 2008 г. привел к серьезному кризису в отношениях двух соседних стран. Для обсуждения создавшейся ситуации в ноябре 2008 г. Дамаск посетил министр иностранных дел Х.Зибари. На встрече с В.Муаллемом наряду с обсуждением широкого спектра двусторонних отношений, он акцентировал внимание на основных положениях военного договора с США и заверил, что Ирак постарался учесть интересы стран-соседей. Х.Зибари объявил о решении правительства возобновить в Дамаске деятельность дипломатической миссии на уровне посольства. 28 января 2009 г. на основе взаимной договоренности в сирийскую столицу после почти 30-летнего перерыва прибыл посол Ирака.

В марте 2009 г. состоялся ответный визит в Багдад министра иностранных дел Сирии В.Муаллема, в ходе которого помимо обсуждения двусторонних проблем, были затронуты некоторые аспекты региональной безопасности. А в апреле того же года в Багдаде с официальным визитом побывал премьер-министра Сирии Н.Атари, который принял участие в заседании Высшего комитета по двустороннему сотрудничеству. Стороны подписали ряд документов в области торговли и финансов, создания совместных предприятий и свободных экономических зон, но, по их мнению, главной сферой экономического партнерства могло быть развитие взаимовыгодного сотрудничества в нефтяной сфере. Важным итогом переговоров стала договоренность о создании комиссии высокого уровня по стратегическому сотрудничеству во главе с премьер-министрами, а также развитию связей в военно-политической и экономической областях, в сфере дипломатии и безопасности [73, с. 296].

Визит Н. аль-Малики в Дамаск 18-19 августа 2009 г. был призван дать новый импульс развитию двустороннего сотрудничества. На переговорах с прези-

дентом Б. Асадом и другими официальными лицами обсуждались практически все аспекты взаимоотношений, включая вопросы безопасности. Для Сирии нормализация отношений с Багдадом служила расширению ее влияния в иракских делах и демонстрировала особую роль как региональной величины. Целью же Ирака было при помощи соседней страны обеспечить внутреннюю стабильность и безопасность, предотвратить проникновение боевиков через западную границу. В ходе визита Н. аль-Малики передал список разыскиваемых лиц, которые нашли убежище на сирийской территории [69, с. 40].

Краткий период взаимовыгодного сотрудничества продлился недолго – 19 августа 2009 г. в Багдаде прогремела серия взрывов, унесшая жизни более 200 человек. Иракские власти обвинили в их совершении активистов запрещенной партии Баас, которые нашли убежище в Сирии и действовали по ее указке. 25 августа 2009 г. Ирак отозвал своего посла из Дамаска и в резкой форме потребовал от сирийских властей экстрадиции двух баасистских лидеров, которые обвинялись в причастности к организации серии терактов на его территории. В ответ Сирия также отозвала своего посла из Багдада. Воспользовавшись этим случаем, иракские власти обратились с призывом ко всем заинтересованным государствам содействовать их борьбе против террора и экстремизма. Принимая в Багдаде специального посланника Генсека ООН О.Фернандеса-Таранко, глава правительства Н. аль-Малики заявил о необходимости положить конец кровопролитию и обратился к международному сообществу провести независимое расследование террористических атак в Багдаде.

Для минимизации отрицательных последствий возникшего между двумя странами политико-дипломатического кризиса в начале сентября 2009 г. в Каире в штаб-квартире ЛАГ по инициативе Генерального секретаря А.Мусы прошли переговоры между министрами иностранных дел Х.Зибари и В.Муаллемом. В том же месяце министры провели еще две встречи – в Стамбуле и Нью-Йорке, однако они не привели к существенным подвижкам. Иракское руководство продолжало требовать от Сирии экстрадиции баасистских лидеров, причастных к организации терактов в Багдаде, и других лиц, подозреваемых в тер-

рористической деятельности и организации вооруженного сопротивления. Сирия отвергала обвинения в свой адрес и заявляла, что иракская сторона пока не предоставила «заслуживающих доверия свидетельств», которые указывали бы на «сирийский след» в организации терактов в Багдаде и других местах. В ответ Ирак разместил дополнительные подразделения внутренних войск на совместной границе, которые должны были «*закрыть бреши и пресечь проникновение боевиков*» [116, с. 114]. Напомним, что позже ответственность за взрывы взяла на себя связанная с «аль-Каидой» радикальная группировка «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ).

В августе 2010 г. кризис между Багдадом и Дамаском удалось локализовать, и дипломатические отношения были восстановлены в полном объеме. Стороны договорились «сохранять хорошие отношения, которые отвечают их общим стратегическим интересам», а также развивать двусторонние экономические связи, в том числе – возобновить транспортировку иракской нефти через сирийскую территорию. Отметим, что к этому времени Ирак превратился в одного из основных экономических партнеров Сирии в регионе. Объем торгового оборота между ними в 2010 г. составил более 2 млрд. долл. и имел устойчивую тенденцию к росту, причем большую часть из этой суммы составлял сирийский экспорт. Интеграция между двумя странами в рамках общего экономического пространства в определенной степени помогала Сирии справляться с последствиями ужесточившихся в указанные годы санкций со стороны США и ЕС. Благодаря обширному иракскому рынку, открытому для сбыта сирийских товаров, и с помощью ее посреднических компаний, которые обеспечивали соседнюю страну необходимыми товарами, она смогла свести к минимуму воздействие этих санкций.

В первые послевоенные годы значительный интерес представляла динамика развития ирако-турецких отношений. Длительный и сложный процесс, связанный с политическим переустройством в Ираке и попытками улучшить ситуацию в сфере безопасности и правопорядка, привел к активизации политики Турции в иракском направлении, которая выражалась в стремлении участво-

вать в послевоенном переустройстве соседней страны, для чего, в первую очередь, требовалось наладить тесные контакты с его новыми властями.

Одной из наиболее острых проблем в двусторонних отношениях в послевоенный период оставалась нейтрализация террористической деятельности РПК, чьи боевики действовали в Северном Ираке. Если раньше турецкая армия могла проводить против них трансграничные операции сначала по договоренности с С.Хусейном, затем пользуясь безвластьем в «зоне безопасности», то после войны власть на Севере перешла в руки курдских партий, а лидер ДПК – М.Барзани стал главой КАР. Известно, что курды были против присутствия турецких военных на контролируемых ими территориях, а с изменением их статуса и усилением позиций проблема приобрела более сложный характер [104, с. 140]. В ходе визита премьер-министра Ирака И. аль-Джафари в Анкару в мае 2005 г. при обсуждении вопросов безопасности он обещал, что против боевиков РПК будут приняты серьезные меры, но никаких конкретных шагов по пресечению их деятельности предпринято не было. С 2007 г. ситуация в данной сфере стала меняться в лучшую сторону – в ходе визита премьер-министра Ирака Н. аль-Малики в Анкару в августе 2007 г. был подписан Меморандум о соглашении, где указывалась на необходимость нейтрализации деятельности всех террористических группировок, включая РПК, а в сентябре министры иностранных дел подписали Соглашение о сотрудничестве с терроризмом и обеспечении безопасности на общей границе. Подписание этих документов открыло перед Анкарой новые возможности – 17 октября 2007 г. ВНСТ одобрил запрос правительства о предоставлении сроком на год полномочий на проведение операций против боевиков РПК в Северном Ираке. В ходе официальных визитов в Турцию в марте 2008 г. президента Дж.Талабани, а в декабре того же года премьер-министра Н. аль-Малики была подтверждена важность взаимодействия в вопросах безопасности, в том числе противодействия боевикам РПК. Дж.Талабани даже обещал содействие курдских лидеров в выдворении их с контролируемых им территорий [73, с. 325].

«Проблема Севера» для Анкары была тесно связана с обеспечением по-

литических прав иракских туркманского в рамках единого государства, а также вопросом будущего статуса Керкука [42, с. 289]. Исходя из сложившихся в регионе в посткризисный период реалий, Анкара делала ставку на решение туркманской проблемы «изнутри». Суть этой политики заключалась в усилении их политической активности, вовлечении к участию в различных структурах власти, выборных органах, социально-экономических процессах и т.д. Что касается статуса Керкука, то курды стремились превратить его в столицу КАР, Турция же выступала за придание этому городу особого статуса, исключавшего его вхождение в состав курдской автономии.

Особое внимание в указанный период уделялось развитию и углублению экономического сотрудничества между двумя странами. Создание прочной базы для взаимовыгодных партнерских отношений отвечало их интересам. Ирак был заинтересован в экономическом сотрудничестве с Турцией, в достаточной степени, интегрированной в мировой рынок. В свою очередь успешное развитие региональной кооперации позволяло Турции расширить рынки сбыта и привлечь дополнительные инвестиции, а также усилить свои региональные позиции в целом [183, с. 66]. Отметим, что в указанный период их двусторонние экономические связи имели тенденцию неуклонного роста. Так, если товарооборот между двумя странами в 2003 г. составлял всего 940 млн. долл., 2007 г. равнялся 3,5 млрд. долл., то уже 2008 г. он достиг 6 млрд. долл. С июня 2003 г. Турция возобновила поставки нефтепродуктов в Ирак, объем которых к 2006 г. составлял 10 млн. т, а также продовольствия, воды, электроэнергии и т.д. В конце 2004 г. в Ираке были открыты филиалы турецких банков «Зираатбанк» и «Вақыфбанк». К 2005 г. турецкие подрядчики участвовали в 110 проектах на общую сумму в 1,5 млрд. долл. [182, с. 146].

Визит в Анкару иракской правительственной делегации во главе с премьер-министром Н. аль-Малики в конце 2008 г. был ознаменован подписанием ряда важных соглашений в экономической сфере. Министр иностранных дел Ирака Х.Зебари в ходе визита в Анкару в январе 2009 г. обсудил со своим турецким коллегой А.Бабаджаном вопросы безопасности – стороны договорились

в рамках трехстороннего (Турция – США – Ирак) механизма по борьбе с терроризмом создать в столице КАР – Эрбиле объединенный командный центр, который должен был координировать их действия и организовать обмен разведданными. Создание подобного центра означало вовлечение иракских курдов к решению вопросов, связанных с КРП. Багдад и Анкара были заинтересованы в налаживании нового формата сотрудничества, не дожидаясь вывода американских войск из Ирака [354, с. 41]. В центре внимания официального визита президента Турции А.Гюля в Багдад в марте 2009 г. были вопросы расширения двустороннего торгово-экономического сотрудничества, а также проблемы безопасности на общей границе. По его итогам было подписано комплексное соглашение об экономическом партнерстве, в соответствии с которым стороны обязались предоставить режим наибольшего благоприятствования в сфере транзитных перевозок, устранения тарифных и нетарифных барьеров в торговле и инвестициях. Это открывало хорошие перспективы для оздоровления делового и инвестиционного климата, облегчения условий деятельности частных компаний, активизации энергетического сотрудничества и т.д.

Важным шагом на пути углубления двусторонних связей стал визит премьер-министра Турции Р.Т.Эрдогана в Багдад в июле 2009 г. Главным его итогом было подписание соглашения о создании Совета стратегического сотрудничества высокого уровня [45]. В августе 2009 г. министр иностранных дел Турции А.Давутоглу в сопровождении государственного министра внешней торговли З.Чаглаяна посетил Багдад. На переговорах с иракским руководством обсуждались вопросы, связанные с организацией первого заседания Совета стратегического сотрудничества. Министр иностранных дел Ирака Х.Зебари заявил о намерении Багдада поощрять инвестиций в экономику страны и создать более благоприятную атмосферу для деятельности иностранных инвесторов. Согласно достигнутой договоренности 17-18 сентября 2009 г. в Стамбуле прошло первое заседание Высшего совета стратегического сотрудничества. По его итогам было подписано более 40 соглашений и Меморандумов о взаимопонимании для реализации межгосударственных проектов в различных сферах, в

том числе в области энергетики, добычи и транспортировки нефти и природного газа, создания свободных экономических зон, а также разработки совместных проектов в области сельского хозяйства, здравоохранения и т.д. [4, с.1209].

15 октября 2009 г. премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган в сопровождении министров иностранных и внутренних дел, внешней торговли, энергетики, строительства, здравоохранения, транспорта, сельского хозяйства и окружающей среды посетил с визитом Багдад, где вместе с премьер-министром Н. аль-Малики принял участие во втором заседании Высшего совета. Стороны подписали около 50 Меморандумов о взаимопонимании в сфере экономики, здравоохранения, коммуникаций, транспорта, добычи нефти, жилищного строительства и т.д. [183, с. 70]. Обмен делегациями различного уровня свидетельствовал о серьезности намерений сторон углублять интеграцию и сотрудничество в самом широком формате. Визит А. Давутоглу в сопровождении представительной делегации турецких деловых кругов в конце октября 2009 г. был примечателен тем, что впервые министр иностранных дел Турции посетил столицу КАР – Эрбиль, где провел переговоры с курдскими лидерами. А.Давутоглу также принял участие в официальных церемониях открытия консульств Турецкой Республики в Басре и Мосуле. Он заявил о намерении Турции открыть консульства также в столице автономии – Эрбиле, а также Керкуке.

Ирако-турецкие отношения значительно активизировались после парламентских выборов 2010 г. По времени они совпали с завершающей фазой американского военного присутствия в Ираке, поэтому интенсификация многопланового сотрудничества между двумя странами стала не только средством реализации их экономических и политических интересов, но и способствовала укреплению позиций официального Багдада. Стремление Турции улучшить отношения с иракскими шиитами и курдами свидетельствовало о попытках придать турецко-иракскому сближению необратимый характер и ослабить влияние в «иракские дела» других региональных и глобальных игроков. В целом же большая вовлеченности Турции в региональные процессы стала результатом последовательной диверсификации внешней политики Анкары, способство-

вавшей усилению ее позиций и влияния в региональном балансе сил.

Отметим, что в послевоенный период региональная политика Ирака формировалась в определенной степени под влиянием его отношений с соседним Ираном. Он был первым государством региона, который официально признал легитимными все органы и структуры государственной власти, сформированные в Багдаде после смены режима. Несмотря на их переходный характер и нахождение под контролем коалиционных сил, иранский президент М. Хатами высказался за необходимость сотрудничества с ними и оказания всяческого содействия в послевоенном восстановлении страны.

По мере активизации шиитского фактора и выдвижения шиитских партий и группировок на авансцену политической борьбы значение иракского вектора в региональной политике Ирана усилилось. Это объяснялось многими причинами. Во-первых, обеспечение национальной безопасности при наличии 1500-километровой общей границы требовало сохранения дружественных или, как минимум, нейтральных отношений с соседом, территория которого могла использоваться в качестве плацдарма для любых, в том числе, агрессивных, действий; во-вторых, Ирак с его большими запасами стратегически важных нефтегазовых и других ресурсов являлся потенциально выгодным экономическим партнером. В-третьих, наличие в Ираке многомиллионной шиитской общины, а также шиитских святынь в Кербеле, Наджафе и Куфе предопределяло их тесную религиозную и культурную близость. Отметим в этой связи, что с падением режима Тегеран стал активно использовать «шиитскую карту» в политических целях, причем в том виде, который шел вразрез с американскими интересами и планами. В-четвертых, находясь в окружении американских военных баз, Иран стремился найти точки соприкосновения с потенциальными союзниками в регионе для создания в перспективе коалиции шиитских государств (Иран, Сирия, Ливан), с подключением к ней Ирака, где шиитам удалось сосредоточить в руках основные рычаги власти [179].

Несмотря на послевоенные проблемы Ирака, он продолжал сохранять свою роль как важное геополитическое пространство в регионе. Неудивитель-

но, что после формирования постоянных органов власти Тегеран предпринял активные шаги для укрепления своих позиций в соседней стране. Сделав ставку на различные общественно-политические и религиозные группировки, Иран превратился в одного из основных игроков на иракском политическом поле. В первые послевоенные годы в качестве одного из его главных союзников выступала ведущая шиитская партия Ирака – ВСИРИ и его харизматический лидер М.Б. аль-Хаким (после убийства ее возглавил его брат А.А. аль-Хаким), который отличался своей близостью к иранской правящей верхушке [73, с. 305]. Занимая довольно сильные позиции в иракской оппозиции, ВСИРИ рассматривался американцами в качестве возможного участника военной акции на стороне коалиции, а также одним из ключевых игроков в посткризисной стадии урегулирования. Тегеран рассчитывал использовать его как посредника для установления негласного канала с Вашингтоном не только по иракской проблематике, но и по всему комплексу региональных вопросов. На главу ВСИРИ также возлагалась миссия связующего звена в диалоге с ведущими шиитскими политическими группировками и религиозными авторитетами для усиления их представительства во властных структурах [98, с. 45]. Наряду с ВСИРИ Тегеран традиционно поддерживал партию «ад-Даава аль-Исламия», а также ещё несколько более мелких шиитских религиозно-политических группировок – «аль-Амаль аль-Ислами», «Движение иракских моджахедов», «Исламское движение в Ираке», «Иракская исламская партия», чьи офисы на постоянной основе функционировали в Иране.

Иран, проводивший активную политику за влияние в Ираке, использовал не только шиитскую, но и курдскую карту [166, с. 167]. Кроме традиционных контактов с основными курдскими партиями – ДПК и ПСК, имевшими постоянные представительства в Иране, еще три партии – «Исламское Общество Курдистана», «Исламское Движение Курдистана» и «Исламский Союз Курдистана», объединенные в «Кумеле Ислами», пользовались поддержкой Тегерана, что усиливало его влияние на религиозное население КАР [97, с. 233].

После формирования легитимных органов власти в Багдаде начался

процесс постепенного сближения двух стран. Новые иракские власти, заинтересованные в нормализации связей со странами региона, в особенности с соседними, придавали исключительно большое значение отношениям с Ираном. Тегеран со своей стороны проделал значительную работу для интенсификации двусторонних связей. Активный обмен делегациями различного уровня привел к созданию необходимой правовой базы для развития их взаимоотношений.

Этой же цели служило открытие в 2005 г. иранского посольства в Багдаде, а также консульств в основных центрах влияния – Сулеймании и Эрбиле на севере, Басре – на юге и Кербеле – в центре страны. 9 мая 2006 г. посол Ирана Х.К.Коуми вручил верительные грамоты президенту Дж.Талабани, официально приступив к исполнению своих обязанностей [98, с. 44]. Иран также первым из стран региона открыл в Багдаде свое торговое представительство. Открытие иранского посольства стало толчком к интенсификации двусторонних отношений в различных сферах. Этой же цели послужил визит министра иностранных дел М.Моттаки в мае 2006 г. в Багдад. Официальный визит в Тегеран премьер-министра Ирака Н. аль-Малики в сентябре 2006 г. стал еще одним шагом на пути развития двусторонних отношений, основным элементом которых в тот период являлось сотрудничество в экономической сфере.

Посещение президентом Ирака Дж.Талабани Тегерана в ноябре 2006 г. и его переговоры на высшем уровне способствовали улучшению политического климата и формированию стабильной основы для развития устойчивых политических и экономических связей между двумя странами. В Совместном заявлении нашли отражение ряд принципиальных вопросов, в частности стороны договорились выполнять уже взятые на себя обязательства, обозначили приоритетные области сотрудничества, включая безопасность и нефтяную сферу, а также договорились ускорить процесс создания Генконсульств Ирана в Эрбиле и Сулеймании и Генконсульства Ирака в Мешхеде и переводе еще одного из Хорремшахра в Ахваз, возобновить регулярные посещения паломниками религиозных святынь. Экономический блок включал участие иранских компаний в проектах по переустройству и инфраструктурному восстановлению Ирака, об-

легчение пограничного режима, снятие существующих барьеров и увеличение пассажиропотока через пограничные пункты. Это шло вразрез с позицией Вашингтона, который считал необходимым ужесточить пограничный контроль и препятствовать проникновению террористических групп из Ирана. Однако основное смысловое значение переговоров Дж.Талабани с М.Ахмадинежадом следовало рассматривать через призму региональной и глобальной конъюнктуры. То, что они проходили в критический для внутривосточного развития Ирака период, указывало на растущее влияние иранского фактора в иракском урегулировании, стремление Тегерана более масштабно воздействовать на ситуацию в соседней стране. Наряду с этим, курс на диверсификацию связей с Ираком, большинство населения которого составляли шииты, преследовал далеко идущие цели иранского руководства – сформировать новый стратегический альянс в регионе по оси Багдад-Тегеран с последующим подключением в него Сирии [174]. Своим острием он был направлен против глобальных и региональных интересов США и их западных партнеров.

В ходе официального визита в Тегеран президента Дж. Талабани в июне 2007 г. была достигнута договоренность о строительстве нефтепровода для поставок иракской нефти из Басры в Абадан, а в ноябре 2007 г. были подписаны соглашения о постройке двух трубопроводов: для транспортировки сырой нефти из Ирака в Иран и нефтепродуктов из Ирана в Ирак [98, с. 44]. В феврале 2008 г. в Тегеране было подписано соглашение о частичном урегулировании вопроса о границе, который включал реконструкцию пограничных постов, уничтоженных в ходе ирано-иракской войны, а также восстановление сухопутных и морских границ, включая пограничную линию по реке Шатт эль-Араб на основе Алжирского соглашения 1975 г. В январе 2009 г. в Тегеране побывал премьер-министр Ирака Н. аль-Малики, который обсуждал вопросы безопасности в регионе, двустороннего сотрудничества в области энергетики, транспорта и торговли. Эти же проблемы затрагивались в ходе рабочего визита президента Дж.Талабани в Тегеран в феврале 2009 г.

Прогресс, достигнутый в различных областях, на деле не означал оконча-

тельного решения всех имеющихся проблем в двусторонних отношениях. Неслучайно, в марте 2009 г. министр иностранных дел Ирака Х. Зибари, выступая на брифинге перед журналистами, впервые открыто признал наличие серьезных разногласий с Ираном по вопросам прохождения линии сухопутной и морской границы, в частности по реке Шатт эль-Араб. Сложностью отличались также вопросы по так называемому «гуманитарному досье» – обмен военнопленными и судьба пропавших без вести, выплата Ирану военных репараций, которые, по данным ООН, составляли около 97 млрд. долл. Х.Зибари называл тщетными многочисленные попытки иракской стороны убедить Тегеран в необходимости совместного урегулирования этих проблем. Конец 2009 г. был отмечен инцидентом на границе, когда иранские военные заняли участок иракской территории в районе нефтяного месторождения Факка. В связи с этим в январе 2010 г. в Багдаде состоялась встреча министров иностранных дел Х.Зибари и М.Моттаки, на которой было решено создать специальные технические комитеты для урегулирования всех вопросов, связанных со спорными участками границы. Согласно достигнутой договоренности, в конце января 2010 г. иранские военные были полностью выведены с иракской территории [124, с. 305].

Парламентские выборы в Ираке в марте 2010 г. сопровождались активным вмешательством Ирана, который практически превратился в одну из сторон предвыборного процесса. Несмотря на неоднократные предупреждения иракских властей о недопустимости вмешательства внешних сил во внутренние дела страны, Тегеран стремился обеспечить победу близких, либо, по меньшей мере, лояльных себе политических сил. Во время длительного и сложного процесса формирования правительства иранские власти также выступали с позиций поддержки тех группировок или альянсов, которые более других отвечали их региональным и геополитическим интересам.

Таким образом, при всей своей многоплановой зависимости от США официальный Багдад проявлял больше самостоятельности в своей региональной политике. Однако было ясно, что эта тенденция могла получить дальнейшее развитие в случае упрочения его внутренних позиций, в первую очередь за

счет достижения конкретных позитивных изменений в сфере безопасности и успешного продвижения политического процесса в стране.

В целом же отметим, что вне зависимости от интересов и целей ведущих мировых и региональных акторов, трудности и проблемы на пути формирования новых общественно-политических и экономических отношений в послевоенном Ираке, он продолжал рассматриваться как один из потенциальных центров силы на Ближнем Востоке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Конец 60-х годов XX в. ознаменовал важную веху в общественно-политическом развитии Ирака. Пришедшая к власти в результате переворота 17-30 июля 1968 г. радикальная националистическая партия Баас, сумела объединить вокруг своей идейно-политической платформы различные слои и выдвинуться в качестве руководящей и направляющей силы общества.

2. Став правящей партией, Баас столкнулась со сложными внутри- и внешнеполитическими проблемами, главные из которых состояли в обеспечении ее ведущих позиций в обществе путем создания централизованной партийно-политической системы, способной создать массовую базу режима; укреплении политической и экономической независимости страны; ограничении засилья международных нефтяных монополий; преодолении изоляции Ирака в регионе и на международной арене и т.д. Оказавшись в целом на высоте исторического момента, правящей партии удалось осуществить некоторые из основных лозунгов своей платформы. Начальный этап правления Баас был насыщен преобразованиями в базисе и надстройке иракского общества – была осуществлена широкая программа социально-экономических преобразований, национализирована нефть, разрушены экономические и политические позиции феодализма в стране, был взят курс на ускоренную индустриализацию на базе развития государственного сектора в экономике.

3. Оказавшаяся в статусе единоличной власти в стране партии Баас предстояло решить сложные проблемы в области внешней политики. Была взята ориентация на укрепление национальной независимости путем проведения в целом антизападного курса. Приоритетные направления внешнеполитической деятельности правительства включали в себя улучшение отношений с арабскими странами в рамках так называемой «арабской политики»; проведение активной региональной политики; расширение всесторонних связей со странами Восточного блока во главе с СССР; разграничение политических отношений с развитыми странами Запада по степени их «дружественности» или «враждеб-

ности арабской нации».

4. Среди ведущих региональных проблем, в решении которой активно участвовал Ирак, была ближневосточная проблема. Хотя Ирак непосредственно не граничил с Израилем и условно составлял «вторую линию» арабо-израильской конфронтации, тем не менее он был опосредованно вовлечен в нее и стремился координировать свою политику с деятельностью других арабских стран. При этом иракские власти имели определенную свободу действий и больше возможностей для маневрирования при принятии практических решений, поскольку во внутренней политике страны фактор палестинских беженцев занимал подчиненное положение, а их деятельность жестко регламентировалась. В исследуемый период ближневосточная политика Ирака претерпела определенную эволюцию и трансформацию – если в 70-е годы отвергались все способы политического урегулирования арабо-израильского конфликта, отрицалось право Израиля на существование, а единственным средством признавалась вооруженная борьба вплоть до его полного уничтожения, то в 80-е годы под воздействием международных и региональных факторов, а также прагматического подхода к проблемам арабского мира иракские лидеры заявили о возможности его урегулирования мирными средствами. В целом, анализ политики Ирака по ближневосточному урегулированию обнаружил негибкую, довольно однообразную и прямолинейную, а главное – далекую от реальности позицию, которая не только не позволила занять ключевые позиции в его решении и обеспечить стране статус лидера арабского мира, но и приводила в различные периоды к его политической изоляции в регионе.

5. Одной из проблем, осуществление которой имело концептуально-практическое значение для правящей партии Баас, являлась проблема «арабского единства», которая формировалась под влиянием постулата о принадлежности арабов к единой исторической и социокультурной общности. Ирак, претендовавший на роль единственного последовательного выразителя идеи «арабского единства» и руководителя объединенного арабского государства, в своей «объединительной» политике вынужден был критически переосмыслить и

учесть ошибки и неудачный опыт «прошлых экспериментов». Поэтому радикализм, присущий начальному этапу в осуществлении арабского единства, сменился на более осторожный и прагматичный подход. Оставаясь одним из краеугольных принципов баасистской идеологической системы, идея арабского единства при практической реализации сталкивалась с серьезными объективными и субъективными трудностями. Иракские лидеры вынуждены были считаться с существованием независимых арабских стран в рамках международно признанных государственных границ. Анализ «объединительного» опыта в исследуемый период свидетельствовал о преобладании внутри арабского мира тенденции не к сплочению, а углублявшемуся размежеванию. Она подтверждалась и историей самого баасизма, с середины 60-х годов находившегося в состоянии идейно-организационного раскола. Будучи правящей партией в Ираке и Сирии, Баас не только не смогла реализовать идею единого арабского государства, но даже добиться объединения этих стран на базе своей идейно-политической платформы.

б. Важной составной частью внешней политики Ирака являлись отношения с арабскими странами, которые рассматривались как особая сфера его международных связей. Характерной чертой межарабских политических отношений было неизменное противоборство центростремительных и центробежных тенденций. Среди факторов, способствовавших сохранению их взаимного притяжения, можно назвать сходство проблем, связанных с необходимостью обретения экономической независимости, укрепления национального суверенитета и урегулирования ближневосточной проблемы. Дестабилизирующее воздействие на межарабские отношения оказывали рост социально-политической дифференциации арабских стран, борьба за лидерство в арабском мире, столкновение идеологий, вмешательство внерегиональных сил. Хотя основные принципы «арабской политики» Ирака опирались на серьезную идейно-теоретическую базу, они зачастую носили декларативный характер, возникал разрыв между выдвинутыми лозунгами, теоретической постановкой вопросов и их практической реализацией.

7. В исследуемый период Ирак однозначно обозначил свои претензии на ведущую роль и лидерство в арабском мире. Этот курс неоднократно приводил к столкновению его интересов и целей с интересами других арабских стран не только в рамках двусторонних отношениях, но и по коренным проблемам арабского мира, причем в каждом конкретном случае противоречия и соперничество между ними, борьба за влияние, преломляясь через сложную систему международных, региональных и национально-государственных интересов, принимали различные формы и конфигурации. Крайний радикализм и бескомпромиссность неоднократно приводили Ирак к изоляции в арабском мире.

8. Симбиоз центробежных и центростремительных тенденций в арабском мире в полной мере отражал взаимоотношения Ирака с ведущими арабскими государствами. С одной стороны, сходство и общие характерные черты проблем, с которыми сталкивались все без исключения арабские страны, наличие целого ряда нерешенных проблем арабского мира, делали их потенциальными союзниками. С другой стороны, соперничество за влияние и лидерство в регионе, различие социально-экономических и политических ориентаций, идеологическое противоборство, территориальные претензии, а также противоречия субъективного характера создавали серьезные препятствия на пути их интеграции и сотрудничества, как на двусторонней, так и многосторонней основе.

9. Одним из ведущих аспектов внешнеполитической деятельности Ирака в исследуемый период были его отношения с государствами Запада, которые условно можно подразделить на два этапа. Если для первых лет баасистского правления характерным был в целом антизападный курс, борьба с засильем в экономике западных монополий, то в последствии в этом курсе отчетливее прослеживалась тенденция к смягчению противоречий и улучшению отношений с Западом. При этом, формируя отношения с этой группой стран, разграничивались понятия «вражеские империалистические государства» и те, которые занимали «относительно положительные позиции к арабскому миру». По мнению иракских лидеров, развитие взаимовыгодных и равноправных технико-экономических и торговых отношений с ведущими государствами Запада без опасе-

ния попасть под их влияние стало возможным после достижения экономической и финансовой независимости, прочной «политической воли» в лице правящей Баас. С приходом к власти С.Хусейна во внешней политике Ирака стал возобладать прагматический подход, который был подчинен одной главной цели – путем обеспечения прочных международных позиций добиться регионального лидерства.

10. В исследуемый период одним из приоритетных направлений внешней политики Ирака было развитие отношений со странами Восточного блока во главе с СССР, которые, однако, под влияние объективных и субъективных факторов претерпели определенную трансформацию. На начальном этапе проблема выбора ведущего партнера в рамках полюса Запад – Восток решился в пользу последнего, что было обусловлено, прежде всего, необходимостью гарантии внешнеполитической поддержки для решения как внутренних, так и ряда региональных проблем, укрепления политической и экономической самостоятельности путем получения технико-экономической, военной и иной помощи. Однако со второй половины 70-х годов XX в. начинается постепенный отход от линии на стратегический союз с СССР, который тесным образом был связан с процессами, происходившими в социально-экономической и политической надстройке Ирака – завершение процесса «баасизации» политической системы и превращение ее в однопартийную диктатуру. Основными элементами этого курса были прагматический подход в международной политике, «сбалансированная» политика по оси Запад – Восток, позиция «равной удаленности» от двух «центров влияния».

11. Курс на создание прочной политической и экономической базы для превращения Ирака в государство-лидера арабского мира и «центра силы» на Ближнем Востоке стал приоритетной внешнеполитической целью правящей партии Баас по усилению идейно-политическое влияние страны в регионе. Основанная на арабском национализме идеологическая база и стабильное политическое руководство должны были обеспечить создание прочной базы для принятия долговременных стратегических установок, обосновать центрсилового

тенденции в политике Ирака, особенно в области региональных отношений. Именно в этом контексте следовало рассматривать хроническую конфронтацию на межгосударственном уровне с рядом стран региона, которые в той или иной форме препятствовали осуществлению им своих амбициозных планов, а также между иракской и сирийской ветвями баасизма за идеологическое влияние.

12. Процесс активизации региональной политики Ирака был связан как с внутренними, так и внешними факторами. Его претензии на роль регионально-го «центра силы» объективно подкреплялись следующими показателями. Во-первых, географическое местонахождение в центре Ближнего Востока делали исключительно широкой и активной сферу региональных интересов и политической вовлеченности Ирака. Во-вторых, Ирак являлся одним из крупнейших нефтедобывающих стран и экспортеров нефти, доходы от которой создавали материальную базу для проведения энергичной региональной политики. В-третьих, региональная активность Ирака стала возможной благодаря наличию стабильного режима и политического руководства, которые способствовали усилению его политического влияния в регионе. В-четвертых, Ирак имел бое-способную и хорошо оснащенную армию, которая была способна подкрепить его региональные амбиции.

13. Особым вектором внешнеполитической деятельности официального Багдада в исследуемый период была зона Залива, который приобрел исключительную актуальность с 80-х годов XX века. Важным шагом в направлении утверждения лидерства Ирака в данном субрегионе, осуществления его «особой миссии» в арабском мире стало инициирование процесса «арабизации» Залива, обеспечение ее безопасности и стабильности путем заключения коллективного пакта с арабскими монархиями Залива, а также координации их деятельности в области внешней политики и обороны. Однако центробежные тенденции в арабском мире, попытки формирования «центров сил» различной политической ориентации, обострение борьбы за лидерство, рост амбиций отдельных арабских лидеров на фоне явного несовпадения их интересов и целей привели к блокированию иракских инициатив возглавить «объединительные» процессы в

данном субрегионе.

14. На пути обеспечения лидерства Ирака в зоне Залива главным препятствием являлся Иран, стратегические цели которого были направлены на установление собственной гегемонии в данном субрегионе. В условиях борьбы между внерегиональными и региональными акторами, обострившейся после исламской революции в Иране, традиционные ирако-иранские противоречия стали приобретать особую смысловую нагрузку. В основе конфронтации и соперничества между двумя странами лежал комплекс причин политического, экономического, религиозного, этнического, территориального характера, многие из которых имели глубокие исторические корни и неоднократно приводили к столкновениям и конфликтам. Перехлестывание их интересов и соперничество за лидерство на фоне широкого круга дестабилизирующих факторов привели к восьмилетней войне между ними. Однако вопреки расчетам и ожиданиям, война с Ираном не только не укрепила позиций Ирака в зоне Залива, напротив она обернулась для него большими политическими, экономическими, финансовыми и моральными потерями, впустую был растрачен политический капитал, накопленный на международной арене и региональном уровне.

15. С конца 80-х годов Ирак приступил к усилению своего военно-технического и экономического потенциала, который должен был обеспечить базу для его центральных амбиций в регионе. Аккумулировавший избыточное для мирного времени вооружение и накопивший опыт боевых действий в ходе войны с Ираном, иракский режим осуществил в августе 1990 г. захват Кувейта, в результате чего планировал решить свои стратегические, военно-политические и финансово-экономические проблемы. Однако его основные политико-экономические расчеты оказались малообоснованными и не оправдались. Попытки Ирака утвердиться в статусе государства – лидера зоны Залива, арабского и, шире, мусульманского мира не только завершились крахом, но и привели к многолетней международной и региональной изоляции страны. В результате военного поражения от сил многонациональной коалиции Ирак был низвергнут до уровня второстепенной страны Ближнего Востока и лишился возможности

бороться за осуществление своих амбициозных планов.

16. Одним из серьезных последствий кувейтской авантюры для Ирака стало введение режима всеобъемлющих санкций, которые привели к ослаблению и консервации экономического и военно-технического потенциала страны, ограничению специальных военных программ и установлению над ними жесткого международного контроля. Дезинтеграционные процессы и выступления этно-конфессиональных групп в условиях ослабления режима явились серьезным испытанием для национальной государственности и территориальной целостности страны. Многолетние международные санкции оказали чрезвычайно негативное воздействие на все стороны иракского общества, внутреннюю и внешнюю политику страны.

17. С конца XX века Ирак превратился в центральное ядро острого военно-политического кризиса, принявшего широкие международные масштабы. События 11 сентября 2001 г. и борьба США против международного терроризма напрямую коснулись иракского режима, устранение которого было объявлено одним из главных целей антитеррористической кампании. В 2003 г. кризис вокруг Ирака вступил в решающую фазу – возглавляемая США международная коалиция осуществила военную операцию «Иракская свобода», в результате чего был ликвидирован режим партии Баас, который правил в стране в течение 35 лет и монопольно определял ее общественно-политическое и экономическое развитие, внутреннюю и внешнюю политику.

18. Война 2003 г. и ее последствия оказали существенное воздействие на всю структуру международных отношений. Ее главными геополитическими итогами стали расширение стратегического плацдарма США в регионе Ближнего Востока; окончательное уничтожение военной машины Ирака изменило баланс сил в борьбе за лидерство не только в зоне Залива, но в целом на Ближнем Востоке; формирование новой военно-политической обстановки в этом стратегически важном регионе. Свержение режима С.Хусейна, деятельность США и их союзников по формированию послевоенной власти в Ираке и нового миропорядка в регионе привели к изменению конфигурации политических сил, пе-

рассмотру многих аспектов внутренней и внешней политики расположенных здесь ключевых государств.

19. По завершении войны Ирак продолжал оставаться серьезным фактором конфликтности на Ближнем Востоке, что послужило основанием утверждать, что иракский кризис не был ординарным региональным явлением, а был кризисом международного масштаба. Это было обусловлено также высокой степенью его воздействия на сложную систему общественно-политических отношений в регионе в целом, как перекрестка важных геополитических и геоэкономических процессов и тенденций.

20. Процесс демонтажа баасистской государственной машины и становление новых общественно-политических и социально-экономических отношений в Ираке выявили серьезное влияние внешнего фактора на развитие конфликтной ситуации в этой стране. Трансформация иракского общества происходила в условиях противоборства региональных и глобальных сил, в общем контексте международных отношений. Одновременно свержение баасистского режима привело не только к кардинальной замене общественно-политического базиса и надстройки этой ключевой ближневосточной страны, но и породило новые вызовы для региональной и международной безопасности и стабильности. Исчез Ирак как региональная угроза в лице режима С.Хусейна, но возник новый комплекс угроз и вызовов, связанный с последствиями войны. Ирак превратился уже не в мнимый, а реальный центр террористической опасности. При этом очаг напряженности внутри- и вокруг этой страны оказывал возрастающее дестабилизирующее воздействие на военно-политическую ситуацию не только в зоне Залива, но на всем Ближнем Востоке.

21. Новый этап в развитии иракской государственности потребовал от официального Багдада выстраивания отношений с внешним миром, исходя из изменившегося статуса страны, а также с учетом новых геополитических и региональных факторов. Сохранение в стране оккупационных сил на фоне целого комплекса объективных и субъективных трудностей привело к коренным изменениям внешнеполитического курса, которые выражались в определенной уте-

ре самостоятельности при принятии важных решений.

22. По мере стабилизации ситуации и углубления политического процесса в Ираке начали происходить существенные сдвиги в сфере международного сотрудничества, которые выражались в его активном взаимодействии с мировыми и региональными акторами, а также ведущими международными организациями. Ведущие мировые и региональные государства, активно вовлеченные в «иракские дела» после смены режима, постепенно осваивали политическое и экономическое пространство страны.

23. Вне зависимости от интересов глобальных и региональных сил, а также серьезных проблем на пути становления нового Ирака, он продолжал рассматриваться как один из потенциальных «центров силы» на Ближнем Востоке. Исходя из динамики внутренних процессов и ситуативной конъюнктуры, иракский фактор сможет в будущем сохранить свое место среди центральных системообразующих факторов в сфере региональной военно-политической стабильности и безопасности.

24. Перспективы достижения региональной стабильности и безопасности, а также выстраивание официальным Багдадом долговременного формата отношений с международным сообществом будут напрямую зависеть от полной ликвидации военно-политических, социально-экономических и идеологических последствий войны в стране и за ее пределами.

25. Попытки Ирака в недалеком прошлом решать двусторонние проблемы с помощью военной силы создали опасные прецеденты, разрешить которые можно путем снижения уровня военного противостояния, сокращения вооружений и военных расходов до норм оборонной достаточности и выработки концепции всеобщей безопасности с учетом баланса сил и интересов всех стран региона. Осознание целесообразности и необходимости создания подобной системы координат могло бы способствовать позитивным сдвигам в деле укрепления мер взаимного доверия среди государств Ближнего Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На азербайджанском языке

1. Bağırova, A. 90-cı illərdə İraq-Türkiyə münasibətlərinin bəzi aspektləri //– Bakı: Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası, – 2003. №4, – c.124-131.
2. Bağırova, A. Müasir dövrdə İraq –Avropa İttifaqı münasibətləri // – Bakı: Tarix və onun problemləri. Akademik Ziya Bünyadonun 90 illik yubileyinə həsr olunur. Xüsusi buraxılış. – 2012. №2, – s.87-91.
3. Bağırova, A. 2003-cü il İraq müharibəsi ərəfəsində böyük güclərin siyasətinə dair //– Bakı: Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası, – 2010. №1, – s.93-98.
4. Bağırova, A. Türkiyənin “İraq siyasətinin” açar nöqtələri (2003-2010) // 13. Uluslararası Türk Dünyası. Sosial Bilimler Kongresi, – İstanbul: 2016, – s.1205-1212.
5. Nəsirov, E. Amerika Birləşmiş Ştatlarının antiterror doktrinası və onun tətbiqi mexanizmləri / E.Nəsirov. – Bakı: Elm və təhsil, – 2010. – 392 s.

На турецком языке

6. Armaoğlu, F. 20. Yüzyıl Siyasi Tarihi / F.Armaoğlu. – İstanbul: Tisa, – 1995. – 851 s.
7. Arı, T. 2000’li Yıllarda Basra Körfezinde Güç Dengesi / T.Arı. – Bursa: Alfa, – 1996. – 331 s.
8. Arı, T. Basra Körfezi ve Orta Doğu’da Güç Dengesi. 1978-1996 / T. Arı. – İstanbul: Alfa, – 1998. – 264 s.
9. Arı, T. Basra Körfezi ve ABD Politikası / T.Arı. – İstanbul: Alfa, –1993. – 271 s.
10. Arı, T. İraka BM Yaptırmalar: Kitle İmha Silahlarının Denetimi ve Ambargo // – Ankara: Avrasya Dosyası, – 2000. №3, – s. 234-255.
11. Arı, T. Geçmişden Günümüzde Orta Doğu. Siyaset, Savaş ve Diplomasi /T. Arı. – İstanbul: Alfa, – 2006. – 876 c.
12. Atay, M. Arab Baas Sosyalist Parisi Üzerine // – Ankara: Avrasya Dosyası, –

2000. №1, – s.131-154.
13. Bağirova, A. Çağdaş İrak'ta Egemenlik, Din ve Dini Mühalefet // – Ankara: Avrasya Dosyası, – 2000. №3, – s. 97-109.
 14. Bağirova, A. İrak'ın Sosyo-Politik Yaşamında Ordunun Rolü // – Ankara: 2023 Dergisi, – 2002. №14, – s. 48-53.
 15. Baram, A. İrak Yaptırımlarının Etkisi: İstatistik Tuzaklar ve Sorumluluk // –Ankara: Avrasya Dosyası, –2000. №3, – s. 256-288.
 16. Bayır, E. İki Düşmen Arasında «Pragmatist Tarafsız»: ABD'nin Olası Saddam'ı Devirme Operasyonunda İnan'ın Tutumu // – Ankara: Stratejik Analiz, – 2002. №21, – s. 73-77.
 17. Bengio, O. İrakın Toprak Bütünlüğü Tehdit Altında // –Ankara: Avrasya Dosyası, –1996. №2, – s.134-142.
 18. Bilen, Ö. Orta Doğu: Su Sorunları ve Türkiye / Ö. Bilen. – Ankara: Bilgi, – 2000, – 213 s.
 19. Bozarslan, H. Ortadoğu: Bir Şiddet Tarihi / H. Bozarslan. – İstanbul: İlerişim Yayınları, – 2010, – 390 s.
 20. Çeçen, A. Arap Dünyasında Nasir Önderliği //– Ankara: Avrasya Dosyası, –2000. №1, – s.186-200.
 21. Çampion, D. Suudi Arabistan Krallığı: İstikrar İçindeki İstikrarsızlık Unsurları // – Ankara: Avrasya Dosyası, – 2000. №3, – s. 95-114.
 22. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik. Türkiyenin Uluslararası Konumu / A.Davutoğlu. – İstanbul: Küre Yayınları, – 2001. – 584 s.
 23. Erkmen, S. Körfez Savaşı Sonrası İnan-İrak İlişkileri //–Ankara: Avrasya Dosyası, –2000. №3, – s.198-218.
 24. Erkmen, S. SSİB'nin Yıkılması Ertesinde Moskova – Bağdat İlişkileri // –Ankara: Stratejik Analiz, – 2002. №27, – s. 63-71.
 25. Erkmen, S., Yılmaz, H. Ortadoğu Denkemi ve Dünden Bugüne ABD'nin İrak Politikası // – Ankara: Stratejik Analiz, –2001. №12, – s. 21-33.
 26. Erkmen, S., Yılmaz, H. Türkiye – İrak İlişkilerinde Çatışma Unsurları ve İşbirliği Olanakları // – Ankara: Stratejik Analiz, –2001. №10, – s.41-47.

27. Erkmen, S., Yılmaz, H. Türkiye'nin Kuzey İraklı Kürt Gruplarla İlişkileri: 10 Yılın Anatomisi ve Geleceğe İlişkin Beklentiler //– Ankara: Stratejik Analiz, – 2002. №30, – s. 42-49.
28. Fuller, A.G. Kürtlerin Kaderi // – Ankara: Avrasya Dosyası, –1994. №1, – s. 199-220.
29. Gönlübol, M., Ülman, A. Savaş Sonu Dünyada Türkiye'nin Durumu // –Ankara: Olaylarda Türk Dış Politikası. Alfa, – 1996, – s.135-170.
30. Günel, Ş. Orta Doğu Petrolünün Uluslararası Politikadaki Yeri / Ş.Günel. – Ankara: Ankara Üniversitesi Basınevi, –1979. – 376 s.
31. Işık, H. Körfez'deki Kaynaşma // – Ankara: Silahlı Kuvvetler Dergisi, –1980. – №275, – s.79-83.
32. Kayar, M. Türk Amerikan İlişkilerinde Irak Sorunu / M.Kayar. – İstanbul: İQ Kültürsanat Yayıncılık, –2003. – 480 s.
33. Kılinc, R. Soğuk Savaş Sonrasında Basra Körfezinde Güvenlik: Yapılanma, Algılanmalar, Politikalar // –Ankara: Avrasya Dosyası, – 2000. №1, – s. 28-40.
34. Kuloğlu, A., Demirtaş-Coşkun, B. Türkiyenin «Anlaşılmayan» Dış Politikası ve Ulusal Güvenlik Stratejisi //– Ankara: Stratejik Analiz, – 2000. №8, – s. 83-93.
35. Mengü, J. Irak Mühalefetinde Son Durum // – İstanbul: Notlar, –1999. №3, – s. 71-80.
36. Oran, V. Kalkık Horoz Çekiç Güc ve Kürt Devleti / V.Oran. – Ankara: Bilgi Yayınevleri, –1996. – 272 s.
37. Orhan, O. Ortadoğu'nun Düşman Kardeşleri: Suriye ve Irak //–Ankara: Avrasya Dosyası, – 2000. №3, – s.180-197.
38. Över, K. Vaat Edilmiş Topraklarda Ölüm Kokusu. İstanbul / K. Över. – Ankara: Papirüs, –1999. – 318 s.
39. Özcan, N.A. Türkiyenin Kronikleşen Baş Ağrısı Kuzey Irak //– Ankara: Stratejik Analiz, –2001. №12, – s. 94-98.
40. Özdağ, U. İsrailin Kuzey Irak Politikası // – Ankara: Avrasya Dosyası, –1999. №1, – s.223-237.
41. Özman, A. Irak Ulusal Kongresi (İUK) ve Irak Muhalefeti Toplantısı //– İstanbul:

- Kerkuk, – 2000. №6, – s.19-23.
42. Saatçı, S. Tarihten Günümüze İrak Türkmenleri / S.Saatçı. – Ankara: Ötüken Neşriyyat A.Ş. – 2007. – 312 s.
43. Şen, A. Su Sorunu Ekseninde Suriya-İrak-Türkiye İlişkileri //–Ankara: Stratejik Analiz, – 2001. №12, – s. 88-93.
44. Tikençi, M. Dicle-Firat ve Türkiyenin Dış Politika Seçenekleri // – Ankara: Avrasya Dosyası, –1996. №2, – s. 179-198.
45. Türkiye-İrak Arasında İmzalanan yüksek Düzeyli Stratejik İşbirliği Konseyi Belgesi: [elektronik kaynak] / URL: <http://www.mfa.gov.tr/data>
46. Yılmaz, H. İrak'ta Mühalefet ve ABD'nin İrak Politikası // – Ankara: Avrasya Dosyası, –2000. №3, – s. 66-96.

На русском языке

47. Аббас, И. Стратегия промышленного развития Иракской республики (1968-1980 гг.): / Автореферат диссер. кандидата экономических наук / Москва, 1988. – 15 с.
48. Абдель-Монеим, Саид. Ради Ирака и Кувейта // – Каир: Аль-Ахрам. Центр политических и стратегических исследований, – 2009. №9, – с. 13-20.
49. Абилов, К.А. О положении иракских беженцев // – Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2004. №4, – с.27-34.
50. Азимов, К.С. Северный Ирак: конфликт между курдами и туркманами // – Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, – 2003, – с.245-254.
51. Александров, И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации / И.Александров. – Москва: Владос, – 2000. – 544 с.
52. Али, Осам Абед Али. Отношения Ирака с Европейским союзом после 2003 г. //– Минск: Международное право и международные отношения, – 2011. №2, – с.112-121.
53. Алибейли, Г.Д. Иран и сопредельные страны Востока (1946-1978) / Г.Алибейли. – Москва: Наука, – 1989. – 255 с.
54. Алиев, А. Иран vs Ирак. История и современность / А.Алиев. – Москва: Из-

дательство МГУ, – 2002. – 768 с.

55. Аль-Аджали, Ш. Политическая карта иракской оппозиции / Ш. аль-Аджали. – Лондон: Дар аль-Хикма, – 2000. – 213 с.
56. Аль-Амири, С.С. Роль Саудовской Аравии в ходе кризиса в Персидском заливе (1990-1991 гг.) // – Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, – 1996. №4, – с. 76-96.
57. Аль-Амири, С.С. Второй кризис в заливе (1990-1991 гг.) и его последствия / – Москва: Арабский сборник, Наука, – 2000. – с. 48-60.
58. Аль-Гунейм, А.Ю. Потерпел ли Ирак территориальный ущерб в результате демаркации границ с Кувейтом // – Москва: Азия и Африка сегодня, –1999. №4, – с.11-13.
59. Аль-Мурхидж, Б. ООН и кризис миротворчества в Арабском заливе (90-е гг.): /Автореферат диссер. кандидата исторических наук / Москва, – 1998. – 23 с.
60. Апдайк, Р.Дж. Саддам Хусейн (Политическая биография) / Р.Апдайк. – Москва: Феникс, –1999. – 487 с.
61. Арабская нация едина, ее миссия бессмертна. Партия Арабского Социалистического Возрождения. Иракский регион. Политический отчет восьмого регионального съезда / – Хельсинки: [б.и.], 1975. – 190 с.
62. Арабская карта Саддама Хусейна // Аргументы и факты. – 1990, 23 ноября. – с. 6.
63. Арабский мир. Три десятилетия независимого развития / Отв. Ред. В.А.Исаев. – Москва: Наука, –1990. – 373 с.
64. Арбатов, А. Иракский кризис в мировой политике: предыстория и перспективы // – Москва: Мировая экономика и международные отношения, – 2004. №10, – с.77-83.
65. Ахмед, Х.Ш. Роль Ирака в обеспечении безопасности в зоне Персидского (Арабского) залива в 80-е годы: / Автореферат диссер. кандидата исторических наук. / – Москва, 1990. – 16 с.
66. Ахмед, Али Нур Сахаб. Война в Ираке: основные причины и предпосылки //

- Минск: Ученые записки БГУ им. П.М. Машерова, – 2010. №9, – с.119-125.
67. Ахмедов, В.М. Сирийско-иракское сближение: «союз по любви» или «брак по расчету» // – Москва: Иракский кризис, – ИВ РАН, – 2004. – с. 53-57.
68. Ахмедов, В.М. Сирийско-иракские отношения: эволюция и перспективы // – Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 2002. №16, – с. 44-53.
69. Ахмедов, В. Сирия в международных отношениях на Ближнем Востоке. Некоторые проблемы региональной безопасности //– Москва: Ближний Восток: проблемы региональной безопасности, – ИВ РАН, – 2009. – с. 34-41.
70. Ахмедов, В.М., Кулагина, Л.М. Сирия, Турция, Иран: новые подходы к межрегиональному сотрудничеству // – Москва: Востоковедный сборник, ИИИиБВ, – 2006. – с.132-138.
71. Ахундова, Н., Багирова, А. Сирия и Ирак под властью Партии Арабского Социалистического Возрождения / Н.Ахундова, А.Багирова. – Баку: ЦЭР, – 2000. – 278 с.
72. Багирова, А. Внешняя политика Ирака (1968-2003) / А.Багирова. – Баку: Адильоглу, – 2003. – 540 с.
73. Багирова, А. Иракский кризис: внутренний и международный аспекты / А.Багирова. – Баку: Elm və təhsil, – 2017. – 376 с.
74. Берг, И.С. ФРГ – Ирак: активизация экономических отношений: [электронный ресурс] / URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/02-10-08.htm>
75. Берг, И. Инвестиции ФРГ в странах арабского мира // – Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 2009. №39, – с.50-71.
76. Берг, И. Новые и прежние проекты ФРГ в свете религиозных конфликтов в Ираке: [электронный ресурс] / URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/23-03-09.htm>
77. Билан, В. Египетско-иракские отношения на современном этапе // – Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2010. – с.35-41.
78. Борисов, А. Большая нефть – большая политика // – Москва: Азия и Африка сегодня, – 2000. №2, – с. 24-27.

79. Бордунов, М.В. Зона Персидского залива: особое направление в региональной политике Ирака //– Москва: Востоковедный сборник, ИВ РАН, – 2002. №3, – с. 143-147.
80. Бутрос-Гали, Б. Годовой доклад о работе организации, посвященный 50-й годовщине / Б.Гали. – Нью-Йорк: [б.и.], –1996. – 494 с.
81. Буш объявил об окончании войны в Ираке: [электронный ресурс] / URL: <http://www.newsru.com/world/02may2003/end.html>
82. Вавилов, А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран /А.И.Вавилов. – Москва: Библос Консалтинг, – 2009. – 352 с.
83. Валькова, Л.В. Саудовская Аравия в международных отношениях (1955-1977) / Л.В.Валькова. – Москва: Наука, – 1979. – 224 с.
84. Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США (2001-2002 гг.) / Под ред. В.А. Кременюка и П.Т.Подлесного. – Москва: ИСКР АН, – 2002. – 106 с.
85. Волович, А.А. Осложнение сирийско-американских отношений в контексте иракского кризиса // – Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, – 2006. – с.109-114.
86. Восток / Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д.Воскресенского. – Москва: РОССПЭН, – 2002. – 528 с.
87. Выступление Постоянного представителя Ирака при ООН г-на ад-Дури на пленарном заседании Совета Безопасности: [электронный ресурс] / URL: <http://www.un.org/arabic/peace/unmovic/iraq.htm>
88. Выступление Саддама Хусейна по телевидению. 19.03.2003: [электронный ресурс] / URL: <http://www.aljazeera.net/channel>
89. Гариб, З.М. Ирак и ЕС: [электронный ресурс] / URL: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?Aid=131944>
90. Гогитидзе, И.В. Британская политика «к востоку от Суэца». 70-е – первая половина 80-х годов / И.В.Гогитидзе. – Москва: Наука, – 1989. – 231 с.
91. Годин, Ю. Слагаемые национальной безопасности в «третьем мире» // –

- Москва: Международная жизнь, – 1991. №2, – с. 15-17.
92. Гринюк, В.А. Участие Японии в военной акции США в Ирак // – Москва: Актуальные проблемы современной Японии, ИДВ АН, – 2005. – с. 149-165.
93. Гюрби, Г. Перемены в курдской политике? Турция между догмой и либерализацией //– Бонн: Internationale Politik, – 1998. №1, – с.37-45.
94. Данилов, Л.И. Армия, власть и общество в современном Ираке // – Москва: Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии, ИВ РАН, – 2002. – с. 44-88.
95. Диктатор побежден – но не сломлен // – Москва: Новое время, – 1991. №12, – с. 15-17.
96. Жарикбаев, А. Международные настроения и маневры иракской дипломатии // – Москва: Ближний Восток, ИИИиБВ, – 2002. – с. 45-47.
97. Жигалина, О.И. Национальный и исламский факторы в политическом процессе в Иракском Курдистане //– Москва: Исламский фактор в истории и современности, Восточная литература, – 2011. – с.232-239.
98. Задонский, С.М. Ирано-иракские отношения на современном этапе // – Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2009. – с.43-48.
99. Заявление Генерального секретаря Лиги арабских государств Амр Мусы 27.02.2003: [электронный ресурс] / URL: <http://www.arableagueonline.org/ias/arabic/site>
100. Заявление Председателя СБ ООН. Ситуация в отношениях между Ираком и Кувейтом: [электронный ресурс] / URL: <http://www.un.org/russian/iraq/scdocs.htm>
101. Звягельская, И., Носенко, Т. США и страны НАТО в Персидском заливе // – Москва: Восток и современность, Наука, – 1987. №4, – с. 3-16.
102. Зеваров, Ф. Социально-экономические преобразования в Иракской республике (1958-1970 гг.) / Ф.Зеваров. – Москва: Наука, –1979. – 131 с.
103. Зейналов, М.М. Блокада Ирака: от наказания к антигуманности // – Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 2001. №11, – с. 93-105.

104. Иванова, И. Некоторые особенности турецко-иракских отношений // – Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, – 2002. №14, – с.139-146.
105. Иракско-американское торговое сотрудничество // – Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 2008. №18, – с.111-118.
106. Иранская революция 1978-1979 гг. Причины и уроки / Отв. ред. А.З. Арабаджан. – Москва: Наука, –1989. – 557 с.
107. Исаев, В. Россия и арабские страны: новые реалии экономического сотрудничества // – Бонн: Internationale Politik, – 2001. №8, с. 73-80.
108. Канинская, В.Н. Военная акция в Ираке: позиция Франции //– Москва: Иракский кризис. Международный и региональный контекст, ИВ РАН, – 2003. – с. 94-100.
109. Касаев, Э.О. Иракский нефтяной рынок снова открыт для России? // – Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2007. – с. 65-68.
110. Катамидзе, В. Ирако-кувейтский конфликт: (К десятилетию войны в Заливе) / В.Катамидзе. – Москва: АРИОС, – 2000. – 299 с.
111. Кейган, Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке / Р.Кейган. – Москва: РОСПЭН, – 2004. – 160 с.
112. Комаров, Е.А. «Кувейтский вопрос» и историко-географическая принадлежность эмирата // – Москва: Научные труды МПГУ. Социально-исторические науки. Прометей, – 2002. – с. 315-320.
113. Конопляник, А. Конфликт в Персидском заливе: экономические предпосылки и последствия // – Москва: Мировая экономика и международные отношения, –1991. №4, – с. 81-89.
114. Косач, Г. Саудовская Аравия: новые детали позиции по региональным вопросам //– Москва: Ближний Восток, ИИИиБВ, – 2007. – с. 73-79.
115. Кочевой, Г.А. О позиции Японии на иракском направлении // – Москва: Япония. 2004-2005, ИДВ АН, – 2005. – с.117-126.
116. Куделев, В.В. «Аль-Каида» и война в Ираке // – Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2009. – с.112-117.

117. Кувейт: государство и границы / Отв. ред. Г.Л.Бондаревский. – Москва: Т-Око, – 1994. – с. 36-37.
118. Кузнецов, В. Американское общественное мнение и использование военной силы: Период президентства Дж.Буша-младшего (2001-2009 гг.) / В.Кузнецов. – Москва: ЛИБРОКОМ, – 2010. – 448 с.
119. Ланда, Р.Г. Политическая роль мелкой буржуазии в арабских странах // – Москва: Арабские страны. История. Экономика. Наука, –1974. – с. 63-70.
120. Левин, О. Египет. После войны в Заливе //– Москва: Азия и Африка сегодня, –1992. №2, – с. 11-14.
121. Лойко, С.Л. Шок и трепет. Война в Ираке / С.Л.Лойко. – Москва: Вагриус, – 2003. – 256 с.
122. Лузянин, С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.) / С.Г.Лузянин. – Москва: АСТ: Восток-Запад, – 2007. – 447 с.
123. Лукин, В.П. «Центры силы». Концепции и реальность / В.П.Лукин. – Москва: Международные отношения, –1983. – 256 с.
124. Лукоянов, А.К. Исламский Иран – преемник монархии //– Москва: Исламский фактор в истории и современности. Восточная литература, – 2011. – с. 302-310.
125. Львов, В.В. Ирак: реалии власти и санкции //– Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 1997. №4, – с. 43-88.
126. Люсин, С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака // «Арабский мир в конце XX в.» Материалы 1 конференции арабистов Института востоковедения РАН, – Москва: ИИИиБВ, ИВ РАН, – 1996. – с. 37-48.
127. Ляпин, А.В. ООН и проблема Ирака в 1990-2003 гг.: / Автореферат диссер. кандидата исторических наук / – Москва, 2009. – 17 с.
128. Мамед-заде, П. Египет и ситуация вокруг Ирака в конце XX – начале XXI вв. // – Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 2004. №22, – с. 302-312.

129. Мамед-заде, П.Н. Всемирный экономический форум в Иордании: некоторые итоги и комментарии // – Москва: Ближний Восток, ИИИиБВ, – 2004. – с. 135-141.
130. Марзиев, И.З. Роль международных организаций в урегулировании конфликтов (На примере иракского кризиса конца XX в.): / Автореферат диссер. кандидата исторических наук / – Москва, 2003. – 16 с.
131. Мелихов, И.А. Арабо-исламская составляющая внешней политики стран ССАГПЗ //– Москва: Восток, – 2000. №2, – с.44-60.
132. Меморандум о взаимопонимании между ООН и Республикой Ирак. S/1998/166 / Б.Бутрос-Гали. Годовой доклад о работе организации, посвященный 50-й годовщине. – Нью-Йорк: [б.и.], –1996. – с. 409-411.
133. Мирский, Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты / Г.И.Мирский. – Москва: ГУ ВШЭ, – 2008. – 163 с.
134. Министерство культуры и информации. Бомбоубежище в Америя // – Багдад: Дар аль-мамун, – 1994. – 37 с.
135. Министерство культуры и информации. Интервью С.Хусейна для иностранных журналистов //– Багдад: Дар-аль-мамун, –1989. – 59 с.
136. Министерство культуры и информации Иракской Республики. Факты о революции 17 июля //– Багдад: Дар аль-мамун, – 1969. – 41 с.
137. Министерство культуры и информации. Саддам Хусейн по случаю 12-ой годовщины революции 17 июля // – Багдад: Дар-аль-мамун, –1980. – 45 с.
138. Министерство культуры и информации. Пресс-конференция С.Хусейна по поводу войны с Ираном //– Багдад: Дар аль-Мамун, –1982. – 72 с.
139. Мосаки, Н.З. Россия и иракские курды //– Москва: Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. Крафт+, – 2010. – с. 324-331.
140. Морозов, Г. ООН: опыт миротворчества // – Москва: Мировая экономика и международные отношения, – 1994. №7, – с. 34-50.
141. Мохаммад Аль-Саид, Идрис. От Дамаска и Анкары до Каира и Тегерана. Новая региональная сеть взаимодействия: как и почему? // – Каир: Аль-

- Ахрам. Центр политических и стратегических исследований, – 2010. №3, – с.70-89.
142. Мурхидж, Б. Позиции некоторых арабских стран в иракско-кувейтском конфликте // – Москва: Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. ИВ РАН, ИИИиБВ, – 1997. – с. 256-272.
143. Ниязатов, Ш.А. Ирано-иракский конфликт. Исторический очерк / Ш.А.Ниязатов. – Москва: Наука, – 1989. – 176 с.
144. Нури аль-Малики подтверждает нефтяное соглашение между Ираком и ЕС: [электронный ресурс] / URL: //http: www://Iraqi Media Net/ 2009/10
145. О положении в стране. Документ, представленный президентом Дж. Бушем Конгрессу США, – [б.м., б.и.], – 2002. – 39 с.
146. О некоторых особенностях внешней политики Ирака: [электронный ресурс] / URL:// http://rodon.org/polit-11126105022
147. Обращение президента Дж.Буша-мл. к нации 17 марта 2003 г.: [электронный ресурс] / URL:// http://www.rususa.com/news/news.asp-nid3526-catid-3
148. Олимпиаев, А.Ю. Ближний и Средний Восток: актуальные проблемы международных отношений / А.Ю.Олимпиаев. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, – 2002. – 239 с.
149. Олимпиаев, А.Ю. Международные проблемы Ближнего Востока (1960-2013) / А.Ю.Олимпиаев, А.М. Хазанов. – Москва: ЮНИТИ – ДАНА: Закон и право, – 2013. – 343 с.
150. Охотников, С.М. Иракская проблема как зеркало китайской дипломатии // – Москва: Иракский кризис. Международный и региональный контекст, ИИИиБВ, – 2003. – с. 98-111.
151. Пайос, Р. Военные полномочия президента и события в Персидском заливе // – Москва: США: экономика, политика, идеология, Вагриус, – 1992. №5, – с.76-81.
152. Письмо министра иностранных дел Ирака Наджи Сабри на имя Генерального секретаря ООН, 13.02.2002: [электронный ресурс] / URL: // http://www.un.org/arabic/whatnew/docs/02-1242.htm

153. Подколзин, Н. «Шиитский вопрос» в Ираке и политика Баас // – Москва: Восток и современность, Наука, –1986. №1, – с. 34-55.
154. Подцероб, А.Б. Россия и кризисные ситуации вокруг Ирака: история и современность // – Москва: Вестник МГИМО, – 2010. №5 (14), – с. 101-113.
155. Подцероб, А.Б. Шиитско-суннитское противостояние в Ираке: [электронный ресурс] / URL: // <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/11-01-07.htm>
156. Политика США в меняющемся мире / Отв. ред. П.Т. Подлесный. – Москва: Наука, – 2004. – 333 с.
157. Призыв ЛАГ к скорейшей стабилизации иракской ситуации, 2006 г.: [электронный ресурс] / URL: // <http://www.russian.xinhuanet.com/russian/middleeast.htm>
158. Полный текст выступления Барака Обамы в Каире: [электронный ресурс] / URL: // http://www.newsru.co.il/mideast/05jun2009/obama_text_103.html
159. Прелов, В.В. Некоторые аспекты обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // – Москва: Международные отношения, – 2009. №1, – с. 15-21.
160. Примаков, Е.М. Анатомия ближневосточной проблемы / Е.М.Примаков. – Москва: Мысль, – 1978. – 374 с.
161. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) /Е.М.Примаков. – Москва: ИИК Российская газета, – 2006. – 384 с.
162. Примаков, Е.М. Годы в большой политике / Е.М.Примаков. – Москва: Совершенно секретно, –1999. – 445 с.
163. Причины и характер ирано-иракского конфликта. Москва: [б.и.], – [б.г.], – 36 с.
164. Программа развития Ирака на конференции в Египте: [электронный ресурс] / URL: // <http://obzor.westsib.ru/news/165563>
165. Прозорова, Г.К. Иракский кризис и Россия // – Москва: Ближний Восток, Наука, –1997. №2, – с. 2-7.
166. Раванди-Фадаи, Л.М. О влиянии Ирана на ситуацию в Ираке // – Москва:

- Ближний Восток, – ИИИиБВ, – 2004. – с.165-172.
167. Ражбадинов, М.З. Ирак и проблема международного терроризма // – Москва: Иракский кризис, ИИИиБВ, – 2004. – с. 111-119.
168. Рашван, Зиа. Региональные последствия операции «шок и трепет» в Ираке // – Каир: Аль-Ахрам. Центр политических и стратегических исследований, – 2003. – с. 56-61.
169. Резолюция СБ ООН №986 от 14 апреля 1995 г. «Нефть в обмен на продовольствие»: [электронный ресурс] / URL: [//www.undocs.org/un](http://www.undocs.org/un)
170. Резолюция 1551 (2004), принятая СБ ООН 16 октября 2004: [электронный ресурс] /URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1551.htm>
171. Ректенвальд, М. Новое мышление и конфликт в Персидском заливе //– Москва: Мировая экономика и международные отношения, – 1992. №5, – с.135-140.
172. Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы XX – начало XXI века) / Под ред. В.А.Заир-бека. Москва: Институт Востоковедения РАН, – 2002. – 261 с.
173. Рогов, С.М. Война в Персидском заливе: некоторые предварительные итоги и уроки // – Москва: США: экономика, политика, идеология, Наука, – 1991. №8, – с. 12-21.
174. Розов, А.А. О перспективах нового стратегического альянса на Ближнем Востоке: [электронный ресурс] / URL:// <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/02-12-06.htm>
175. Роль Организации Объединенных Наций в поддержании международного мира и безопасности. На примере конфликта между Ираком и Кувейтом / Под ред. Г.Л.Бондаревского. Москва: М-ОКО, – 1999. – 216 с.
176. Руденко, Л. Восстановление и развитие экономики Ирака //– Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2005. – с.98-106.
177. Савинкова, Е., Широких, И. Кризис в Персидском заливе: воздействие на мировую экономику // – Москва: Мировая экономика и международные отношения, – 1991. №11, – с.110-115.

178. Сажин, В. Ирано-иракская война и страны Персидского залива / – Москва: Специальный бюллетень, Наука, – 1987. №7, – с. 62-78.
179. Сажин, В.И. О региональной политике Исламской Республики Иран: [электронный ресурс] / URL:// <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/22-08-04.htm>
180. Салом, С. Германо-иракские переговоры: [электронный ресурс] / URL: // <http://www.niqash.org/content.php?ContentTypeID=75&id=2396&lang=1>
181. Сафрончук, В.С. Дипломатическая история «Бури в пустыне» // – Москва: Международная жизнь, –1996. №10, – с.23-32.
182. Свистунова, И.А. Иракский фактор во внешней политике Турецкой Республики (1990-2007) / И.А.Свистунова. – Москва: Институт Ближнего Востока, – 2008. – 216 с.
183. Свистунова, И.А. Турция и Ирак на пути интеграции // – Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2009. – с.64-71.
184. Синовец, П.А., Гребцов, В.В. Об эволюции американской стратегии сдерживания на примере Ирака //– Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 2004. №24, – с. 115-124.
185. Скибинская, М.Я. Подходы арабских государств к военно-силовому варианту решения иракской проблемы // – Москва: Востоковедный сборник, ИВ РАН, – 2004. №6, – с. 109-112.
186. Слинкин, М.М. Ирано-иракская война 1980-1988 гг. Борьба на море / М.М.Слинкин. – Симферополь: Таврический Национальный Университет. –2001. – 220 с.
187. Смирнов, А.В. Международно-правовые вопросы осуществления экономических санкций Совета Безопасности ООН в отношении Ирака // – Москва: Ближний Восток и современность, ИВ РАН, – 2001, №3, – с.167-201.
188. Смоленский, А.А. Ирано-иракские отношения (факты, тенденции) // – Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, – 2003. №19, – с. 153-161.
189. Совместное заявление России, Германии, Франции: [электронный ресурс] /

URL:// <http://www.un.org/russian/whatnew/docs/03-214.htm>

190. Степанова, Е.А. Влияние войны в Персидском заливе 1991 г. на формирование современной американской модели урегулирования региональных конфликтов // – Москва: Вестник Московского Университета. История, – 1998. №3, – с. 36-56.
191. Стратегия национальной безопасности США в следующем столетии. Документ, представленный президентом Б.Клинтоном Конгрессу США / – Вашингтон: [б.и.] – 1997. – с. 2-7.
192. Сушенцов, А.А. Эволюция политических приоритетов США в Ираке // – Москва: США – Канада. Экономика, политика, культура, международные отношения, – 2010. №7, – с. 53-66.
193. Ткаченко, А.А. Ирак при С.Хусейне: мобилизационная экономика и социальный регресс // – Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, 2001. №20, – с. 333-342.
194. Троицкий, М. Европейский союз в мировой политике // – Минск: Международные процессы. Теория международных отношений и мировой политики, – 2004. №2, – с. 91-97.
195. Уткин, А.И. США и Западная Европа: торговля оружием /А.И.Уткин. – Москва: Наука, –1984. –180 с.
196. Уткин, А.И. Битва за Багдад / А.И.Уткин. – Москва: ЗАО Олма Медиа Групп, – 2009. – 608 с.
197. Уткин, А.И. Правда об Ираке или битва в Месопотамии / А.И.Уткин. – Москва: ЗАО Олма-Пресс, – 2007. – 496 с.
198. Фарес, В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке / В.Фарес. – Москва: Эксмо, – 2012. – 440 с.
199. Федченко, А.Ф. Ирак в борьбе за независимость (1917-1969) / А.Ф.Федченко. – Москва: Наука, – 1970. – 315 с.
200. Франция. В поисках новых путей / Отв. Ред. Ю.И.Рубинский. – Москва: Весь Мир, – 2007. – 624 с.
201. Хамидов, З. Межэтническая и межконфессиональная борьба в Республике

- Ирак в конце XX в. //– Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, – 2001. №11, – с. 234-243.
202. Хамидов, З.Ш. Ирак-Иран – противоборство и сосуществование / Республика Ирак в системе международных отношений (80-е годы XX в. – начало XXI в.). – Москва: Институт Востоковедения РАН, – 2002. – с.118-121.
203. Ходаренок, М. Сценарий войны против Ирака // – Москва: Независимое военное обозрение, – 2002. №31, – с.43-48.
204. Цыганок, А.Д. Геополитические изменения на Ближнем Востоке после иракской войны // – Москва: Ближний Восток и современность, ИИИиБВ, – 2005. №13, – с.139-145.
205. Шарипов, У.З. Проблемы международной безопасности в Персидском заливе в 1990 гг. и политика США // – Москва: Ближний Восток: проблемы региональной безопасности, –ИИИиБВ, – 2000. – с. 34-50.
206. Шарипов, У.З. Три иракские войны трагические ступени крушения политического режима президента Саддама Хусейна // – Москва: Крушение саддамовского Ирака и реакция стран Азии, –ИВ РАН, – 2003. – с. 24-51.
207. Шарипов, У.З. Персидский залив: Обострение политической и военной ситуации и международных отношений в конце XX – начале XXI вв. / У.З.Шарипов. – Москва: ИВ РАН, – 2010. – 351 с.
208. Шелест, А. Международная конференция по Ираке в Брюсселе: [электронный ресурс] / – URL: // <http://www.iimes.ru/rus/stas/2005/07/05/htm>
209. Шестопалов, В.Я. Персидский залив: проблема континентального шельфа / В.Я.Шестопалов. – Москва: Наука, – 1982. – 327 с.
210. Шидяев, Р.А. Ситуация вокруг Ирака (краткий анализ) // – Москва: Ближний Восток, ИВ РАН, – 2002. – с.32-36.
211. Шмелева, Т.А. Иракский кризис и египетско-иракские отношения // – Москва: Ближний Восток, ИИИиБВ, – 2003. №2, – с. 58-64.
212. Шохин, С. Политика США после кризиса в Персидском заливе // – Москва: Мировая экономика и международные отношения, – 1991. №8, – с. 5-20.
213. Шумилин, А. США против стран-изгоев на Ближнем Востоке: кто под при-

целом? //– Москва: Международная жизнь, – 2003. №7, – с. 96-101.

214. Шумилин, А. Проблема Ирака в американо-российских отношениях (2002-2006 гг.) // – Москва: США-Канада. Экономика, политика, культура, – ИАК, – 2006. №10, – с.35-46.
215. Щенников, В.М. Место Сирии в арабском мире после падения режима Саддама Хусейна // – Москва: Ближний Восток и современность, – ИИИиБВ, – 2003. №20, – с.132-142.
216. Экономика Ирака в постсаддамовский период // – Москва: Ближний Восток и современность, –ИИИиБВ, – 2007. №17, – с.17-32.
217. Юрченко, В.П. О положении в иракской оппозиции // –Москва: Иракский кризис. –ИИИиБВ, – 2004. – с.72-78.
218. Юрченко, В.П. Иракско-кувейтские отношения: будет ли свет в конце тоннеля? //– Москва: Иракский кризис. –ИИИиБВ, – 2003. – с.83-87.
219. Юрченко, В.П. Вопросы безопасности в докладе «Группы по изучению Ирака» // – Москва: Ближний Восток, –ИВ РАН, – 2006. – с.245-254.

На английском языке

220. Abidi, A. Iranian Perspectives Saddam Miscalculated. Iran-Iraq War into the Fourth Years // World Focus, – 1983. №45, – p. 92-98.
221. Abu Jaber, K.S. The Arab Ba'th Socialist Party: History, Ideology and Organization / K.S. Abu Jaber. – New York: Syracuse Univer. Press, –1966. – 364 p.
222. Acharya, A. US Military Strategy in the Gulf / A. Acharya. – London: Oxford Press, – 1989. – 203 p.
223. Al-Alkim, H.H. The GCC States in the Unstable World. Foreign Policy Dilemmas of Small States / H.H. Al-Alkim. – London: Routledge, –1994. – 231 p.
224. Al-Mazidi, F. The Future of the Gulf. The Legacy of the War and the Challenges of the 1990s / F. Al-Mazidi. – London: Oxford Press, – 1993. –174 p.
225. Al-Mussawi, M. Iraq's Oil. The people struggle against oil companies covets / M. Al-Mussawi. –Baghdad: Dar al-Hurriya, –1973. –189 p.
226. Al-Nasrawi, A. The Economy of Iraq. Oil War, Destruction of Development and

- Prospects /A. Al-Nasrawi. – New York: Greenwood Press, –1996. – 264 p.
227. Arab Ba'th Socialist Party. The Political Manifesto of the 10-th National Congress /– Beirut: Dar al-Talia, – 1970. – 128 p.
228. Axelgard, F.W. A New Iraq? The Gulf War and Implications for US Policy / F.W. Axelgard. – New York: Praeger, –1988. – 144 p.
229. Aykan, M.B. Turkey's Northern Iraq Policy // Middle Eastern Studies, –1996. №4, – p. 342-345.
230. Baram, A. Ideology and Power Politics in Syrian-Iraqi Relations. 1968-1984. Syria under Assad. – New York: St. Martin's Press, – 1986. – p.122-139.
231. Baram, A. Saddam Hussein between his Power Base and the Internal Community // Middle East Review of International Affairs, – 2000. №4, – p. 96-102.
232. Barkey, H.J. Turkey and Iran after Gulf War // Middle East Policy, –2000. №4, – p. 30-34.
233. Barkey, H.J. Turkey's Kurdish Question Executive Summary / H.J. Barkey. – New York: Rowman, –1997. – 279 p.
234. Batatu, H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq / H. Batatu. – New Jersey: Princeton Univer. Press, –1978. – 1149 p.
235. Bengio, O. How Does Saddam Hold // Foreign Affairs, –2000. №4, – p.95-97.
236. Bengio, O. The Challenge to the Territorial Integrity of Iraq // Survival, – 1995. №2, – p.85-94.
237. Blix, H. Disarming Iraq / H. Blix. – New York: Pantheon, – 2004. – 122 p.
238. Bolukbashi, S. Turkey Challenges Iraq and Syria: The Euphrates Dispute // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies, – 1993. №4, – p. 23-27.
239. Bradley, P.C. Recent United States Policy in the Persian Gulf / P.C. Bradley. – New Hemshire: Tompson & Rutter Inc., –1982. – 239 p.
240. Brown, M. The Nationalization of IPC // International Journal of Middle East Studies, –1979. №2, – p.112-117.
241. Bush, G.W. State of the Union Adress. Yanuary 29, 2002: [electronic resource] / URL: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01/2002129-11.html>
242. Bush Sending Additional US Forces to Support Iraqi Troops President tells

- American public he is backing Iraqi security plan: [electronic resource] / URL: usinfo.state.gov/archives/display.html
243. Bymen, D. Let Iraq Collapse // *The National Interest*, –1996. №2, – p.78-82.
244. Bymen, D., Waxman, M. Confronting Iraq: U.S. Policy and the Use of Force since the Gulf War. Rand Corporation Publication. 2000: [electronic resource] / URL: <http://www.rand.org/publications/MR/MR1146>
245. Campbell, J.C. Soviet Policy in the Middle East // *Current History*, – 1981. №462, –p. 2-10.
246. Cottom, R. The Iraq-Iran War // *Current History*, – 1980. №489, – p. 17-21.
247. Dann, U. Iraq under Qassim: A Political History (1958-1963) / U. Dann. – New York: Praeger, – 1969. – 345 p.
248. Dawisha, K. The USSR and the Middle East // *Foreign Affairs*, –1982. №2, –p. 64-76.
249. Dyer, G. After Iraq: Anarchy and Renewal in the Middle East / G. Dyer. –Washington: Thomas Dunne, – 2008. – 120 p.
250. Egyptian Iraqi Free Trade Zone Agreement Effective: [electronic resource]/ URL: <http://www.arabicnews.com>
251. Eppel, M. Syrian-Iraqi Relations: Iraq as a Factor in the Syrian Foreign Policy // *Modern Syria*. – London: Sussex Academic Press, –1996. – p. 209-218.
252. Fizzly, N. The Iran-Iraq Conflict / N. Fizzly. – Paris: ETA, –1981. – 335 p.
253. Foley, S. The UAE: Political Issues and Security Dilemmas // *Middle East Review and International Affairs*, 2000. №1, – p. 44-46.
254. Freedman, R.C. Russian-Iranian Relations in the 1990's // *Middle East Review of International Affairs*, – 2000. №5, – p.124-125.
255. Freedman, L., Karsh, E. The Gulf Conflict: Diplomacy and War in the New World Order. 1990-1991 / L. Freedman, E. Karsh. – Princeton: Princeton University Press, –1993. – 276 p.
256. Garfield, R. Morbidity and Mortality among Iraqi Children from 1990 to 1998 / R. Garfield. – Indianapolis: Praeger Press, –1999. – 179 p.
257. Goodman, M., McGiffert, C. Gorbachev's New Directions in the Middle East //

- Middle East Journal, 1988. №4, – p. 574-582.
258. Grayson, B.L. Soviet Intentions and American Options in the Middle East / B.L. Grayson. – Washington: National Defense University Press, – 1982. – 214 p.
259. Gulliam, N. Syria and the New World Order / N. Gulliam. – London: Routledge, – 1999. – 276 p.
260. Hiro, D. The Longest War: The Iran-Iraq Military Conflict / D. Hiro. – New York: Routledge, –1991. – 239 p.
261. Human Rights Watch. Endless Torment: The 1991 Uprising in Iraq / New York: [w.p.], –1992. – p. 14-32.
262. Hunter, Sh.T. Iran after Khomeini / Sh. Hunter. –New York: Praeger, – 1992. – 163 p.
263. Hussein, S. On Social and Foreign Affairs in Iraq / S. Hussein. – Baghdad: Al-Thawra, –1981. – 123 p.
264. Iran-Iraq Conflict. – Baghdad: al-Thawra, – 1982. – 198 p.
265. Iran-Iraq War // World Focus, – 1983. №9, – p.7-13.
266. Iran's New Gulf Game // Newsweek, –1991. №12, – p. 24-26.
267. Iran-Syria-Iraq Relations. An Analysis of the Difference // Al-Watan al-Arabi, – 1991. №10, – p. 45-50.
268. Iran-Iraq Relations Remain Sour // IPS News, –1999. №45, p.21-22.
269. Iran-Iraq Relations Continue to Improve with Trade and Religious Visits // Arabicnews, – 1998. №53, – p. 6-9.
270. Iraq agrees oil for food deal with UN // The Middle East, –1996. №7, –p. 7-12.
271. Iraq exports oil to Syria // BBC News, – 2000. №87, – p.10-11.
272. Iraq Sanctions: Humanitarian Implications and Options for the Future // Global Policy Forum, – 2002. №6, – p.54-59.
273. Iraqi Aggression on Kuwait. The Truth and the Tragedy / – Kuwait: Al-Manar, – 1984. – 172 p.
274. Issi, Kh. The Shatt al-Arab Dispute / Kh. Issi. – Groningen, – 1971. –108 p.
275. Ismail, T. Iraq-Iran: Roots of Conflict / T. Ismail. – New York: Syracuse Univer. Press, – 1984. – 276 p.

276. Jaber, N. Iraq – West Confrontation: Background and Reactions // Middle East International, –1990. №373, – p.3-10.
277. Kaplan, L.F., Kristol, W. War over Iraq: Saddam's tyranny and America's mission / L.F. Kaplan, W. Kristol. – California: Encounter Books, – 2003. – 170 p.
278. Karsh, E. The Iran-Iraq War: Impact and Implications / E. Karsh. – London: St. Martin's Press, –1992. – 238 p.
279. Kaslow, A. Iraq Looms Large // The Middle East, – 1990. №183, – p.12-19.
280. Keegan, J. The Iraq war / J. Keegan. – New York: Knopf, – 2004. – 321 p.
281. Kelly, Y.B. Arabia, the Gulf and the West / Y.B. Kelly. – New York: Basic Books, –1984. – 237 p.
282. Khadduri, M. Republican Iraq. A Study in Iraqi Politics since the Revolution of 1958 / M. Khadduri. – London: Oxford Univer. Press, –1969. – 327 p.
283. Khadduri, M. Socialist Iraq. A Study in Iraqi Politics since 1968 / M. Khadduri. – Washington: Middle East Institute, –1978. – 364 p.
284. Khadduri, M. The Gulf War: Origins and Implication of the Iraq-Iran Conflict / M. Khadduri. – London: Krosney Press, –1988. – 297 p.
285. Khan, A. Arab Leaders Fear Baghdad will be next // Middle East Times: Egypt Edition, –2000. №4, – p.2-4.
286. Kienle, E. Ba'th and Ba'th: The Conflict between Syria and Iraq. 1968-1989 / E. Kienle. – New York: Bantam, – 1990. – 219 p.
287. Kirgis, F. US-British Air Strikes on Target in Iraq: [electronic resource] / URL: <http://www.asil.org/insights/insigh62.html>
288. Kuniholm, B. Persian Gulf and the United State Policy / B. Kuniholm. – California: Regina Books, – 1984. – 264 p.
289. Lafeber, W. America, Russia and the Cold War (1945-1996) / W. Lafeber. –Washington: MacMillan, – 1997. – 372 p.
290. Longrigg, S. The Claim of Kuwait // Petroleum Times, – 1963. №167, – p.143-147.
291. Lopez, G., Cortright, D. Containing Iraq: Sanctions Worked // Foreign Affairs, – 2004. №4, – p. 32-36.

292. Makiya, K. Republican of Fear: The Politics of Modern Iraq / K. Makiya. – London: Pantheon Book, – 1987. – 317 p.
293. Marr, Ph. The Modern History of Iraq / Ph. Marr. – Washington: Westview Press, – 1985. – 354 p.
294. Marr, Ph. Turkey and Iraq. Reluctant Neighbor: Turkey's Role in the Middle East / Ph. Marr – Washington: Boulder, –1996. – p. 216.
295. Martin, L.G. The Unstable Gulf: Threats from within / L.G. Martin. – London: Lexington Books, – 1984. – 214 p.
296. Maull, H., Risk, O. The Gulf War. Regional and International Dimensions / H. Maull, O. Risk. – London: St. Martin's Press, – 1989. – 203 p.
297. Mazidi, F.A. The Future of the Gulf: Legacy of the War and the Challenges of the 1990's. / F.A. Mazidi. – London: St. Martin's Press, – 1993. – 198 p.
298. Mazzur, M.Y., Snider D.M. Desert Storm. The Gulf War and What We Learned / M.Y. Mazur. – Boulder: Janes Publishing, –1993. 178 p.
299. McGoldrik, D. From '9-11' to 'Iraq War'. International Law in an Age of Complexity / D. McGoldrik. – Oxford: Hart Press, – 2004. – 380 p.
300. McDowall, D. Modern History of the Kurds / D. McDowall. – London: I.B. Tauris, – 2002. – 415 p.
301. Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 9 September 2003: [electronic resource] / URL: // <http://www.mfa.gov.eg>
302. Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 16 November 2003: [electronic resource] / URL: // <http://www.mfa.gov.eg>
303. Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. 30 December 2010: [electronic resource] / URL: // <http://www.mfa.gov.eg>
304. Moens, A. The foreign policy of George W. Bush: values, strategy and loyalty / A. Moens. – Cornwall: Ashgate Publishing Ltd., – 2004. – 227 p.
305. Muftiler, M. Sovereign Creations: Pan-Arabism and Political Order in Syria and Iraq / M. Muftiler. – Washington: Cornell Univer. Press, –1996. – 280 p.
306. Muftiler, M. Turkey's Predicament the Post-Cold War Era // Futures, – 1996. №3, – p.255-261.

307. Musallam, M.A. The Iraqi Invasion of Kuwait: Saddam Hussein, his International Power Politics / M.A. Musallam. – London: I.B. Tauris, – 1996. – 215 p.
308. National Security Strategy of the United States. September 2002: [electronic resource] / URL: // <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.htm>
309. National Strategy for Victory in Iraq: [electronic resource] / URL: // <http://www.whitehouse.gov/new/infocus/iraqstrategynov2005.htm>
310. National Security Strategy of the United States. May 2010: [electronic resource] / URL: // <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss.viewer/national.securitystrategy>
311. Navias, M. Tanker Wars: The Assault on Merchant Shipping during the Conflict / M. Navias. – London: I.B. Tauris, – 1996. – 213 p.
312. Nye, J., Smith K. After the Storm. Lessons from the Gulf /J. Nye., K. Smith. – New York: Nadison Books, – 1992. – 412 p.
313. O’Balance, E. The Gulf War / E. O’Balance. – London: Brassey’s Publishers, – 1988. – 213 p.
314. Parrott, J.B. The Response of Saudi Arabia to the Iran-Iraq War // Journal of South Asia and Middle Eastern Studies, –1986. №12, – p. 42-56.
315. Penrose E. Industrial Policy and Performance in Iraq. The Integration of Modern Iraq. – London: Croom Helm, – 1979. –p.151-169.
316. Penrose, E.F. Iraq: International Relations and National Development / E.F. Penrose. – London: Benn, – 1978. – 569 p.
317. President Saddam Hussein’s Speech on Army Day. – Baghdad: Al-Thawra, – 1986. – 74 p.
318. Quandt, W.B. Saudi Arabia in the 1980’s. Foreign Policy, Security and Oil / W.B. Quandt. – Washington: Ashgare Press, –1981. – 247 p.
319. Rajaei, F. Iran-Iraq War. The Politics of Aggression / F. Radjaee. – New York: Brill, – 1993. – 289 p.
320. Ramazani, R.K. Iran Foreign Policy: Both North and South // The Middle East Journal, – 1998. №2, – p. 391-399.
321. Ramazani, R.K. Revolutionary Iran Challenger and Response in the Middle East

- / R.K. Ramazani. – Baltimore: The John Hopkins Univer.Press, – 1986. – 272 p.
322. Resolutions of the United Nations Security Council and statements by its president concerning the situation between Iraq and Kuwait (2 August 1990 – 16 November 1994) / – New York: UN, – 1994. – 173 p.
323. Ritter, S. Endgame: Solving in the Iraq Problem – one and for all / S. Ritter. – New York: Simon & Shuster, –1999. – 242 p.
324. Rosen, G. The right war? The conservative debate on Iraq / G. Rosen. – New York: Cambridge Univer. Press, – 2005. – 236 p.
325. Rosen, B., Ross, A. Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security, – 1996/1997. №3, – p. 35-41.
326. S/RES/687 (1991): [electronic resource] / URL: // <http://www.un.org/Depts/op/skrs/skr687onu.html>
327. Saddam Stays in Charge // The Middle East, –1999. №2, – p. 12-17.
328. Saddam wants his bomb // The Middle East, – 1990. №5, – p. 8-13.
329. Salinger, P. The United States and United Nations the Gulf War // The Middle East Journal, –1995. №4, – p. 598-608
330. Sammers, H. Critical Analysis of the Gulf War / H. Sammers. – New York: Dell Books, – 1992. – 238 p.
331. Sayigh, Y. Iraq's Ambitions: Arms Producer and Regional Power // Middle East International, – 1990. №373, –p. 2-10.
332. Sayigh, Y. The Middle East Strategic Balance // Middle East International, – 1990. №378, – p.13-18.
333. Sciolino, E. The Outlaw State: Saddam Hussein's Quest for Power and Gulf Crisis / E. Sciolio. – New York: John Wiley & Sons Inc., – 1991. – 207 p.
334. Secretary of State Addresses the U.N. Security Council. Secretary Powell Addresses The United Nations: [electronic resource] / URL: // <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/02/20030205-1.html>
335. Secretary Council Resolution 1483: [electronic resource] / URL: // <http://www.un.org/documents>
336. Selections from Iraq-Iran Dispute /– Baghdad: Dar at-Talia, – 1983. – 325 p.

337. Seymour, A. Nasser for the Ba'th // *Statist*, – 1963. №47, – p. 401-403.
338. Shalom, S.R. The United States and Iran-Iraq War // *The Magazine*, – 1991. №2, – p. 14-17.
339. Sick, G. Iran Quest for Superpower Status // *Foreign Affairs*, – 1987. №4, – p. 697- 699.
340. Simons, G. Iraq: From Sumer to Saddam / G. Simons. – London: Macmillan Press, – 1996. –237 p.
341. Simpson, J. The War against Saddam / J. Simpson. – London: St. Martin's, – 2003. – 352 p.
342. Some theoretical principles approved by the 6-th National Congress / – Beirut: Dar al-Talia, – 1964. – 100 p.
343. Spryer, J. Europe and Iraq: Test Case for the Common Foreign and Security Policy // *The Middle East Review of International Affairs*, – 2007. №2, – p.152-161.
344. Stork, Y., Wenger, M. U.S. Ready to Intervene in the Gulf War // *MERIP Report*, –1984. №125/126, – p. 42-47.
345. Terril, W.A. Saddam's Closest Ally: Jordan and the Gulf // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, – 1985. №2, – p. 109-114.
346. The Message of the Foreign Affairs of the State of Kuwait to the Secretary General of the Arab League Ch. Quseibi. – Al-Kuwait, – 1990. – 4 p.
347. The Political Analysis of Present Arab Condition: issued by the National Leadership of the Arab Ba'th Socialist Party /– Baghdad: Al-Hurriya Press, –1975. – 85 p.
348. The Political Report adapted by the 8-th Regional Congress of the Arab Ba'th Socialist Party in Iraq /– Baghdad: Dar at-Talia, –1974 – 170 p.
349. The Political Report of the 9-th Congress of the Arab Ba'th Socialist Party in Iraq /– Baghdad: Dar at-Talia, – 1982. – 159 p.
350. The Political Statement of the 7-th Regional Conference of the Socialist Arab Ba'th Party /– Baghdad: Al-Hurriya, – 1969. – 83 p.
351. The United Nations and the Iraq-Kuwait Conflict.1990–1996 / – New York: UN Press, – 1996. – 210 p.

352. Tripp, Ch. Iran and Iraq at War / Ch. Tripp. – Washington: Routledge, – 1989. – 213 p.
353. Turner, A. Iraq: Pragmatic Radicalism in the Fertile Crescent // Current History, – 1982. №46, – p.15-19.
354. Turunc, H. Turkey's global strategy: Turkey and Iraq // – London: London School of Economics and Political Science, – 2001. – p. 40-44.
355. UNISEF. Iraq, Situation Analysis of Children and Women in Iraq /– Baghdad: [n.p.] – 1998. – p. 33-98.
356. UN Observation Mission Briefing by Executive Director of the Iraqi Program: [electronic resource] / URL: // www.globalpolicy.org/security/sanction/iraq/00-04-25.html
357. UN Resolution 660 (1990): [electronic resource] / URL: // <http://home.achilles.net/~sal/un-ros/un-ros-0660-.html>
358. UN Resolution 661 (1990): [electronic resource] / URL: // <http://www.un.org/Depts/op/skrs/skr661onu.html>
359. UN Resolution 664 (1990): [electronic resource] / URL: // <http://les.net/ros/un0664.html>
360. US, UK & Spain Draft UN Security Council Resolution on Iraq Foreign & Commonwealth Office News: [electronic resource] / URL: // <http://home.un-ros/un-ros-02003.html>
361. Waiting for the Next Iraqi Crisis // Economist, – 1998. №34, – p. 45-46.
362. Walsh, D. Dual Containment: Successes, Failures and Prospects for Change in Policy: [electronic resource] / URL: // <http://www.lib.Utah.edu/epubs/hincley-walsh.html>.
363. Weapons Sanctions aren't working // The Middle East, –1993. №226 – p.14-15.
364. Wiley, J.N. The Islamic Movement of Iraqi Shi'as / J.N. Wiley. – London: Rienner Publishing, – 1992. – 356 p.
365. Yearbook of the United Nations / – New York: Office of Information, –1991. – 320 p.

На арабском языке

366. البكرأ. ح. الثورة على طريق التقدم. بغداد، دار التليعة، ١٩٧٧، ٢٣٤ ص
367. عبد الكريم س. اراء الحركة الشيوعية في العراق . بيروت، دار الحرية، ١٩٧٩، ٢٨٥ ص
368. العزة ح.ى. مشكلة شط العرب في ظل المعاهدات و القانون. بغداد، الثورة، ١٩٨٠، ٢٣٩ ص
369. عزيز ط. الصراعة العراقية الايرانية. اسئلة و مناقشات. بيروت، دار التقدم، ١٩٨٠، ١٧٥ ص
370. العلوي ح. الشيع و الدولة القومية في العراق. ١٩٩٠- ١٩١٤، لندن، ١٩٩١، ٤٣٩ ص
371. الاسود ف. ش. الحدود العراقية الايرانية. بغداد، الثورة، ١٩٧٠، ٢٥٣ ص
372. البدرى ج. ر. الخليج العربي في المنهاج القومي. بغداد، الثورة، ١٩٨٠، ٣٣٦ ص
373. البيان رقم واحد لمجلس قيادة الثورة في العراق- مصير الثورة. بغداد، ١٩٧٠، دار الحكمة، ٥٤٠ ص
374. الضابط ت. س. العلاقات الدولية و معاهدات الحدود بين العراق و الايران ، بغداد، دار التقدم، ١٩٩٤، ٢٩٥ ص
375. الزبيدى ل. ع. ج. ثورة ١٤ تموز ١٩٥٨ في العراق. بغداد، دار الحرية، ١٩٧٩، ٤٥٨ ص
376. الجمهورية العراقية . وزارة الخارجية . النزاع العراقى الايرانى مزاعم ايران. بغداد، ١٩٨١
377. الجمهورية العراقية. وزارة التخطيط. احصاء ات التجارة الخارجية ، بغداد، ١٩٧٥
378. الجهود السلام الدولية لا يقاف الحرب العراقية الايرانية، بغداد، المستقبل، ١٩٨٥، ١٥٧ ص
379. الايداع الايرانى للتطرق متابعة متابعة اقول خومينى و بغداد، الحرية، ١٩٨٢، ٢١ ص
380. القاسم ج. ز. تاريخ الخليج العربى الحديث و المعاصرة، المدينة ، دار الحكمة، ١٩٩٦، ٢٢ ص
381. القاسمى ح. العجود الايرانى و الخليج العربى، القاهرة، دار المزان، ١٩٨٤، ٢٣٠ ص
382. الصليحي م. الزلزل هفايا الايام الدامية ، بيروت، دار الحكمة، ١٩٩٨، ٢٣٥ ص
383. السلطان س. م. فى تاريخ الكويت، القاهرة، التشرين، ١٩٥٩، ٢٩٧ ص
384. الصراعة الطرقية الفارسية، بغداد، الثورية، ١٩٨٢، ٢٩٠ ص
385. السريق ع. الاسلام فى السياسة الخارجية السعودية، الرياض، المكتب الثقافى، ١٩٩٩، ٣٨٢ ص
386. المكتب الثقافى القومى. لمحات من نضال البعث، ١٩٧٤-١٩٤٧، بغداد، ١٥ م
387. المناقشة البرلمانية الامريكية المستمرة حول الاختمامات الولاية المتحدة و سياستها فى منطقة الخليج العربى، البصرة، الجماهير، ١٩٨٢، ١٩ ص
388. المؤتمر القومى السبع لحزب البعث العربى الاشتراكى، دمشق، التشرين، ١٩٦٤، ١٥٤ ص
389. المؤتمر الصحفى لسيد الرئيس، بغداد ، الثورة، ١٩٢٩، ٣٢ ص
390. النزاع العرقى الايرانى فى القانون الدولى الدفاع الشرعى فى وجه العضوان، بغداد، دار التليعة، ١٩٨١، ١٤٥ ص
391. النجار م. ع. التاريخ السياسى لعلاقات العراق بالخليج العربى، بغداد، الثورة، ١٩٨٩، ٣٢٠ ص
392. الرجيحى س. ع. علاقات المملكة العربية السعودية بى دول الخليج، الرياض، المكتب الحكمة، ١٩٩٩، ٤٢٠ ص
393. الرد العراقى على رسالة الرئيس عبد الناصر الى الرئيس العراقى البكر الوثائق العربية، ١٩٧٦-١٩٧٠، بيروت، دار الحكمة، ٤٢٠ ص
394. التقرير المركزى للمؤتمر القطرى التاسعة ، بغداد، الثورة، ١٩٨٢، ١٢٥ ص
395. الحركة التصحيحية من المؤتمر القومى العشر الاستثنائى الى المؤتمر القومى الثالث عشرة، ١٩٨٠-١٩٧٠، دمشق، الحرية، ٣٩١ ص
396. عفلق م. فى سبيل البعث، بيروت ، دار الحكمة، ١٩٧٥، ٣٢٥ ص
397. عفلق م. معركة المصير الوحيد، بيروت، دار الحكمة، ١٩٧٥، ٢٩٨ ص

398. الحوية العراقية للكويت، بغداد، المنار، ١٩٩٠، ٢٢٧ ص
399. الشريف م. ف. السياسة الخارجية للمملكة العربية السعودية في المجال الاسلامي، الرياض، الثقافة، ١٩٩٩، ٣٤٨ ص
400. الوثائق العربية، ١٩٧٦-١٩٧٠، بيروت، دار الحكمة، ٥٥٠ ص
401. اليسرى م. العراق و المجتمع الدولي، بيروت، دار السلام، ٢٠١٠، ٣٩٦ ص
402. براك ب. الصراع الدولي في منطقة الخليج العربي و المحيط الهندي و تأثيرها على اقطار الخليج العربي، بغداد، المنذ، ١٩٨٠، ٣٦٠ ص
403. براك ب. استراتيجية الامن القومي، اراء و افكار، بغداد، الثورة، ١٩٨٦، ٢٢٠ ص
404. بيان القيادة القومية و مجلس قيادة الثورة و القيادة القطرية لحزب البعث العربي الاشتراكي حول مشروع الملك حسين حول اقامة المملكة العربية المتحدة الوثائق العربية، ١٩٧٦-١٩٧٠، بيروت، دار الحكمة، ٥٩٦ ص
405. بيان مجلس وزراء خارجية الدول العربية، القاهرة، المنار، ١٩٩٠، ١٤٠ ص
406. بيان المباحثات العراقية الكويتية اثناء زيارة السيد مرتضا سعيد عبد البقي عضو مجلس قيادة الثورة و زير الخارجية العراقية للكويت، بغداد، الثورة، ١٩٧٢، ١٩ ص
407. دراسة تاريخية لمعهدات الحدود الشرقية للوطن العربي ، بغداد، الحرية، ١٩٨١، ١٨٣ ص
408. قاسم أ. ك. جمهورية، ١٩٩٠، ١٩٢ ص
409. حسين ص. اراء الدين و الميراث ، بغداد، الثورة، ١٩٧٩، ٢٩١ ص
410. حسين ص. ارادها الله شرفا و عزا و مجدا، بغداد، دار الحرية، ١٩٩٢، ١٩٣ ص
411. حسين ص. جيش الشعب، بغداد، الثورة، ١٩٩٨، ١٧٣ ص
412. حسين ص. العراق و السياسة الدولية ، بغداد، دار التليعة، ١٩٨١، ١٩٦ ص
413. حسين ص. العنان القومي: استجابة لدعوة المؤليات القومية ، بغداد، الثورة، ١٩٨٠، ١٠٥ ص
414. فرح إ. تطور الايديولوجية العربية المعاصرة، بيروت ، دار الحكمة، ١٩٧١، ٢٩٨ ص
415. فرح إ. تطور الايديولوجية العربية الثورية ، بيروت ، المنار، ١٩٧٢، ٢٦٥ ص
416. مراد ح. أ. حرب الخليج انعكاستها على الامن القومي العربي، بغداد، الثورة، ١٩٨٧، ٣٤٠ ص
417. محمد ح. القضية القومية و محاولة تشويج. برنمجا النضالية ، بغداد، دار الحكمة، ١٩٨٠، ٣٦٧ ص
418. ربيع ح. تحديدات الامن القومي العربي الامن القومي، بغداد، ١٩٨٥، ٢٩٠-٢١ ص
419. سعيد ح.، محسن ع. المنازلة الكبرى و قائدها المقدمات و الوقائع ، بغداد، الثورة، ١٩٩٨، ٢٨٤ ص
420. ثورة في مرحلتها الجديدة الثقافة الجديدة، بغداد، ٩٢، ١٩٨٠ - ٩١ ص
421. الوثائق المؤتمرات العالمي الشعبي للسلام المناقد في بغداد للفترة ٢٧-٢٥ ايار ١٩٨٨، بغداد، الثورة، ١٩٨٨، ٥٦ ص
422. وزارة الثقافة و الاعلان . الدستور الموقت ، بغداد، الثورة، ١٩٧٩، ١٢٠ ص
423. ايداح من مصدر مسؤول حول رسالة الرئيس عبد الناصر الى الرئيس البكر الوثائق العربية، ١٩٧٤-١٩٧٠، بيروت، دار الحكمة، ٣٦٥ ص
424. مصير الثورة، بغداد، الثورة، ١٩٧٤-١٩٤٨، ٥٤٢ ص
425. نضال البعث في سبيل الوحدة و الحرية و الاشتراكية، ١٩٧٦-١٩٤٢، ج ١١-١ بيروت، دار الحكمة، ٥٦٠ ص
426. نافع أ. الفتنة الكبرى. اصيفة الخليج ، القاهرة، المنار، ١٩٩٢، ٢٥٥ ص
427. موجز انجازات مجلس التعاون لدول الخليج العربية، الكويت، ١٩٩٧، ٢٢ ص
428. مجلس وزراء الخريجية العرب يرخب بقرار مجلس الامن تيجح العراق الاشرق الاوسط، ٢٠٠٢، ٢٣ ص

429. مجلس الجمعية العربية مرفض اى تحديد بعضوان على العراق الشرق الاوسط، ٢٠٠٠، ص ٣٥
430. ثمو وزير الخريجية الاجاز الصحفى الدورى الرياض، ٢٠٠٣، ص ٥٢

Интернет ресурсы

431. <http://obzor.westsib.ru>
432. <http://rodon.org>
433. <http://www.ahewar.org>
434. <http://www.aljazira.net>
435. <http://www.arabicnews.com>
436. <http://www.iimes.ru>
437. <http://www.lib.Utah.edu>
438. <http://www.rand.org>
439. <http://www.rususa.com>
440. <http://www.un.org>
441. <http://www.whitehouse.gov>